

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. – д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. – д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. – д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. – д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. – д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. – д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. – д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. – д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. – д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (К2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 – Демография (социологические науки), 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 – Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

А.Д. Капарчук

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rg.ru можно оформить подписку на 2024 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 15.07.2024 г.

Формат 60×90/8

Объем 29,5 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 29 экз.)

Заказ № 117_Г

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (Economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

LR No. 020715 from 02.02.1998

Signed to print 15.07.2024

Format 60×90/8

Size 29,5 printed sheets

Offset paper

Digital printing

Circulation 1000 copies

(the first factory 29 copies)

Print order No. 117_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99

State University of Management

Tel.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УПРАВЛЕНИЯ

- Бобко Т.В., Иванова Е.В., Надеева Д.А.**
К вопросу о предотвращении кадровых коррупционных
рисков в организации 5
- Беляев А.М., Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А.**
Модернизация Народно-освободительной армии Китая..... 16

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

- Ши Линь, Бодяко А.В.**
Оценка моделей систем управления компаниями 22
- Оводенко Д.В., Тюкавкин Н.М.**
Сетевые структуры и их роль в развитии
инновационно-интеллектуальной деятельности
субъектов хозяйствования 31
- Смирнов А.Ю.**
Торговля Российской Федерации технологиями
с зарубежными странами в 2006–2021 гг. 38

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Афанасьев В.Я., Байкова О.В., Большакова О.И.,
Романцов А.А.**
Создание стимулов для развития нефтегазохимии
в условиях санкционной экономики 45
- Великая О.А.**
Механизм стратегического развития для улучшения
конкурентоспособности и устойчивости
металлургических предприятий 55
- Лисица А.А.**
Организационно-экономический механизм развития
инфраструктуры в сфере таможенных услуг:
региональный аспект 62
- Погорелова Л.А., Куликов М.М.**
Национальный проект «Производительность труда»
в Ростовской области: влияние на экономику региона 75
- Софьянникова И.Ю.**
Актуализация перечня таможенных услуг как один
из способов трансформации..... 85
- Шацкий А.А.**
Анализ формирования и сбалансированного развития
региональных экономических систем..... 94

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Апенько С.Н., Лукаш А.В.**
Постдипломные стратегии молодежи цифрового
поколения: трудоустройство и миграция 100
- Володина А.О., Траченко М.Б.**
Устойчивый рост как следствие реализации концепции
устойчивого развития китайских компаний 112
- Климченя Л.С.**
Развитие концепций трансформации розничной торговли
под влиянием промышленных революций..... 121
- Коркин М.А.**
Комплексный анализ латентных резервов развития
инновационного потенциала 130
- Кузнецова Е.В., Стрекаловский И.А.**
Анализ рынка общественного питания
Пензенской области 136
- Лебедев В.В., Терпугов А.Е.**
Сравнительный анализ современных теоретических
подходов к устойчивому развитию экономики 145

Махамат М.М.

Современное состояние международных экономических
отношений между Россией и Африканскими странами..... 152

Сергеев А.И., Сергеев Д.А.

Влияние прибыльности в продовольственной сфере
на здоровье 159

ФИНАНСЫ
И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Прохоров В.В., Рожнов И.П.

Методы долгосрочного планирования корпоративного
финансирования 171

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

Гиваргизова Н.А.

Роль эмоционального интеллекта в управлении
межличностными конфликтами в профессиональной среде..... 180

Филиндаш А.В.

Социокультурный ресурс управленческой стратегии
современного Китая..... 189

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

Баканова А.А.

Тревога в период пандемии: экзистенциальные основания
и способы совладания 199

Кочеткова Т.Н.

Феномен прокрастинации..... 212

Цветкова Н.А.

Социальная тревога у студентов социогуманитарных
направлений профессиональной подготовки 220

Щукина О.Г.

Трансформация ревности в романтических отношениях
и ее катализаторов в цифровую эпоху..... 229

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

T.V. Bobko, E.V. Ivanova, D.A. Nadeeva
On the issue of preventing personnel corruption risks in the organization5

A.M. Belyaev, F.F. Sharipov, M.A. Dyakonova
Modernization of the Chinese People's Liberation Army..... 16

STRATEGIES AND INNOVATIONS

Shi Lin, A.V. Bodyako
Company management systems models evaluation..... 22

D.V. Ovodenko, N.M. Tyukavkin
Network structures and their role in the development of innovative and intellectual activity of business entities 31

A.Yu. Smirnov
Russia's technology trade with foreign countries in 2006–2021 38

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

V.Ya. Afanasiev, O.V. Baykova, O.I. Bolshakova, A.A. Romantsov
Creating incentives for petrochemistry development in sanctioned economy..... 45

O.A. Velikaya
A strategic development mechanism to improve the competitiveness and sustainability of metallurgical enterprises 55

A.A. Lisitsa
Organizational and economic mechanism of infrastructure development in the field of customs services: regional aspect... 62

L.A. Pogorelova, M.M. Kulikov
The national project "Labor Productivity" in the Rostov Region: impact on economy of the region..... 75

I.Yu. Sofiyannikova
Updating customs services list as one of the means of transformation 85

A.A. Shatsky
Analysis of formation and balanced development of regional economic systems 94

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

S.N. Apenko, A.V. Lukash
Postgraduation strategies for youth of the digital generation: employment and migration 100

A.O. Volodina, M.B. Trachenko
Sustainable growth as a result of implementing the concept of sustainable development of Chinese companies..... 112

L.S. Klimchenia
Retail transformation concepts development under the influence of industrial revolutions..... 121

M.A. Korkin
Comprehensive analysis of latent reserves of innovative potential development..... 130

E.V. Kuznetsova, I.A. Strekalovsky
Analysis of the public catering market in the Penza region 136

V.V. Lebedev, A.E. Terpugov
Comparative analysis of modern theoretical approaches to sustainable economic development..... 145

M.M. Mahamat
The current state of international economic relations between Russia and African countries..... 152

L.I. Sergeev, D.L. Sergeev
Profitability impact on health in the food sector..... 159

FINANCE AND BANKING

V.V. Prokhorov, I.P. Rozhnov
Methods of long-term planning of corporate financing 171

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

N.A. Givargizova
The role of emotional intelligence in interpersonal conflicts management in professional environment..... 180

L.V. Filindash
Socio-cultural resource of management strategy of modern China 189

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

A.A. Bakanova
Anxiety during the pandemic: existential grounds and ways of coping..... 199

T.N. Kochetkova
The phenomenon of procrastination 212

N. A. Tsvetkova
Social anxiety among students of socio-humanitarian areas of professional training..... 220

O.G. Shchukina
Transformation of jealousy in romantic relationships and its catalysts in digital age 229

К вопросу о предотвращении кадровых коррупционных рисков в организации

Бобко Татьяна Владимировна

Ст. преп. каф. менеджмента и отраслевой экономики
ORCID: 0000-0003-4973-0189, e-mail: btv.27.nov@mail.ru

Иванова Елена Владимировна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента и отраслевой экономики
ORCID: 0000-0003-3174-0426, e-mail: ivanovaev75@mail.ru

Надеева Дарья Андреевна

Студент
ORCID: 0009-0006-6715-5092, e-mail: darya.nadeeva002@mail.ru

Сибирский государственный индустриальный университет, г. Новокузнецк, Россия

Аннотация

На примере сервисной компании показана необходимость предотвращения коррупционных рисков, разработки и внедрения Положения об антикоррупционной политике (далее – Положение) и ее реализации даже в небольших компаниях. Проанализированы потенциальные коррупционные риски. Проведена оценка вероятности возникновения, а также воздействия рисков на цели и результаты компании. Разработаны карты коррупционных рисков до и после внедрения Положения и представлены ожидаемые результаты. Цель исследования заключается в оценке значимости внедрения антикоррупционной политики для организаций разных масштабов в рамках современных социально-экономических реалий. Поставлены следующие задачи: раскрыть сущность коррупционных рисков на основе анализа текущей ситуации в области преступности в Российской Федерации; провести анализ специфики деятельности сервисной компании с точки зрения антикоррупционной политики; составить карту рисков на основе заранее установленного перечня характерных для сервисной компании потенциальных коррупционных рисков; разработать Положение об антикоррупционной политике; оценить ожидаемый эффект для организации от его внедрения. Для достижения обозначенной цели и решения указанных задач использованы такие методы исследования, как социальный аудит, литературный обзор, изучение документальных источников, анализ, аналогия, описание, синтез и обобщение полученных данных. Применение совокупности вышеперечисленных методов исследования позволило наиболее объективно и всесторонне изучить, а также оценить влияние кадровых коррупционных рисков на цели компании, ее траекторию развития, степень социальной ответственности перед всеми заинтересованными сторонами (сотрудниками, партнерами, потребителями и т.д.).

Ключевые слова

Риск, коррупционный риск, кадровый риск, карта рисков, антикоррупционная политика, положение об антикоррупционной политике, социальный аудит

Для цитирования: Бобко Т.В., Иванова Е.В., Надеева Д.А. К вопросу о предотвращении кадровых коррупционных рисков в организации // Вестник университета. 2024. № 6. С. 5–15.

On the issue of preventing personnel corruption risks in the organization

Tatyana V. Bobko

Senior Lecturer at the Management and Industry Economics Department
ORCID: 0000-0003-4973-0189, e-mail: btv.27.nov@mail.ru

Elena V. Ivanova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management and Industry Economics Department
ORCID: 0000-0003-3174-0426, e-mail: ivanovaev75@mail.ru

Darja A. Nadeeva

Student
ORCID: 0009-0006-6715-5092, e-mail: darya.nadeeva002@mail.ru

Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russia

Abstract

The example of a service company demonstrates the need to prevent corruption risks, develop and implement a Regulation on Anti-Corruption Policy (hereinafter – the Regulation) and its implementation even in small companies. Potential corruption risks have been analyzed. The occurrence probability and the risks impact on a company's goals and results have been assessed. The corruption risks map before and after the Regulation implementation have been developed and the expected results presented. The purpose of the study is to assess the importance of implementing anti-corruption policy for organizations of different sizes in the framework of modern socio-economic realities. The following objectives have been set: to disclose the corruption risks essence based on the analysis of the current crime situation in Russia; to analyze the specifics of a service company's activities from the point of view of anti-corruption policy; to draw up a risk map based on a predetermined list of potential corruption risks typical for a service company; to develop a Regulation on anti-corruption policy; to assess the expected effect on the organization from its implementation. In order to achieve the stated goal and solve the specified tasks, such research methods as social audit, literature review, documentary sources study, analysis, analogy, description, synthesis, and generalization of the obtained data were used. The application of the above mentioned research methods allowed the most objective and comprehensive study and assessment of the HR corruption risks impact on a company's objectives, its development trajectory, and the social responsibility degree to all stakeholders (employees, partners, customers, etc.).

Keywords

Risk, corruption risk, personnel risk, risk map, anti-corruption policy, regulations on anti-corruption policy, social audit

For citation: Bobko T.V., Ivanova E.V., Nadeeva D.A. (2024) On the issue of preventing personnel corruption risks in the organization. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 5–15.

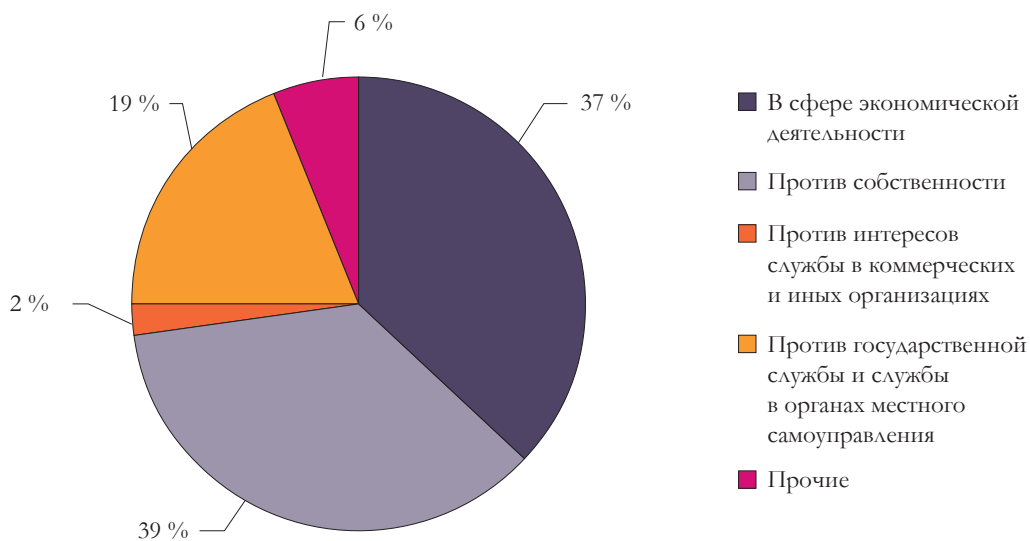
ВВЕДЕНИЕ

Коррупционный риск представляет возможность осуществления коррупционного правонарушения сотрудниками организации или иными лицами в собственных интересах. Он влечет за собой материальные, финансовые, репутационные и другие виды потерь организации и свойственен компаниям любых организационно-правовых форм и сфер деятельности. Реализация данного риска, как правило, приводит к возникновению острых проблем развития организации, способствующих как замедлению темпов ее экономического роста, так и подрыву моральных и этических норм ее сотрудников. Возникновение этого риска обусловлено человеческим фактором – стремлением использовать служебное положение в личных целях ради обогащения или укрепления собственного статуса, что является достаточно распространенным явлением. Для повышения эффективности превентивных мер при управлении коррупционными рисками требуются не только использование подходов, предусмотренных антикоррупционным законодательством федерального уровня, но и применение инструментария, позволяющего учитывать специфику внутрикорпоративных отношений, особенности корпоративной культуры организации.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статистика Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – РФ, Россия) показывает, что за январь–ноябрь 2023 г. в России было выявлено 34,428 тыс. преступлений коррупционной направленности. Это на 3,18 % выше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост преступлений, связанных со взяточничеством, составил 3,5 %, связанных с коммерческим подкупом – 46,1 %, в том числе мелкий коммерческий подкуп вырос на 96,0 %¹.

Структура преступности в России за январь–ноябрь 2023 г. представлена на рис. 1.

Источник¹

Рис. 1. Структура преступности в России за январь–ноябрь 2023 г.

Как видно из рис. 1, почти 40 % преступлений в России совершаются в сфере экономической деятельности и против интересов компаний. В их состав включены кадровые риски, связанные, например, с получением незаконного вознаграждения или незаконным оформлением на работу по совместительству или гражданско-правовому договору граждан из числа родственников или близких друзей, которые получают заработную плату, но при этом фактически на рабочем месте не присутствуют, а также мотивационные риски [1].

В практике корпоративного управления широко применяется риск-ориентированный подход, основанный на принятии управленческих решений, направленных на предотвращение возможных рисков с учетом степени угрозы их возникновения.

¹ Министерство внутренних дел. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2023 г. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174/> (дата обращения: 01.04.2024).

Отечественные и зарубежные исследователи уделяют достаточно большое внимание изучению теоретических и практических вопросов предотвращения корпоративных рисков. Так, рискам в предпринимательстве посвящены работы А.А. Тарабик, Н.В. Клочковой и Е.А. Кольцова [2; 3]. Международный опыт управления рисками в организации представлен в научных исследованиях Л.М. Асильдеровой, Л.О. Гонзалеса, П.Д. Сантомила, А.Т. Херрера [4; 5]. Формированию алгоритма управления рисками в российских компаниях посвящена работа Т.А. Волковой и С.А. Волковой [6]. Организацию интегрированного риск-менеджмента в компании описала Е.П. Медведева [7]. Д.М. Драгичи обращает внимание на сложности оценки рисков, при этом Дж. Талбот совместно с управляющим директором компании Citadel Group Limited М. Джекманом представляют практическое руководство по оценке эффективности управления рисками [8; 9]. Дж. Р. Фразер и Б. Дж. Симкинс в своем исследовании приводят основные проблемы и возможные решения по внедрению системы управления рисками в компании [10].

Коррупционные риски также достаточно широко освещены в научной литературе. В частности, Р.Э. Фейзуллаева провела анализ коррупционных рисков фармацевтических компаний [11]. Д.В. Борзиков и И.В. Демиденко на примере аптечной сети представили классификацию рисков, отдельно выделив риски, связанные с взаимодействием с контрагентами в рамках исполнения договорных обязательств, а также вовлечением организации в противоправные действия [12]. Е.С. Богданова и Т.Ю. Феофилова сформировали матрицу рисков для субъектов сферы ритуальных услуг [13].

Особенностям корпоративной стратегии и предотвращения рисков в акционерных обществах посвятили свое научное исследование А.Д. Худжамуродов и Р.Д. Джахонгиров [14]. Внедрение программы аудита мошенничества предложено Л.В. Вона [15]. Управленческие решения, способствующие минимизации рисков сопротивления персонала, рассмотрены в работе А.В. Целуйко [16]. Л.С. Агеева и Т.А. Карпова описали пути минимизации рисков корпоративного мошенничества [17]. А. Лотфи, М. Салехи и М. Лари Даштбаяз оценили влияние интеллектуального капитала компаний на мошенничество с финансовой отчетностью [18].

Л.М. Прокументов, М.Е. Добрусина, Н.Г. Набеева показали, что кадровые риски занимают особое место среди коррупционных нарушений [19]. В своей статье они представили классификацию коррупционных рисков, описали методы оценки и предложили мероприятия, направленные на предотвращение рисков.

Специалист в области корпоративного мошенничества в Соединенных Штатах Америки и англоговорящих странах, бывший работник Федерального бюро расследований и основатель Ассоциации сертифицированных специалистов по расследованию хищений и мошенничества (ACFE) Дж. Т. Уоллс разработал справочник по предупреждению и выявлению корпоративного мошенничества, в котором описал основные области и схемы злоупотреблений на предприятиях [20].

Отмечая значительный вклад ученых в исследование сущности и видов корпоративных рисков, практики их оценки и разработки инструментов предотвращения на примере предприятий различных масштабов и форм собственности, следует отметить, что в условиях неопределенности и динамичности внешней среды вопросы обоснования теоретико-методических положений предотвращения коррупционных рисков остаются актуальными и требуют дальнейшего исследования в части риск-ориентированного подхода в корпоративном управлении, в том числе в управлении персоналом организации.

Сфера услуг характеризуется слабой защитой от многочисленных рисков, одним из которых является коррупционный риск. С целью разнообразия методов и инструментов по предотвращению коррупционных нарушений в организациях, формирования антикоррупционной организационной среды и противодействия коррупционному поведению персонала авторами настоящего исследования предлагается внедрение антикоррупционной политики на основе разработанного Положения об антикоррупционной политике (далее – Положение).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Антикоррупционная политика – это набор принципов, стандартов и мер, направленных на предотвращение, выявление и пресечение коррупционных практик внутри организации. Ее целью является обеспечение этичности, прозрачности и ответственности во всех сферах деятельности организации [21].

Многие организации пренебрегают внедрением антикоррупционной политики, основываясь на мнении о неважности данной процедуры. Для повышения эффективности антикоррупционной работы в компании необходимо выявить проблемные зоны при использовании сотрудниками своего должностного

положения. Для этого в статье приведен анализ специфики антикоррупционной деятельности на примере сервисной компании по предоставлению услуг рабочего персонала (грузчиков и разнорабочих) с целью идентификации коррупционных рисков, разработки мероприятий по минимизации их воздействия, а также выявления преимуществ эффективного использования антикоррупционной политики в условиях исследуемой организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важно понимать, что для сервисной компании характерен высокий уровень вероятности возникновения коррупционных нарушений со стороны персонала, поскольку работа грузчиков-экспедиторов непосредственно связана с контактами с основными поставщиками организации, материальной ответственностью, учетом товарно-материальных ценностей, оформлением документов на прием и отправку грузов. Например, при сговоре с бухгалтером и работником склада грузчик-экспедитор может вносить недостоверные данные в приемо-сдаточную документацию, в результате чего создавать условия для хищения. Рабочий персонал, который, как правило, официально не трудоустроен, а также характеризуется высоким уровнем текучести, способен скрывать часть заработанных денежных средств за выполненные услуги. Бухгалтер компании, имеющий доступ к базе данных имущественного комплекса, может без объективных причин списывать расходные материалы, предназначенные для легковых и грузоподъемных автомобилей (антифриз, моторное масло, фильтры, тормозные колодки и т.д.), значительно сокращая финансовые ресурсы организации. Совокупность подобных отрицательных факторов предполагает принятие безотлагательных управленческих решений в области антикоррупционной политики для сервисных компаний.

Стоит отметить, что анализ возможности коррупционных действий был осуществлен методом социального аудита исследуемой организации. В процессе проведения социального аудита и анализа деятельности компании были изучены следующие аспекты:

- коррупционные риски компании;
- подразделения и/или должностные лица, ответственные за профилактику коррупционных и иных правонарушений в компании.

Министерством труда и социальной защиты РФ разработаны рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации². В табл. 1 представлены коррупционные риски, возникновение которых возможно в сервисной компании.

Таблица 1

Перечень коррупционных рисков сервисной компании по предоставлению услуг рабочего персонала

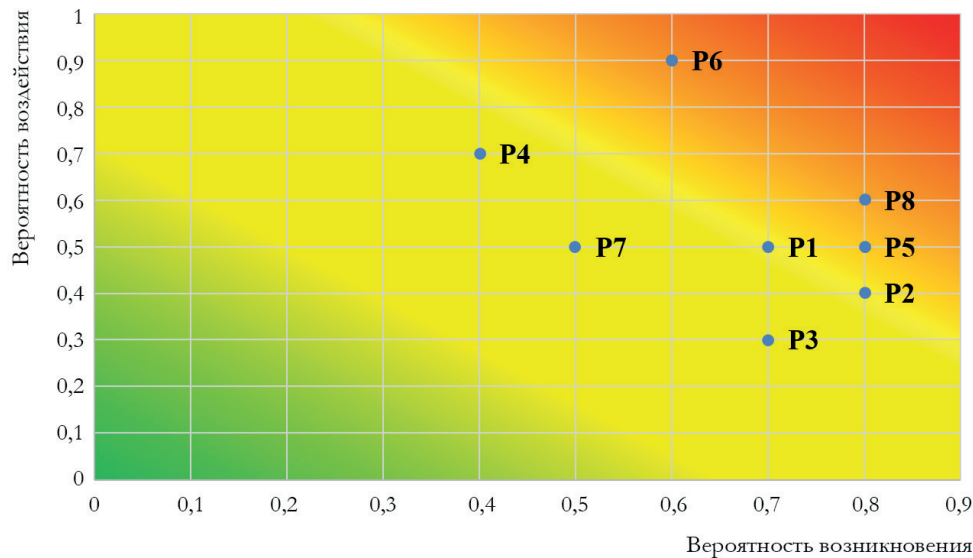
Обозначение/ наименование коррупционного риска	Наименование должности	Описание коррупционного риска	Вероятность возникновения риска € [0;1], доли ед.	Вероятность воздействия риска на цели фирмы € [0;1], доли ед.
P1 / Нарушение правил приема на работу	Генеральный директор; HR-менеджер	Предоставление преимуществ для трудоустройства, не предусмотренных законом	0,7	0,5
P2 / Нецелевое использование фонда оплаты труда	Генеральный директор; Бухгалтер	Полноценная оплата рабочего времени, несмотря на отсутствие сотрудника на рабочем месте	0,8	0,4

²Министерство труда и социальной защиты. Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации. Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-106-src-1568817604.7941.pdf> (дата обращения: 01.04.2024).

Обозначение/ наименование коррупционного риска	Наименование должности	Описание коррупционного риска	Вероятность возникновения риска € [0;1], доли ед.	Вероятность воздействия риска на цели фирмы € [0;1], доли ед.
Р3 / Превышение полномочий	Генеральный директор; Руководитель по работе с корпоративными клиентами; Руководители отделов	Использование своих должностных полномочий при решении личных вопросов; Использование конфиденциальной информации, полученной при выполнении трудовых обязанностей с целью удовлетворения личных или групповых потребностей	0,7	0,3
Р4 / Получение материальной выгоды в личных интересах	Бухгалтер	Несвоевременная постановка на регистрационный учет имущества; Умышленно досрочное списание материальных средств и расходных материалов с регистрационного учета без объективных причин; Отсутствие регулярного контроля наличия и сохранности имущества	0,4	0,7
Р5 / Взятничество	Генеральный директор; Руководитель по работе с корпоративными клиентами; Руководители отделов	Дарение подарков и оказание неслужебных услуг вышестоящим должностным лицам с целью извлечения личной выгоды	0,8	0,5
Р6 / Фальсификация отчетности	Руководитель по работе с корпоративными клиентами; Руководители отделов и их подчиненные; HR-менеджер; Бухгалтер	Искажение, сокрытие или предоставление заведомо ложных сведений в отчетных документах	0,6	0,9
Р7 / Злоупотребление доступом к информации	Руководители отделов и их подчиненные; HR-менеджер; Бухгалтер	Попытка несанкционированного доступа к информационным ресурсам организации	0,5	0,5
Р 8 / Предвзятое отношение руководства к подчиненным	Руководитель по работе с корпоративными клиентами; HR-менеджер	Необъективность выставления оценок; Завышение или понижение уровня требований к сотруднику; Завышение оценочных баллов в результате вознаграждения аттестационной комиссии	0,8	0,6

Составлено авторами по результатам исследования

На основе данных таблицы была составлена карта рисков (рис. 2). На карте отмечены точки, характеризующие положение того или иного риска по вероятности возникновения, а также вероятности воздействия на цели компании. Стоит отметить, что расположение риска в области «зеленой зоны» говорит о том, что на данном этапе он не представляет значительной угрозы для компании. Расположение риска в области «красной зоны», наоборот, предупреждает о высокой вероятности возникновения угрозы.

Составлено авторами по результатам исследования

Рис. 2. Карта коррупционных рисков сервисной компании по предоставлению услуг рабочего персонала

Из рисунка видно, что все коррупционные риски исследуемой организации находятся в «желтой» и «оранжевой» зонах карты, что говорит о средней вероятности возникновения и влияния рисков. Однако самые высокие значения по вероятности возникновения и влияния у риска P6 («Фальсификация отчетности») и риска P8 («Предвзятое отношение руководства к подчиненным»). В качестве вывода руководству организации рекомендовано обратить первоочередное внимание на данные коррупционные риски.

По результатам проведенного аудита было выявлено отсутствие регламентирующих документов, обеспечивающих систематическую антикоррупционную работу в организации. Однако, несмотря на ее отсутствие в сервисной компании, все сотрудники организации знают, чем грозит для них совершение коррупционных преступлений на основании уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)³.

Формально ответственными за противодействие коррупции являются генеральный директор и руководитель по работе с корпоративными клиентами. Последний собирает воедино всю отчетность по деятельности сотрудников, поэтому ему легче отследить любые сомнительные операции в организации.

Учитывая, что исследуемая организация подвержена влиянию коррупционных рисков, ее руководству предложено разработать и внедрить в действие Положение. Этапы его разработки представлены ниже:

- 1) определить цели и задачи, которые будут лежать в основе антикоррупционной политики;
- 2) проанализировать существующие правовые требования в области противодействия коррупции;
- 3) разработать проект Положения;
- 4) согласовать проект с заинтересованными сторонами;
- 5) утвердить и внедрить окончательный вариант Положения;
- 6) проинформировать работников о принятом в организации Положении;
- 7) реализовать предусмотренные положением антикоррупционные меры;
- 8) установить систему мониторинга соблюдения антикоррупционной политики и регулярно проводить анализ ее эффективности.

Важно понимать, что разработанное Положение в первую очередь должно оказать свое влияние на ранее идентифицированные риски сервисной компании. Например, вероятность возникновения

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 г.). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408074929/> (дата обращения: 01.04.2024).

и воздействия на цели фирмы таких рисков, как P1 («Нарушение правил прима на работу»), P8 («Предвзятое отношение руководства к подчиненным») можно минимизировать, руководствуясь п. 7 «Реализуемые организацией коррупционные мероприятия» разработанного Положения, в котором говорится о нормативном обеспечении, закреплении стандартов поведения и декларации намерений, в частности о важности разработки и внедрения положения о конфликте интересов, декларации о конфликте интересов.

Вероятность возникновения и воздействия рисков P3 («Превышение полномочий»), P5 («Взятничество»), P7 («Злоупотребление доступом к информации») можно минимизировать, основываясь на п. 7 «Реализуемые организацией коррупционные мероприятия» разработанного Положения, в котором идет речь о необходимости разработки и принятия правил, регламентирующих вопросы обмена деловыми подарками и знаками делового гостеприимства. Также следует осуществлять регулярный контроль экономической обоснованности расходов: представительские расходы, благотворительные пожертвования, вознаграждения внешним консультантам. Не исключением станет и введение в договоры, связанные с хозяйственной деятельностью организации, стандартной антикоррупционной оговорки.

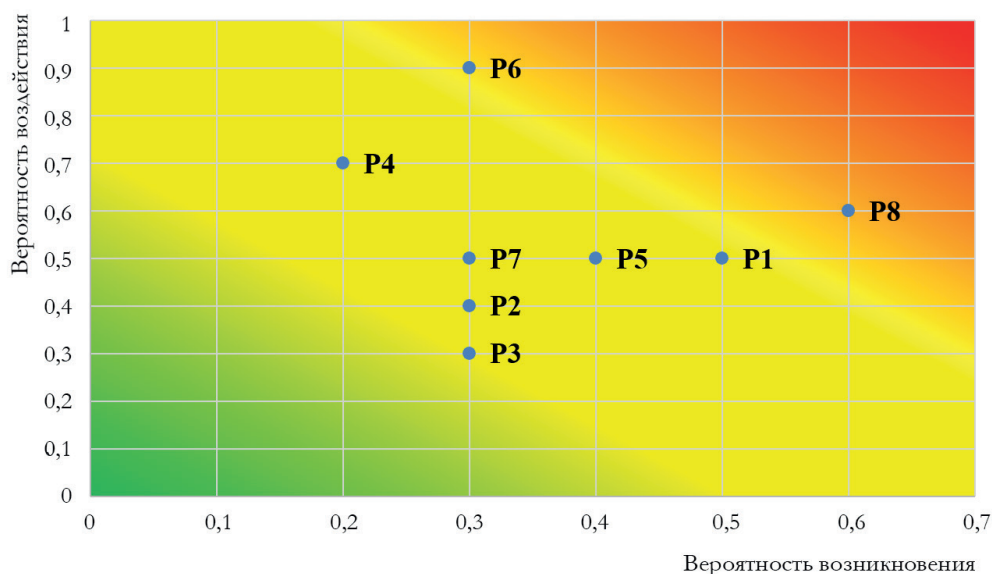
Вероятность возникновения и воздействия рисков P2 («Нецелевое использование фонда оплаты труда»), P4 («Получение материальной выгоды в личных интересах») и P6 («Фальсификация отчетности») можно минимизировать, руководствуясь также п. 7 «Реализуемые организацией коррупционные мероприятия» разработанного Положения, в котором говорится о необходимости обеспечения соответствия системы внутреннего контроля и аудита организации требованиям антикоррупционной политики организации, в том числе осуществление регулярного контроля данных бухгалтерского учета, наличия и достоверности первичных документов бухгалтерского учета.

Стоит отметить, что вышеперечисленные меры противодействия коррупции – это лишь малая часть мероприятий, которые позволят сократить количество коррупционных рисков, нависших над организацией или снизить степень их негативного влияния. Для получения лучших результатов в области антикоррупционной политики следует соблюдать все принципы и правила разработанного Положения.

Таким образом, внедрение Положения позволит:

- создать равные условия для всех сотрудников, независимо от их статуса или связей;
- предотвратить возможные случаи давления или вынуждения к участию в коррупционных схемах, а также предоставить чувство защищенности сотрудникам организации;
- улучшить репутацию организации;
- повысить уровень доверия со стороны клиентов и партнеров.

На рис. 3 представлены планируемые изменения в карте рисков сервисной компании после успешного проведения всех антикоррупционных мероприятий.

Составлено авторами по результатам исследования

Рис. 3. Карта рисков сервисной компании по предоставлению услуг рабочего персонала после реализации антикоррупционных мероприятий

Из рисунка видно, что все риски теперь располагаются ближе к «зеленой» зоне по сравнению с рис. 1. Самая минимальная вероятность возникновения и влияния остается у риска P3 («Превышение полномочий») и риска P2 («Нецелевое использование фонда оплаты труда»). Самая высокая вероятность возникновения и влияния остается у риска P6 («Фальсификация отчетности») и риска P8 («Предвзятое отношение руководства к подчиненным»), поскольку генеральным директором исследуемой организации данные аспекты тщательно не проверяются в связи с высоким уровнем доверия к своим подчиненным.

Стоит отметить, что для реализации любых антикоррупционных мероприятий необходимо назначить ответственных лиц, то есть создать антикоррупционную комиссию. Председателем комиссии может стать генеральный директор сервисной компании, а членами комиссии руководитель по работе с корпоративными клиентами, HR-менеджер и бухгалтер. Ее деятельность направлена на выявление фактов нарушения антикоррупционного законодательства и принятие соответствующих мер по привлечению виновных к ответственности. Однако следует учитывать, что лица, входящие в состав антикоррупционной комиссии, сами могут стать участниками коррупционной деятельности. В связи с этим необходимо периодически проводить внешний аудит, а также привлекать внешних независимых экспертов, проверяющих правомерность осуществления хозяйственной деятельности компании и организацию антикоррупционных мер.

После реализации каждого вида антикоррупционных рекомендаций необходимо получать обратную связь от сотрудников с помощью различных приемов и методов: опроса, анкеты, беседы или интервью. Данная процедура не только позволит узнать мнение работников, но и даст возможность постоянно совершенствовать слабые стороны анализируемой сервисной компании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно понимать, что антикоррупционная политика не только помогает укрепить внутренний контроль в организации, но и играет важную роль в укреплении имиджа и повышении репутации компании, поскольку позволяет обеспечить честность и открытость организации перед всеми заинтересованными сторонами ее внешней и внутренней среды. Антикоррупционная политика в организации является проявлением этически и социально ответственного подхода, а также стратегическим преимуществом, способствующим устойчивому развитию и успешности компании в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Иванова Е.В., Бобко Т.В., Иванова К.В. Оценка рисков при формировании программ мотивации, направленных на удержание руководителей организации. Вестник университета. 2023;4:5–14.
2. Tărăbîc A.A. Defining the concept of risk applied in entrepreneurship conceptual delimitation risk – entrepreneurial uncertainty. Ovidius University Annals, Economic Sciences Series. 2018;2:542–545.
3. Klochkova N.V., Koltsova E.A. Risk and corporate activity: the definition. Modern Economics: Problems and Solutions. 2017;10(94):78–83.
4. Асильдерова А.М. Анализ состояния и тенденций управления рисками: международный опыт. Вопросы структуризации экономики. 2010;4:37–47.
5. González L.O., Santomil P.D., Herrera A.T. The effect of Enterprise Risk Management on the risk and the performance of Spanish listed companies. European Research on Management and Business Economics. 2020;3:111–120.
6. Волкова Т.А., Волкова С.А. Управление рисками российских компаний. Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2019;1(71):49–59.
7. Medvedeva E.P. Arrangement of integrated risk management in the organization. Herald of Science and Education. 2020;24-4(78):23–26.
8. Drăghici D.M. The complexity of risk and uncertainty assessment. Studies in Business and Economics, Lucian Blaga University of Sibiu. 2017;12(3):43–49.
9. Talbot J., Jakeman M. How to Performance Benchmark Your Risk Management: A practical guide to help you tell if your risk management is effective. New York: CreateSpace; 2012. 52 p.
10. Fraser J.R., Simkins B.J. The challenges of and solutions for implementing enterprise risk management. Business Horizons. 2016;59(6):689–698.
11. Фейзуллаева Р.Э. Анализ коррупционных рисков фармацевтических компаний в рамках отдельных бизнес-процессов. Наукосфера. 2021;9-2:108–112.

12. Борзаков Д.В., Демиденко И.В. Внедрение функций комплаенс-менеджмента в аптечных организациях. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020;1:32–39.
13. Богданова Е.С., Феофилова Т.Ю. Риски хозяйствующих субъектов сферы ритуальных услуг. В кн.: Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 г. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2023. С. 285–289.
14. Kbijamurodov A.J., Jabongirov R.J. Peculiarities of corporate strategy and risk prevention in joint stock companies. Актуальные научные исследования в современном мире. 2020;3-3(59): 21–24.
15. Vona L.W. Fraud Risk Assessment: Building a Fraud Audit Program. New Jersey; 2008. 27 p.
16. Целуйко А.В. Минимизация рисков сопротивления персонала в процессе управления корпоративными знаниями. Вестник университета. 2014;9:208 – 211.
17. Ageeva L.S., Karпова T.A. Ways of corporate fraud risk minimization. Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2019;9(10A):436–442. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.10.053>
18. Lotfi A., Salehi M., Lari Dashtbayaž M. The effect of intellectual capital on fraud in financial statements. The TQM Journal. 2022;34(4):651–674.
19. Прокументов А.М., Добрусина М.Е., Хабеева Н.Г. Коррупционные риски: классификация, оценка и меры, направленные на их предотвращение. Вестник Томского государственного университета. 2019;445:210–216. <https://doi.org/10.17223/15617793/445/32>
20. Уэллс Дж. Т. Справочник по предупреждению и выявлению корпоративного мошенничества. Москва: Маросейка; 2011. 473 с.
21. Голубовский В.Ю. (ред.) Противодействие коррупции: учебное пособие. М.: Дашков и Ко; 2022. 88 с.

References

1. Ivanova E.V., Bobko T.V., Ivanova K.V. Risk assessment in the formation of motivation programs aimed at retaining organizational leaders. Vestnik universiteta. 2023;4:5–14. (In Russian).
2. Täräbïc A.A. Defining the concept of risk applied in entrepreneurship conceptual delimitation risk – entrepreneurial uncertainty. Ovidius University Annals, Economic Sciences Series. 2018;2:542–545.
3. Klochkova N.V., Koltsova E.A. Risk and corporate activity: the definition. Modern Economics: Problems and Solutions. 2017;10(94):78–83.
4. Asilderova L.M. Analysis of the state and trends of risk management: international experience. Issues of economic structuring. 2010;4:37–47. (In Russian).
5. González L.O., Santomil P.D., Herrera A.T. The effect of Enterprise Risk Management on the risk and the performance of Spanish listed companies. European Research on Management and Business Economics. 2020;3:111–120.
6. Volkova T.A., Volkova S.A. Risk management of Russian companies. Issues of modern science and practice. University named after V.I. Vernadsky. 2019;1(71):49–59. (In Russian).
7. Medvedeva E.P. Arrangement of integrated risk management in the organization. Herald of Science and Education. 2020;24-4(78):23–26.
8. Drăghici D.M. The complexity of risk and uncertainty assessment. Studies in Business and Economics, Lucian Blaga University of Sibiu. 2017;12(3):43–49.
9. Talbot J., Jakeman M. How to Performance Benchmark Your Risk Management: A practical guide to help you tell if your risk management is effective. New York: CreateSpace; 2012. 52 p.
10. Fraser J.R., Simkins B.J. The challenges of and solutions for implementing enterprise risk management. Business Horizons. 2016;59(6):689–698.
11. Feyzullaeva R.E. Analysis of corruption risks of pharmaceutical companies within the framework of individual business processes. Scienceosphere. 2021;9-2:108–112. (In Russian).
12. Borzakov D.V., Demidenko I.V. Implementation of compliance management functions in pharmacy organizations. Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and management. 2020;1:32–39. (In Russian).
13. Bogdanova E.S., Feofilova T.Yu. Risks of business entities in the sphere of funeral services. In: Economic security of the individual, society, state: problems and ways to ensure it: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg. April 7, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2023. Pp. 285–289. (In Russian).
14. Kbijamurodov A.J., Jabongirov R.J. Peculiarities of corporate strategy and risk prevention in joint stock companies. Current scientific research in the modern world. 2020;3-3(59):21–24.

15. *Vona L.W.* Fraud Risk Assessment: Building a Fraud Audit Program. New Jersey; 2008. 27 p.
16. *Tseluiko A.V.* Minimizing the risk of personnel resistance in the process of corporate knowledge management. *Vestnik universita.* 2014;9:208–211. (In Russian).
17. *Ageeva L.S., Karpova T.A.* Ways of corporate fraud risk minimization. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow.* 2019;9(10A):436–442. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.10.053>
18. *Lotfi A., Salehi M., Lari Dashtbayaz M.* The effect of intellectual capital on fraud in financial statements. *The TQM Journal.* 2022;34(4):651–674.
19. *Prozumentov L.M., Dobrusina M.E., Nabeeva N.G.* Corruption risks: classification, assessment and measures aimed at their prevention. *Bulletin of Tomsk State University.* 2019;445:210–216. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/445/32>
20. *Wells J.T.* A Handbook for Preventing and Detecting Corporate Fraud. Moscow: Maroseyka; 2011. 473 p. (In Russian).
21. *Golubovskiy V.Yu.* (ed.) Anti-corruption. Moscow: Dashkov and Co; 2022. 88 p. (In Russian).

Модернизация Народно-освободительной армии Китая

Беляев Андрей Михайлович

Канд. техн. наук, доц. каф. управления промышленными организациями
ORCID: 0000-0003-1710-2970, e-mail: belyaev-am@mail.ru

Шарипов Фанис Фалихович

Канд. экон. наук, доц. каф. управления промышленными организациями
ORCID: 0000-0003-0129-017X, e-mail: fanissh@rambler.ru

Дьяконова Мария Александровна

Канд. полит. наук, доц. каф. управления промышленными организациями
ORCID: 0000-0003-4514-5927, e-mail: marie.d@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Обеспечение национальной безопасности Китая до последнего времени связывалось в первую очередь с экономическим развитием страны и системной модернизацией национальной экономики. Предметом настоящего исследования является модернизация Народно-освободительной армии Китая (далее – НОАК). Целью исследования является обоснование того, что ускоренная модернизация НОАК и достижение технологического превосходства над потенциальным противником остаются в списке приоритетов страны. Для превращения Вооруженных Сил Китая в армию мирового уровня к 2049 г., столетию образования государства, власти прилагают усилия на качественное обновление всех родов войск в соответствии с курсом Коммунистической партии Китая в области военного строительства и указаниями Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина об укреплении армии в новую эпоху. Важным этапом в реализации указанных преобразований называется 2027 г., год столетия образования НОАК, к которому планируется в целом завершить все намеченные изменения политического, юридического, военно-теоретического и научно-технического характера. Авторы приходят к выводу, что к 2027 г. НОАК будет готова к решению задачи по обеспечению полноценной безопасности страны и создаст базу для выхода армии на первые позиции в мире.

Ключевые слова

Модернизация, НОАК, КНР, военно-гражданская интеграция, военное строительство, вооруженные силы, военный потенциал

Для цитирования: Беляев А.М., Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. Модернизация Народно-освободительной армии Китая // Вестник университета. 2024. № 6. С. 16–21.

Modernization of the Chinese People's Liberation Army

Andrey M. Belyaev

Cand. Sci. (Engr.), Assoc. Prof. at the Management of Industrial Organizations Department
ORCID: 0000-0003-1710-2970, e-mail: belyaev-am@mail.ru

Fanis F. Sharipov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management of Industrial Organizations Department
ORCID: 0000-0003-0129-017X, e-mail: fanissh@rambler.ru

Maria A. Dyakonova

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Management of Industrial Organizations Department
ORCID: 0000-0003-4514-5927, e-mail: marie.d@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Until recently, China's national security was primarily associated with the economic development of the country and national economy systemic modernization. The subject of the study is the People's Liberation Army of China (hereinafter – PLA) modernization. The purpose of the study is to substantiate that PLA accelerated modernization and achieving technological superiority over potential adversaries remains on the country's list of priorities. In order to turn the Chinese Armed Forces into a world-class army by 2049, the centenary of the founding of the state, the Chinese authorities are making efforts to qualitatively upgrade all branches of the armed forces in accordance with the course of the Communist Party of China in the field of military construction and the instructions of President of the People's Republic of China Xi Jinping on strengthening the army in the new era. The year 2027, the centennial year of the PLA's formation, is called an important stage in the implementing these transformations, by which it is planned to generally complete all the planned changes of political, legal, military-theoretical, and scientific-technical nature. The authors conclude that by 2027, the PLA will be ready to solve the task of ensuring the country's full-fledged security and will create the basis for the army to reach the first positions in the world.

Keywords

Modernization, People's Liberation Army (PLA), China, military-civil integration, military construction, armed forces, military capacity

For citation: Belyaev A.M., Sharipov F.F., Dyakonova M.A. (2024) Modernization of the Chinese People's Liberation Army. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 16–21.

ВВЕДЕНИЕ

Складывающиеся современные международные отношения свидетельствуют о необходимости уделить самое серьезное внимание укреплению обороноспособности государств, и Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай), вторая экономическая держава мира, занята сегодня модернизацией собственных вооруженных сил.

По информации аналитиков, сухопутные войска Народно-освободительной армии Китая (далее – НОАК) с 2010 г. по 2020 г. сократились с 3,46 до 3,21 млн чел. При снижении численности сухопутных сил отмечается планомерная работа по механизации и цифровизации этого рода войск, что должно способствовать их переводу на бесконтактное ведение военных действий с применением электроники, кибернетики и др.¹.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ КНР

Особое внимание в Китае уделяется развитию военно-морских сил (далее – ВМС) [1]. Одним из факторов развития является необходимость защиты активов и граждан Китая в условиях его экономической экспансии практически во всем мире. Главной особенностью развития подводного флота является внедрение технологий на основе искусственного интеллекта в создании нового типа беспилотных подводных лодок и нового типа малошумных атомных подводных лодок класса Type 096, что станет серьезным дополнением к четырем имеющимся на вооружении ВМС КНР атомным подводным лодкам класса Type 094, каждая из которых оснащена 12–16 баллистическими ракетами JL-3.

Ключевую роль в защите экономических интересов и безопасности призван сыграть надводный флот: авианосцы, эсминцы, десантно-штурмовые корабли. Важным этапом должно стать введение в 2027 г. в состав китайских ВМС авианосца нового типа, который в отличие от имеющихся на вооружении ВМС КНР кораблей такого типа будет иметь полетную палубу, оборудованную электромагнитными катапультами для взлета самолетов. К этому же времени планируется завершение программы модернизации существующих эсминцев, фрегатов, спуск на воду десантных кораблей нового типа. Основной составляющей программы является создание группировки десантных судов Type 075, занимающих, по оценкам экспертов, третье место в мире по размерам кораблей такого класса, способных нести на борту 30 вертолетов, катера на воздушной подушке, несколько видов бронетехники и до 1 тыс. военнослужащих НОАК.

Увеличение количества и качества состава ВМС КНР сопровождается активной работой по созданию пунктов материально-технического обеспечения за рубежом, призванных существенно расширить оперативное пространство для операций флота. В ближней морской зоне основное внимание уделяется развитию инфраструктуры на искусственных островах архипелага Спратли в Южно-Китайском море с целью закрепить на данной территории постоянное военное присутствие КНР. Что касается дальних территорий, отметим наличие военной базы КНР в Джибути (действующей с 2017 г.) и развитие пакистанского порта Гвадар. Изучаются Китаем возможности использования в будущем портов государств бассейна Индийского океана под предлогом поддержки своего флота, который участвует в гуманитарных операциях в Западной Азии и Восточной Африке.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ НОАК

По мнению аналитиков, четырнадцатая пятилетка должна стать особенно плодотворной для военно-воздушных сил (далее – ВВС) НОАК. Например, на вооружение планируется принять стратегический бомбардировщик H-20, который позиционируется как очень перспективный. Китайское издание Global Times утверждает, что этот самолет не будет уступать американскому стратегическому бомбардировщику B-2 Spirit по дальности и скрытости полета. H-20 предполагается оснастить ракетами класса «воздух – земля», в том числе с ядерной боеголовкой. Создание этого самолета будет означать полное обновление ядерной триады НОАК наземного, подводного и воздушного базирования. Говоря о развитии ВВС, необходимо отметить планы НОАК по массовому производству истребителя пятого поколения Chengdu J-20 с новым модернизированным двигателем, организации производства многоцелевого вертолета Harbin Z-20 и новых беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА)².

¹ Liu X. Chinese military urged to modernize theories, organization, weapons to reach PLA's 2027 centennial goal. Режим доступа: <https://www.globaltimes.cn/content/1208192.shtml> (14.03.2024).

² Liu X., Leng Sh. China to modernize military, arsenal in next 5 years. Режим доступа: <https://www.globaltimes.cn/content/1205446.shtml> (дата обращения: 14.03.2024).

В планах ВВС НОАК стоит создание новых образцов вооружения с использованием научно-технических достижений КНР в области аэродинамики, робототехники, нанотехнологий, «больших данных», искусственного интеллекта, квантовых и облачных вычислений. Отметим проект по созданию беспилотного танка, который планируется интегрировать в единую сеть с другими разведывательно-ударными средствами, в том числе с самолетами и спутниками. Вершиной усилий должен стать реактивный истребитель шестого поколения, оснащенный элементами искусственного интеллекта, несущий на себе вспомогательные БПЛА, который планируется поставить на вооружение ВВС НОАК в 2035 г.³

МОДЕРНИЗАЦИЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫХ СИЛ НОАК

По прогнозам Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute), главной особенностью модернизации ракетно-ядерных сил КНР должно стать наращивание количества боеголовок, по темпам которого Китай уже сегодня занимает лидирующие позиции в мире. Он намерен сохранять приверженность принципам неприменения первыми ядерного оружия и надежного минимального сдерживания (Credible Minimum Deterrence). Вместе с этим Китай планирует увеличить арсенал для ответного удара при одновременном повышении уровня защищенности, точности и надежности средств доставки. Важной частью этих условий станут разработка гиперзвуковых аппаратов (Hypersonic Glide Vehicles) и постанова на вооружение сверхзвуковых бомбардировщиков-невидимок, что должно удвоить ударную мощь Китая и значительно расширить возможности китайской ядерной триады. Кроме того, Китай будет уделять внимание обеспечению ядерного сдерживания на региональном уровне, а также повышению готовности к проведению региональных военных операций высокой интенсивности из расчета, что главной целью китайских баллистических ракет должны стать источники снабжения, линии связи, военно-воздушные и военно-морские базы противника [2].

Модернизация ракетно-ядерного потенциала должна сопровождаться наращиванием воздушно-космических сил с акцентом на использование противоспутниковых технологий для вывода из строя находившихся на геосинхронной орбите искусственных спутников Земли систем навигации противника. Не меньшее внимание будет уделяться дальнейшему развитию Китаем собственной системы навигации Beidou, исходя из того, что запуск 23 июня 2020 г. 55-го спутника этой системы обеспечил стране полную независимость от зарубежных систем навигации, включая GPS⁴. При этом ожидается расширение строительства наземной составляющей этой сети, основу которой составляют станции слежения на территории государств разных континентов, а именно КНР, Пакистана, Намибии, Чили.

Эксперты Министерства обороны Соединенных Штатов Америки (далее – США) прогнозируют двукратное увеличение арсенала ядерных боеголовок НОАК в предстоящие 10 лет. Вместе с этим отдельно отмечается расширение возможностей КНР для кибератак на американские военные объекты, центры снабжения и линии связи, признается превосходство Китая над США в сферах кораблестроения, производства баллистических ракет наземного базирования, крылатых ракет и интегрированных средств провоздушной обороны.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ КНР

Отметим некоторые особенности военного строительства КНР на современном этапе. Китайское руководство ведет целенаправленную работу по укреплению и развитию государственно-частного партнерства в сфере обороны. Необходимо отметить, что Председатель КНР Си Цзиньпин лично возглавил созданную в январе 2017 г. Центральную комиссию по интегрированному военному и гражданскому развитию (Central Commission for Integrated Military and Civilian Development), а курировать ее текущую работу поручил на то время вице-премьеру Государственного совета КНР Чжан Гаоли. По мнению профессора Университета национальной обороны НОАК Цзян Лумина, объединение усилий государственных структур и частных предприятий уже принесло результаты, например, при создании глобальной навигационной системы Beidou и при реализации ряда проектов военного и двойного назначения [3].

Говоря об администрировании процесса модернизации НОАК, стоит отметить, что команде Си Цзиньпина в рамках борьбы с коррупцией и благодаря дополнительным усилиям удалось изменить ситуацию по управлению НОАК. Из состава руководства армией получилось удалить высокопоставленных

³ Ports E. Modernization of the People's Liberation Army: China's Push for a World-Class Military. Режим доступа: <https://wp.towson.edu/iajournal/2020/10/26/modernization-of-the-peoples-liberation-army-chinas-push-for-a-world-class-military/> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ Цзян Л. Почему интеграция военных и гражданских технологий в Китае заставляет американцев волноваться? Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 14.03.2024).

руководителей, построивших систему кумовства и взяточничества. Здесь же необходимо сказать о проведенной реструктуризации Центрального военного совета КНР.

Эксперты отмечают процесс объединения гражданской и оборонной науки и промышленности. В Китае развернута интенсивная работа по выполнению указания Председателя КНР Си Цзиньпина об углублении военно-гражданской интеграции и его директивы об ускорении развития научно-технической базы оборонной сферы «для построения сильной, современной армии». Благодаря выстроенной системе созданы основы формирования объединенного военно-гражданского научно-производственного потенциала страны, заметно возросло использование достижений гражданской науки в национальном оборонно-промышленном комплексе, возросли инновационные возможности китайской оборонной промышленности. Эту работу в рамках военно-гражданской интеграции курируют действующие при Центральном военном совете КНР Комиссия по науке и технологиям и Главное управление развития вооружений и военной техники, а основными организациями-исполнителями являются Министерство обороны, Министерство науки и технологий, Министерство промышленности и информатизации, Государственный комитет по оборонной науке, технике и промышленности КНР, а также ряд их профильных подразделений, например, Центр развития высоких технологий «Факел», Центр промышленного освоения результатов оборонных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР).

При этом подключение Министерства финансов и ряда крупных банков Китая к реализации конверсионных программ призвано обеспечить необходимыми средствами сложные и затратные разработки, а также ускорить налаживание опытных и серийных производств.

В рамках налаживания военно-гражданской интеграции серьезные масштабы в Китае приобрели местные НИОКР профильных военных и гражданских организаций [4]. Например, в конкурсе на проведение НИОКР широкого спектра в сентябре 2018 г. участвовали свыше 380 структур, представлявших 12 военно-промышленных корпораций, 17 научно-исследовательских институтов и вузов, а также Китайскую академию наук, Китайскую академию инженерных наук и Агентство по атомной энергии КНР, было предложено более 400 проектов. Одновременно с этим организуются специализированные мероприятия, ориентированные на внедрение результатов НИОКР и технологий двойного назначения в отдельных, наиболее важных для обороны страны областях. В сентябре 2018 г. было организовано заседание специальной комиссии по отбору наиболее востребованных и находящихся на продвинутой стадии разработок новых видов авиакосмической техники, а также материалов с особыми заданными свойствами. Участники совещания подчеркнули необходимость скорейшего промышленного освоения перспективных ноу-хау в рамках утвержденных планов военной модернизации и перевооружения НОАК⁵.

Военно-гражданская интеграция КНР не могла остаться без внимания США и их союзников [5]. Как следствие, произошло усиление контроля за китайскими инвестициями в наукоемкие отрасли, поскольку Китай использует кооперацию с целью получения уникальных разработок. В качестве иллюстрации – приобретение Китаем немецкой компании КУКА, разработчика и производителя промышленных роботов. Уже в 2017 г. Китай модернизировал и увеличил выпуск робототехники двойного назначения, стоимость выпущенной продукции превысила 17,5 млрд долл. США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целях эффективной реализации указанных задач в КНР введены централизованные административные правила и механизмы управления процессами совместного использования материально-технических ресурсов государственных исследовательских структур и ведущих научно-исследовательских учреждений Министерства обороны КНР, а также крупных гражданских национальных центров технологических разработок и экспериментально-испытательных баз, принадлежащих НОАК и оборонно-промышленному комплексу страны.

Напомним о важности даты столетия НОАК в 2027 г. При этом основной этап модернизации военного потенциала КНР планируется завершить к 2035 г. Системный подход к организации военного строительства, успехи Китая в области модернизации НОАК дают основания полагать, что через какое-то время Пекин будет готов к установлению регионального и глобального доминирования.

⁵ Министерство промышленности и информатизации Китайской Народной Республики. О совещании по проблеме военно-гражданской интеграции. Режим доступа: <http://www.miit.gov.cn> (дата обращения: 14.03.2024).

Список литературы

1. *Губин А.В.* Военно-морские силы как инструмент современной политики Китайской Народной Республики. Россия и АТР. 2018;1(99):187–202.
2. *Тутнова Т.А.* Современное состояние и перспективы ракетно-ядерной программы КНР. Вестник Института востоковедения РАН. 2021;4:57–66. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-4-57-66>
3. *Кашин В.Б.* Китайские реформы системы управления военными инновациями: ответ на американскую «третью стратегию компенсации»? Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2017;4:42–66.
4. *Каменинов П.Б.* Военно-гражданская интеграция в КНР на современном этапе: достижения и проблемы. Проблемы Дальнего Востока. 2022;5:119–131. <https://doi.org/10.31857/S013128120022590-0>
5. *Лузянин С.Г.* Китай – США: модель 2023 «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? Азия и Африка сегодня. 2023;2:5–13. <https://doi.org/10.31857/5032150750024431-6>

References

1. *Gubin A.V.* PLA Navy as a Main Promoter of Contemporary China's National Interests. Russia and the Pacific. 2018;1(99):187–202. (In Russian).
2. *Tutnova T.A.* China's Nuclear and Missile Program: Current State and Perspectives. Journal of the Institute of Oriental Studies RAS. 2021;4:57–66. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-4-57-66>
3. *Kashin V.B.* Chinese Reforms of Military Innovation Management System: A Response to the U.S. Third Offset Strategy? Lomonosov World Politics Journal. 2017;4:42–66. (In Russian).
4. *Kameninov P.B.* Civil-military Integration (VGI) in the PRC at the Present Stage: Achievements and Problems. Problemy Dalnego Vostoka. 2022;5:119–131. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120022590-0>
5. *Luzyanin S.G.* China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split? Asia and Africa today. 2023;2:5–13. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/5032150750024431-6>

Оценка моделей систем управления компаниями

Ши Линь¹

Аспирант

ORCID: 0000-0001-9689-2872, e-mail: 1019555246@qq.com

Бодяко Анна Владимировна^{1,2}

Д-р экон. наук, проф. каф. комплаенса и контроллинга¹, доц. Департамента аудита и корпоративной отчетности²

ORCID: 0000-0002-2788-8893, e-mail: anna.bodyako@inbox.ru

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Для формирования всех элементов управления компаниями необходимо правильно выбрать модель управления, полностью соответствующую особенностям сферы существования, потребностям персонала и целям деятельности. Цель настоящего исследования – изучить существующие модели систем управления и дать им оценку в отношении использования в российских компаниях. В рамках работы использовались теоретические и эмпирические методы, позволяющие проанализировать существующий опыт управления. Изучены исследования российских и иностранных специалистов в области оценки существующих моделей систем управления и их эффективности. В ходе работы выявлено, что каждая из существующих национальных систем управления сформировалась за долгие годы, исходя из особенностей менталитета сотрудников и специфики рынка. Американская и европейская системы в большей степени нацелены на получение экономического результата – прибыли, а японская и арабская – на обеспечение потребностей общества и своих сотрудников. Каждая из них в определенной степени эффективна в рамках своего государства, но их применение в других странах требует значительной адаптации. В последние годы разработано несколько новых моделей управления, способных адаптироваться под изменения окружающей среды и нацеленных на высокие результаты деятельности. В российских компаниях наиболее эффективными могут быть современные модели: маркетинговая, «полная» или интеграционная, но для обеспечения высокой эффективности необходимо разрабатывать собственные системы управления.

Ключевые слова

Модели управления, особенности систем управления, зарубежные модели, российские компании, российские системы управления, менеджмент, маркетинг, кадровая политика

Для цитирования: Ши Линь, Бодяко А.В. Оценка моделей систем управления компаниями // Вестник университета. 2024. № 6. С. 22–30.

Company management systems models evaluation

Shi Lin¹

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0001-9689-2872, e-mail: 1019555246@qq.com

Anna V. Bodyako^{1,2}

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Compliance and Controlling Department¹, Assoc. Prof. at the Audit and Corporate Reporting Department²

ORCID: 0000-0002-2788-8893, e-mail: anna.bodyako@inbox.ru

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia

Abstract

In order to form all elements of company management, it is necessary to choose the right management model that fully corresponds to the peculiarities of the sphere of existence, the personnel's needs and the activity goals. The purpose of the study is to examine the management systems existing models and evaluate them with regard to their use in Russian companies. Within the framework of the work, theoretical and empirical methods were used to analyze the existing management experience. Studies of Russian and foreign specialists in the field of evaluation of management systems existing models and their effectiveness have been studied. In the course of the work it has been revealed that each of the existing national management systems was formed over many years, based on the peculiarities of the employees' mentality and the market specifics. The American and European systems are more focused on obtaining economic results (profit), and the Japanese and Arab systems are more focused on meeting the needs of society and their employees. Each of them is to a certain extent effective within the framework of its state, but their application in other countries requires considerable adaptation. In recent years, several new management models have been developed that are able to adapt to environmental changes and are aimed at high performance. In Russian companies, modern models may be the most effective (marketing, "full" or integration models), but it is necessary to develop their own management systems to ensure high efficiency.

Keywords

Management models, management systems features, foreign models, Russian companies, Russian management systems, management, marketing, personnel policy

For citation: Shi Lin, Bodyako A.V. (2024) Company management systems models evaluation. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 22–30.

ВВЕДЕНИЕ

Система управления предприятием – одна из ключевых составляющих работы любой компании вне зависимости от сферы деятельности. Проблема разработки модели системы управления существует уже более ста лет. Первоначальная модель была неоднократно доработана и изменена, благодаря чему в настоящее время существует целый ряд систем управления.

Процесс выбора модели управления достаточно сложный. Это итерационный процесс, который не может быть осуществлен один раз, но должен периодически повторяться с учетом существующих изменений во внешней и внутренней среде. Именно на основании выбранной модели формируются структура управления, подход к кадровому и финансовому менеджменту, способы развития компании и основные принципы деятельности. Если система управления не соответствует особенностям менталитета сотрудников, условиям существования и специфике деятельности, выбираемые методы не будут приносить необходимого результата и приведут к быстрому краху компании. Следовательно, к данному процессу необходимо подходить максимально тщательно и внимательно.

Российские компании долгое время работали по принципам плановой экономики, а затем несколько десятилетий находились в условиях переходной, что привело к отсутствию полноценной системы управления в условиях рынка.

Для эффективного управления компаниями российским специалистам необходимо выбрать элементы управления, которые будут соответствовать потребностям как руководства, так и персонала, а также учитывать особенности внешней среды. В связи с этим необходимо понимать основные характеристики уже существующих моделей систем управления, чтобы выбрать наиболее подходящую. Это обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Цель настоящего исследования – провести анализ и дать оценку существующих моделей систем управления компаниями.

Для достижения цели поставлен ряд задач:

- 1) изучить существующие национальные модели управления: американскую, японскую, европейскую, арабскую;
- 2) выявить их основные особенности;
- 3) проанализировать новые модели управления, разработанные в последние годы с учетом изменяющейся внешней среды;
- 4) изучить особенности российских систем управления;
- 5) дать оценку существующей модели управления российскими компаниями;
- 6) дать рекомендации по формированию модели системы управления в российских компаниях.

Для выполнения задач и достижения цели в ходе работы изучены работы различных российских и иностранных специалистов, проведенные в области моделей систем управления.

Изучение особенностей различных моделей управления проведено на основании работ таких российских специалистов, как А.М. и М.К. Жемчужовы, М.С. Жуковский, А.А. Коршунов, З.С. Пашаева, Э.С. Алиева, М.Ю. Ермакова, А.И. Пирогов и др. В качестве иностранных источников изучены работы А. Dignam, С. Mallin, R.B. Weinberg. Авторы данных работ изучают особенности различных систем управления, проводят их сравнение при использовании в различных компаниях, приводят примеры адаптации западных моделей систем управления в Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Отечественными и зарубежными специалистами также проведен анализ особенностей систем управления в крупных компаниях России.

Статья состоит из введения, материалов и методов исследования, результатов и их обсуждения, заключения и библиографического списка. К основным частям относятся результаты и их обсуждение (выводы).

В разделе «Результаты исследования» рассмотрены основные национальные модели систем управления (американская, японская, европейская и арабская), а также современные модели (маркетинговая, «полная» и интеграционная). Даны их основные характеристики, проведена оценка эффективности в отношении использования в различных компаниях.

В разделе «Выводы» представлена оценка российских систем управления по сравнению с рассмотренными в первом разделе, а также проведено сравнение выводов, сделанных на основании изучения статей различных специалистов с выводами, полученными другими исследователями.

В результате составлено мнение в отношении особенностей российских систем управления и даны рекомендации по их формированию для решения существующих проблем и использования сильных сторон.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе написания работы использовались теоретические и эмпирические методы, заключающиеся в анализе теоретической литературы и практического опыта различных стран в области управления.

Исследование проведено на основании уже опубликованных работ отечественных и зарубежных специалистов, занимавшихся в различные периоды изучением моделей систем управления и их применением на практике, а также разработкой новых систем, адаптированных под современные компании.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Модель системы управления – проект системы, на основе которой осуществляется управление той или иной компанией, – есть одна из значимых составляющих общей системы менеджмента вне зависимости от сферы деятельности организации.

Теория формирования данных моделей изучается и развивается уже более ста лет и претерпевает значительные изменения. С каждым годом, десятилетием появляются новые модели, имеющие незначительные или принципиальные отличия от первоначально созданной А. Файолам.

Сейчас существует целый ряд моделей управления, имеющих свою специфику. «Традиционными» являются американская и японская модели управления, которые считаются в определенной степени образцами реализации управления в различных по своей специфике регионах [1]. Помимо них, выделяют также европейскую и арабскую модели, каждая из них имеет свои особенности. Рассмотрим их более подробно.

Отличительной особенностью американской модели является зависимость результата от ряда внутренних составляющих: производственный процесс, повышение производительности труда, сокращение расходов, создание и поиск резервов. Компания в данном случае рассматривается как закрытая система, а главная цель деятельности – экономическая. Стратегия управления строится на принципе постоянного углубленного роста, все цели и задачи выставляются на длительный период. Структура управления строится на основе функциональных обязанностей [2]. Структура достаточно жесткая, присутствуют длинные иерархические цепочки.

Менеджеры имеют право принимать самостоятельные решения в рамках своей деятельности при условии оправданного риска, но при этом существуют строгий контроль и обязательное выполнение распоряжений, поступающих сверху. Все сотрудники имеют возможность продвижения по службе при условии высокой квалификации и способности к обучению. Сама компания развивается стабильными темпами, а инновации внедряются по революционному принципу [3]. При использовании данной модели компания в определенный момент достигает пределов роста, дальнейшее развитие идет по горизонтали, чтобы не было необдуманного повышения издержек.

Японская модель отличается специфическим подходом к управлению персоналом, производству, сбыту и даже финансам. Первое отличие, вызванное местной культурой и экономикой, – система пожизненного найма и специфического продвижения. Продвижение по службе зависит от возраста и выслуги лет, соответственно, с повышением изменяется заработная плата. Принцип существования компании строится не на экономических целях, но на принесении пользы обществу и развитии собственных сотрудников [4].

В компаниях с такой моделью управления сотрудники не рассматривают себя отдельно от коллектива, вся организация – это единый целый организм. [5]. Менеджеры контролируют и регулируют весь процесс работы, присутствуют на производстве, все решения принимаются коллективно, ответственность за них также несут все сотрудники. Каждый работник может внести свое предложение, жесткие иерархические структуры отсутствуют. Развита система мотивации, направленная на общее развитие и общественное благополучие.

При использовании данной модели акцент делается на качестве продукции. В случае обнаружения малейших дефектов производство останавливается, производится диагностика и проверка всей продукции. Компании развиваются постепенно, осуществляя оптимальный производственный процесс и обеспечивая высокое качество продукции.

Европейская модель относительно молодая – она сформировалась лишь во второй половине XX в. и чем-то схожа с американской [6]. Она также использует жесткую иерархическую структуру, все обязанности сотрудников четко прописаны. Повышение по карьерной лестнице возможно при высокой

квалификации и усердной работе. Модель характеризуется рациональной системой экономических отношений, а также усиленной кадровой политикой. Основная цель деятельности – экономическая. Система управления достаточно мобильна, отсутствуют задержки информации и передачи распоряжений от одного уровня управления к другому [7].

При использовании данной системы акцент делается на высоком качестве как самой продукции, так и нанимаемых кадров. Изначально высокий уровень профессионализма позволяет экономить на обучении, а также обеспечивать стабильную работу компании. Повышение результативности и экономической эффективности достигается за счет снижения затрат и регулярного внедрения инноваций [8].

Арабская модель в значительной степени отличается от уже рассмотренных. Отличительной особенностью является ориентация всей деятельности компании на сотрудника и поддержание традиций ислама. Работники нацеливаются на достижение личных результатов и повышение в должности. Цель работы – обеспечение роста сотрудников и укрепление управленческого аппарата. Модель управления имеет жесткую структуру, расширенный управленческий аппарат и достаточно низкую мобильность¹.

Компании с такой моделью управления редко выживают, за исключением лидеров отрасли. Основное преимущество – полное соответствие религиозным нормам и потребностям арабского населения [9].

Перечисленные модели управления в основном отличаются по социальным и культурным нормам того народа, где они зародились. Использование данных моделей управления в других странах может осуществляться только с учетом национальных особенностей жителей. Так, например, рассмотренная европейская модель в определенной степени отличается в Германии, Франции, Швеции и других странах [10].

Помимо моделей управления, сформированных на основании исторических и национальных особенностей, существуют также новые модели, появившиеся в условиях развития науки управления. [11].

Одна из инновационных моделей – маркетинговая. Компания – единая система, управление ориентировано на человека, на достижение общей цели, работа нацелена на быструю адаптацию к внешней среде, изменения в потребностях потребителей, экономической и политической обстановке. В данном случае мобильной является не только сама компания, но и стратегия управления. Организация регулярно подстраивает и изменяет цели под внешние обстоятельства, ищет способы осваивать и использовать новые возможности и технологии.

Данная модель актуальна и эффективна для современных компаний, работающих в новых технологических сферах, позволяет быстро адаптироваться, внедрять новые технологии и успешно маневрировать в условиях изменяющейся среды.

Российскими специалистами Жемчуговыми в 2017 г. была разработана новая «Полная модель управления организацией». Основа модели – развитие организации по схеме «Видение – Парадигма – Модель», в которой парадигма формируется по принципу «социально-трудовые отношения – организация». В системе существуют три основные ситуации: исходная, идеальная и текущая. Все цели направлены на достижение идеального результата, текущая обстановка регулярно с ним сравнивается. Модель позволяет адаптировать все процессы управления под общую цель – достижение идеальных результатов работы [12].

Выбор и создание модели управления – сложный итерационный процесс, требующий не только подбора необходимых подходов и методов управления, но и обязательного регулярного их переосмысления в зависимости от внешней ситуации и необходимости использования инновационных методов [13; 14].

Многими специалистами наиболее эффективной и перспективной считается интеграционная система, которая позволяет объединять различные международные стандарты. Такая система отличается следующими характеристиками: использование классических элементов и функций управления, сформировавшихся в различных моделях; иерархическая система управления, позволяющая адаптировать ее под любую организацию; использование предметного признака, позволяющего контролировать качество как работы персонала, так и выпускаемой продукции [15]. Данная система наиболее эффективна на этапе формирования собственной модели управления и может использоваться как временная на момент реорганизации или создания компании, проведения анализа или аудита.

Таким образом, в мировой теории и практике менеджмента существует большое разнообразие моделей управления, каждая из которых в определенной степени эффективна в зависимости от условий существования, национальных особенностей, сферы деятельности. В России на данный момент используются различные модели управления компаниями, но выделить четкие характерные особенности, позволяющие добиться эффективности, достаточно сложно.

¹Арабская модель менеджмента. Режим доступа: <https://helpiks.org/9-43255.html> (дата обращения: 10.03.2024).

ВЫВОДЫ

Анализ теоретической литературы и практики управления позволяет сделать вывод о том, что существует множество моделей управления компаниями, которые имеют как национальные, так и структурные особенности. В настоящее время формируются различные инновационные модели, которые могут быть адаптированы под организации.

Большинство из рассмотренных моделей управления в той или иной степени применяются на российских предприятиях. Исследователям на основании опроса бизнесменов и экспертов удалось сформулировать определенные черты, характерные для российской модели управления. Среди них можно отметить: весомую долю государства в крупных компаниях; процесс постоянного передела собственности; малую роль учета внешних факторов; неэффективное использование правовых мер при регулировании проблемных вопросов [16].

Иностранные специалисты отмечают, что модель управления в российских компаниях можно определить как промежуточную, что во многом связано с длительным процессом переходной экономики в стране [13]. Российские специалисты считают, что руководители современных компаний пока не могут сформировать индивидуальную модель управления, стараясь объединить самые разные элементы из уже существующих систем [17]. Это не приносит необходимого результата, следовательно, стоит искать другие подходы к выбору и формированию модели управления.

С мнением о низкой эффективности такой «амфорной» модели согласны и иностранные специалисты, отмечающие, что в условиях глобализации объединение различных моделей возможно, но при этом нельзя отступать от основных целей: получение прибыли, развитие персонала, внедрение инноваций и т.д. С учетом глобализации при формировании системы управления компанией согласны и российские специалисты, считающие, что в крупных компаниях и корпорациях модель управления должна быть унифицирована с целью возможности ее применения в различных регионах и странах. Практики, работающие в различных сферах российского бизнеса, отмечают, что перед выбором модели системы управления необходим тщательный анализ всех условий существования компаний, внешних и внутренних факторов, финансовых и персональных возможностей и т. д.

Исследование существующих моделей системы управления компанией позволяет сделать вывод о том, что большинство современных моделей сформировалось под влиянием исторических и национальных особенностей. При этом в России на данный момент не существует четко сформированной собственной модели, что во многом связано с длительным периодом переходной экономики. Выбор специалистами отдельных элементов из различных сложившихся систем не позволяет сформировать эффективную модель, а наоборот, затрудняет определение тех методов и подходов, которые необходимы для конкретной компании.

Проводя оценку представленных в данной работе систем управления в отношении российских предприятий, можно сделать вывод о том, что использование национальных моделей, то есть американской, японской, европейской или тем более арабской, не актуально. Они не смогут стать эффективными с учетом российского менталитета. Из рассмотренных моделей систем управления в российских компаниях могут быть применены современные: маркетинговая, «полная», интеграционная. При создании компании или в момент определения основных направлений деятельности или реорганизации лучше всего использовать интеграционную модель, позволяющую использовать эффективные стороны различных систем и менеджмента качества. В целом для создания эффективной системы управления компанией руководству необходимо формировать собственную модель, направленную на использование сильных сторон и внешних возможностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модели систем управления исследуются уже более ста лет. Первая модель была сформирована А. Файолем, и за годы существования профессионального менеджмента она претерпела множество изменений².

В настоящее время выделяют ряд специфических национальных моделей систем управления: американская, японская, европейская и арабская. Каждая из них сформировалась на основании исторических и национальных особенностей и имеет свои отличительные черты. Например, американская и европейская системы

² Научный менеджмент: 14 принципов Анри Файоля в наше время. Режим доступа: <https://www.klerk.ru/buh/articles/592614/> (дата обращения: 10.03.2024).

главной целью ставят экономическую – получение прибыли, а японская и арабская – принесение пользы обществу и своим сотрудникам. Структуры управления в трех из них (за исключением японской) жесткие иерархические, но в европейской есть возможность более гибкого подхода в отличие от американской и арабской.

Перечисленные модели эффективны для своих стран с учетом менталитета работников, но применяться в других государствах могут только после адаптации. Исключением является арабская модель, которая не всегда является эффективной даже в исламских странах из-за слишком жесткой структуры и отсутствия гибкости по отношению к внешней среде.

В последние годы специалистами разрабатываются новые модели, соответствующие стремительному развитию общества, сфер деятельности и глобализации. Так, достаточно популярной стала маркетинговая модель, направленная на развитие творческих способностей сотрудников и их ответственность, а также быструю адаптацию к изменяющейся внешней среде и внедрение новых технологий. Российскими специалистами была разработана «Полная модель управления организацией», направленная на достижение идеальных результатов работы.

В момент создания или реорганизации компании можно рекомендовать использование интеграционной модели, объединяющей различные международные стандарты и способной адаптироваться под различные компании.

В ходе работы отмечено, что в России на данный момент не существует полноценной собственной системы управления, и данный вывод подтверждается мнением российских и иностранных специалистов.

Проблемы формирования российской модели управления во многом связаны с длительным периодом переходной экономики. В настоящее время большинство компаний в России используют различные элементы из всех существующих систем управления, но такой подход не дает необходимой результативности и эффективности деятельности организации. Отечественные менеджеры-практики из различных сфер считают, что перед формированием модели управления необходимо проводить тщательный анализ всех условий существования. Такой подход позволит подобрать правильный путь к формированию модели управления, но он требует достаточно длительного времени.

В качестве рекомендации российским компаниям можно предложить использование интеграционной модели системы управления на момент формирования собственной системы управления. Из рассмотренных в работе эффективными могут также стать маркетинговая и «полная» модели с учетом их способности анализировать изменения внешней среды и стремиться к «идеальному» результату.

В целом в результате оценки существующих моделей систем управления можно сделать вывод о том, что каждая из них достаточно эффективна в определенной ситуации, но ни одна не может считаться универсальной.

В условиях глобализации верным можно считать утверждение о том, что современные модели управления, особенно в крупных компаниях и корпорациях, должны учитывать особенности различных национальностей и использовать унифицированные методы управления с целью использования их в различных регионах. Для обеспечения эффективной работы российских компаний руководству необходимо изучать особенности внешней и внутренней среды, разрабатывать собственную модель, направленную на решение основных проблем и использование собственных преимуществ.

В ходе работы проведена оценка различных зарубежных моделей систем управления компаниями, но российские модели рассмотрены достаточно поверхностно за счет отсутствия достаточного количества общих черт, позволяющих дать характеристику национальной модели. В качестве дальнейшей работы планируется провести более тщательный анализ российских систем управления компаниями с целью выявления особенностей управления и общих черт в зависимости от сферы деятельности.

Поставленные в начале работы задачи выполнены, цель достигнута.

Список литературы

1. *Weinberg R.B., Mathis R.L., Cherrington D.C.* Human Resource Certification Institute Certification Study Guide. Alexandria, VA: Human Resource Certification Institute; 1991. 142 p.
2. *Перегудова С.А., Агафонова М.С.* Особенности американской модели управления. Современные наукоемкие технологии. 2014;7-2:134.
3. *Кориунов А.А.* Сравнительный анализ американской и японской моделей управления человеческими ресурсами, их влияние на отечественную модель управления персоналом. Столыпинский вестник. 2021;5(3).

4. *Паашаева З.С., Вартанова Д.С.* Управление персоналом в японской модели менеджмента. В кн.: Дзагоев С.Ф. (ред.) Управление экономическими и социальными системами региона. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова; 2015. С. 186–191.
5. *Кочергина А.А.* Анализ японской системы управления в контексте ее использования российскими компаниями. SCI-ARTICLE.RU. 2015;27.
6. *Чудновская С.Н.* Европейская модель менеджмента. В кн.: Чудновская С.Н. История менеджмента. М.: Юрайт; 2017. С. 171–185.
7. *Пирогов А.И., Свечников Н.С.* Сравнительный анализ современных моделей управления предприятием. ЭСГИ. 2018;3(19):47–56. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-47-56>
8. *Игумнов Д.* Характерные черты европейской модели управления. Самоуправление. 2018;S1:76–78.
9. *Ширинкина Е.В.* Бизнес-модели в условиях все возрастающей сложности бизнес-среды. Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2021;1:121–130. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.10>
10. *Митрофанов Д.Е., Онучина А.А., Шпак Е.В. и др.* Анализ зарубежных моделей корпоративного управления и их применение в российской практике. В кн.: Экономическая наука и практика: материалы VI Международной научной конференции, Чита, 20–23 апреля 2018 г. Чита: Молодой ученый; 2018. С. 32–34.
11. *Ермакова М.Ю., Чекалин В.С.* Сравнительный анализ моделей управления предприятиями инженерно-энергетического комплекса в крупном городе. В кн.: Федосеев И.В. (ред.) Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование: материалы III Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 ноября 2020 г. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2020. С. 95–100.
12. *Жемчугов А.М., Жемчугов М.К.* Полная модель управления организацией. Менеджмент сегодня. 2017;2(98):116–133.
13. *Гаффорова Е.Б.* Путь к разрешению противоречий – единая система менеджмента предприятий на основе качества. Стандарты и качество. 2006;10:74–77.
14. *Меркушова Н.И., Гаффорова Е.Б., Меркушова Ю.А.* К вопросу выбора модели системы управления организацией при использовании международных стандартов в области менеджмента. Молодой ученый. 2013;11(58):398–404.
15. *Поршаков С., Гилберт К., Пивахлик А.* Результаты опроса, проведенного Национальным советом по корпоративному управлению. Современное корпоративное управление в России глазами иностранных бизнесменов и экспертов. 2016;3:4–8.
16. *Mallin C.* International corporative governance: a case study approach. Northampton, Massachusetts, USA: Edward Eldar Publishing Ltd.; 2016. 247 p.
17. *Dignam A., Galanis M.* The globalization of corporate governance. Farnham, UK: Ashgate Publishing; 2015. 188 p.

References

1. *Weinberg, R. B., Mathis, R. L., Weinberg R.B., Mathis R.L., Cherrington D.C.* Human Resource Certification Institute Certification Study Guide. Alexandria, VA: Human Resource Certification Institute; 1991. 142 p.
2. *Peregudova S.A., Agafonova M.S.* Features of the American model of management. Modern knowledge-intensive technologies. 2014;7-2:134. (In Russian).
3. *Korshunov A.A.* Comparative analysis of American and Japanese models of human resource management, their impact on the domestic model of personnel management. Stolypinskii vestnik. 2021;5(3). (In Russian).
4. *Pashayeva Z.S., Vartanova D.S.* Personnel management in the Japanese model of management. In: Dzagoev S.F. (ed.) Management of regional economic and social systems. Vladikavkaz: North Ossetian State University after K.L. Khetagurov; 2015. Pp. 186–191. (In Russian).
5. *Kochergina A.A.* Analysis of Japanese system of management in the context of its use by Russian companies. SCI-ARTICLE.RU. 2015;27. (In Russian).
6. *Chudnovskaya S.N.* European model of management. In: Chudnovskaya S.N. History of management. Moscow: Yurait; 2017. Pp. 171–185. (In Russian).
7. *Pirogov A.I., Svechnikov N.S.* Comparative Analysis of Contemporary Business Management Models. Economical and Social-Humanitarian Research. 2018;3(19):47–56. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-47-56>
8. *Igumnov D.* Characteristic features of the European management model. Samoupravlenie. 2018;S1:76–78. (In Russian).
9. *Shirinkina E.V.* Business models in the conditions of increasing complexity of the business environment. Journal of Volgograd State University: Economics. 2021;1:121–130. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.10>
10. *Mitrofanov D.E., Onuchina A.A., Shpak E.V. et al.* Analysis of corporate governance foreign models and their application in Russian practice. In: Economic science and practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference, Chita, April 20–23, 2018. Chita: Molodoi uchenyi; 2018. Pp. 32–34. (In Russian).

11. *Ermakova M.Yu., Chekalin V.S.* Comparative analysis of management models of engineering and energy complex enterprises in large city. In: Fedoseev I.V. (ed.) Theory and Practice of Management of State Functions and Services. Tariff regulation: Proceedings of the III National Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 10, 2020. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2020. Pp. 95–100. (In Russian).
12. *Zhemchugov A.M., Zhemchugov M.K.* Full model of organization management. *Management Today*. 2017;2(98):116–133. (In Russian).
13. *Gafforova E.B.* Way to resolve contradictions – unified enterprise management system based on quality. *Standards and Quality*. 2006;10:74–77. (In Russian).
14. *Merkushova N.I., Gafforova E.B., Merkusheva Yu.A.* On the question of choosing a model of organization management system when using international standards in the field of management. *Molodoi uchenyi*. 2013;11(58):398–404. (In Russian).
15. *Porshakov S., Gilbert K., Ivakbnik A.* Results of the survey conducted by the National Council on Corporate Governance. Modern corporate governance in Russia through the eyes of foreign businessmen and experts. 2016;3:4–8. (In Russian).
16. *Mallin C.* International corporative governance: a case study approach. Northampton, Massachusetts, USA: Edward Eldar Publishing Ltd.; 2016. 247 p.
17. *Dignam A., Galanis M.* The globalization of corporate governance. Farnham, UK: Ashgate Publishing; 2015. 188 p.

Сетевые структуры и их роль в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования

Оводенко Дмитрий Владимирович

Соискатель

ORCID: 0009-0001-4090-5440, e-mail: ovoidenkodm@rambler.ru

Тюкавкин Николай Михайлович

Д-р экон. наук, зав. каф. экономики инноваций

ORCID: 0000-0001-6049-897, e-mail: tnm-samara@mail.ru

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Аннотация

Статья направлена на изучение уровня инновационного развития хозяйствующих субъектов, что связано с тем, что в последние годы существенное влияние на него оказывают различные направления инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования. Новые технологические возможности являются основой трансформации национальной инновационной системы и формирования среды сетевого взаимодействия, которая позволит более эффективно использовать управленческие технологии развития субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности, способствуя появлению сложных инновационных структур и систем управления. Тема настоящего исследования направлена на выявление и оценку роли сетевых структур в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования, что выступает значимым фактором для хозяйствующего субъекта в связи с осознанием важности создания интеграционной образовательной среды как наиболее эффективной формы реализации образовательных процессов в будущем. Проведенное исследование и изучение материалов ученых, исследовавших роль сетевых структур в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования, а также их влияние на развитие российских регионов и экономики страны в целом, показали, что необходимы новые механизмы и способы по проведению оценки роли сетевых структур и систематизации подходов различных ученых и специалистов, изучающих и изучавших эту проблему.

Ключевые слова

Хозяйствующий субъект, сетевые системы, инновационно-интеллектуальной деятельности, инновации, инновационные системы, интеллектуальная деятельность, национальная система, сетевое взаимодействие

Для цитирования: Оводенко Д.В., Тюкавкин Н.М. Сетевые структуры и их роль в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования // Вестник университета. 2024. № 6. С. 31–37.

Network structures and their role in the development of innovative and intellectual activity of business entities

Dmitry V. Ovodenko

Applicant

ORCID: 0009-0001-4090-5440, e-mail: ovodenkodm@rambler.ru

Nikolay M. Tyukavkin

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Innovation Economy Department

ORCID: 0000-0001-6049-897, e-mail: tnm-samara@mail.ru

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract

The article studies the level of innovative development of economic entities, which is due to the fact that in recent years it is significantly influenced by various directions of innovation and intellectual activity of economic entities. New technological opportunities are the basis for national innovation system transformation and networking environment formation, which will allow more effective use of management technologies for developing innovation and intellectual activity subjects, contributing to the emergence of complex innovative structures and management systems. The topic of the study is aimed at identifying and assessing the role of network structures in the development of innovation and intellectual activity of economic entities, which is a significant factor for the economic entity in connection with the realization of the importance of creating an integrative educational environment as the most effective form of educational processes implementation in the future. The conducted research and study of the scientists' materials, who investigated the network structures role in the development of innovation and intellectual activity of business entities, as well as their impact on the development of Russian regions and the country's economy as a whole, have shown that new mechanisms and ways of assessing the network structures role and systematizing the approaches of various scientists and specialists, who study and have studied this problem, are necessary.

Keywords

Business entity, network systems, innovation and intellectual activity, innovations, innovative systems, intellectual activity, national system, network interaction

For citation: Ovodenko D.V., Tyukavkin N.M. (2024) Network structures and their role in the development of innovative and intellectual activity of business entities. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 31–37.

ВВЕДЕНИЕ

Новые технологические возможности выступают основой трансформации национальной инновационной системы и формирования среды сетевого взаимодействия, которая позволяет более эффективно использовать управленческие технологии развития субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности, способствуя появлению сложных инновационных структур и систем управления.

В связи с этим весь процесс использования сетевых структур не может существовать без инновационно-интеллектуальной деятельности хозяйствующих субъектов, способствуя при этом решению ряда проблем и задач, стоящих перед ними на современном этапе развития региональных социально-экономических систем. Таким образом, при изучении сетевых структур и их роли в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования необходимо детально провести оценку действующих теоретических и практических основ [1; 2].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблемой изучения особенностей формирования и управления интегрированными организационными структурами занимались такие отечественные ученые, как В.Г. Антонов, Г.Б. Клейнер, В.В. Кондратьев, В.В. Масленников, К.И. Плетнев и др. Среди зарубежных ученых можно отметить работы И. Ансоффа, П. Друкера, Ф. Котлера, М.Х. Мескона, Г. Минцберга, М. Портера, К. Фримена.

Основы взаимодействия субъектов хозяйствования в рамках национальной инновационной системы отражены в научных трудах и публикациях А.В. Андрейчикова, Е.С. Беляевой, А.Д. Викторова, В.В. Иванова, С.С. Егорова, Е.А. Монастырного, В.П. Соколова и др.

Значительный вклад в изучение развития среды сетевого взаимодействия внесли такие зарубежные ученые, как Я. Ван Дейк, М. Гранноветер, А. Гоулднер, Б. Енсен, М. Кастельс, Ч. Кули, К. Леви-Строс, Г. Мид, П. Штомпк, Р. Хаггинс. Среди отечественных ученых можно выделить работы по рассматриваемой проблематике следующих авторов: А.А. Богданов, М.Г. Бреслер, В.И. Вернадский, Б. Малиновский, П.А. Сорокин.

Несмотря на большое значение работ перечисленных выше авторов для анализа особенностей разработки структур интегрированного типа, проведенное исследование выявило актуальность дальнейшего изучения развития субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности на основе формирования среды сетевого взаимодействия.

Все исследования, которые проводятся в настоящее время в разрезе изучаемой темы, посвящены широкому спектру теоретических проблем сетевых структур и их роли в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования. Среди них следует выделить разработку вопросов управления, внедрения их взаимодействия и взаимосвязей в экономическом и практическом планах, но при этом нет четкой определенной системы и единого подхода к проведению данного анализа [3; 4].

Актуальность проводимого исследования заключается в изучении сетевых структур и их роли в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования в условиях трансформации экономики, а также в условиях формирования устойчивых экономических систем как ключевого фактора развития хозяйствующего субъекта.

В соответствии с этим в проведенном исследовании поставлены и решены задачи по изучению теоретических аспектов развития субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности на основе формирования среды сетевого взаимодействия, а также определению функции сетевого ресурсного центра и выявлению типов взаимосвязей с контрагентами при использовании инновационных и проактивных форм взаимодействия субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности [5; 6].

Объектом исследования выступает инновационно-интеллектуальная деятельность субъектов хозяйствования.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическими исследованиями выступили научные труды отечественных и зарубежных исследователей в области стратегического и инновационного менеджмента, теории организаций и организационного проектирования, теории инновационного развития и сетевого взаимодействия. Информационной базой исследования послужили законодательные и нормативные акты Правительства Российской Федерации (далее – РФ, Россия), статистические данные Министерства экономического развития РФ,

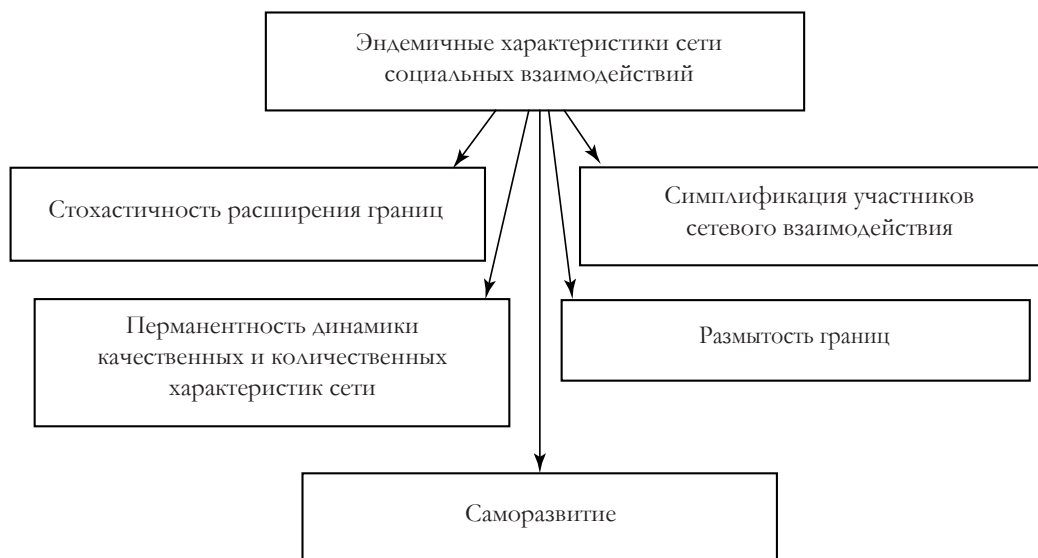
монографические труды отечественных и зарубежных ученых, материалы научных конференций, статьи по исследуемой проблеме.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стратегическим вектором изменений становится концепция формирования единого информационно-коммуникационного пространства, создающего условия высокоэффективного развития субъектов национальной инновационной системы на основе модернизации коммуникационных и информационных технологий, а также прогрессивной трансформации образовательной системы.

Сетевой принцип взаимодействия характерен для многих процессов и явлений, построения цепей взаимодействия в экономических хозяйствующих субъектах, но в работе исследуется социально-экономическая сфера сетевого взаимодействия, накладывающая особую специфику на процесс изучения сетевого взаимодействия в силу присущих ей особенностей, черт и правил функционирования [7; 8]. На основе обогащения сетевой структуры новой информацией происходит процесс формирования институциональной функции сетевой структуры, под которой следует понимать определение унифицированных правил и норм для последующих взаимодействий субъектов [11; 12].

Важно также определить эндемичные характеристики сети социальных взаимодействий, позволяющие предотвратить «размывание» границ понятия и сделать возможным четкое разделение сетевых и не-сетевых взаимодействий (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Характеристика сетевых структур

Рассматривая инновационный проект от его появления до коммерциализации продукции, мы видим, что он проходит этапы своего создания и развития. Согласно потребностям фирмы организации, осуществляющей инновации, востребованными являются объекты инфраструктуры.

На основании процесса взаимодействия субъектов сети происходят различные комбинации результатов, что в свою очередь приводит к возникновению новых сетевых эффектов. Положительный сетевой эффект заключается в росте ценности и эффективности сети в результате увеличения количества узлов, входящих в сеть. Экспоненциальный рост участников взаимодействия происходит при достижении определенной «критической массы сети» и, как следствие, способствует ускорению процесса ее расширения.

Сетевое построение инфраструктуры помогает сформировать взаимодействие участников инновационно-интеллектуальной деятельности: предприятие, инновационная и научная структура, образование, рынок, продукция и технологии и др. В этом случае структурное взаимодействие предполагает непосредственное формирование сетевой инновационной инфраструктуры, которая необходима для разработки и реализации инновационной продукции [9; 10].

Для осуществления сетевого взаимодействия объектов данной инфраструктуры требуется развитие всестороннего и взаимосвязанного с реальным сектором инновационной экономики научного,

образовательного, технологического и информационного пространства, разработка и формирование «информационного сетевого моста» (среды обмена данными) между производителями инновационной продукции, инвесторами и стейкхолдерами, которые заинтересованы в ее рыночном освоении.

Формирование среды сетевого взаимодействия для развития интегрированных инновационных структур, представляющих совокупность связанных друг с другом субъектов хозяйственной деятельности государственного, научного, образовательного и промышленного секторов экономики для повышения результатов их инновационного процесса, имеет такие преимущества, как снижение издержек посредством доступности информации и экономии времени на ее поиске, развитие персонала и углубление специализации за счет осуществления обмена опытом по эффективным управленческим технологиям, а также маркетинговым и организационным инновациям. Помимо вышеперечисленного, также необходимо выделить широкий спектр возможностей по финансированию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, добиться эффекта синергии путем оптимизации ресурсов субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности, осуществить решение задач при помощи наиболее оптимальных подходов и приемов, создать возможности по комбинации интеграции участников и координации их совместной деятельности, охвату всех этапов жизненного цикла инноваций [11; 12].

Способствуя процессам интенсификации взаимодействия всех участников сетевого профессионального пространства, среда сетевого взаимодействия выступает в качестве организующего и интегрирующего органа, способного осуществлять контроль информационных потоков, базирующихся на комбинации самоорганизации сетевого сообщества с организационным началом ряда ключевых участников – государства, региональных и муниципальных образований и субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности.

Площадки для среды сетевого взаимодействия способствуют реализации всевозможных комбинаций и способов при решении задач по созданию:

- платформы с информацией управленческих кадров;
- банка резюме для целей рекрутмента и хедхантинга;
- платформы, формирующей информацию по обмену опытом;
- банка каналов взаимодействия с государственными органами различных уровней;
- банка образовательных возможностей;
- банка каналов узкоспециализированных коммуникаций с высоким уровнем защищенности;
- банка выставляемых на тендеры контрактов;
- банка перспективных проектов;
- банка финансовых инструментов;
- банка специализированных, отраслевых, территориальных или бизнес-функционирующих объединений;
- банка инструментов повышения уровня защищенности контрактов предпринимателей на основе распределенного хранения данных (блокчейн, от англ. blockchain);
- банка обратной связи с потребителями [11; 12].

Необходимо развивать субъекты инновационно-интеллектуальной деятельности, которые условно делятся нами на субъекты, осуществляющие в большей степени инновационно-технологическую деятельность, и субъекты, ориентированные на ведение интеллектуально-образовательной деятельности, а также обмен опытом и идеями по различным вопросам функционирования инновационной деятельности.

Стоит обратить внимание на сущность формирования среды сетевого взаимодействия для развития интегрированных инновационных структур, которые представляют совокупность связанных друг с другом субъектов хозяйственной деятельности государственного, научного, образовательного и промышленного секторов экономики для повышения результатов их инновационного процесса. Целью при этом выступают поддержание и развитие взаимодействия всех субъектов по инновационной, технологической, интеллектуальной и образовательной деятельности в онлайн-пространстве, не привязанного к какому-то определенному центру, то есть аккумулирование общего массива информации в сети при реализации своих уставных задач и обеспечении реализации сетевых проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является значимым и существенным и заключается в том, что была систематизирована система сетевых структур и их роль в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования в разрезе определенных территорий. Данное обстоятельство говорит

о том, что необходимо уделять внимание науке как основному источнику инновационных идей и направлений по формированию и применению сетевых структур.

Сетевые структуры и их роль в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования – это основа экономического развития, на которой разрабатываются стратегии развития отдельных хозяйствующих субъектов, а в дальнейшем и территориальных единиц: районов, областей, провинций, муниципалитетов и т.д.; формируются направления по их развитию на длительную перспективу.

Сетевые структуры и их роль в развитии инновационно-интеллектуальной деятельности субъектов хозяйствования свидетельствует о том, что в обобщенном виде их роль существенна для модернизации хозяйствующих субъектов. Создание среды сетевых ресурсных центров выступает значимой задачей бизнес-сообщества, позволяющей реализовывать концепцию непрерывного обучения с целью развития субъектов инновационно-интеллектуальной деятельности за счет систематизации имеющегося у ее участников опыта подготовки кадров в сфере управления и применять лучшие практики в деятельности разных организационно-правовых форм субъектов хозяйствования.

Список литературы

1. *Иванова И.В., Огурцова Н.С.* Инновационные подходы в контексте современных требований в образовании по развитию ключевых компетентностей. В кн.: Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер-2017: материалы Всероссийской конференции молодых преподавателей, Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.; 2017. С. 63–66.
2. *Абрамов В.И., Асаул В.В., Вагин С.Г., Николаева К.С.* Государственное регулирование инновационной активности организаций. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014;11(121):91–94.
3. *Туменова С.А.* Сетевые инновационные структуры в региональной экономике: формы и типы стратегий управления. Вопросы инновационной экономики. 2023;3(13):1291–1306. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.119109>
4. *Черненко И.М., Пельмская И.С.* Исследование вклада контекста, сетевой активности и самоорганизации в формирование человеческого капитала на основе самообучения в цифровой среде. Экономика труда. 2023;1(10):135–156. <http://doi.org/10.18334/et.10.1.116857>
5. *Цибанова Н.Н.* Мультиагентные технологии как детерминанта функционирования сетевых промышленных предприятий на современном этапе. Вопросы инновационной экономики. 2019;1(9):55–64. <http://doi.org/10.18334/vinec.9.1.39756>
6. *Парфенов А.В., Вэй Шужань.* Сетевые формы организации логистического сервиса в трансграничной электронной торговле. Экономика, предпринимательство и право. 2024;7(14).
7. *Огородникова Е.П., Андреева Н.В.* Оценка состояния агропромышленного комплекса как фактора развития российских региональных систем. В кн.: Социально-экономическое и экологическое развитие приграничного региона: возможности и вызовы: материалы IV Международной научно-практической конференции, Смоленск, 2024 г. Смоленск; 2024. С. 137–143.
8. *Афанасьев А.А.* Модель сетевой промышленной политики: механизм реализации. Экономика, предпринимательство и право. 2023;5(13):1271–1286. <http://doi.org/10.18334/erp.13.5.117354>
9. *Вагин С.Г.* Тенденции и условия развития управления крупными социально-экономическими системами. Вестник Самарской государственного экономического университета. 2007;2(28):27–30.
10. *Попов Е.В., Макаров В.А.* Сетевые экономические взаимодействия. 2е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2023. 199 с.
11. *Оводенко Д.В.* Новые направления развития сетевизации субъектов экономики. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019;8-1(9):350–354.
12. *Леонов А.Н.* Развитие инновационных организаций на основе сетевого взаимодействия. Экономика и управление собственностью. 2017;4:49–53.

References

1. *Ivanova I.V., Ogurtsova N.S.* Innovative approaches in the context of modern requirements in education for key competencies development. In: Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization. Social engineer-2017: Proceedings of the All-Russian Conference of Young Professors, Moscow, December 5–7, 2017. Moscow, 2017. Pp. 63–66. (In Russian).
2. *Abramov V.I., Asaul V.V., Vagin S.G., Nikolaeva K.S.* State regulation of innovation activity of organizations. Vestnik Samara State University of Economics. 2014;11(121):91–94. (In Russian).

3. *Tumenova S.A.* Network innovation structures in the regional economy: forms and types of management strategies. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 2023;3(13):1291–1306. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.119109>
4. *Chernenko I.M., Pelymskaya I.S.* New challenges in unstructured self-learning environment: the impact of context, networking and self-organization on digital human capital. *Ekonomika truda*. 2023;1(10):135–156. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/et.10.1.116857>
5. *Tsibanova N.N.* Multi-agent technology as a determinant of the functioning of the network of industrial enterprises at the present stage. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 2019;1(9):55–64. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/vinec.9.1.39756>
6. *Parfenov A.V., Wei Shukhan.* Network forms of logistics services in cross-border e-commerce. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. 2024;7(14). (In Russian).
7. *Ogorodnikova E.P., Andreeva N.V.* Estimation of the agroindustrial complex state as a factor in Russian regional systems development. In: *Socio-economic and ecological development of the border region: Opportunities and challenges: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Smolensk, 2024*. Smolensk; 2024. Pp. 137–143. (In Russian).
8. *Afanasyev A.A.* Network industrial policy model: implementation mechanism. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. 2023;5(13):1271–1286. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/epp.13.5.117354>
9. *Vagin S.G.* Tendencies and conditions of development of large socio-economic systems management. *Vestnik Samara State University of Economics*. 2007;2(28):27–30. (In Russian).
10. *Popov E.V., Makarov V.L.* Network economic interactions. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait; 2023. 199 p. (In Russian).
11. *Ovodenko D.V.* New directions of development of networkization of economic entities. *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019;8-1(9):350–354. (In Russian).
12. *Leonov A.N.* Development of innovative organizations on the network of network interaction. *Ekonomika i upravlenie sobstvennostiyu*. 2017;4:49–53. (In Russian).

Торговля Российской Федерации технологиями с зарубежными странами в 2006–2021 гг.

Смирнов Алексей Юрьевич

Д-р экон. наук, проф. каф. экономики судостроительной промышленности
ORCID: 0000-0001-9353-7728, e-mail: al-sm@rambler.ru

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Развитие торговли технологиями является необходимым условием повышения уровня конкурентоспособности экономики, рациональной интеграции страны в процесс международного разделения труда. Цель настоящего исследования – определить тенденции развития международной торговли технологиями Российской Федерации в 2006–2021 гг. На основе анализа данных Федеральной службы государственной статистики за 2006–2021 гг. сделаны выводы о том, что в течение рассматриваемого периода импорт технологий из Российской Федерации увеличился в 4,4 раза (до 5,0 млрд долл. США), тогда как экспорт – в 8,8 раз (до 4,6 млрд долл. США). Опережающий рост экспорта по сравнению с импортом свидетельствует о повышении уровня технологического развития Российской Федерации, хотя объем импорта технологий по методике Федеральной службы государственной статистики занижен относительно реального состояния. В экспорте технологий ведущая роль принадлежит инженеринговым услугам, доля которых достигла 40 % в общем объеме торговли в 2021 г. Рост объемов экспорта инженеринговых услуг свидетельствует о росте конкурентоспособности хозяйствующих субъектов ряда отраслей национальной экономики на мировом рынке. Во многом этот результат достигнут благодаря успешной деятельности государственной корпорации «Росатом», реализующей ряд крупных зарубежных проектов по строительству атомных станций.

Ключевые слова

Инновации, новые технологии, лицензии, ноу-хау, инженеринговые услуги, торговля технологиями, экономический рост, инновационная политика

Для цитирования: Смирнов А.Ю. Торговля Российской Федерации технологиями с зарубежными странами в 2006–2021 гг. // Вестник университета. 2024. № 6. С. 38–44.

Russia's technology trade with foreign countries in 2006–2021

Alexey Yu. Smirnov

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics of Shipbuilding Industry Department
ORCID: 0000-0001-9353-7728, e-mail: al-sm@rambler.ru

St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia

Abstract

Technology trade development is a necessary condition for increasing the level of economy competitiveness and rational integration of a country into the process of labor international division. The purpose of the study is to determine trends in international trade in technology development of Russia in 2006–2021. Based on the analysis of the Federal State Statistics Service data for 2006–2021, conclusions have been drawn that during the period under review, technology imports from Russia increased 4.4 times (up to USD 5.0 billion), while exports increased 8.8 times (up to USD 4.6 billion). The outstripping growth of exports compared to imports testifies to the increasing level of technological development of Russia, although the technology imports volume according to the methodology of the Federal State Statistics Service is underestimated relative to the real state. The leading role in technologies export belongs to engineering services, the share of which reached 40 % in the total volume of trade in 2021. The growth in the engineering services export volume indicates the growth of economic entities' competitiveness of a number of sectors of the national economy in the world market. In many respects, this result was achieved due to the successful activity of the Rosatom state corporation, which implements a number of large foreign projects for the nuclear power plants construction.

Keywords

Innovation, new technologies, licenses, know-how, engineering services, technology trade, economic growth, innovation policy

For citation: Smirnov A.Yu. (2024) Russia's technology trade with foreign countries in 2006–2021. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 38–44.

ВВЕДЕНИЕ

В современных экономических условиях конкурентоспособность национальной экономики в значительной степени зависит от того, способна ли страна производить высокотехнологичную продукцию, востребованную как внутри страны, так и за рубежом. Активное участие страны в международном обмене технологиями создает условия долгосрочного экономического роста и рационального использования ограниченных ресурсов народного хозяйства. Современные исследования свидетельствуют о том, что рост международной торговли технологиями оказывает значимое влияние на увеличение цены акций национальных компаний, активно участвующих в технологическом обмене [1]. Это свидетельствует о позитивном влиянии процесса обмена технологиями на уровень развития всего народнохозяйственного комплекса как промышленно развитых, так и развивающихся стран.

Целью настоящего исследования является определение тенденций развития международной торговли технологиями Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в 2006–2021 гг. Для ее достижения необходимо проанализировать статистические данные, отражающие динамику развития торговли технологиями, выявить факторы, определяющие наблюдаемую динамику.

Проблемы развития международной торговли технологиями неоднократно становились предметом исследования специалистов. Среди последних исследований в первую очередь отметим работу А.В. Кичка [2]. Комплексный анализ развития торговли технологиями России в 2018–2020 гг. представлен в статье Е.В. Алексеевой и Д.С. Завьялова [3]. К недостаткам обоих исследований стоит отнести ограниченный объем статистических данных, используемых в процессе анализа, в силу выбранного авторами короткого временного периода.

Влияние цифровых технологий на динамику международной торговли стало предметом исследования в статье И.А. Стрелковой и А.В. Стрелкова [4]. Ряд работ рассматривают развитие международной торговли технологиями на примере других стран. Так, в исследовании О.А. Авдеевой предметом стала торговля технологиями в Белоруссии [5]. В другой работе на обширном статистическом материале показано положительное влияние импорта технологий (прежде всего в виде патентов и лицензий) на динамику валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на примере Индонезии [6].

Технологические особенности развития стран Европейского союза и их влияние на динамику внешней торговли государств указанного интеграционного объединения рассмотрены в работе польских авторов [7]. Влияние технологического прогресса на уровень развития экономики стран Азии стало предметом исследования в ином исследовании [8].

Возрастающая роль торговли технологиями в современном мире исследована на примере Соединенных Штатов Америки (далее – США) [9]. Автором в результате использования методов корреляционно-анализа было доказано, что между ВВП США и экспортом нематериальных технологий наблюдается высокая корреляционная связь, чего нельзя сказать о корреляции между ВВП и экспортом высокотехнологичной продукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа динамики развития торговли технологиями РФ с зарубежными странами будем использовать официальные данные Федеральной службы государственной статистики. При этом отличительная особенность нашего подхода заключается в том, что мы в отличие от ранее проводимых исследований рассматриваем данные за достаточно большой промежуток времени (15 лет). Это необходимо для того, чтобы определить долгосрочные тенденции развития технологического обмена (как экспорта, так и импорта), которые оказывают значимое влияние на состояние экономики страны. Полученные данные представлены в таблице.

Согласно методологическому пояснению Федеральной службы государственной статистики, под стоимостью предмета соглашения понимается общая стоимость предмета соглашения, приведенная в договоре (контракте). Под поступлениями (выплатами) средств за год понимаются суммы всех поступлений (выплат) по действующим соглашениям в отчетном году (по методу начисления)¹.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2022. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf (дата обращения: 29.04.2024).

Торговля России технологиями с зарубежными странами в 2006–2021 гг.

Год	Всего, млн долл. США	Патентные лицензии, млн долл. США	Ноу- хау, млн долл. США	Товарные знаки, млн долл. США	Инжиниринговые услуги, млн долл. США	Научные исследования, млн долл. США
Экспорт						
Стоимость предмета соглашения						
2006	1 585	9	25	9	988	237
2011	3 716	40	33	2	3 186	271
2016	27 981	322	44	70	26 452	710
2021	40 848	76	466	169	34 434	1 945
Поступление средств						
2006	529	3	0	6	171	88
2011	585	20	5	1	382	112
2016	1 277	83	29	50	819	141
2021	4 662	33	444	108	1 863	968
Импорт						
Стоимость предмета соглашения						
2006	2 117	53	91	307	1 230	69
2011	4 709	322	145	443	2 423	172
2016	14 147	513	350	957	10 672	406
2021	19 846	1 863	1 333	3 538	9 225	340
Выплата средств						
2006	1 138	21	49	165	662	38
2011	1 863	72	92	408	693	73
2016	2 499	81	105	445	1 548	149
2021	5 044	409	462	1 273	1 570	250

Источник^{2,3,4,5}

Из данных представленной таблицы мы видим, что оборот внешней торговли технологиями в России существенно вырос с 2006 г. по 2021 г. Так, экспорт технологий увеличился в 9 раз (с 0,5 до 4,5 млрд долл. США), а импорт почти в пять раз (с 1 до 5 млрд долл. США). Опережающий рост экспорта технологий по сравнению с импортом следует рассматривать в качестве положительной тенденции, косвенным образом свидетельствующей о преодолении системного кризиса в высокотехнологичных отраслях национальной экономики.

В то же время такой вывод требует определенной осторожности, что обусловлено влиянием двух факторов. Во-первых, оборот внешней торговли технологиями в России в 2021 г. составил менее 10 млрд долл. США, что при общем объеме ВВП РФ, превышающем 1,5 трлн долл. США, является незначительным показателем. Во-вторых, основной объем экспорта технологий в России приходится на инжиниринговые услуги. Увеличение объемов экспорта инжиниринговых услуг – это важная положительная тенденция, свидетельствующая о повышении конкурентоспособности российских производителей высокотехнологичной продукции на мировом рынке. Однако при этом стоит учитывать, что крупные западные инжиниринговые компании до начала проведения специальной военной операции

² Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2007. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b07_13/Main.htm (дата обращения: 29.04.2024).

³ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2012. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b12_13/Main.htm (дата обращения: 29.04.2024).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2017. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm (дата обращения: 29.04.2024).

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2022. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf (дата обращения: 29.04.2024).

России на Украине и последовавшими за ней санкциями имели филиалы, через которые и предоставляли услуги отечественным заказчикам. Эти услуги не отражаются в статистике внешней торговли, представляя, по сути, квазиимпорт. Объем такого квазиимпорта не поддается статистическому учету.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

Необходимо учитывать, что рост объемов экспорта инжиниринговых услуг из России во многом обусловлен успешной реализацией ряда проектов государственной корпорации «Росатом». Так, в настоящее время портфель зарубежных заказов компании включает 33 энергоблока, в том числе строящиеся атомные электростанции «Аккую» (Турция), «Кинлдакулам» (Индия), «Руппур» (Бангладеш), «Таньвань» (Китай). Это свидетельствует о том, что Россия сохраняет лидирующие позиции в сфере строительства и эксплуатации атомных станций, являясь в данной отрасли одним из лидеров мирового рынка. В то же время в других отраслях национальной экономики добиться столь высоких результатов, увеличив объем экспорта инжиниринговых услуг, не удалось.

Длительные сроки реализаций проектов по строительству атомных станций и существенные затраты на реализацию таких мероприятий во многом определяют, по мнению автора, наблюдаемый разрыв между стоимостью предмета соглашения и фактической величиной экспорта инжиниринговых услуг (объемом поступления средств). Указанный разрыв в течение изучаемого периода значительно увеличился. Если рассматривать весь экспорт в целом, то в 2006 г. объем полученных средств составил 33 % от заключенных соглашений, тогда как в 2021 г. – всего 11 %. Минимум (5 %) был зафиксирован в 2016 г.

Для инжиниринговых услуг доля полученных средств еще ниже. В 2006 г. она составила 17 %, тогда как в 2021 г. – только 5 %. В других областях торговли технологиями рассматриваемый разрыв выражен не столь заметно.

Справедливости ради надо отметить, что и в импорте России наблюдается схожая тенденция. Доля выплаченных средств от всей стоимости предмета соглашения в общем объеме торговли технологиями снизилась с 54 % в 2006 г. до 25 % в 2021 г. Минимум опять же пришелся на 2016 г. и составил 18 %. В торговле инжиниринговыми услугами указанный показатель сократился за рассматриваемый период с 54 до 17 %.

По нашему мнению, такая тенденция обусловлена как увеличением масштабов торговли, так и несовершенством самой методики Федеральной службы государственной статистики. Представляется, что показатель «Стоимость предмета соглашения» во многом носит индикативный характер и не может выступать в качестве реальной характеристики коммерческой деятельности. В любой сфере рыночной экономики существует вероятность, что достигнутые соглашения не будут реализованы, что можно рассматривать в качестве обычного риска предпринимательской деятельности. Такого рода риски существенно выросли за последние три года, что обусловлено как эпидемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, так и введением первой волны санкций против России со стороны «недружественных» стран после вхождения в состав РФ Крыма в 2014 г.

Санкции негативно влияют на внешнюю торговлю России. Однако их негативный эффект наиболее заметен в сфере торговли технологиями, поскольку заменить продукцию (в широком смысле, включая услуги и технологии) из «недружественных» стран часто не представляется возможным, а процесс импортозамещения требует больших инвестиций и значительного времени. При этом ввиду высокого уровня глобализации мирового хозяйства импортозамещение возможно далеко не во всех отраслях, что несет долгосрочные риски для национальной экономики.

Среди других статей экспорта следует выделить экспорт ноу-хау, который за рассматриваемый период вырос с нуля до 444 млн долл. США, при этом основной рост пришелся на последние пять лет. Объем экспорта ноу-хау в 2021 г. оказался всего лишь на 5 % ниже объема импорта, что подтверждает сделанный ранее вывод о сокращении технологического отставания России от промышленно развитых стран.

В импорте технологий основная доля приходится на инжиниринговые услуги (31 %) и товарные знаки (25 %). Представляется, что значительное и всевозрастающее отрицательное сальдо торговли товарными знаками является логичным следствием ситуации, сложившейся на потребительском рынке России, во многих секторах которого доминировали иностранные производители, зачастую имевшие здесь свои производственные мощности.

Отметим, что доступные статистические данные не позволяют сделать однозначный вывод о тех изменениях, которые наблюдаются во внешней торговле технологиями в период экономических санкций

со стороны «недружественных» стран. В то же время, по нашему мнению, стоит ожидать резкого сокращения импорта технологий по всем направлениям (лицензии, товарные знаки, ноу-хау, инженеринговые услуги). Эта тенденция будет усиливаться по мере завершения ранее начатых проектов, которые не попали под санкции. В экспорте технологий сильного сокращения мы не ожидаем, поскольку экспорт направлен главным образом в «дружественные» страны.

Указанный вывод справедлив для той экономической ситуации, которая сложилась на начало 2024 г. Нельзя исключать внезапного усиления санкций как против высокотехнологичных компаний России, так и против реализуемых ею инвестиционных проектов. Так, в конце 2023 г. США внезапно ввели санкции против проекта по производству сжиженного природного газа «Арктик СПГ-2» компании «Новатек», реализация которого без иностранных технологий невозможна. Однако, несмотря на очевидные риски, данная ситуация создает дополнительные возможности, связанные как с созданием собственных технологий, так и с поиском новых надежных поставщиков в «дружественных» странах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2006–2021 гг. импорт технологий России увеличился в 4,4 раза (до 5,0 млрд долл. США), тогда как экспорт – в 8,8 раз (до 4,7 млрд долл. США). Высокие темпы роста экспорта и импорта являются положительной тенденцией, свидетельствующей о повышении уровня технологического развития национальной экономики. За рассматриваемый период страна активно интегрировалась в международные цепочки технологического обмена, значительно увеличив как экспорт, так и импорт технологий. Опережающий рост экспорта по сравнению с импортом свидетельствует о повышении уровня технологического развития России. В то же время оборот торговли технологиями (менее 10 млрд долл. США) является незначительным, что не позволило в течение рассматриваемого периода полностью преодолеть технологическую отсталость страны от ведущих государств.

Объем импорта технологий по методике Федеральной службы государственной статистики занижен относительно реального состояния. Так, инженеринговые услуги до введения санкций в 2022 г. часто оказывали российские филиалы иностранных компаний, имеющие юридические лица на территории РФ. Такие операции не попадают в статистику международной торговли услугами, хотя по своей сути ими являются.

В экспорте технологий ведущая роль принадлежит инженеринговым услугам, доля которых достигла 40 % в общем объеме торговли в 2021 г. Рост объемов экспорта инженеринговых услуг свидетельствует о повышении уровня конкурентоспособности национальных хозяйствующих субъектов на мировом рынке. Те предприятия, которые в течение рассматриваемого периода проводили активную инновационную политику, добились значительных успехов на мировом рынке. Во многом этот результат достигнут благодаря успешной деятельности государственной корпорации «Росатом», реализующей ряд крупных зарубежных проектов по строительству атомных станций.

Еще более высокими темпами увеличивался такой показатель, как стоимость предмета соглашения. За рассматриваемый период в общем экспорте технологий он вырос в 27 раз, тогда как в экспорте инженеринговых услуг – в 34 раза, достигнув впечатляющей отметки в 34 млрд долл. США в 2021 г. Данный показатель в известной степени носит индикативный характер, поскольку не все заключенные контракты будут впоследствии реализованы, однако столь выраженная положительная динамика свидетельствует о том, что высокотехнологичная продукция и услуги российских компаний востребованы на мировом рынке и интерес к ним существенно вырос.

В период разрушения сложившихся экономических связей в результате санкций «недружественных» стран трудно делать прогнозы, однако выявленные тенденции свидетельствуют о том, что в ряде секторов экономики российским высокотехнологичным предприятиям удалось преодолеть технологическое отставание, выйти на мировой рынок и занять на нем прочные позиции.

Список литературы

1. Lee H., Lee K., Lee J.H. The Various Effects of Technology Trade on the Sustainable Market Value of Firms in OECD Countries. *Sustainability*. 2021;13(22):12671. <https://doi.org/10.3390/su132212671>
2. Кичка А.В. Тенденции развития внешней торговли технологиями в России. *Colloquium-Journal*. 2019;11-4(35):51–54.
3. Алексеева Е. В., Завьялов Д.С. Место Российской Федерации в международной торговле технологиями. *Вестник Академии знаний*. 2021;43(2):21–25. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11031>

4. *Стрелкова И.А., Стрелков А.В.* Влияние цифровых технологий на динамику международной торговли. Экономика устойчивого развития. 2019;4(40):292–296.
5. *Авдеева О.А.* Анализ участия Беларуси в международной торговле технологиями. Экономика и предпринимательство. 2021;6(131):59–61. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.008>
6. *Nasution F.Z., Firmansyah M.F.* How Do Innovation and Technology Trade Affect Economic Growth Performance in Indonesia? Jurnal Akuntansi, Manajemen dan Ekonomi. 2022;4(24):1–20. <https://doi.org/10.32424/1.jame.2022.24.4.4932>
7. *Brodzicki T., Kwiatkowski J.* An Empirical Investigation into the Role of Technology Gap in the Trade Relations of the EU Member States. Entrepreneurial Business and Economics Review. 2018;2(6):111–135. <https://doi.org/10.15678/EBER.2018.060206>
8. *Bertulfo D.J., Gentile E., de Vries J.G.* The Employment Effects of Technology, Trade, and Consumption in Global Value Chains. Evidence for Developing Asia. Asian Development Review. 2022;02(39):1–44. <https://doi.org/10.1142/S011611052250010X>
9. *Авдеева О.А.* Анализ участия США в международной торговле технологиями. Экономика и предпринимательство. 2020;3(116):73–76. <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.116.3.012>

References

1. *Lee H., Lee K., Lee J.H.* The Various Effects of Technology Trade on the Sustainable Market Value of Firms in OECD Countries. Sustainability. 2021;13(22):12671. <https://doi.org/10.3390/su132212671>
2. *Kichka A.V.* Trends in the development of foreign trade in technologies in Russia. Colloquium-Journal. 2019;11-4(35):51–54. (In Russian).
3. *Alekseeva E.V., Zavyalov D.S.* The place of the Russian Federation in international technology trade. Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021;43(2):21–25. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11031>
4. *Strelkova I.A., Strelkov A.V.* The impact of digital technologies on the dynamics of international trade. Economics of Stable Development. 2019;4(40):292–296. (In Russian).
5. *Авдеева О.А.* Analysis of Belarus' participation in the international trade in technology. Ekonomika i predprinimatelstvo. 2021;6(131):59–61. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.008>
6. *Nasution F.Z., Firmansyah M.F.* How Do Innovation and Technology Trade Affect Economic Growth Performance in Indonesia? Jurnal Akuntansi, Manajemen dan Ekonomi. 2022;4(24):1–20. <https://doi.org/10.32424/1.jame.2022.24.4.4932>
7. *Brodzicki T., Kwiatkowski J.* An Empirical Investigation into the Role of Technology Gap in the Trade Relations of the EU Member States. Entrepreneurial Business and Economics Review. 2018;2(6):111–135. <https://doi.org/10.15678/EBER.2018.060206>
8. *Bertulfo D.J., Gentile E., de Vries J.G.* The Employment Effects of Technology, Trade, and Consumption in Global Value Chains. Evidence for Developing Asia. Asian Development Review. 2022;02(39):1–44. <https://doi.org/10.1142/S011611052250010X>
9. *Авдеева О.А.* Analysis of USA's participation in the international trade in technology. Ekonomika i predprinimatelstvo. 2020; 3(116):73–76. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.116.3.012>.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.242.4

JEL L16, O25, O32, O38

DOI 10.26425/1816-4277-2024-6-45-54

Создание стимулов для развития нефтегазохимии в условиях санкционной экономики

Афанасьев Валентин Яковлевич

Д-р экон. наук, зав. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Байкова Оксана Викторовна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: o-baykova@yandex.ru

Большакова Ольга Ильинична

Канд. физ.-мат. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0009-0001-0048-9729, e-mail: olgabolsh@mail.ru

Романцов Александр Алексеевич

Студент
ORCID: 0009-0007-5646-7696, e-mail: romantsov2016@bk.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В условиях санкций развитие нефтегазохимического производства в Российской Федерации является особенно важным как с точки зрения роста продукции высокого передела с повышенной маржинальностью, так и с точки зрения необходимости увеличения спроса на углеводороды внутри страны при снижении экспортных поставок. Целью исследования являются анализ действующих и определение основных возможных стимулирующих мер государственной поддержки для активизации инвестиционной деятельности в модернизацию и создание новых производств нефтегазохимического комплекса Российской Федерации. В работе использовались такие методы, как обобщение, анализ и синтез, классификация и моделирование. В результате исследования определены основные проблемы и вызовы, стоящие перед отраслью, приоритетные направления деятельности нефтегазовых компаний, необходимые для ускоренного развития нефтегазохимии, представлены положительные примеры сотрудничества в области газопереработки и газохимии, а также создания промышленных кластеров. Проведен анализ механизмов проектного финансирования государственной корпорации «ВЭБ.РФ», обоснована потребность в привлечении компетентных специализированных российских ЕРС-контракторов из реестра рекомендованных «ВЭБ.РФ» для реализации проектов в области нефтегазохимии. На примере производства метанола и его использования в качестве сырья для создания продукции высоких переделов показана значимость долгосрочных договорных отношений между государством и бизнесом, таких как соглашения о защите и поощрении капиталовложений и специальные инвестиционные контракты, а также сформулирована необходимость обеспечения непрерывности мер государственной поддержки на всех стадиях создания и внедрения технологий для развития и совершенствования производства нефтегазохимической продукции.

Для цитирования: Афанасьев В.Я., Байкова О.В., Большакова О.И., Романцов А.А. Создание стимулов для развития нефтегазохимии в условиях санкционной экономики // Вестник университета. 2024. № 6. С. 45–54.

© Афанасьев В.Я., Байкова О.В., Большакова О.И., Романцов А.А., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Ключевые слова

Нефтегазохимический комплекс, технологический суверенитет, государственная поддержка, промышленный кластер, институты развития, фабрика проектного финансирования, специальный инвестиционный контракт, продукция высоких переделов, инжиниринг, государственно-частное партнерство

Creating incentives for petrochemistry development in sanctioned economy

Valentin Ya. Afanasiev

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Oksana V. Baykova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: o-baykova@yandex.ru

Olga I. Bolshakova

Cand. Sci. (Phys. and Math.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0009-0001-0048-9729, e-mail: olgabolsh@mail.ru

Alexandr A. Romantsov

Student
ORCID: 0009-0007-5646-7696, e-mail: romantsov2016@bk.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Under the conditions of sanctions, the development of petrochemical production in Russia is especially important both from the point of view of high-grade products growth with increased margins and the need to increase demand for hydrocarbons within the country with a decrease in export supplies. The purpose of the study is to analyze the existing and identify the main possible incentive measures of state support to enhance investment activities in modernization and creation of new production facilities of Russian petrochemical complex. Methods such as generalization, analysis and synthesis, classification and modeling were used in the work. As a study result, main problems and challenges facing the industry have been identified. Priority areas of oil and gas companies' activity necessary for petrochemistry accelerated development, positive examples of cooperation in the field of gas processing and gas chemistry, as well as industrial clusters creation have been presented. Project financing mechanisms of the state corporation VEB.RF have been analyzed. The need to attract competent specialized Russian EPC contractors from the register recommended by VEB.RF for implementing projects in the field of petrochemistry has been explained. Using the example of methanol production and its use as a raw material for high-grade products creation, importance of long-term contractual relations between the state and business, such as agreements on protection and promotion of capital investments and special investment contracts, has been shown. The need to ensure continuity of state support measures at all stages of creating and implementing technologies for developing and improving petrochemical products has been formulated.

Keywords

Petroleum and gas chemical complex, technological sovereignty, state support, industrial cluster, development institutions, project financing, special investment contract, high value-added products, engineering, public-private partnership

For citation: Afanasiev V.Ya., Baykova O.V., Bolshakova O.I., Romantsov A.A. (2024) Creating incentives for petrochemistry development in sanctioned economy. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 45–54.

© Afanasiev V.Ya., Baykova O.V., Bolshakova O.I., Romantsov A.A., 2024.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ

Нефтегазохимический комплекс Российской Федерации (далее – РФ, Россия) обладает значительным потенциалом в области расширения перерабатывающих мощностей и ассортимента выпускаемой продукции, однако на сегодняшний день существует ряд факторов, способных оказывать негативное влияние на темпы его развития. Одним из факторов является беспрецедентное санкционное давление со стороны «недружественных» стран, наряду с которым по-прежнему существует зависимость от зарубежного оборудования и технологий [1]. При этом в настоящее время на территории России наблюдается недостаток квалифицированных кадров, необходимых для поддержания работоспособности существующих мощностей, а также для создания и развития новых технологических процессов. Данный перечень дополняют проблемы, связанные со сложностями привлечения инвестиций в нефтегазохимический комплекс и смежные с ним отрасли. Для преодоления этих вызовов, стоящих перед комплексом и в целом экономикой России, необходимо минимизировать нежелательные последствия и создать стимулы для устойчивого функционирования и развития нефтегазохимии в условиях санкционной экономики.

РАЗВИТИЕ НЕФТЕГАЗОХИМИИ В УСЛОВИЯХ ЖЕСТКИХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Отечественный нефтегазохимический комплекс является крупным потребителем продукции нефтегазовых компаний, а наиболее востребованным углеводородным сырьем считаются попутный нефтяной газ (далее – ПНГ) и широкая фракция легких углеводородов (далее – ШФЛУ) [2]. Рассмотрим использование данного сырья публичным акционерным обществом (далее – ПАО) «СИБУР Холдинг».

На предприятиях холдинга в результате процесса газопереработки ПНГ разделяют на сухой природный газ, поставляемый на внешние рынки, и ШФЛУ, подвергаемую переработке для дальнейшего производства нефтегазохимической продукции. ШФЛУ проходит технологический процесс газодифракционирования, после чего сжиженные углеводородные газы (далее – СУГ) и нефтяная фракция выступают в роли продукции для конечного потребления и в качестве сырья для пиролиза и дегидрирования, преобразуемого в полуфабрикаты. Например, установки дегидрирования пропана ПАО «СИБУР Холдинг» позволяют производить 510 тыс. т пропилена в год¹. Далее в процессе прохождения полимеризации полуфабрикаты преобразуются в олефины и полиолефины, необходимые для производства полипропилена и полиэтилена, а также пластики, эластомеры и промежуточные продукты. Получаемая нефтегазохимическая продукция находит применение во многих областях деятельности, включая строительство, производство товаров повседневного спроса, химическую промышленность, коммунальное хозяйство и автомобилестроение.

В условиях жестких санкционных ограничений необходимо обеспечить устойчивое развитие нефтегазохимической промышленности посредством создания условий для стабильного функционирования и расширения перерабатывающих мощностей отечественных нефтегазовых компаний, позволяющих увеличивать объем выпуска существующей продукции и расширять ее ассортимент [3; 4]. С этой целью нефтегазовые компании в настоящее время оптимизируют технологические процессы в проектах, реализация которых начиналась совместно с западными партнерами из «недружественных» стран, впоследствии большинство из них прекратили свое участие. Несмотря на это, отечественная отрасль уже имеет положительный опыт, связанный с продолжением строительства и эксплуатацией объектов после выхода зарубежных организаций. Так, в 2022 г. после того, как немецкий газопроизводитель Linde покинул российский рынок, прекратив реализацию новых проектов на территории РФ, ПАО «Газпром» совместно с данной компанией осуществлявший строительство Амурского газоперерабатывающего завода (далее – ГПЗ), продолжил реализацию проекта после выхода из него лицензиара. В августе 2023 г. успешно были введены в коммерческую эксплуатацию две технологические линии газоразделения и одна технологическая линия по производству гелия, а 5 сентября 2023 г. первая партия гелия ушла на Гелиевый хаб. Все остальные линии по производству гелия планируют ввести в эксплуатацию до конца 2025 г., и тогда проектная производительность составит 42 млрд м³ гелия в год².

¹ СИБУР холдинг. Бизнес-модель. Режим доступа: <https://www.sibur.ru/ru/about/business-model/> (дата обращения: 23.03.2024).

² Газпром запустил в коммерческую эксплуатацию 2 первые линии Амурского ГПЗ и начал отгрузки гелия. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/Gazohimija/793519-gazprom-zapustil-v-kommercheskuyu-ekspluatatsiyu-2-pervye-linii-amurskogo-gpz-i-nachal-otgruzki-geli/> (дата обращения: 23.03.2024).

Появление мощностей по производству гелия расширило ассортимент выпускаемой продукции, позволило увеличить экспортный потенциал и создать предложение, необходимое для удовлетворения текущего спроса на данный вид сырья на внутреннем рынке. Важно отметить мультипликативный эффект Амурского ГПЗ, заключающийся в финансовых поступлениях в региональный бюджет, строительстве новых производств и появлении рабочих мест. Необходимо подчеркнуть, что в пиковый период строительства завода на площадке было задействовано приблизительно 35 тыс. чел., а количество постоянных рабочих мест составляло около 3 тыс. чел.³

Данный эффект дополняется строительством Амурского газохимического комплекса (далее – ГХК), который станет крупным потребителем этана и сжиженного углеводородного газа, поставки сырья будут производиться с Амурского ГПЗ, что предоставит возможность производить из него полимеры и в дальнейшем осуществлять строительство заводов, позволяющих создавать продукцию для народного хозяйства из полимеров. Более того, Амурский ГХК демонстрирует развитие нефтегазохимии посредством налаживания партнерских отношений с «дружественными» странами. Реализация строительства ПАО «СИБУР Холдинг» совместно с китайской компанией Sinopec Амурского ГХК с проектной производственной мощностью 2,3 млн полиэтилена и 400 т полипропилена в год является примером китайско-российского нефтехимического сотрудничества⁴. Взаимодействие с зарубежными партнерами способствует привлечению инвестиций в отечественную экономику, а также обмену компетенциями и технологиями, необходимыми для бесперебойного и эффективного функционирования Амурского ГХК.

Наряду с преимуществами от взаимодействия нефтегазовых и нефтегазохимических компаний, в том числе зарубежных, следует учитывать существующие серьезные потребности в квалифицированных кадрах, консалтинге и инжиниринге, а также в необходимости разработки новых технологий и продуктов, способствующих развитию нефтегазохимии высоких переделов [5]. Отчасти решению данных проблем способствует кластерный подход. Так, нефтегазовый кластер Тюменской области содействует взаимодействию малых и средних предприятий, таких как общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Полимерпласт», ООО «Тюменские металлоконструкции», акционерное общество «Сибнефтеавтоматика», ООО «Инновационные технологии» и др., с крупными компаниями, в том числе акционерным обществом «Сибнефтемаш», ООО «Газпромнефть-Ямал», ООО «Газпромнефть-Заполярье». В текущих условиях это особенно важно для развития субъектов малого и среднего предпринимательства и повышения инвестиционной привлекательности отрасли в целом. Также среди участников кластера находятся высшие учебные заведения и организации, предоставляющие технологическую и промышленную инфраструктуру⁵. Привлечение новых организаций и полноценное вовлечение в технологические процессы всех категорий участников кластера способны поддерживать устойчивое функционирование отраслевых предприятий в регионе, наращивать объемы выпуска продукции, развивать кадровый потенциал и внедрять инновационные разработки для движения от импортозамещения к технологическому суверенитету.

Решению ряда проблем развития нефтегазохимии в определенной степени может способствовать нефтегазохимический промышленный кластер Республики Татарстан, который объединяет компании, обладающие передовыми технологиями и компетенциями. На территории кластера сосредоточены запасы углеводородного сырья, прежде всего нефти и попутного нефтяного газа, их освоение ведется с помощью развитого топливно-энергетического комплекса, современных технологий и инфраструктуры. Среди 10 промышленных предприятий-участников кластера находятся якорные ПАО «Татнефть», акционерное общество (далее – АО) «ТАНЕКО», ПАО «Нижнекамскшина»⁶. Их взаимодействие снижает производственные издержки, позволяет повышать конкурентоспособность производимой нефтегазохимической продукции, а кластерный эффект способствует появлению дополнительных рабочих мест и привлечению новых инвестиций.

Однако для комплексного развития нефтегазохимии и всех связанных с ней отраслей целесообразно применение кластерного подхода, реализуемого с государственной поддержкой, направленной на развитие инфраструктуры, логистики, производства конечных нефтегазохимических и химических продуктов.

³ Газпром. Амурский газоперерабатывающий завод. Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/projects/amur-gpp/> (дата обращения: 23.03.2024).

⁴ China Sinopec. International Operations. Режим доступа: <http://www.sinopecgroup.com/group/en/ywfz/gjy.shtml> (дата обращения: 23.03.2024).

⁵ Тюменский технопарк. Резиденты технопарка. Режим доступа: <https://tyumen-technopark.ru/projects> (дата обращения: 23.03.2024).

⁶ Нефтегазохимический промышленный кластер Республики Татарстан. Совместные проекты. Режим доступа: <http://cluster.tatar/> (дата обращения: 23.03.2024).

При этом стимулировать спрос на такую продукцию способно опережающее развитие смежных с нефтегазохимией отраслей и секторов экономики⁷. Для устойчивого роста производственных мощностей и развития нефтегазохимического комплекса требуется привлечение финансирования в рамках кредитования как в наиболее привлекательные, так и в стратегически важные проекты нефтегазохимии, уделяя должное внимание хеджированию процентных рисков заемщиков и кредиторов. Одним из таких элементов поддержки на сегодняшний день является Фабрика проектного финансирования государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ».

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ «ВЭБ.РФ» ДЛЯ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОХИМИИ

Фабрика проектного финансирования (далее – ФПФ) представляет механизм привлечения инвестиций в приоритетные отрасли отечественной экономики, реализуемый с применением мер государственной поддержки и позволяющий увеличивать объемы кредитования конкретных проектов. Меры поддержки заключаются в субсидировании процентной ставки кредиторам в рамках синдиката, а также в предоставлении государственной гарантии по облигациям ФПФ. Заемщикам предоставляется возможность получения денежных средств на основании договоров синдицированного кредита с участием коммерческих банков и «ВЭБ.РФ», который является кредитным управляющим в синдикате. В ФПФ отбираются проекты со стоимостью более 3 млрд руб. и со сроком финансирования до 20 лет, при этом собственные средства инициатора проекта должны быть равны или больше 20 % от стоимости проекта. В программу данного механизма периодически вносят изменения. Так, в 2022 г. лимит ФПФ увеличился с прежних 294 до 500 млрд руб. Также при соблюдении условия раздельного учета проекта заемщикам теперь не обязательно создавать компанию специального назначения для реализации и обслуживания проекта – они могут реализовывать инвестиционные проекты на базе действующих предприятий.

Потребность в использовании ФПФ возрастает в условиях экономической нестабильности, сопровождающейся повышением ключевой ставки регулятором, так как при заключении инициатором проекта (заемщиком) договора синдицированного кредита с синдикатом коммерческих банков (кредитором) «ВЭБ.РФ» подписывает договор производного финансового инструмента с заемщиком, позволяющий получать субсидирование процентной ставки. Затем Министерство экономического развития РФ на основании соглашения о субсидии предоставляет «ВЭБ.РФ» выплаченные заемщику денежные средства⁸. В результате заемщик получает кредит со сниженной процентной ставкой и гарантии в случае повышения ключевой ставки Центральным банком РФ, а банки работают на рыночных условиях, так как содействии «ВЭБ.РФ» позволяет получать выплаты % по кредитам в полном объеме. Следовательно, данный механизм позволяет избежать резкого снижения инвестиционной привлекательности проектов ключевых отраслей экономики и, соответственно, темпов строительства новых мощностей, от которых зависит экономический рост России.

Однако перед заключением договора синдицированного кредита с участием коммерческих банков и «ВЭБ.РФ» необходимо тщательно отбирать проекты в ФПФ, учитывая потенциальные риски, в том числе в области международного сотрудничества, способные оказать влияние на успешную реализацию проекта. В рамках ФПФ был выдан синдицированный кредит при участии «ВЭБ.РФ», ПАО «Сбербанк», публичного акционерного общества «ВТБ» и финансовой корпорации «Открытие» на строительство завода по производству аммиака и карбамида в Ленинградской области. Проект получил название «Кингисепп 2», его производственный потенциал составляет 1,1 млн т аммиака и 1,4 млн т карбамида в год, объем инвестиций равен 1,7 млрд долл. США. Запуск планировался в III квартале 2023 г.⁹. Заказчиком является один из ведущих российских производителей минеральных удобрений АО «Минерально-химическая компания «Еврохим», а генеральным подрядчиком – итальянский EPC-контрактор «Technimont SPA», оказывающий инженеринговые услуги. Однако в связи с введением международных

⁷ Центр стратегических разработок. Нефтегазохимия в России: возможности для роста. Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/d88/9vy10zbpvss8f0h8z31616dij5zab3s6.pdf> (дата обращения: 23.03.2024).

⁸ ВЭБ.РФ. Фабрика проектного финансирования. Режим доступа: <https://вэб.рф/biznesu/fabrika-proektnogo-finansirovaniya/> (дата обращения: 23.03.2024).

⁹ Деловой Петербург. Прикрылись санкциями: «ЕвроХим» переносит запуск нового завода в Ленобласти. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2023/02/15/Prikrylis_sankcijami (дата обращения: 23.03.2024).

санкций в 2022 г. компания была вынуждена приостановить реализацию проекта¹⁰. Это решение привело к смещению запуска производства минимум на полгода и создало ряд неопределенностей, требующих разрешения. Планируемое производство аммиака на данном заводе должно увеличить потенциальные возможности нефтехимической промышленности, ведь аммиак используется для синтеза карбамида, в качестве удобрения, компонента для получения фармацевтических препаратов и пластмасс.

ФПФ, как уже было отмечено, содействует созданию условий для привлечения инвестиций в наиболее приоритетные сектора экономики России, поэтому необходимо тщательно отбирать исполнителей для того, чтобы максимально повысить вероятность успешной реализации инвестиционной фазы проекта с последующим переходом в эксплуатационную. Принимаемое решение об отказе от участия в проекте одним из подрядчиков способно приостановить ход выполнения работ на какое-то время, пока идет поиск нового исполнителя, что будет сопровождаться финансовыми и временными потерями с последующим негативным влиянием на движение отечественной экономики к технологическому суверенитету.

ФПФ не является единственным механизмом поддержки от «ВЭБ.РФ», пригодным для применения в нефтегазохимическом комплексе. «Государственная корпорация развития» осуществляет финансирование инвестиционных проектов в области промышленности высоких переделов, способствующих технологическому развитию российской экономики, соответствующих приоритетам государства и обладающих потенциалом софинансирования. Срок окупаемости таких проектов составляет более года, а общая стоимость должна превышать 1 млрд руб. «ВЭБ.РФ» может участвовать в капитале коммерческой организации до 10 лет, предоставляя преимущественно среднесрочное (до трех лет) и долгосрочное (более трех лет) финансирование на возвратной основе. Минимальный совокупный размер участия «ВЭБ.РФ» равен 500 млн руб. Предоставляя услуги, «Государственная корпорация развития» может рекомендовать к привлечению участником проекта специализированные компании, соответствующие требованиям «ВЭБ.РФ», что особенно актуально в условиях, сопровождающихся выходом европейских компаний с российского рынка.

Потребность нефтегазохимических компаний в инжиниринговых услугах, оказываемых квалифицированными специалистами, в последнее время растет. Не менее востребован и обратный инжиниринг, необходимый для поддержания функционирования существующего комплекса технологических установок, смонтированного совместно с западными лицензиарами. Для выполнения таких масштабных работ необходимы гарантии, подтверждающие компетентность организаций. В реестре «ВЭБ.РФ» находится инжиниринговая компания со специализацией в нефтегазовой отрасли и нефтехимии – АО «НИПИ-ГАЗ», которое может начать выполнение новых заказов и взять на себя обязательства уходящих западных EPC-контракторов (Engineering, Procurement, Construction). Найм данной организации в рамках финансирования проекта оправдан соответствием требованиям, установленным «ВЭБ.РФ»¹¹.

Как известно, инжиниринговые компании нередко выступают в роли генерального подрядчика, привлекая к выполнению работ субподрядные организации, которые в свою очередь могут быть зарубежными, в том числе из европейских стран, что в некоторых случаях может создать угрозу реализации контракта. Так, публичное акционерное общество «Газпром» привлекло для строительства Амурского ГПЗ в качестве генерального подрядчика АО «НИПИГазпереработка», которое заключило EPC-контракт (Engineering, Procurement, Construction and Commissioning) в июне 2017 г. с уже упоминаемой в настоящем исследовании итальянской компанией Tecnimont SPA. Контракт предусматривает реализацию пакета № 3 Амурского ГПЗ и касается только инженерных сетей и инфраструктуры завода, а технологические установки поставляются другими подрядчиками, монтаж осуществляется генеральным подрядчиком АО «НИПИГазпереработка». Не следует забывать опыт проекта «Кингисепп 2» и приостановку Tecnimont SPA в 2022 г. реализации EPC-контракта (Engineering, Procurement and Site Services) Амурского ГХК и по наиболее приоритетным для достижения технологического суверенитета направлениям снижать зависимость от зарубежных EPC-контракторов посредством обеспечения развертывания необходимых научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, в том числе в рамках обратного инжиниринга, как и предусмотрено в Концепции технологического развития РФ до 2030 г.¹²

¹⁰Maire Official Website. 2022 Annual Financial Report. Режим доступа: https://www.mairetecnimont.com/media/financial_results/financial-report-xhtml-english-version-available-2/index.html (дата обращения: 23.03.2024).

¹¹ВЭБ.РФ. Промышленность высоких переделов. Режим доступа: <https://вэб.рф/biznesu/finansirovaniye-proyektov/promyshlennost-vysokikh-peredelov/> (дата обращения: 23.03.2024).

¹² Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года. Режим доступа: <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 23.03.2024).

Применение комплексного подхода к отбору проектов, включающего учет таких рисков, будет содействовать большей эффективности финансовой поддержки, оказываемой корпорацией «ВЭБ.РФ» с целью создания промышленности высоких переделов предприятиями обрабатывающей промышленности, и позволит устойчиво развивать не только производственные мощности нефтегазохимического комплекса, но и смежные с ним отрасли экономики, способствующие созданию опережающего спроса на потребление нефтегазохимической продукции. Для стимулирования развития нефтегазохимии наряду с механизмами проектного финансирования «ВЭБ.РФ» также необходимо применять иные меры государственной поддержки.

ЗНАЧИМОСТЬ ДОЛГОСРОЧНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И БИЗНЕСОМ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОХИМИИ

Нефтегазохимический комплекс является ключевым драйвером промышленного роста за счет мультипликативного эффекта, действующего в первую очередь на потребляющие отрасли, и имеет стратегическое значение для российской экономики. Ключевым инструментом, способствующим реализации потенциала нефтегазохимического комплекса и достижению целей, предусмотренных в документах стратегического планирования в сфере топливно-энергетического комплекса, в том числе в плане мероприятий («дорожная карта») по развитию нефтегазохимического комплекса РФ на период до 2025 г., является государственная поддержка [6]¹³.

Элементы государственной поддержки повышают экономическую привлекательность инвестиционных проектов нефтегазохимии и содействуют устойчивости нефтегазодобычи, создавая внутренний спрос на углеводородное сырье. Стоит отметить, что нефтегазовый сектор по-прежнему является системообразующим, его доля в I и II кварталах 2023 г. в валовом внутреннем продукте РФ по данным Федеральной службы государственной статистики составляет 17 и 16 % соответственно¹⁴. Следовательно, в виде важного вопроса в «дорожной карте» по развитию нефтегазохимического комплекса на период до 2025 г. представлено расширение сырьевой базы, а именно рассмотрение возможности использования метанола для производства химической продукции, так как ввод новых мощностей по его производству может привести к профициту сырья на внутреннем рынке¹⁵. Для решения данного вопроса необходимо соблюдать рыночное равновесие, когда величина спроса и предложения будет совпадать. Это станет возможным в случае готовности нефтегазохимическими предприятиями использовать метанол в качестве сырья и осуществлять ввод новых мощностей по его переработке, чтобы избежать профицита сырья на отечественном рынке и, соответственно, снижения его стоимости, что позволит более уверенно наращивать объемы производства нефтехимической продукции из метанола. Более подробно области применения метанола представлены на рис. 1.

Отдельно следует отметить использование метанола в качестве сырья для получения метил-трет-бутилового эфира (далее – МТБЭ). На установках производства МТБЭ метанол преобразуется в один из основных кислородосодержащих высокооктановых компонентов для получения неэтилированного бензина, то есть представляет топливную присадку, которая повышает детонационную стойкость бензина при смешивании и позволяет сокращать количество нежелательных выбросов в атмосферу при его использовании в виде моторного топлива посредством снижения содержания продуктов неполного сгорания в выхлопных газах.

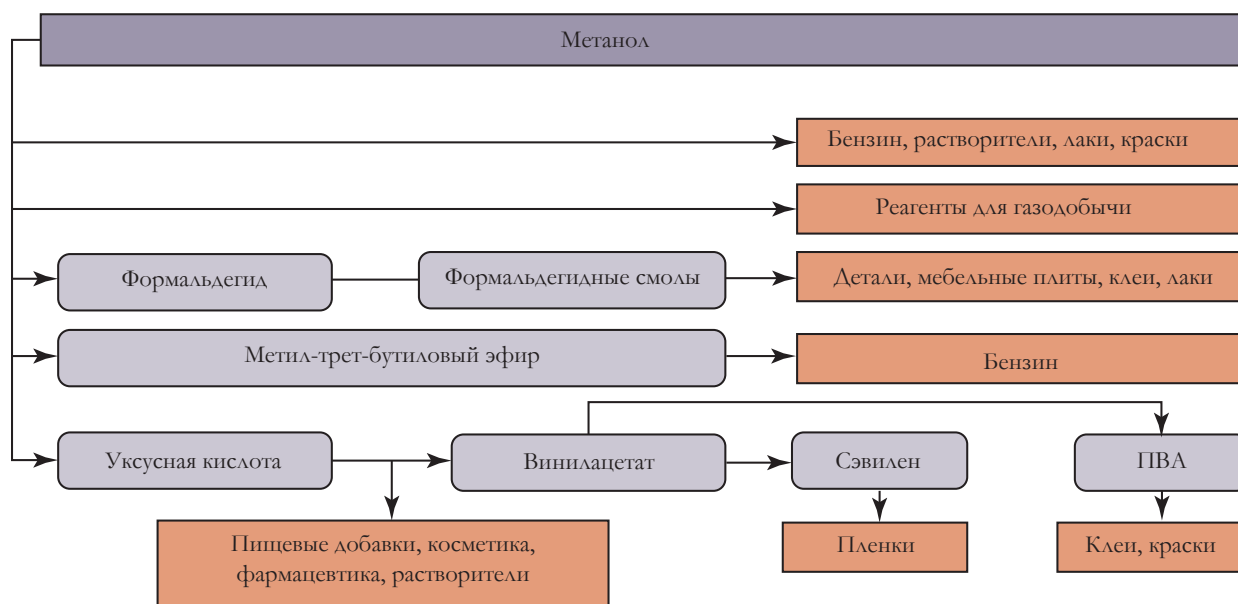
Содействие созданию новых мощностей глубокой переработки метанола и в целом, развитию нефтегазохимического комплекса России окажут долгосрочные договорные соглашения между государством и бизнесом, предполагающие наличие государственной поддержки, а также распределение рисков и выгоды от реализации проектов. Такого рода соглашения можно считать государственно-частным партнерством (далее – ГЧП) в широком смысле (по экономическому содержанию), то есть так называемыми квази-ГЧП проектами, представляющими различные формы соглашений, заключаемых на период более трех лет между публичным и частным партнерами в целях привлечения частных инвестиций в российскую экономику, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [7]. Такие контракты дают возможность на льготных

¹³ Правительство утвердило «дорожную карту» развития нефтегазохимического комплекса до 2025 года. Режим доступа: <http://government.ru/docs/48543/> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁵ Правительство утвердило «дорожную карту» развития нефтегазохимического комплекса до 2025 года. Режим доступа: <http://government.ru/docs/48543/> (дата обращения: 23.03.2024).

условиях осуществлять строительство технологических установок, позволяющих перерабатывать поступающее углеводородное сырье в полуфабрикаты, промежуточную продукцию для дальнейшей переработки или перепродажи и конечную, что необходимо для функционирования нефтегазохимического комплекса.

Примечание: ПВА – поливинилацетат

Источник^{16,17}

Рис. 1. Области применения метанола

На сегодняшний день имеется множество различных типов квази-ГЧП проектов, в связи с чем целесообразно изучить возможность применения различных форм государственной поддержки. Для этого рассмотрим один из наиболее привлекательных для развития нефтегазохимии механизм ГЧП в широком понимании (квази-ГЧП) – соглашение о защите и поощрении капиталовложений (далее – СЗПК), гарантирующее неизменность условий реализации инвестиционных проектов и возмещение затрат на строительство необходимой инфраструктуры посредством применения стабилизационной оговорки, максимальный срок которой зависит от объема капиталовложений и сферы экономики. В 2021 г. Правительством РФ был утвержден перечень установок по производству жидкого топлива для использования СЗПК в нефтепереработке, содержащий наименования 12 установок вторичной переработки нефтяного сырья, включая установки газодифракционирования, алкилирования, производства метил-трет-бутилового эфира, замедленного коксования и др.¹⁸

В текущих условиях, сопровождающихся беспрецедентными санкционными ограничениями и повышенными рисками неопределенности, применение СЗПК особенно актуально, в том числе для строительства установок производства МТБЭ, поскольку стимулирует создание продукции высокого передела посредством вовлечения метанола в процессы переработки. Эта необходимость обуславливается вероятностью перенасыщения внутреннего рынка метанолом и падения его стоимости в связи с возможным снижением экспортных поставок из-за включения данного сырья в санкционные списки¹⁹. В таких обстоятельствах предоставляемая государством поддержка при заключении СЗПК вносит вклад в функционирование и развитие нефтегазохимического комплекса в целом, а крупные нефтегазовые компании обретают возможность долгосрочного планирования при строительстве установок из перечня,

¹⁶ Центр стратегических разработок. Нефтегазохимия в России: возможности для роста. Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/d88/9vy10zbpvss8f0h8z31616dij5zab3s6.pdf> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁷ УралХимСинтез. Метанол и продукты на его основе. Режим доступа: https://uralchs.ru/images/Media/uchs_Metanol.pdf (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2021 г. № 405. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/133371/> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁹ European Union. Document 32022R1904. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=celex%3A32022R1904> (дата обращения: 23.03.2024).

утвержденного Правительством РФ в рамках реализации инвестиционных проектов, в отношении которых заключается СЗПК, что позволит увеличить потребление метанола и других видов углеводородного сырья на внутреннем рынке с целью его использования в процессе создания продукции высокого передела.

Активное вовлечение институтов развития в процессы модернизации нефтегазохимического комплекса содействует реализации масштабной инвестиционной деятельности на территории России. В связи с этим следует рассмотреть предоставляемые основанным по инициативе Министерства промышленности и торговли РФ Фондом развития промышленности механизмы государственной поддержки, а именно Специальные инвестиционные контракты 1.0 и 2.0 (далее – СПИК 1.0 и СПИК 2.0). СПИК 1.0 направлен на создание либо модернизацию и/или освоение производства промышленной продукции и заключается на срок до 10 лет, размер инвестиций должен превышать 750 млн руб. без налога на добавленную стоимость. СПИК 2.0 предназначен для освоения серийного производства промышленной продукции на основе современной технологии.

В качестве примера СПИК 2.0 приведем технологию получения метанола методом парового риформинга с применением высокоактивных катализаторов и каталитической очистки дымовых газов от окислов азота, которая отличается повышенной эффективностью процессов переработки и обеспечивает значительное сокращение газовых выбросов в атмосферу. В результате внедрения такой технологии будет создано производство конкурентоспособного на внешнем рынке продукта, что способствует наращиванию экспортного потенциала. Необходимо учитывать также объемы производства и потребления данного сырья на внутреннем рынке, которые должны быть сбалансированы. Сроки поддержки в рамках СПИК 2.0 варьируются в зависимости от объема инвестиций. Если инвестиции не превышают 50 млрд руб., то срок поддержки составляет до 15 лет, в противном случае – до 20 лет, при этом минимальный объем инвестиций не установлен. Данные контракты предусматривают ряд федеральных, региональных и муниципальных налоговых льгот. Среди федеральных налоговых мер поддержки следует выделить возможность снижения ставки налога на прибыль до 0 % и возможность получения уже рассматриваемыми в настоящем исследовании участниками промышленных кластеров, если они одновременно являются стороной СПИК 1.0 с участием РФ, большего количества преференций в виде снижения ставки по страховым взносам до 7,6 %²⁰.

Таким образом, в настоящее время в России действует много инструментов поддержки производства высокотехнологичной продукции и формируются новые подходы на основе сквозных технологических приоритетов, которые могут успешно применяться для развития нефтегазохимии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В текущих условиях в России необходимо определять наиболее приоритетные направления для стимулирования инвестиционной деятельности и обеспечения непрерывности мер поддержки на всех стадиях создания и внедрения технологий от научных исследований и разработок до производства высокотехнологичной продукции, учитывая интересы национальной безопасности, экономическую целесообразность и прошлый опыт взаимодействия с зарубежными партнерами. Одним из таких направлений является развитие и совершенствование производства нефтегазохимической продукции с высокой добавленной стоимостью. Содействие в этом должны оказать договорные формы интеграции научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности, использование инструментов государственно-частного партнерства. Сотрудничество и скоординированное взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, бизнеса и участников промышленных кластеров с вовлечением центров фундаментальных исследований и институтов развития позволит формировать и эффективно использовать меры государственной поддержки, в том числе в части привлечения финансирования, которые необходимы для модернизации существующих и строительства новых конкурентоспособных нефтегазохимических производств, ориентированных как на внутренний, так и на внешний рынок, что в свою очередь приведет к ускорению темпов развития нефтегазохимического комплекса России в направлении от импортозамещения к технологическому суверенитету.

²⁰ Фонд развития промышленности. Специальные инвестиционные контракты. Режим доступа: <https://bod.frprf.ru/public/documents/prezentaciya-spic-20> (дата обращения: 23.03.2024).

Список литературы

1. *Афанасьев В.Я., Большакова О.И., Романцов А.А.* Трансформация топливно-энергетического комплекса для обеспечения энергетической безопасности России в эпоху санкционных ограничений. Вестник университета. 2023;9:93–102. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-93-102>
2. *Голубева И.А., Худяков Д.С., Родина Е.В.* Перспективы развития нефтегазохимии в России. Проектируемые и строящиеся нефтегазохимические комплексы. НефтеГазоХимия. 2019;2:5–12. <https://doi.org/10.24411/2310-8266-2019-10201>
3. *Жданев О.В.* Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации. Записки Горного института. 2022;258:1061–1078. <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.107>
4. *Байкова О.В., Большакова О.И., Чеботаява Е.С., Громыко Е.О.* Оценка результатов модернизации и перспектив развития российской нефтепереработки в условиях санкционных ограничений. Вестник университета. 2023;11:81–91. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-81-91>
5. *Пыхов П.А.* Топливо-энергетический комплекс России в условиях санкционных ограничений. Московский экономический журнал. 2022;12(7). https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_12_748
6. *Афанасьев В.Я., Большакова О.И., Романцов А.А.* Модернизация топливно-энергетического комплекса России в направлении экономики замкнутого цикла. Вестник университета. 2023;12:62–71. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-62-71>
7. *Большакова О.И., Израелин Е.А.* Развитие государственно-частного партнерства в топливно-энергетическом комплексе России. Вестник университета. 2018;5:48–53. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-5-48-53>

References

1. *Afanasyev V.Ya., Bolshakova O.I., Romantsov A.A.* Transformation of the fuel and energy complex to ensure Russia's energy security in the era of sanctions restrictions. Vestnik universiteta. 2023;9:93–102. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-93-102>
2. *Golubeva I.A., Kbuduyakov D.S., Rodina E.V.* The prospects for the development of oil and gaschemistry in Russia. Projected oil and gas chemical complexes and those under construction. Oil & Gas Chemistry. 2019;2:5–12. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2310-8266-2019-10201>
3. *Zhdanev O.V.* Technological sovereignty of the Russian Federation fuel and energy complex. Journal of Mining Institute. 2022;258:1061–1078. (In Russian). <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.107>
4. *Baykova O.V., Bolshakova O.I., Chebotayeva E.S., Gromyko E.O.* Evaluation of the results of modernization and prospects for the development of Russian oil refining in conditions of sanctions restrictions. Vestnik universiteta. 2023;11:81–91. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-81-91>
5. *Pykhov P.A.* Fuel and energy complex of Russia under sanctions restrictions. Moscow Economic Journal. 2022;12(7). (In Russian). https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_12_748
6. *Afanasyev V.Ya., Bolshakova O.I., Romantsov A.A.* Modernization of the fuel and energy complex of Russia in the direction of a closed-cycle economy. Vestnik universiteta. 2023;12:62–71. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-62-71>
7. *Bolshakova O., Israelyan E.* The evolution of public-private partnership in the fuel and energy complex of Russia. Vestnik universiteta. 2018;5:48–53. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-5-48-53>

Механизм стратегического развития для улучшения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий

Великая Ольга Александровна

Дир. Института непрерывного образования
ORCID: 0000-0002-8404-0485, e-mail: velikaya.olga1@mail.ru

Национальный исследовательский технологический университет МИСиС, г. Москва, Россия

Аннотация

В последние годы, в процессе образования технологического суверенитета, повышение конкурентоспособности и формирование условий эффективного развития промышленных металлургических предприятий вызывают много дискуссий, суть которых сводится к обсуждению введенных в отношении российских промышленных предприятий санкций, коснувшихся поставок сырья и комплектующих, поэтому тема исследования является актуальной для отечественной промышленности. Увеличение конкурентоспособных преимуществ способствует развитию национальной экономики промышленных металлургических предприятий, так как их продукция применяется во многих отраслях реального сектора экономики. Статья направлена на оценку современного уровня механизма стратегического развития и увеличения конкурентоспособных преимуществ и устойчивости металлургической промышленности при эффективной оптимизации финансовых затрат на поставки, основанные на систематизации и прогнозировании. Осуществленное изучение материалов ученых, работавших над проблемой и исследовавших данные вопросы, показало, что особая роль отводится оценке механизма стратегического развития, способствующего улучшению конкурентоспособности и устойчивому развитию металлургических предприятий, а также преобразованию производительных сил региона и производственных отношений в металлургическом комплексе, который на современном этапе выходит на новую стабилизационную ступень своего развития.

Ключевые слова

Конкурентоспособность, металлургия, металлургические предприятия, промышленность, стратегия развития, производственные силы, механизм стратегического развития, устойчивое развитие

Для цитирования: Великая О.А. Механизм стратегического развития для улучшения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий // Вестник университета. 2024. № 6. С. 55–61.

A strategic development mechanism to improve the competitiveness and sustainability of metallurgical enterprises

Olga A. Velikaya

Director of the Institute of Continuing Education
ORCID: 0000-0002-8404-0485, e-mail: velikaya.olga1@mail.ru

National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia

Abstract

In recent years, in the process of technological sovereignty formation, increasing competitiveness and formation of conditions for the effective development of industrial metallurgical enterprises cause a lot of discussions, the essence of which is reduced to discussing the sanctions imposed on Russian industrial enterprises, affecting the raw materials and components supply, so the research topic is relevant to the domestic industry. The increase of competitive advantages contributes to the development of the national economy of industrial metallurgical enterprises, as their products are used in many industries of the real sector of the economy. The article is aimed at assessing the current level of the strategic development mechanism and increasing competitive advantages and sustainability of the metallurgical industry with effective optimization of supplies' financial costs based on systematization and forecasting. The carried out study of the scientists' materials, who worked on the problem and investigated these issues, has shown that a special role is assigned to the strategic development mechanism evaluation, which contributes to improving competitiveness and sustainable development of metallurgical enterprises, as well as the transformation of the regional productive forces and production relations in the metallurgical complex, which at the present stage is entering a new stabilization stage of its development.

Keywords

Competitiveness, metallurgy, metallurgical enterprises, industry, development strategy, production forces, strategic development mechanism, sustainable development

For citation: Velikaya O.A. (2024) A strategic development mechanism to improve the competitiveness and sustainability of metallurgical enterprises. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 55–61.

ВВЕДЕНИЕ

Промышленность выступает фундаментом для ряда отраслей и видов деятельности в экономике, так как именно промышленное производство обеспечивает и снабжает средствами труда, а также материалами и пр. При анализе функционирования российских промышленных металлургических комплексов наиболее существенными выступают показатели, характеризующие их устойчивость и оценивающие их риски. Данные показатели выступают основой при проведении анализа перспективного развития металлургических предприятий при негативной ситуации развития промышленного производства в период ограничений и санкций.

Спецификой формирования индустриальных предприятий выступают преобразования металлургических предприятий, которые способствуют их динамичному развитию и при помощи которых они становятся высокотехнологичными, эффективными и конкурентоспособными на основе элементов стратегирования.

На современном рубеже формирования экономики страной делаются конструктивные меры по формированию критериев для стратегического развития и перспективного планирования промышленных предприятий. Металлургия оказалась в условиях, которые складываются на настоящем этапе развития российской экономики и которые можно охарактеризовать как сложные, в связи с чем индустриальные металлургические предприятия не имеют возможности к активному участию в конкурентной борьбе в условиях системных ограничений и кризисов. Большое значение при оценке деятельности российских металлургических промышленных предприятий имеют показатели, характеризующие механизм стратегического развития, особое значение при этом имеют их конкурентоспособность и устойчивость [1; 2].

При проведении оценки и анализа механизма стратегического развития для улучшения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий выявлено, что деятельность промышленных металлургических предприятий и их экономические показатели находятся в прямой зависимости от генерирующей инфраструктуры.

Текущие санкции затрудняли для российской металлургической промышленности поиск замены важных компонентов. Более того, предприятия сталкиваются с трудностями при выполнении необходимых расчетов. Несмотря на эти проблемы, общая макроэкономическая ситуация в промышленном секторе региона стабилизировалась и демонстрирует признаки роста. Поддержка конкурентоспособности российских металлургических производителей приведет к увеличению финансовых успехов, созданию новых возможностей трудоустройства и более высоким налоговым поступлениям. Эти положительные последствия будут способствовать общему развитию российской экономики, особенно во времена кризиса.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Изучаемую тему исследовали следующие ученые: И. Ансофф, М. Портер, Б. Санто, Ф. Шерер, Ф. Янсен и др. С теоретической точки зрения использовались труды С.А. Валентя, С.Ю. Глазьева, А.А. Дагаева, С.В. Ермасова, В.К. Зинова, А.З. Селезнева и др. Все проведенные и проводимые в настоящее время исследования ученых оказывают весомое влияние на применяемые разработки в плане формирования механизма стратегического развития для повышения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий [3; 4].

Тем не менее ограниченность проводимых исследований с позиции стратегического развития и обеспечения технологического суверенитета отечественной экономики не является проработанной и точно отражающей все направления. Это обусловило возможность предположения и выдвижения гипотезы о необходимости разработки адекватных стратегических инструментов, позволяющих промышленным предприятиям не только оперативно отражать «вызовы», но и определять точки роста, формировать, корректировать и успешно реализовывать стратегии развития в условиях системных изменений с целью обеспечения технологического суверенитета отечественной экономики. Это позволило определить тему исследования и сфокусировать наше внимание на конкретно сформулированной цели.

Актуальность темы исследования заключается в систематизации и оценке группы показателей, характеризующих особенность развития металлургических промышленных предприятий, а также изучении процесса их преобразования в динамично развивающуюся, инновационную, эффективную и конкурентоспособную отрасль на основе стратегических инструментов, что определяет цель и задачи работы.

Целью выступает механизм стратегического развития для улучшения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий [5; 6].

Объектом исследования выступает промышленность Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в сложных условиях ограничений и санкций.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методологии исследования в работе выбран системный анализ, который позволяет увидеть процессы, происходящие в экономическом пространстве под влиянием конструктивных и деструктивных факторов кризиса. Помимо этого, основой выступили научные труды отечественных и зарубежных исследователей в области стратегического и инновационного менеджмента, теории организаций и организационного проектирования, теории инновационного развития и сетевого взаимодействия. Информационной базой исследования послужили статистические данные Министерства экономического развития РФ, монографические труды отечественных и зарубежных ученых, материалы научных конференций, статьи по исследуемой проблеме.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в России наблюдаются стабилизация и рост ключевых макроэкономических показателей, которые отражают устойчивое развитие промышленного сектора в рамках региональной экономической системы. При этом необходимо отметить, что предприятия металлургического комплекса являются базисом для эффективного и передового развития металлургического сектора промышленности. Формирование отрасли мы рассмотрели через призму изменения ключевых критериев, характеризующих уровень ее выработки. Несмотря на системные кризисы, предприятия переходят в стадию возрождения – происходит данный процесс при помощи роста объемов производства; предприятия стали более гибкими, акклиматизировались в конкурентных условиях ведения хозяйства [7; 8].

Чтобы обеспечить развитие предприятий, которые производят промышленную продукцию, необходимо создать сбалансированные бизнес-системы и использовать факторы, которые открывают новые возможности для предприятия.

Увеличение производительности способствует весомому значению для развития металлургического производства, и оно сопряжено с процессом стратегического управления металлургическим промышленным предприятием, которое осуществляется в совокупности с формированием сбалансированных бизнес-систем и задействованием факторов, открывающих для предприятия перспективные направления развития (рис. 1).

Схема стратегического управления металлургическими предприятиями поможет оптимизировать ситуацию и создать сбалансированную и гибкую систему управления финансовыми ресурсами. Она основана на стратегическом развитии и использовании маркетинговых инструментов, которые позволяют выявить конкурентные преимущества российских металлургических предприятий и определить направления для их долгосрочного развития.

Сбалансированная и чуткая, реагирующая на изменения система стратегического управления при распределении финансовых потоков концентрируется при использовании механизма, сформированного на перспективу, способствующего выявлению эффективных направлений, в которых металлургические промышленные предприятия будут выступать конкурентоспособными (рис. 2).

Нехватка свободных финансовых ресурсов и денежных потоков, которые могли бы быть направлены на обновление и расширение основных фондов, а также напряженная международная обстановка, санкции и, как следствие, сложная экономическая ситуация в стране приводят к значительному увеличению складских запасов промышленных предприятий и в результате к снижению спроса на продукцию металлургической отрасли [9; 10].

Устойчивое стратегическое развитие металлургических предприятий на этапе санкций и ограничений, производящих промышленную продукцию, осуществляется посредством формирования или создания сбалансированных бизнес-систем и использования факторов, способствующих перспективному развитию предприятия [11; 12].

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Схема процесса стратегического управления промышленным предприятием с целью повышения производительности

Примечание: НТП – научно-технический прогресс

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Схема обеспечения конкурентоспособности производителей промышленной продукции с позиций стратегического менеджмента

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значимость механизма стратегического развития для улучшения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий выходит на новую, качественную, стабилизационную ступень. В процессе проведенного исследования был выявлен механизм стратегического развития для улучшения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий как целостной системы оценки уровня развития промышленного производства в России.

В ходе исследования были получены важные теоретические и методические научные результаты. В частности, были определены и систематизированы теоретические принципы использования инструментов стратегического управления для:

- повышения конкурентоспособности и обеспечения стабильного развития промышленных компаний;
- определения ключевых факторов, влияющих на конкурентоспособность предприятий;
- создания методики оценки конкурентоспособности компаний, которая была протестирована на нескольких металлургических предприятиях региона;
- разработки механизма стратегического развития предприятий;
- определения стратегических приоритетов развития промышленных предприятий в целях обеспечения импортонезависимости отечественной промышленности.

Мы смогли осуществить систематизацию различных подходов к процессу формирования механизма стратегического развития для улучшения конкурентоспособности и устойчивости металлургических предприятий как интегрированной системы эффективного развития металлургической промышленности, а также управления предпринимательских рисков.

Таким образом, механизм стратегического развития играет важную роль в повышении конкурентоспособности и обеспечении стабильности металлургических предприятий, поскольку он способствует трансформации производственных процессов и отношений на металлургических предприятиях, которые в настоящее время переходят на качественно новый уровень развития.

Список литературы

1. Гребенкин И.В. Тенденции изменения промышленной специализации и динамика развития российских регионов. Экономика региона. 2020;1(16):69–83. <https://doi.org/10.17059/2020-1-6>
2. Абрамов В.И., Асаул В.В., Вагин С.Г., Николаева К.С. Государственное регулирование инновационной активности организаций. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014;11(121):91–94.
3. Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность. Пространственная экономика. 2019;4(15):13–35. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
4. Araújo I.F., Gonçalves E., Almeida E. Effects of dynamic and spatial externalities on local growth: Evidence from Brazil. Papers in Regional Science. 2019;2(98):1239–1259.
5. Давыдова И.В., Огородникова Е.П. Прогнозирование показателей денежного обращения в российской федерации. В кн.: В фокусе достижений молодежной науки: материалы Ежегодной итоговой научно-практической конференции, Оренбург, 23 декабря 2022 г. Оренбург; 2023. С. 750–753.
6. Воронин М.А., Огородникова Е.П. Формирование доходной части региональных бюджетов: оценка и оптимизация. В кн.: Национальные приоритеты развития агропромышленного комплекса: материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием, Оренбург, 17 ноября 2023 г. Оренбург: Агентство Пресса; 2023. С. 943–947.
7. Вагин С.Г. Тенденции и условия развития управления крупными социально-экономическими системами. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007;2(28):27–30.
8. Иванов О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации. Журнал социологии и социальной антропологии. 2013;2:49–64.

References

1. Grebenkin I.V. Trends in Industrial Specialization and Development Dynamics in the Russian Regions. Economy of Region. 2020;1(16):69–83. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2020-1-6>
2. Abramov V.I., Asaul V.V., Vagin S.G., Nikolaeva K.S. State regulation of innovation activity of organizations. Vestnik of Samara State University of Economics. 2014;11(121):91–94. (In Russian).

3. *Treivish A.I.* Uneven and Structurally Diverse Spatial Development of Economy as a Scientific Problem and Russian Reality. *Spatial Economics*. 2019;4(15):13–35. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
4. *Araújo I.F., Gonçalves E., Almeida E.* Effects of dynamic and spatial externalities on local growth: Evidence from Brazil. *Papers in Regional Science*. 2019;2(98):1239–1259.
5. *Davydova I.V., Ogorodnikova E.P.* Prediction of monetary circulation indicators in Russia. In: In focus of youth science achievements: Proceedings of the Annual Final Scientific and Practical Conference, Orenburg, December 23, 2022. Orenburg; 2023. Pp. 750–753. (In Russian).
6. *Voronin M.A., Ogorodnikova E.P.* Formation of the revenue part of regional budgets: Assessment and optimization. In: National priorities of agroindustrial complex development: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference with international participation, Orenburg, November 17, 2023. Orenburg: Agentstvo Pressa; 2023. Pp. 943–947. (In Russian).
7. *Vagin S.G.* Tendencies and conditions of development of management of large socio-economic systems. *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2007;2(28):27–30. (In Russian).
8. *Ivanov O.I.* Social space as an object of scientific study and controlled transformation. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;2:49–64. (In Russian).

Организационно-экономический механизм развития инфраструктуры в сфере таможенных услуг: региональный аспект

Лисица Анна Анатольевна

Аспирант

ORCID: 0000-0002-4034-9392, e-mail: lisitsa108@mail.ru

Российская таможенная академия, г. Люберцы, Россия

Аннотация

Проведен анализ организационно-экономического механизма развития инфраструктуры таможенных услуг на примере Дальневосточного федерального округа. Цель настоящего исследования – оценка пространственно-территориальной расположенности элементов таможенной и околотаможенной инфраструктуры, а также особенностей экономической деятельности субъектов инфраструктуры: таможенных органов, таможенных представителей, таможенных перевозчиков, владельцев магазинов беспошлинной торговли, складов временного хранения, таможенных складов, свободных складов и уполномоченных экономических операторов. Актуальность проведенного научного исследования обусловлена необходимостью применения комплексного подхода к оценке инфраструктуры Дальневосточного региона с позиции обеспечения таможенными услугами на протяжении цепочек поставок внешнеэкономической деятельности. Задача исследования заключается в определении потенциала инфраструктуры Дальневосточного федерального округа в условиях изменяющихся параметров спроса со стороны участников внешнеэкономической деятельности. Концепция исследования базируется на теории сервис-ориентированного таможенного администрирования и общих методологических подходах к проведению региональных экономических исследований. Полученные результаты позволяют сделать вывод о превышении спроса на таможенные услуги над имеющимися предложениями региональной инфраструктуры. Обозначены проблемы функционирования регионального механизма: дефицит провозных и складских мощностей, низкий уровень вовлеченности инфраструктуры учрежденных пунктов пропуска, их недостаточная обустроенность, площадь и пропускная способность, а также недостатки в организации технологических процессов, в том числе при принятии решений о пространственном размещении объектов таможенной инфраструктуры, выделении инвестиционных ресурсов и отсутствие взаимосвязанной регуляторики.

Ключевые слова

Инфраструктура таможенных услуг, организационно-экономический механизм, Дальневосточный федеральный округ, субъекты таможенной сферы, таможенные услуги, пункты пропуска, владельцы складов, таможенные представители, таможенные перевозчики, магазины беспошлинной торговли, уполномоченные экономические операторы

Для цитирования: Лисица А.А. Организационно-экономический механизм развития инфраструктуры в сфере таможенных услуг: региональный аспект // Вестник университета. 2024. № 6. С. 62–74.

Organizational and economic mechanism of infrastructure development in the field of customs services: regional aspect

Anna A. Lisitsa

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-4034-9392, e-mail: lisitsa108@mail.ru

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

Abstract

The article analyzes the organizational and economic mechanism of customs services infrastructure development on the example of the Far Eastern Federal District. The purpose of the study is to assess spatial and territorial location of customs and near-customs infrastructure elements, as well as features of economic activity of infrastructure subjects such as customs authorities, customs representatives, customs carriers, duty-free stores owners, temporary storage warehouses owners, customs warehouses, free warehouses, and authorized economic operators. The relevance of the conducted scientific research is conditioned by the need to apply a comprehensive approach to assessment of the Far East region infrastructure from the position of providing customs services throughout the foreign economic activity supply chain. The task of the study is to determine the potential of the Far Eastern Federal District infrastructure in the context of changing parameters of demand from the participants of foreign economic activity. The research concept is based on the service-oriented customs administration theory and general methodological approaches to regional economic research. The results obtained allow us to conclude that the demand for customs services exceeds the available supply of regional infrastructure. The problems of the regional mechanism functioning have been outlined: carrying and storage capacities deficit, low level of established checkpoints infrastructure involvement, their insufficient equipment, area and throughput capacity, as well as shortcomings in technological processes organization, including when making decisions on the spatial location of customs infrastructure facilities, investment resources allocation, and the lack of interconnected regulation.

Keywords

Customs services infrastructure, organizational and economic mechanism, Far Eastern Federal District, customs sphere subjects, customs services, checkpoints, warehouse owners, customs representatives, customs carriers, duty-free shops, authorized economic operators

For citation: Lisitsa A.A. (2024) Organizational and economic mechanism of infrastructure development in the field of customs services: regional aspect. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 62–74.

ВВЕДЕНИЕ

Миссией государственной политики Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на Дальнем Востоке является создание «глобально конкурентоспособных условий инвестирования и ведения бизнеса»¹. Целеполагание в области экономических приоритетов основано на развитии внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), которая рассматривается как конкурентоспособная «точка роста» макрорегиона, способная обеспечить опережающий рост инвестиционной и предпринимательской активности.

Политические и экономические тренды расширения внешней торговли Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) непосредственно связаны со сферой таможенного дела и инфраструктурой таможенных услуг. Задачи в этой области определены программными документами по опережающему развитию Дальнего Востока, в числе которых обеспечение роста объемов трансграничной торговли и транзитных возможностей ДФО и интеграция в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона.

Анализ сложившихся концепций изучения инфраструктуры внешней торговли Дальнего Востока указывает на то, что в большинстве случаев исследователями рассматриваются отдельные элементы таможенно-логистической инфраструктуры (пунктов пропуска, таможенных постов, таможенно-логистических терминалов), а также проблемные, с точки зрения таможенного законодательства, вопросы регулирования деятельности субъектов околотаможенной сферы деятельности [1–4]. Актуальность проведенного научного исследования обусловлена необходимостью применения комплексного подхода к оценке организационно-экономического механизма развития инфраструктуры в сфере таможенных услуг Дальневосточного региона с позиций «сквозного» контроля товарных потоков.

В рамках исследования рассматривается механизм развития инфраструктуры таможенных услуг ДФО, проводится оценка его пространственно-территориальной расположенности и функциональной емкости, обосновывается предположение о превышении спроса на таможенные услуги над имеющимися предложениями регионального рынка, а также о недостаточной комплементарности интересов субъектов инфраструктуры. Объектом исследования является сфера таможенных услуг ДФО, а предметом, подлежащим непосредственному изучению, – региональный механизм инфраструктуры в сфере таможенных услуг.

Важным аспектом проведенного анализа выступает соответствие региональной инфраструктуры таможенных услуг тенденциям развития ВЭД ДФО. Область исследования находится на стыке научных направлений, охватывающих теоретические и практические аспекты региональной экономики и инновационного развития таможенного администрирования. Концепция исследования базируется на теории сервисно-ориентированного таможенного администрирования и общих методологических подходах к проведению региональных экономических исследований, содержащихся в трудах Т.В. Лобас, В.В. Макрусева, М.В. Бойковой, Ю.Е. Гупановой, С.Я. Юсуповой и ряда других исследователей.

При анализе механизма инфраструктуры таможенных услуг автором использованы результаты, опубликованные в работах В.К. Заусаева, Н.А. Третьяк, Е.Ю. Тимофеевой, И. Мандрашова, А.М. Евсикова, В.Ю. Диановой и других ученых [1; 4–6].

ВЛИЯНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РАСПОЛОЖЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ДФО НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННЫХ УСЛУГ

Инфраструктура сферы таможенных услуг (далее – ИСфТУ) представляет «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих активов (материальных и нематериальных) субъектов таможенной сферы, обеспечивающих предоставление таможенных услуг и их воспроизводство» [7, с. 122].

Инфраструктура государственных услуг сервисной таможни обеспечивает сквозной процесс таможенного (и иных видов) контроля за соблюдением законодательства и экономической безопасности государства, а также содействует участникам ВЭД в осуществлении экспортно-импортных операций. Инфраструктура негосударственных таможенных услуг формирует условия оказания профессиональных посреднических услуг по «очистке» груза и эффективному перемещению товарных потоков. Субъектами сферы коммерческих таможенных услуг являются: таможенные представители; таможенные перевозчики; владельцы складов

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/ (дата обращения: 11.04.2024).

временного хранения, таможенных складов, свободных складов; владельцы магазинов беспошлинной торговли; уполномоченные экономические операторы.

Механизм инфраструктуры сферы таможенных услуг складывается из дифференцированной деятельности субъектов околотаможенной сферы, их взаимодействия между собой и с инфраструктурой таможенной службы.

ДФО является макрорегионом РФ. Региональный механизм развития инфраструктуры таможенных услуг обеспечивает нормативно-правовые, организационно-экономические и социальные условия функционирования института таможенного сервиса и рынка коммерческих околотаможенных услуг на территории всех 11 субъектов ДФО.

Важным фактором, формирующим региональный механизм, является целевая специализация территорий Дальнего Востока. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (далее – Минвостокразвития РФ) с позиции общности управления, планирования рынков трудовых и финансовых ресурсов объединило субъекты ДФО в четыре экономические провинции. Характеристики, определяющие развитие таможенно-логистической инфраструктуры в привязке к предлагаемому районированию, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Провинции ДФО: состав, особенности развития инфраструктуры

Провинция	Состав	Характеристика инфраструктуры
Забайкальская	Бурятия, Забайкальский край	Ориентирована на концепцию сухопутных транспортных коридоров, транзитные возможности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей, потенциал инфраструктуры на границе с Монголией и Китаем. На долю транспорта и связи приходится 22 % валового регионального продукта
Приграничная	Еврейская автономная и Амурская области, Хабаровский и Приморский края	Является регионом трансграничной торговли с Китаем, Японией и Кореей. Сосредоточено более 70 % мощностей приграничной инфраструктуры. Инфраструктурная поддержка сопровождает деятельность резидентов территорий опережающего развития, свободного порта Владивосток, Южного морского пути
Островная	Сахалин, Камчатка	Граница с Японией и Соединенными Штатами Америки. Близость крупнейших районов промысла водных биологических ресурсов. Субсидированная поддержка инфраструктурных проектов «Сахалин 1, 2, 3». Концентрация элементов аэропортовой и морской логистики, хабов Северного морского пути
Северная	Якутия, Магадан, Чукотка	Территории с большой численностью аборигенного и временного населения, использованием вахтового метода работы. Низкая плотность населения и доступность транспортной инфраструктуры. Наличие геопривязанных инфраструктурных решений северной, арктической и заполярной специфики Северного морского пути

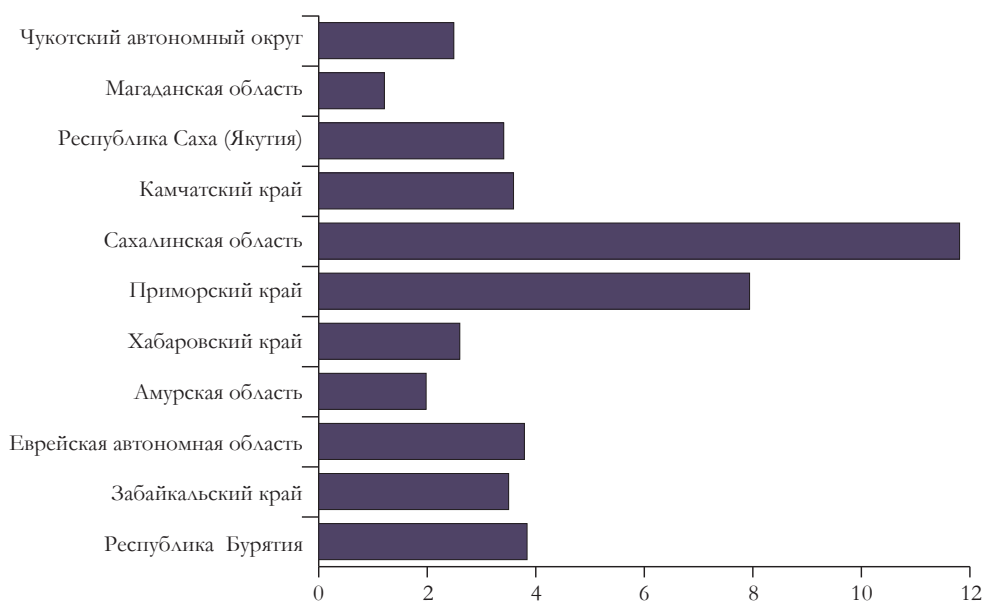
Источник²

Проанализируем предлагаемое районирование с позиции вовлеченности экономики каждого из субъектов ДФО в процессы ВЭД. В экономической теории и практике для характеристики интенсивности внешнеэкономической деятельности на конкретной территории используют несколько показателей. Один из них – соотношение внешнеторгового оборота региона и объема валового регионального продукта (далее – ВРП).

На основании данных Федеральной службы государственной статистики о внешнеторговом обороте субъектов ДФО за период с 2019 г. по 2021 г. (в фактически действовавших ценах; млн долл. США) и объеме ВРП за этот же период (млн руб.) рассчитаны коэффициенты вовлеченности экономики каждого из субъектов ДФО в процессы ВЭД (количество долл. США внешнеторгового оборота на 1 тыс. руб. ВРП). Лидерами по вовлеченности экономики в ВЭД среди регионов ДФО являлись субъекты

²Петров А. Дальний Восток поделили на экономические провинции. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11876301?ysclid=lsjyx65g4c65000875> (дата обращения: 11.04.2024).

Островной, Забайкальской территорий, два субъекта Приграничной территории (Приморский край, Еврейская автономная область), а также Республика Саха (Якутия) Северной территории. Коэффициент вовлеченности ДФО в целом – 5,42 долл. США внешнеторгового оборота на 1 тыс. руб. ВРП. (рис. 1).

Источник^{3,4}

Рис. 1. Коэффициенты вовлеченности экономики регионов ДФО в процессы ВЭД за период с 2019 г. по 2022 г.

Сопоставление данных рис. 1 и табл. 1 показывают, что с позиции задач совершенствования регионального механизма обеспечения ВЭД и развития инфраструктуры таможенных услуг предлагаемый Минвостокразвития РФ вариант районирования субъектов ДФО требует уточнения.

Проанализируем предлагаемое районирование с позиции вложений в инфраструктуру субъектов ДФО. С 2019 г. по 2022 г. в регион пришло почти 8 трлн руб. инфраструктурных инвестиций в основной капитал⁵. Темпы роста инвестиций ДФО (151,3 %) опережают рост этого же показателя по стране в целом (144,2 %).

Согласно ежегодному исследованию регионов России, в 2023 г. лидерами по вложению инвестиций среди территорий ДФО стали субъекты Северной территории: Магаданская область и Чукотский автономный округ, а также Сахалинская область Островной территории (все перечисленные регионы относятся к группе IC3) (табл. 2). Амурская область, Республика Саха и Хабаровский край находятся в категории средней инвестиционной привлекательности (группа IC4). В этой же группе свои стабильные позиции сохраняет Камчатский и Приморский края. В числе регионов ДФО с умеренной инвестиционной привлекательностью представлены Еврейская автономная область, Забайкальский край и Республика Бурятия, причем два последних региона после включения в состав ДФО уверенно повышают свой рейтинг.

Таблица 2

Динамика положения территорий ДФО в Национальном рейтинге инвестиционной привлекательности

Регион ДФО	Место в рейтинге		Изменение места	Уровень инвестиционной привлекательности		Изменение в рейтинге
	2023 г.	2019 г.		2023 г.	2019 г.	
Хабаровский край	29	24	– 5	IC4	IC3	–

³ Федеральная служба государственной статистики. Статистика внешней торговли Российской Федерации в 2016–2021 гг. (в фактически действовавших ценах; млн долл. США). Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/2023/04-20/zy6McVmw/RR_pokaz_22-01_2022.xlsx (дата обращения: 11.04.2024).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 2016–2021 гг. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx (дата обращения: 11.04.2024).

⁵ Труннев Ю.П. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе: Дальний Восток остается лидером по привлечению инвестиций на душу населения. Режим доступа: <http://dfo.gov.ru/trutnev/6459> (дата обращения: 11.04.2024).

Окончание табл. 2

Регион ДФО	Место в рейтинге		Измене- ние места	Уровень инвестицион- ной привлекательности		Изменение в рейтинге
	2023 г.	2019 г.		2023 г.	2019 г.	
Камчатский край	33	32	– 1	IC4	IC4	=
Амурская область	36	38	+ 2	IC4	IC5	+
Сахалинская область	9	8	– 1	IC3	IC2	–
Магаданская область	8	13	+ 5	IC3	IC3	=
Республика Саха (Якутия)	37	36	– 1	IC4	IC5	+
Еврейская автономная область	74	75	+ 1	IC8	IC8	=
Приморский край	26	33	+ 7	IC4	IC4	=
Чукотский автономный округ	12	46	+ 34	IC3	IC5	++
Республика Бурятия	68	78	+ 10	IC7	IC9	++
Забайкальский край	71	76	+ 5	IC7	IC8	+

Примечание: Рейтинг инвестиционной привлекательности – высокая (уровни IC1, IC2, IC3), средняя (уровни IC4, IC5, IC6), умеренная (уровни IC7, IC8, IC9). Изменение в рейтинге: «=» – при равенстве уровней инвестиционной привлекательности в 2023 г. и в 2019 г., «–» – при снижении уровня инвестиционной привлекательности за указанный период, «+» – при повышении уровня инвестиционной привлекательности в 2023 г. на один уровень по сравнению с 2019 г., «++» – повышение на два уровня в 2023 г. по сравнению с 2019 г.

Источник⁶

Обращают на себя внимание сложившийся дисбаланс участия субъектов ДФО во внешнеэкономических отношениях и их доля в инвестициях в основной капитал. Вместе с тем субъекты Приграничной территории, на которой сосредоточено более 70 % мощностей приграничной инфраструктуры, находятся за пределами двадцатки лидеров по инвестициям в основной капитал, а субъекты Забайкальской территории, активно формирующие ВЭД в рейтинге ДФО, – в группе умеренной инвестиционной привлекательности (68-е и 71-е место). Автор разделяет позицию профессора В.К. Заусаева о том, что предложенное Минвостокразвития РФ районирование «основано на экономико-географическом, а не на геостратегическом принципе объединения субъектов» [5, с. 91].

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТАМОЖЕННЫХ УСЛУГ

К числу факторов, формирующих региональный механизм инфраструктуры в сфере таможенных услуг, относится также концепция развития институциональной среды деятельности таможенных органов. Территории всех субъектов ДФО являются регионом деятельности Дальневосточного таможенного управления Федеральной таможенной службы РФ (далее – ДВТУ).

Организационная структура ДВТУ включает центральный аппарат и подчиненные ему таможенные посты (табл. 3). Отметим также наличие в механизме инфраструктуры ДФО следующих инфраструктурных элементов таможенной инфраструктуры: Экспертно-криминалистической службы – регионального филиала Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления и его подразделений, Владивостокского филиала Российской таможенной академии, Оперативно-технической службы и Оперативно-поисковой службы, Дальневосточного энергетического таможенного поста и Владивостокского таможенного поста.

Таблица 3

Организационная структура ДВТУ

Наименование таможенных	Регион деятельности	Количество таможенных постов, шт.	Количество действующих ПП, шт.
Дальневосточная электронная	Вся территория РФ	2	–

⁶ Константинова Х.А., Пахалов А.М., Яковлева Е.Ю. Инвестиционная привлекательность регионов России 2023. XI Ежегодный аналитический отчет. Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=102269&p=attachment&yclid=lr2z9r4c7188474364> (дата обращения: 11.04.2024).

Наименование таможи	Регион деятельности	Количество таможенных постов, шт.	Количество действующих ПП, шт.
Дальневосточная оперативная	Территории всех 11 субъектов ДФО	–	–
Бурятская	Республика Бурятия	4	4
Хабаровская	Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область и Республика Саха (Якутия)	16	17
Сахалинская	Сахалинская область, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ	11	16
Читинская	Забайкальский край	11	8
Владивостокская	Два района Приморского края, акватория территориального моря РФ, омывающего их берега	4	4
Находкинская	6 районов Приморского края и акватория территориального моря РФ, омывающего их берега	4	3
Уссурийская	15 районов Приморского края	10	7
Всего		62	59

Примечание: ПП – пункт пропуска

Источник⁷

Данные табл. 3 подтверждают неравномерность распределения элементов таможенной инфраструктуры между субъектами ДФО, в том числе с учетом протяженности государственной границы в регионе их деятельности. Наибольшая плотность инфраструктуры наблюдается в Приморском, Забайкальском и Хабаровском краях и Сахалинской области. В этих субъектах расположено 8 из 9 таможен и 40 из 62 таможенных постов.

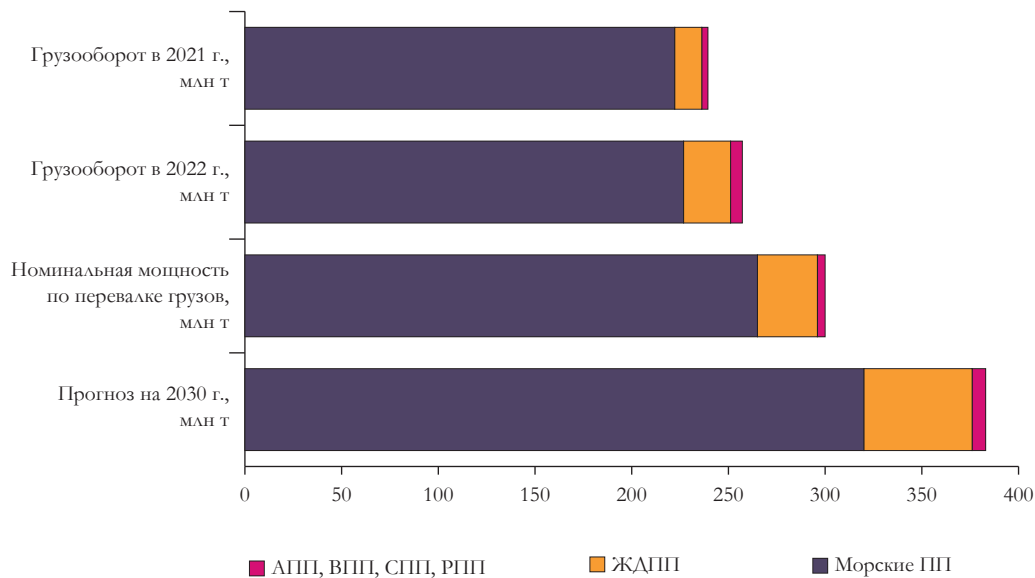
Характерной особенностью организационного механизма таможенных услуг этих субъектов является наличие элементов инфраструктуры пунктов пропуска (далее – ПП). На территории ДФО установлено 80 ПП через государственную границу РФ, в том числе морских – 29, воздушных – 11, смешанных – 11, автомобильных – 20, железнодорожных – 7, речных – 1, пешеходных – 1. По состоянию на январь 2024 г. функционирует 59 ПП. Уровень вовлеченности инфраструктуры ПП в региональный механизм инфраструктуры таможенных услуг составляет 73,75 %.

Функциональное предназначение ПП заключается в обеспечении стабильности поставок ВЭД, создании условий для развития внешней торговли, упрощенного трансграничного транзитного сообщения и приграничного туризма. Емкость всех ПП Дальнего Востока по перевалке грузов, по оценкам полномочного представителя Президента РФ в ДФО Ю.П. Трутнева, составляет более 300 млн т; в 2022 г. через пункты пропуска ДФО перевезено 257,2 млн т грузов (рис. 2)⁸.

Грузооборот на 88 % обеспечен пропускной способностью морских ПП, на 10 % – оформлением грузов через железнодорожные ПП. Номинальная мощность ПП в 2022 г. была задействована только на 85,7 %.

⁷ Дальневосточное таможенное управление. Структура. Режим доступа: <https://dvtu.customs.gov.ru/about/o-tamozhne/struktura> (дата обращения: 11.04.2024).

⁸ Юрий Трутнев поручил упростить таможенные процедуры на Дальнем Востоке. Режим доступа: http://www.dfo.gov.ru/press/press_service/6311/ (дата обращения: 11.04.2024).

Примечание: АПП – автомобильные ПП, ВПП – воздушные ПП, СПП – смешанные ПП, РПП – речные ПП, ЖДПП – железнодорожные ПП

Источник⁹

Рис. 2. Динамика грузооборота через пункты пропуска ДФО

Пропускная способность ПП зависит от состояния их инфраструктуры. По результатам комплексного межведомственного обследования ПП ДФО, проведенного в IV квартале 2023 г., выявлено, что только 9 из 59 функционирующих ПП соответствуют типовым требованиям к обустройству и техническому оснащению зданий, помещений и сооружений, необходимых для организации таможенного контроля. Отмечены неудовлетворительное техническое состояние весового оборудования, источников бесперебойного питания, средств видеонаблюдения, существенные просчеты в проектировании и низкое качество управления реконструкцией со стороны Министерства транспорта РФ [10]. Из 45 ПП, строительство (обустройство) которых предусматривалось Национальной программой социально-экономического развития Дальнего Востока в 2024–2025 гг., сроки строительства перенесены в отношении 13 ПП, исключены из перечня подлежащих обустройству до 2030 г. – 28 ПП.

ПОТЕНЦИАЛ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОКОЛОТАМОЖЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННЫХ УСЛУГ ДФО

Блок регионального механизма инфраструктуры ДФО, предоставляющий негосударственные услуги, представлен деятельностью коммерческих организаций, совершающих логистическую, представительскую и иную посредническую деятельность в сфере таможенного дела (табл. 4).

Таблица 4

Емкость инфраструктуры негосударственных таможенных услуг ДФО по состоянию на 31 декабря 2023 г.

Субъект ДФО	Зарегистрированное в Реестрах Федеральной таможенной службы РФ количество юридических лиц				
	Таможенных представителей	Таможенных перевозчиков/ действующих	Владельцев СВХ	Владельцев таможенных складов	Владельцев МБТ
Хабаровский край	4	13/0	6	2	3
Камчатский край	1	1/1	1	–	–
Амурская область	3	4/0	9	1	–

⁹ Евразийская экономическая комиссия. Информация о состоянии, динамике и тенденциях развития таможенной инфраструктуры в местах перемещения товаров через таможенную границу стран Евразийского экономического союза – 2022 год. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_tamoj_infr/0i191/InfoMat_EAEU_CID_20230101.pdf (дата обращения: 11.04.2024).

Субъект ДФО	Зарегистрированное в Реестрах Федеральной таможенной службы РФ количество юридических лиц				
	Таможенных представителей	Таможенных перевозчиков/ действующих	Владельцев СВХ	Владельцев таможенных складов	Владельцев МБТ
Сахалинская область	7	1/1	3	–	–
Магаданская область	2	–	–	–	–
Республика Саха (Якутия)	2	–	–	–	–
Еврейская автономная область	–	–	1	–	–
Приморский край	120	40/3	39	12	2
Чукотский автономный округ	–	–	1	–	–
Республика Бурятия	–	–	3	–	1
Забайкальский край	3	1/0	7	1	5
ДФО	141	60/5	70	16	11

Примечание: СВХ – склад временного хранения, МБТ – магазины беспошлинной торговли

Источник¹⁰

Достаточность потенциала определяется «способностью его ресурсов удовлетворить запросы государства и участников ВЭД в заданных временных рамках» [1, с. 71]. Данные табл. 4 показывают, что в соответствующих Реестрах Федеральной таможенной службы РФ (далее – ФТС России) зарегистрировано около 300 субъектов околотаможенных услуг, осуществляющих свою деятельность в регионе деятельности ДВТУ. Распределение владельцев инфраструктуры по регионам ДФО неравномерно.

Административно-правовой статус субъектов сферы таможенного дела является специальным статусом, который дает организациям, включенным в соответствующий реестр ФТС, преимущество перед другими участниками рынка коммерческих таможенных услуг. Так, инфраструктура владельцев складов временного хранения, таможенных складов, свободных складов и владельцев магазинов беспошлинной торговли позволяет заказчику услуги – участнику ВЭД – завозить товары на территорию ДФО, хранить их без уплаты таможенных пошлин и налогов при условии соблюдения условий хранения товаров, установленных для соответствующего таможенного режима, и осуществлять таможенную очистку грузов.

По состоянию на 31 декабря 2023 г. в Реестр владельцев складов временного хранения (далее – СВХ) ФТС России включены 70 компаний Дальнего Востока¹¹. Согласно данным Реестра, основным видом транспорта, которым возможна доставка товаров на региональные СВХ, является автодорожный – 51 СВХ (75,7 %). На 15 СВХ возможна доставка товаров различными типами транспорта, что обеспечивает мультимодальность логистики ВЭД. Большая часть владельцев СВХ (57) оказывают услуги по хранению любых товаров (СВХ открытого типа), 13 владельцев ограничили сферу своей деятельности определенными категориями товаров (СВХ закрытого типа). Число субъектов региональной инфраструктуры владельцев СВХ существенно выросло (на 84 %) в последние два года: в 2022 г. (+ 11) и 2023 г. (+ 21).

Для оказания услуг по хранению товаров, находящихся под таможенным контролем, владельцы СВХ используют производственную инфраструктуру: помещения и/или открытые площадки. Емкость инфраструктуры характеризуется показателями полезного объема помещений (м³) и/или полезной площади открытых площадок (м²). По емкости инфраструктуры временного хранения Приморский край устойчиво занимает лидирующие позиции (55,7 % от общего количества СВХ ДФО), при этом полезная площадь открытых площадок (162 251,7 м²) составляет только 35,2 % от общей полезной площади СВХ ДФО (460 675,7 м²), уступая Забайкальскому краю. С учетом тенденции ежегодного увеличения импортного товаропотока через ПП на участке сухопутной государственной границы РФ в ряде субъектов ДФО отмечается дефицит полезных площадей, предназначенных для своевременного размещения товаров и их предъявления таможенному органу.

¹⁰ Федеральная таможенная служба. Сервисы и реестры. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/726> (дата обращения: 11.04.2024).

¹¹ Федеральная таможенная служба. Реестр владельцев складов временного хранения. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/registers/temporary-warehouse-owners> (дата обращения: 11.04.2024).

На территории ДФО по состоянию на 31 декабря 2023 г. действует 16 субъектов, предоставляющих услуги таможенного склада¹². Инфраструктуру владельцев таможенных складов ДФО составляют совокупность специально определенных и обустроенных сооружений и помещений общим объемом 20 902,7 м³, а также территория открытых площадок общей площадью 50 861,1 м². Таможенные склады предназначены для хранения иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру таможенного склада, либо иных товаров в случаях и на условиях, предусмотренных Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Наибольшая емкость инфраструктуры таможенных складов имеет место в Приморском крае, что соотносится с коэффициентом вовлеченности экономики этого субъекта в ВЭД.

На 11 из 16 таможенных складов ДФО (68,8 %) возможна доставка товаров автомобильным транспортом, на пять складов прибытие товаров осуществляется морским транспортом. 15 таможенных складов региона являются складами открытого типа, один таможенный склад закрытого типа, расположенный в регионе деятельности Владивостокской таможни, предназначен для хранения товаров владельца (общество с ограниченной ответственностью «ТОЕ ТРЕЙДИНГ»).

С 2019 г. количество таможенных складов на территории ДФО снизилось на треть (с 24 до 16). Важным фактором, повлиявшим на эту динамику, является создание на территории Дальнего Востока на участках резидентов территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) и свободного порта Владивосток (далее – СПВ) 29 зон таможенного контроля с применением таможенной процедуры свободной таможенной зоны. В пределах таких зон размещаются и используются без уплаты таможенных пошлин и налогов не только иностранные товары, но и товары ЕАЭС при соблюдении условий помещения под эту таможенную процедуру.

К группе субъектов сферы таможенных услуг относятся также владельцы свободных складов. Инфраструктура свободного склада предназначена для оказания услуг по размещению и использованию товаров, помещенных под таможенную процедуру свободного склада. В отношении товаров, помимо хранения и грузовых операций, могут оказываться услуги по переработке, ремонту или техническому обслуживанию, изготовлению других товаров, даже если иностранные товары расходуются в процессе операций. В Реестре ФТС России владельцев свободных складов, зарегистрированных на территории ДФО, на данный момент нет¹³.

Согласно сведениям из Реестра владельцев магазинов беспошлинной торговли (далее – МБТ) ФТС России, на территории ДФО зарегистрирована деятельность 11 магазинов беспошлинной торговли¹⁴. Владельцами региональных МБТ являются 6 юридических лиц. Только два юридических лица (общества с ограниченной ответственностью «Дельвента» и «Фри Трейд Владивосток») зарегистрированы на территории ДФО. Владельцы остальных МБТ – крупные компании, зарегистрированные в Москве, Московской и Ленинградской областях. Уровень локализации составляет 33,3 %.

По сравнению с 2019 г. количество МБТ в ДФО сократилось. Причиной ухода с рынка юридических лиц (общества с ограниченной ответственностью «Дера-Владивосток», «Гермес», «СДФ») стали пандемия COVID-19, западные санкции, «зеркальные» ограничения России и, как следствие, сокращение количества международных рейсов, объема пассажиропотока и возникшие проблемы с ассортиментом.

Инфраструктура владельцев МБТ представляет сооружения, помещения или части помещения, обеспечивающие хранение товаров, помещенных под таможенную процедуру беспошлинной торговли. Владелец МБТ предоставляет услуги по хранению товаров и их розничной торговле в пределах территории МБТ. Товары duty-free – иностранные товары, помещенные под таможенную процедуру беспошлинной торговли, не вывозимые в глубь таможенной территории, реализуемые физическим лицам, перемещающимся через границу ЕАЭС либо ее внутренние границы. В стоимость таких товаров не включаются таможенные пошлины, акцизы и налоги. МБТ ДФО открыты в транзитных зонах пяти воздушных ПП, в четырех автомобильных ПП, в речном и железнодорожном ПП через государственную границу.

¹² Федеральная таможенная служба. Реестр владельцев таможенных складов. Режим доступа: [https://customs.gov.ru/opendata/7730176610-reestrvtamskl\(data-20231230-structure-20130527.csv\)](https://customs.gov.ru/opendata/7730176610-reestrvtamskl(data-20231230-structure-20130527.csv)) (дата обращения: 11.04.2024).

¹³ Евразийская экономическая комиссия. Общий реестр владельцев свободных складов. Режим доступа: https://portal.eaeunion.org/sites/odata/_layouts/15/portal.eec.registry.ui/directoryform.aspx?viewid=e229dadf-6f77-4bea-a120-4e8c8af765f0&listid=0e3ead06-5475-466a-a340-6f69e01b5687&itemid=227 (дата обращения: 11.04.2024).

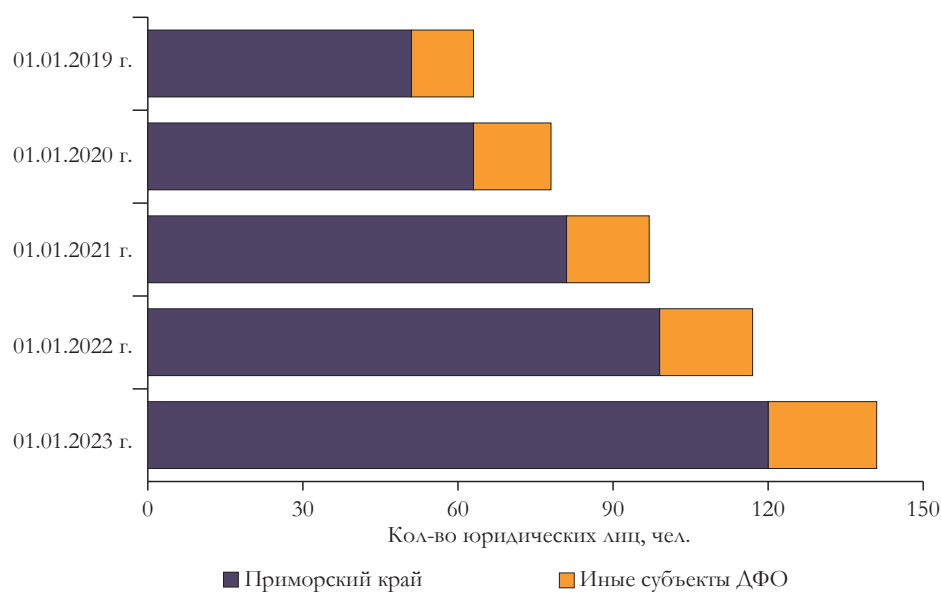
¹⁴ Федеральная таможенная служба России. Реестр владельцев магазинов беспошлинной торговли. Режим доступа: [https://customs.gov.ru/opendata/7730176610-reestrmbt\(data-20231229-structure-20160615.csv\)](https://customs.gov.ru/opendata/7730176610-reestrmbt(data-20231229-structure-20160615.csv)) (дата обращения: 11.04.2024).

Общая площадь региональной инфраструктуры таможенных услуг по хранению товаров duty-free составляет 3 151,5 м², площадь торговых залов – 1 373,23 м². Емкость инфраструктуры по субъектам ДФО различна, не пропорциональна количеству ПП и их пропускной способности. К совокупности ресурсов, формирующих механизм инфраструктуры негосударственных таможенных услуг, относится также емкость инфраструктуры таможенных представителей и таможенных перевозчиков.

Рынок услуг таможенных представителей в силу специфики региона имеет особое значение во взаимоотношениях бизнеса и таможни. Таможенный представитель – юридическое лицо, включенное в Реестр таможенных представителей, уполномоченное для совершения операции по таможенному оформлению грузов от имени или по поручению заказчика. Развитие рынка представительских услуг определяется двумя разнонаправленными векторами. С одной стороны, автоматизация и цифровая трансформация таможенных технологий, реализуемые через личный кабинет участника ВЭД, предполагают совершенствование процессов с минимальным участием должностных лиц таможни и посредников. С другой стороны, таможенный представитель, обладающий ключевыми компетенциями и навыками, в условиях вариативности ВЭД способен предлагать бизнесу услуги, обеспечивающие скорость и удобство ВЭД.

Количество участников ВЭД, декларирующих товары в таможнях ДВТУ, в 2022 г. увеличилось по сравнению с 2019 г. на 61,9 % (15,795 тыс.) и составило 25,567 тыс. организаций. В 2022 г. выпущено 523 тыс. деклараций на товары (далее – ДТ), в 2019 г. – 413 тыс. (рост на 26,6 %). Согласно Реестру таможенных представителей, в 2023 г. в России были зарегистрированы 864 юридических лица, предоставляющих услуги таможенного представителя в сфере таможенного дела, из них 141 зарегистрированы на территории ДФО, в том числе 120 лиц в Приморском крае.

Динамика емкости региональной инфраструктуры услуг таможенных представителей отражает объективный рост спроса на представительские услуги в условиях растущего внешнеторгового оборота (рис. 3).

Источник¹⁵

Рис. 3. Динамика количества таможенных представителей ДФО (2019–2023 гг.)

Рост объемов трансграничных поставок в свою очередь является объективной предпосылкой для развития рынка транспортно-логистических услуг, предоставляемых таможенными перевозчиками.

В соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС и национальным законодательством РФ перевозчиком, имеющим специальный статус «таможенного перевозчика», является транспортная компания, которая уполномочена ФТС России для оказания таможенных услуг по перевозке по таможенной территории ЕАЭС товаров, находящихся под таможенным контролем. Статус таможенного перевозчика включает также функции таможенного декларирования процедуры таможенного транзита.

¹⁵ Федеральная таможенная служба. Реестр таможенных представителей. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/206709> (дата обращения: 11.04.2024).

По состоянию на 30 декабря 2023 г. Свидетельства о включении в реестр таможенных перевозчиков были выданы ФТС России 60 региональным транспортным компаниям¹⁶. Локализация рынка по субъектам региона представляется в следующем виде: 66,7 % юридических лиц зарегистрированы в Приморском крае, 21,7 % – в Хабаровском.

Таможенные перевозчики являются профессиональными субъектами рынка, исполнение услуг которых гарантировано ФТС России. Они рассматриваются контрольными органами в качестве участников ВЭД с низким уровнем риска, что позволяет оптимизировать время, связанное с прохождением контроля в ПП. Вместе с тем по состоянию на 10 января 2024 г. только пять юридических лиц из 60 таможенных перевозчиков продлили обеспечение уплаты таможенных платежей на 2024 г.¹⁷. Снижение количества таможенных перевозчиков обусловлено общими тенденциями развития регионального рынка международных перевозок.

В условиях «разворота на Восток» на рынок ДФО вышли крупные транспортные компании, таможенные перевозчики западных регионов страны, а также иностранные перевозчики стран Юго-Восточной Азии. Эти участники рынка предлагают комплексные таможенно-логистические услуги с использованием клиентских онлайн-сервисов, в том числе услуги уполномоченных экономических операторов (далее – УЭО), мультимодальных транспортно-логистических центров, сервисы «door-to-door», услуги операторов морских линий. В ДФО в декабре 2023 г. осуществляли грузоперевозки 2,178 тыс. транспортно-логистических компаний, около 20 таможенных перевозчиков, 61 УЭО, зарегистрированных в разных регионах РФ¹⁸.

Институт уполномоченного экономического оператора – важный инструмент развития региональной инфраструктуры таможенных услуг. УЭО оказывает профессиональные таможенные услуги на основании Свидетельства о включении в Реестр, которое предоставляет ему право пользоваться предусмотренными законодательством на таможенной территории ЕАЭС специальными упрощениями в зависимости от типа Свидетельства. Из 61 УЭО регионального рынка только две компании зарегистрированы в Приморском крае – общества с ограниченной ответственностью «ВОСТТОРГ» и «ПРИМТЕХИМПОРТ». Эти УЭО имеют свидетельства первого типа. Из числа нелокальных УЭО 46 компаний, предлагающие таможенно-логистические услуги в ДФО, обладают теми же преимуществами, что и таможенные перевозчики. Следует отметить, что услуги УЭО более конкурентоспособны за счет возможности пользоваться привилегиями этого статуса в странах с Соглашениями о взаимном признании УЭО. Особое значение этот фактор имеет на рынке таможенных услуг ДФО. В соответствии с протоколом от 4 февраля 2022 г. Россия и Китай признали взаимный статус УЭО¹⁹. В стадии разработки находится подобный договор между Россией и Монголией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты настоящего исследования представляют анализ организационно-экономического механизма развития инфраструктуры таможенных услуг ДФО.

Широта номенклатуры субъектов таможенной сферы позволяет сделать вывод о том, что региональный механизм является многоотраслевой социально-экономической системой, обеспечивающей предоставление спектра таможенных услуг на протяжении всей цепочки поставок ВЭД. Соотношение фактического количества таможенных услуг и теоретически возможного их количества при полной загрузке емкости инфраструктуры отражает уровень использования механизма таможенного сервиса. О превышении спроса на таможенные услуги над имеющимися предложениями свидетельствует возрастающая концентрация на рынке таможенных услуг ДФО субъектов инфраструктуры, зарегистрированных в иных регионах России.

Проблемы функционирования регионального механизма инфраструктуры таможенных услуг, выявленные в ходе проведенного анализа (дефицит провозных и складских мощностей, низкий уровень вовлеченности инфраструктуры ПП, их недостаточная обустроенность, площадь и пропускная способность), являются последствиями износа и старения его основных фондов, а также недостатков в организации

¹⁶ Федеральная таможенная служба. Реестр таможенных перевозчиков. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/opendata/7730176610-reestramperev> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Транспортные компании, грузоперевозки в Дальневосточном федеральном округе. Режим доступа: <https://dfo.spr.ru/all/transportnie-kompanii-gruzoperevozki/> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁹ Протокол между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о взаимном признании статуса уполномоченного экономического оператора (Москва, Пекин, 4 февраля 2022 года). Режим доступа: <https://base.garant.ru/403561058/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/?ysclid=lrz1a59khn789152494> (дата обращения: 11.04.2024).

технологических процессов, в том числе при принятии решений о пространственном размещении объектов таможенной инфраструктуры и выделении инвестиционных ресурсов.

Важными факторами развития региона являются запущенные на территории ДФО специальные правовые и организационно-экономические режимы: ТОСЭР, СПВ, Дальневосточная концессия, тарифы железнодорожного транспорта «Инфляция минус», а также новые форматы трансграничного взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, реализуемые Правительством РФ и ФТС России в рамках нового подхода к «сквозному» интеллектуальному управлению границами.

Перечисленные режимы функционирования регионального механизма инфраструктуры таможенных услуг являются своего рода пилотными организационно-экономическими проектами государства. Исследование данной темы является актуальной теоретической и практической задачей.

Список литературы

1. Третьяк Н.А. Таможенный потенциал как важнейшее условие экономического роста: региональный аспект. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2021;2(95):69–79.
2. Хрущев П.Э. Мероприятия по строительству и модернизации пунктов пропуска на Дальнем Востоке. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020;4(93):43–46.
3. Красова Е.В., Останина В.М. Роль и проблемы института таможенных представителей в развитии внешнеэкономической деятельности. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021;2:108–118. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-108-118>
4. Мандрашов Е.И., Евсиков А.М., Дианова В.Ю. Таможенное регулирование трансграничной (внешней) электронной торговли в рамках эксперимента с бондовыми складами. Таможенное дело: научно-практический журнал. 2023;4:13–21.
5. Заусаев В.К., Кручак Н.А. Концептуальные основы развития Дальнего Востока. В кн.: Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: материалы X Международной научно-практической конференции, Москва, 6–7 июня 2019 г. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2019. С. 49–50.
6. Тимофеева Е.Ю. Определение приоритетов при размещении объектов таможенной инфраструктуры в регионах. Транспорт Российской Федерации. 2016;1(62):49–52.
7. Лисица А.А. Инфраструктура в сфере таможенных услуг: структурная модель и анализ категориально-понятийного аппарата. Вестник университета. 2023;12:114–124. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-114-124>

References

1. Tretyak N.A. Customs capacity as the most important condition for economic growth: a regional aspect. Customs policy of Russia in the Far East. 2021;2(95):69–79. (In Russian).
2. Khrushchev I.E. Measures for the construction and modernization of checkpoints in the Far East. Customs policy of Russia in the Far East. 2020;4(93):43–46. (In Russian).
3. Krasova E.V., Ostanina V.M. Role and challenges of customs representative institute in foreign economic activity development. Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2021;2:108–118. (In Russian). <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-108-118>
4. Mandrashev E.I., Evsikov A.M., Dianova V.Yu. Customs regulation of cross-border (external) electronic trade as part of an experiment with bonded warehouses. Customs business. 2023;4:13–21. (In Russian).
5. Zausaev V.K., Kruchak N.A. Conceptual bases for the development of the Far East. In: Regions of Russia: Strategies and mechanisms of modernization, innovative and technological development: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 6–7, 2019. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2019. Pp. 49–50. (In Russian).
6. Timofeeva E.Yu. Determination of priorities when placing customs infrastructure facilities in the regions. Transport of the Russian Federation. 2016;1(62):49–52. (In Russian).
7. Lisitsa A.A. Infrastructure in the field of customs services: categorical and conceptual apparatus' structural model and analysis. Vestnik universiteta. 2023;12:114–124. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-114-124>

Национальный проект «Производительность труда» в Ростовской области: влияние на экономику региона

Погорелова Людмила Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. производственного и инновационного менеджмента
ORCID: 0000-0002-2099-9419, e-mail: pogorelova_la@npi-tu.ru

Куликов Михаил Михайлович

Канд. экон. наук, доц. каф. производственного и инновационного менеджмента
ORCID: 0000-0002-4139-9391, e-mail: kulikovmichael@mail.ru

Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Аннотация

В статье проанализировано влияние мероприятий по повышению производительности труда в рамках национального проекта «Производительность труда» на предприятиях – субъектах малого предпринимательства Ростовской области с выручкой от 100 до 400 млн руб. за период с 2019 г. по 2022 г. включительно на совокупный финансовый результат деятельности компаний, вовлеченных в реализацию проекта. На основании анализа данных бухгалтерской отчетности по исследуемой совокупности предприятий можно сделать вывод о корреляционной зависимости между мероприятиями по повышению производительности труда и финансовыми результатами деятельности в рамках каждого конкретного предприятия, а также в части положительного влияния на суммарные отчисления в бюджеты различных уровней. Показано, что суммарная динамика платежей в бюджет за анализируемый период по исследуемой совокупности выросла в 2,2 раза, имущественного состояния производственного комплекса – в 3,6 раза, показателей рентабельности – более чем в 3 раза. Доказано положительное влияние национального проекта «Производительность труда» на экономику Ростовской области. Результаты настоящего исследования могут быть положены в основу корректировки дальнейшей траектории реализации проекта в регионе, что и определяет актуальность исследования.

Ключевые слова

Производительность труда, бережливое производство, повышение объема выпуска продукции, рациональное производство, экономика региона, эффективное производство, система 5С

Для цитирования: Погорелова Л.А. Национальный проект «Производительность труда» в Ростовской области: влияние на экономику региона // Вестник университета. 2024. № 6. С. 75–84.

The national project “Labor Productivity” in the Rostov Region: impact on economy of the region

Lyudmila A. Pogorelova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Production and Innovation Management Department
ORCID: 0000-0002-2099-9419, e-mail: pogorelova_la@npi-tu.ru

Mikhail M. Kulikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Production and Innovation Management Department
ORCID: 0000-0002-4139-9391, e-mail: kulikovmichael@mail.ru

Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russia

Abstract

The article analyzes the impact of measures to improve labor productivity within the framework of the national project “Labor Productivity” at enterprises – small businesses of the Rostov region with revenues from 100 to 400 million rubles for the period from 2019 to 2022 inclusive on the aggregate financial performance of companies involved in the project implementation. Based on the analysis of accounting data for the studied set of enterprises, we can conclude about correlation between the measures to improve labor productivity and financial performance within each specific enterprise, as well as in terms of the positive impact on total deductions to the budgets of various levels. It has been shown that total dynamics of payments to the budget for the analyzed period for the studied aggregate increased by 2.2 times, property status of the production complex – by 3.6 times, and profitability indicators – by more than 3 times. Positive influence of the national project “Labor Productivity” on the economy of Rostov region has been proved. The study results can be used as a basis for adjusting further trajectory of the project implementation in the region, which determines the relevance of the study.

Keywords

Labor productivity, lean manufacturing, increase in output, rational production, economy of the region, efficient production, 5C system

For citation: Pogorelova L.A., Kulikov M.M. (2024) The national project “Labor Productivity” in the Rostov Region: impact on economy of the region. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 75–84.

ВВЕДЕНИЕ

С момента запуска национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области в 2019 г. были достигнуты значительные результаты и проведены заметные изменения в различных сферах экономики и трудовой деятельности¹. Основным целевым показателем данного проекта является обеспечение темпов роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5 % в год. В рамках проекта предприятиям предлагаются адресные меры поддержки по формированию системы методической и организационной работы по повышению производительности труда, создания эталонных образцов, разработка ИТ-платформы, обучение сотрудников инструментам бережливого производства, подготовка внутренних тренеров.

Для популяризации национального проекта в регионы страны в настоящее время создана развитая региональная инфраструктура проекта, которая включает федеральный центр компетенций и созданные в 60 регионах региональные центры компетенций. В Ростовской области оператором национального проекта стал Региональный центр компетенций, созданный в 2019 г. на базе Агентства инноваций Ростовской области.

Одной из первоочередных задач проекта было увеличение производительности труда в области промышленности. Благодаря внедрению новых технологий, автоматизации производства и развитию инновационных подходов предприятия региона значительно повысили эффективность своей деятельности, что привело к увеличению объемов производства, сокращению времени на выполнение задач и снижению затрат на производство. Результатом этих усилий стало значительное улучшение конкурентоспособности предприятий Ростовской области на рынке и увеличение их доли в общем объеме производства страны².

Национальный проект «Производительность труда» также оказал положительное влияние на социальную сферу. Благодаря сокращению времени на выполнение задач и повышению эффективности работы работники получили возможность повысить свою квалификацию и развить свой профессиональный потенциал. Это стало возможным благодаря программам дополнительного образования и обучения, реализуемым в рамках проекта. Кроме того, вследствие улучшения экономической ситуации в регионе уровень зарплат и социальных гарантий работников также вырос, что положительно сказалось на их жизни и благополучии. Таким образом, анализ результатов внедрения мероприятий по повышению производительности труда на предприятиях региона приобретает особую актуальность, так как оценка результатов позволяет выстроить скорректированную траекторию развития проекта в перспективе.

Особый интерес в процессе исследования представляют предприятия – субъекты малого предпринимательства с выручкой от 100 до 400 млн руб., которые могут получить государственную поддержку в рамках национального проекта на безвозмездной основе. Сфера малого предпринимательства является одной из наиболее уязвимых к колебаниям рыночной нестабильности, и негативные последствия в первую очередь находят отражение именно в результатах деятельности малых предприятий.

Цель настоящего исследования – оценить полезность национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области для развития экономики региона на основе анализа совокупной динамики деятельности предприятий-участников, имеющих статус субъекта малого предпринимательства и выручку в объеме от 100 до 400 млн руб.

Объект исследования – предприятия-резиденты Ростовской области с годовой выручкой от 100 до 400 млн руб. в период с 2019 г. по 2022 г.

Предмет исследования – организационные трансформации на предприятиях, направленные на повышение производительности труда, а также их отражение на финансовых результатах исследуемых предприятий в период с 2019 г. по 2022 г.

¹ Министерство экономического развития. Национальный проект «Производительность труда». Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения: 19.04.2024).

² Нацпроект помог донским компаниям повысить эффективность работы. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/09/15/reg-ufo/nacproekt-pomog-donskim-kompaniiam-povysit-effektivnost-raboty.html?ysclid=lrup56jfk8880091533>. (дата обращения: 19.04.2024).

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ НАЦПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА»

За период с 2019 г. по 2021 г. включительно к национальному проекту присоединилось 14 предприятий (8 волн), относящихся к исследуемой категории³. Перечень предприятий и сфера их деятельности представлены в таблице.

Таблица

Предприятия-участники национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области, имеющие выручку от 100 до 400 млн руб.

Наименование	Общероссийский классификатор видов экономической деятельности	ИНН
ООО «Аксацкий кирпичный завод»	23.32 Производство кирпича, черепицы и прочих строительных изделий из обожженной глины	6102024650
ООО «Базис»	28.93 Производство машин и оборудования для производства пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	6151018385
ООО «ПластФактор»	22.23 Производство пластмассовых изделий, используемых в строительстве	6162021083
ООО «Первая трубная компания (ПТК)»	46.72.2 Торговля оптовая металлами в первичных формах	6125032190
ПАО «Миллеровосельмаш»	28.30.3 Производство машин и сельскохозяйственного оборудования для обработки почвы	6149000285
ООО «АС»	25.99 Производство прочих готовых металлических изделий, не включенных в другие группировки	6147011669
ООО «Ростовская трубная корпорация» (Ростовский трубный завод)	22.21 Производство пластмассовых плит, полос, труб и профилей	6164131074
ООО «Ростагросервис»	26.51.1 Производство навигационных, метеорологических, геодезических, геофизических и аналогичного типа приборов, аппаратуры и инструментов	6165172997
ООО «Бестек-инжиниринг»	28.93 Производство машин и оборудования для производства пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	6167103290
ООО «РММП-Зерно»	52.24 Транспортная обработка грузов	6162082865
ЗАО Инженерный центр «ГРАНТ»	25.99 Производство прочих готовых металлических изделий, не включенных в другие группировки	6143001388
ООО «Алеко Машинери»	28.99 Производство прочих машин и оборудования специального назначения, не включенных в другие группировки	6140028818
ООО «Аль Пако»	32.40 Производство игр и игрушек	6145004465
ООО «Гананс»	25.62 Обработка металлических изделий механическая	6143084497

Примечание: ООО – общество с ограниченной ответственностью, ПАО – публичное акционерное общество, ИНН – идентификационный номер налогоплательщика, ЗАО – закрытое акционерное общество

Источник⁴

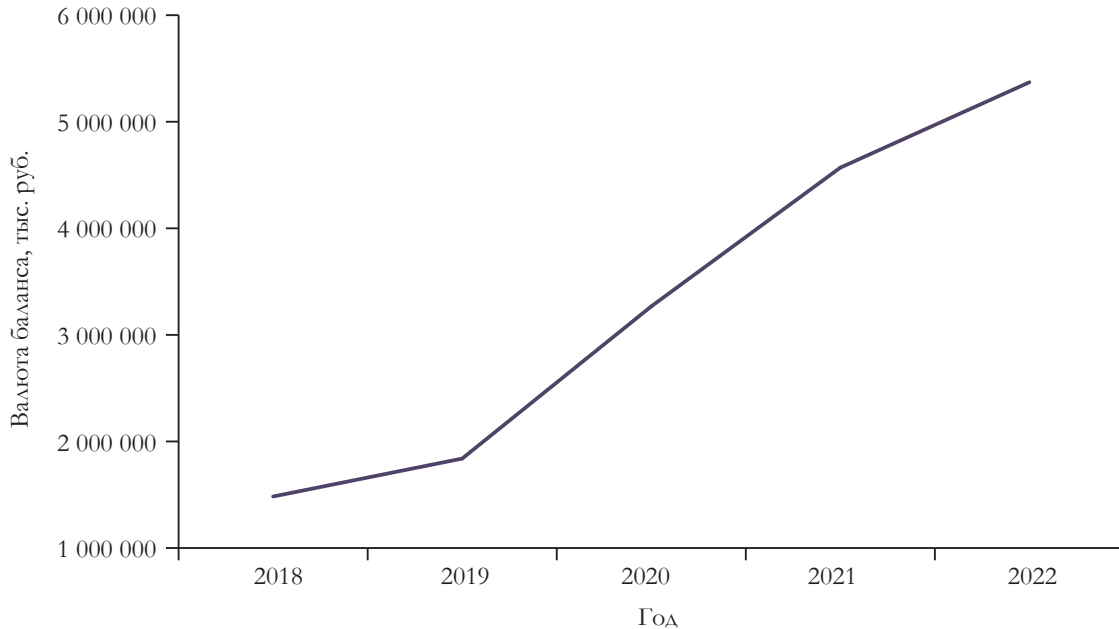
Как видно из таблицы, предприятия-участники представляют различные сферы деятельности в категории субъектов малого предпринимательства.

³ Национальный проект «Повышение производительности труда». Режим доступа: <https://производительность-на-дону.рф/> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴ Seldon.Basis – проверка и поиск контрагентов. Режим доступа: <https://basis.myseldon.com/ru/landing> (дата обращения: 19.04.2024).

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ СОВОКУПНОГО ИМУЩЕСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ НАЦПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА»

С использованием классических методов анализа бухгалтерской отчетности проанализируем совокупную динамику развития исследуемой группы предприятий. В приведенном исследовании воспользуемся бухгалтерской отчетностью предприятий за период с 2019 г. по 2022 г. (рис. 1) [1; 2].

Источник⁵

Рис. 1. Динамика совокупного имущества предприятий-участников национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области, имеющих выручку от 100 до 400 млн руб. в год за период с 2019 г. по 2022 г.

Как видим из рисунка 1, у предприятий-участников национального проекта «Производительность труда», имеющих выручку от 100 до 400 млн руб., наблюдается рост совокупного имущественного комплекса в период с момента реализации проекта. Так, совокупное имущество компаний выросло в 3,6 раза. Рост активов предприятия, выраженный в увеличении валюты бухгалтерского баланса в течение нескольких лет, означает рост финансовых ресурсов и общей стоимости, которые принадлежат организации.

На рост валюты бухгалтерского баланса влияют такие факторы, как увеличение продаж, приток инвестиций, повышение стоимости активов, успешное ведение деловой деятельности и другие положительные экономические процессы, что дает ряд преимуществ:

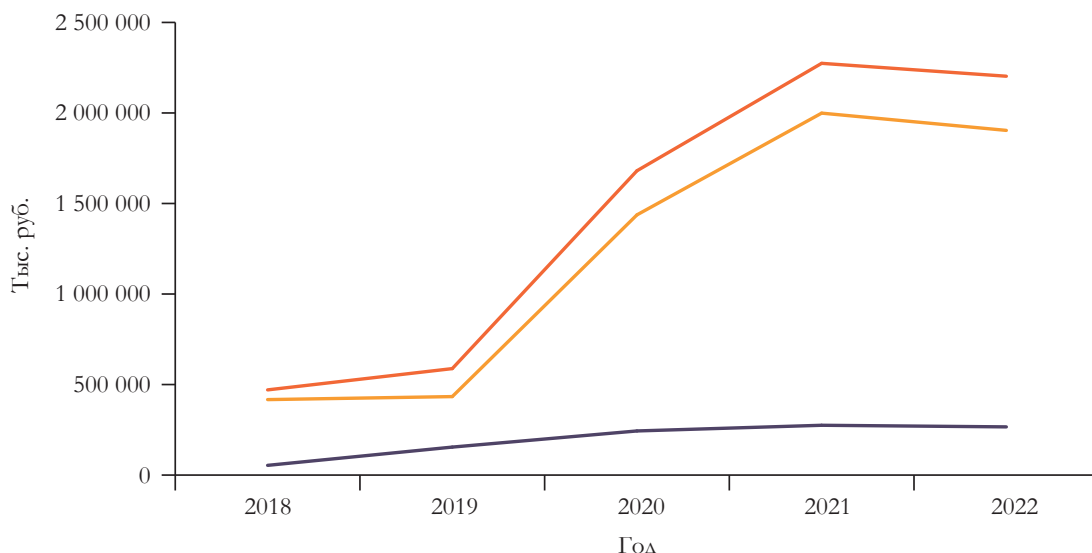
- повышение финансовой устойчивости организации и способность к самофинансированию, независимость от внешних источников финансирования;
- повышение кредитного рейтинга предприятия, что обеспечивает привлечение дополнительного финансирования в бизнес.

Также следует отметить негативные факторы, связанные с ростом обязательств и задолженностей предприятия, которые могут вызвать рост валюты баланса и свидетельствуют о недостаточной эффективности финансового менеджмента и неверных управленческих решениях [3].

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЗАЕМНОГО КАПИТАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ НАЦПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА»

Проанализируем совокупную динамику заемного капитала исследуемых компаний (рис. 2).

⁵Seldon.Basis – проверка и поиск контрагентов. Режим доступа: <https://basis.myseldon.com/ru/landing> (дата обращения: 19.04.2024).

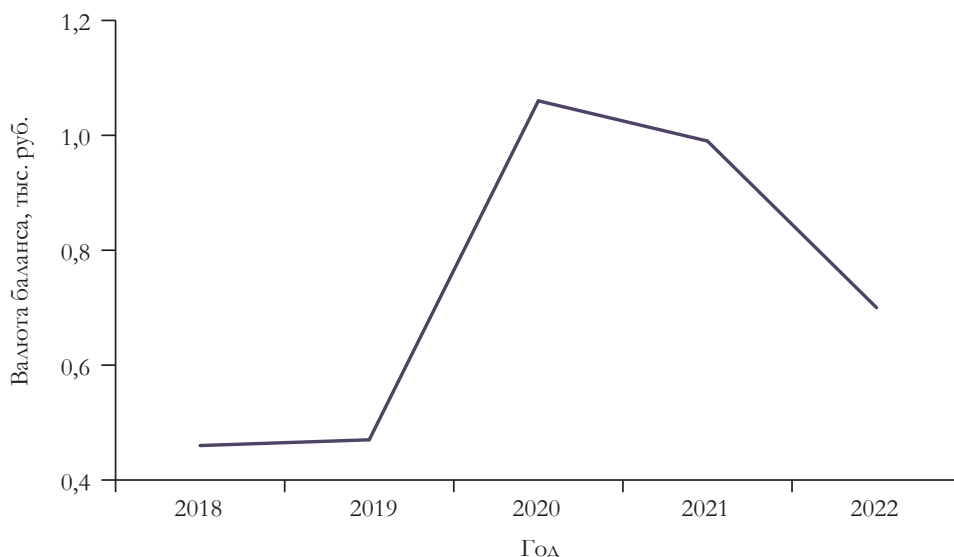

Источник⁶

Рис. 2. Динамика совокупного, долгосрочного и краткосрочного заемного капитала

В части анализа привлеченного финансирования для развития исследуемых предприятий в период проведения мероприятий по повышению производительности труда с 2019 г. по 2021 г. заметно увеличились объемы привлекаемых займов. Данному факту также поспособствовали приемлемые (на тот момент) рыночные условия кредитования, которые наблюдались до 2022 г.

В то же время, анализируя соотношение собственных и заемных средств компаний, можно сделать вывод о том, что в период внедрения мероприятий привлекались значительные объемы займов, что вызвало превышение по нормативным значениям соотношения заемного и собственного капитала в 2020–2021 гг., но в 2022 г. соотношение заемного и собственного финансирования находилось в допустимых пределах (рис. 3).

Источник⁷

Рис. 3. Динамика соотношения заемного и собственного капитала предприятий-участников национального проекта «Производительность труда»

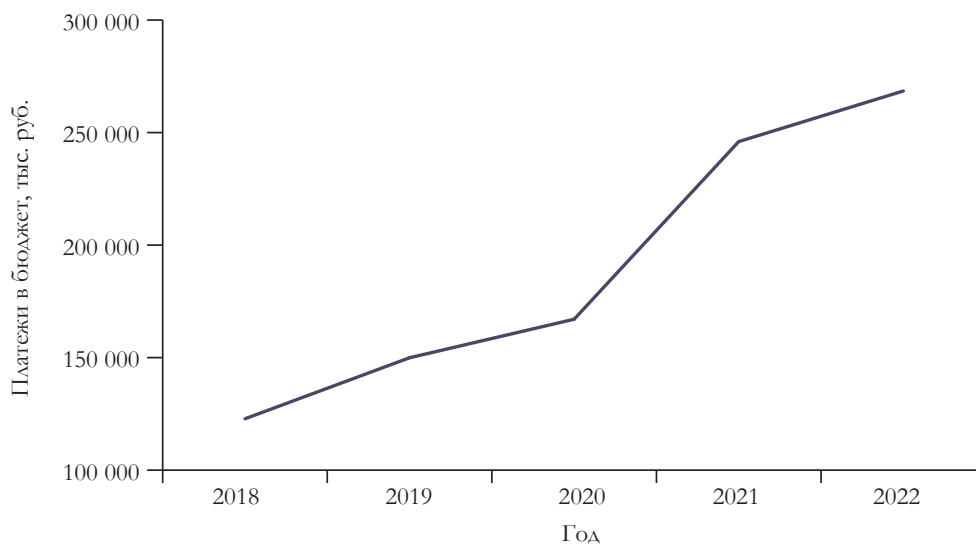
⁶ Seldon.Basis – проверка и поиск контрагентов. Режим доступа: <https://basis.myseldon.com/ru/landing> (дата обращения: 19.04.2024).

⁷ Там же.

В 2020–2021 гг. в общей совокупности наблюдалось превышение заемного капитала над собственными средствами выше допустимых нормативов. Этот факт обусловлен ростом инвестиций в развитие компаний для реализации мероприятий, направленных на создание эталонных потоков в соответствии с рекомендациями специалистов регионального центра компетенций по участию в национальном проекте. По данным 2022 г. коэффициент соотношения заемного и собственного капитала находится на уровне 0,7, что соответствует пределам допустимых нормативных значений. В дальнейшем необходимо контролировать динамику данного показателя, которая в настоящей перспективе ограничена высокой ключевой ставкой Центрального банка Российской Федерации [4].

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПЛАТЕЖЕЙ В БЮДЖЕТ ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ НАЦПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА»

Особый интерес представляют результаты анализа динамики платежей в бюджеты всех уровней (рис. 4). По данному показателю в исследуемый период времени наблюдается рост в 2,2 раза.

Источник⁸

Рис. 4. Динамика платежей в бюджеты всех уровней предприятий-участников национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области

Внедрение прогрессивных методов по повышению производительности труда играет важную роль в стимулировании развития производственных систем. Это связано с тем, что использование передовых технологий и инновационных подходов способствует более эффективному использованию ресурсов и оптимизации рабочего процесса [5; 6]. Улучшение производительности труда ведет к увеличению объема производства и повышению его качества. Благодаря внедрению новых методов и подходов рабочие процессы становятся более эффективными и простыми, что в свою очередь способствует сокращению времени, затрачиваемого на выполнение задач.

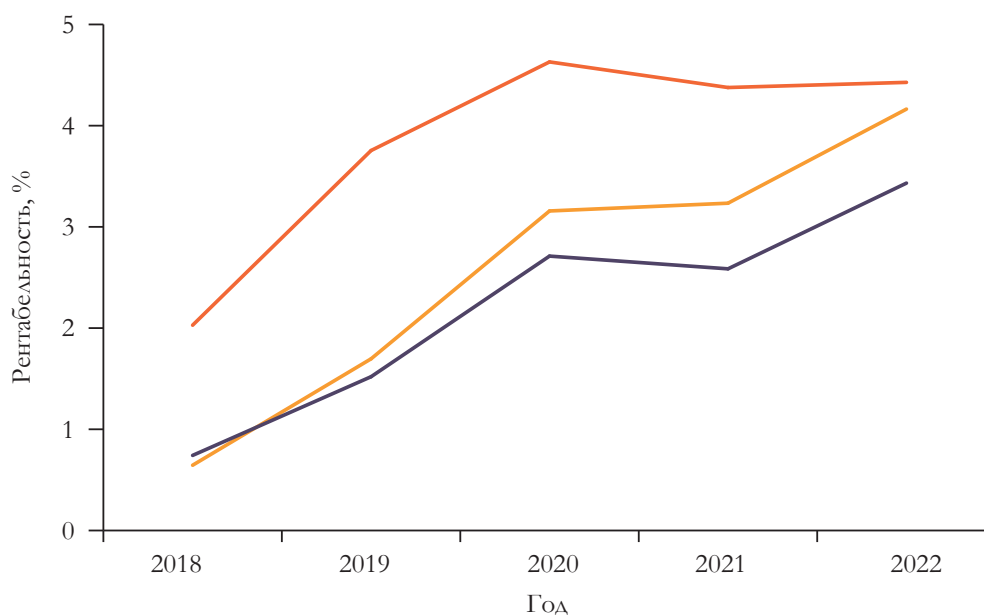
Такое развитие производственных систем имеет положительное воздействие как на финансовые результаты каждого отдельного предприятия, так и на экономику в целом. Рост объемов производства на предприятии способствует росту экономической активности, повышению финансового положения предприятий, и, соответственно, влияет на рост платежей в бюджеты всех уровней.

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ-УЧАСТНИКОВ НАЦПРОЕКТА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА»

Немаловажным показателем для оценки относительной эффективности деятельности компании являются показатели рентабельности (продаж, имущества и продукции). В рамках настоящего исследования

⁸Seldon.Basis – проверка и поиск контрагентов. Режим доступа: <https://basis.myseldon.com/ru/landing> (дата обращения: 19.04.2024).

особый интерес представляют показатели рентабельности, рассчитанные по всей совокупности исследуемых предприятий (рис. 5).

Источник⁹

Рис. 5. Рентабельность продаж, имущества и продукции предприятий-участников национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области

Показатели рентабельности также демонстрируют динамику роста в рамках анализируемого периода, что свидетельствует о положительном влиянии внутренних трансформаций процессов управленческого и производственного характера на исследуемой совокупности предприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении последних лет национальный проект «Производительность труда» стал одним из основных приоритетных направлений по развитию промышленности в Российской Федерации. В рамках этого проекта реализуется консультационное обслуживание по компетентной организации производственных процессов как неотъемлемой части успешной деятельности предприятий, которое непосредственно влияет на финансовые результаты [7].

Один из ключевых аспектов, которому уделяется пристальное внимание в рамках консультационного обслуживания национального проекта, – это оптимизация производственных процессов, направленная на снижение затрат времени и повышение эффективности деятельности предприятия. Для этого реализуется детальный анализ каждого этапа производственного процесса, диагностируются узкие места, а также разрабатываются мероприятия по их устранению [8; 9]. Успешное внедрение инструментов бережливого производства и обучение персонала предприятия позволяют нарастить объемы произведенной продукции при меньших затратах времени и ресурсов.

Повышение квалификации работников представляет немаловажный аспект при успешном развитии предприятий [10]. Модернизация технологий и внедрение новых методов работы в соответствии с тенденцией цифровизации бизнес-процессов в свою очередь требуют от персонала предприятия повышенных профессиональных навыков. Таким образом, повышение квалификации работников является приоритетной задачей для достижения синергетического эффекта при реализации мероприятий по повышению производительности труда на предприятии. Помимо привлечения внешних тьюторов на производство, компания должна стремиться создать условия для саморазвития персонала с возможностью расширения кругозора в профессиональной сфере.

⁹ Seldon.Basis – проверка и поиск контрагентов. Режим доступа: <https://basis.myseldon.com/ru/landing> (дата обращения: 19.04.2024).

Прогрессивные методики автоматизации производственного процесса позволяют в короткие сроки повысить не только производительность труда, но и качество продукции.

В результате проведенного исследования необходимо внедрение мер государственного регулирования в части заемного финансирования мероприятий по повышению производительности труда. В настоящий момент при текущих уровнях рентабельности привлечение заемного финансирования на текущих рыночных условиях нецелесообразно ввиду достаточно высокой стоимости заемного капитала. Для повышения эффективности реализации данного национального проекта в регионе необходимо распространить сферу деятельности по проекту на предприятия с меньшими объемами выручки (менее 100 млн руб.) на безвозмездной основе, так как эта категория более зависима от рыночных колебаний и менее финансово устойчива к различного рода кризисным ситуациям.

Оценивая результаты внедрения национального проекта по повышению производительности труда на предприятиях – субъектах малого предпринимательства Ростовской области с выручкой от 100 до 400 млн руб. в период с 2019–2022 гг. – можно отметить следующую динамику в экономике региона:

- 1) рост совокупного имущественного комплекса исследуемых предприятий в 3,6 раза, что свидетельствует о наращивании производственной активности в исследуемый период;
- 2) рост заемного финансирования (краткосрочного и долгосрочного) у группы исследуемых предприятий-участников национального проекта «Производительность труда» в 4,7 раза (пиковым периодом привлечения заемного финансирования является 2020 г. ввиду формирования наиболее благоприятных условий для кредитования бизнеса);
- 3) в исследуемый период наблюдается рост платежей в бюджеты различных уровней в 2,2 раза;
- 4) в части исследования динамики рентабельности также наблюдается увеличение показателей рентабельности продаж в 2,7 раза, рентабельности имущества – в 5,6 раз, рентабельности продукции – в 5,4 раза.

Таким образом, в части реализации национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области на предприятиях-участниках с выручкой от 100 до 400 млн руб. можно отметить положительную динамику, находящую отражение в финансовых результатах, объемах производства, а также налоговых отчислениях в бюджет региона. Формирование компетентной организации бизнес-процессов, повышение квалификации сотрудников и внедрение новых технологий способны сделать национальный проект «Производительность труда» важным инструментом для развития экономического потенциала страны.

Список литературы

1. *Анисимова А.И., Нефедова С.В.* Методика комплексного анализа финансового состояния организации по данным бухгалтерской финансовой отчетности. Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2018;1:346–348.
2. *Погорелова А.А.* Подход к повышению эффективности принятия управленческих решений в условиях цифровизации. В кн.: Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 14–15 апреля 2022 г. Симферополь: Ариал; 2022. С. 137–140.
3. *Челюков А.В.* Выбор направлений управленческих решений для обеспечения экономической безопасности предприятия на основе системного анализа признаков отклонения его функционирования от нормального состояния. Московский экономический журнал. 2023;4(8).
4. *Шпилова Т.А.* Формирование стратегии устойчивого развития промышленных предприятий. Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2024;1(21):203–212. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2024-1-203-212>
5. *Погорелова А.А., Куликов М.М., Дулин А.Н., Дмитриева Н.И., Лысенко Н.В., Шабельникова В.В., Черноусова С.А.* Экономика производства и бизнес-процессы. Новочеркасск: НОК; 2022. 172 с.
6. *Погорелова А.А.* Методология оценки уровня развития производственной системы на основе информационного подхода. Друкерровский вестник. 2023;3(53):204–212. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-3-204-212>
7. *Донцова О.И., Морковкин Д.Е.* Особенности государственного регулирования развития сферы материального производства. В кн.: Шманев С.В., Донцова О.И., Морковкин Д.Е. Государственное регулирование национальной экономики. М.; 2023. С. 59–119.
8. *Грицова А.В.* Реализация национального проекта «Производительность труда» в Ростовской области на примере ООО «Аксайский кирпичный завод». В кн.: Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации: материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 16–17 ноября 2023 г. Симферополь: Ариал; 2023. С. 46–51.

9. *Трещалин М.Р.* Проблемы, возникающие при реализации национальных проектов в российской федерации, и пути их решения. Актуальные исследования. 2023;1(131):47–49.
10. *Денисов А.Ф.* Отбор и оценка персонала. М.; 2023, 316 с.

References

1. *Anisimova A.I., Nefedova S.V.* Method of complex analysis of the financial status of the organization for the data of accounting financial reporting. Vestnik of Tula branch of the Financial University. 2018;1:346–348. (In Russian).
2. *Pogorelova L.A.* An approach to improving the efficiency of managerial decision-making in the context of digitalization. In: Efficient management of the economy: Issues and prospects: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Simferopol, April 14–15, 2022. Simferopol: Arial; 2022. Pp. 137–140. (In Russian).
3. *Chelnokov A.V.* Choosing the directions of management decisions to ensure the economic security of the enterprise based on the system analysis of signs of deviation of its functioning from the normal state. Moscow Economic Journal. 2023;4(8). (In Russian).
4. *Shipilova T.A.* Elaborating Strategies of Sustainable Development at Industrial Enterprises. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2024;1(21):203–212. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2024-1-203-212>
5. *Pogorelova L.A., Kulikov M.M., Dulin A.N., Dmitrieva N.I., Lysenko N.V., Shabelnikova V.V., Chernousova S.A.* Production Economics and Business Processes. Novocheerkassk: NOA; 2022. 172 p. (In Russian).
6. *Pogorelova L.A.* Methodology for assessing the level of development of the production system based on the information approach. Drukerovskij vestnik. 2023;3(53):204–212. (In Russian). <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-3-204-212>
7. *Dontsova O.I., Morkovkin D.E.* Peculiarities of state regulation of material production sphere development. In: Shmanev S.V., Dontsova O.I., Morkovkin D.E. State regulation of national economy. Moscow; 2023. Pp. 59–119. (In Russian).
8. *Grintsova A.V.* Implementation of the national project “Labor Productivity” in the Rostov Region on the example of LLC Aksai Brick Factory. In: Sustainable development of socio-economic system of the Russian Federation: Proceedings of the XXIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Simferopol, November 16–17, 2023. Simferopol: Arial; 2023. Pp. 46–51. (In Russian).
9. *Treshchalin M.R.* Problems arising during the implementation of national projects in the Russian Federation, and ways to solve them. Current Research. 2023;1(131):47–49. (In Russian).
10. *Denisov A.F.* Selection and evaluation of personnel. Moscow; 2023; 316 p. (In Russian).

Актуализация перечня таможенных услуг как один из способов трансформации

Софьянникова Ирина Юрьевна

Ст. преп. каф. таможенных операций и таможенного контроля
ORCID: 0000-0001-7066-0854, e-mail: i.sofyannikova@customs-academy.ru

Российская таможенная академия, г. Люберцы, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению существующего перечня государственных таможенных услуг, способам их оказания, изучению проблем, связанных с их внедрением и реализацией. Целью настоящего исследования является анализ трансформации сферы таможенных услуг с учетом повышения цифровой зрелости экономики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения сервисного обслуживания в сфере государственных таможенных услуг с учетом ориентации на интересы конечного потребителя (участника внешнеэкономической деятельности, представителя бизнеса, физических и юридических лиц). Основными задачами являются выявление проблемных аспектов служебной сферы таможенных органов, предложение и обоснование необходимости внедрения новых нерегламентированных государственных таможенных услуг. В статье использовались как теоретические методы исследования – анализ действующего законодательства, а также трудов современных исследователей в данной сфере, так и эмпирические – практическое обоснование вариантов повышения эффективности проводимого государственного контроля и механизма предоставления государственных таможенных услуг. На основе анализа оказываемых в настоящее время таможенных услуг выявлены наиболее востребованные и невостребованные услуги. Результатом исследования является предложение возможных вариантов внедрения нерегламентированных государственных таможенных услуг для расширения сервисной сферы таможенных органов.

Ключевые слова

Таможенные услуги, цифровая трансформация, нерегламентированные услуги, качество таможенных услуг, цифровая зрелость, центр электронного декларирования, информационные технологии, менеджмент сферы услуг, цифровая грамотность, тактические задачи

Для цитирования: Софьянникова И.Ю. Актуализация перечня таможенных услуг как один из способов трансформации // Вестник университета. 2024. № 6. С. 85–93.

Updating customs services list as one of the means of transformation

Irina Yu. Sofiyannikova

Senior Lecturer at the Customs Operations and Customs Control Department
ORCID: 0000-0001-7066-0854, e-mail: i.sofiyannikova@customs-academy.ru

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

Abstract

The article studies existing state customs services list, means of their provision, and problems associated with their implementation and realization. The purpose of the study is to analyze customs services sphere transformation considering increasing digital maturity of economy. The relevance of the study is due to the need to expand service provision in the state customs services sphere considering orientation to the interests of the end user (foreign economic activity participant, business representative, individuals, and legal entities). The main objectives are to identify problematic aspects of the customs authorities service sphere and to propose and justify the need to introduce new non-regulated state customs services. The article used both theoretical research methods such as the analysis of current legislation, as well as the works of modern researchers in this field and empirical methods such as practical substantiation of options for improving state control effectiveness and mechanism for providing state customs services. On the basis of the analysis of the customs services currently provided, the most demanded and unclaimed ones have been identified. The study result is the proposal of possible options for implementing non-regulated state customs services to expand the customs authorities service sphere.

Keywords

Customs services, digital transformation, unregulated services, customs services quality, digital maturity, electronic declaration center, information technology, service sector management, digital literacy, tactical tasks

For citation: Sofiyannikova I.Yu. (2024) Updating customs services list as one of the means of transformation. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 85–93.

ВВЕДЕНИЕ

Сфера услуг для любой отрасли экономической деятельности является ключевым критерием ее развития, и расширение спектра предоставляемых услуг, а также повышение их качества способствуют такому развитию. В широком значении именно сфера услуг и ее состояние определяют зрелость общества в целом.

Важно отметить, что ключевой особенностью услуг для конечного потребителя являются оказываемые ими полезный результат и действие. Также для любой оказываемой услуги характерным считается наличие двух клиентов: внешнего (для кого данная услуга оказывается, кто будет являться конечным получателем услуги) и внутреннего (кто непосредственно является исполнителем услуги или участвует в процессе ее оказания).

В данной статье будут рассмотрены такие виды услуг, как государственные таможенные услуги, то есть субъектом, или внешним клиентом, в данном случае будет выступать государство, а именно Федеральная таможенная служба Российской Федерации (далее – ФТС России). Процесс выполнения таких услуг осуществляется за счет реализации своих непосредственных функций различными подразделениями таможенных органов в пределах установленных действующим законодательством полномочий.

Начиная с 2016 г. таможенные органы оказывают государственные услуги. Нельзя не отметить, что за прошедший период качество и сам формат предоставляемых услуг значительно изменились под влиянием цифровой трансформации и современных реалий.

Цифровая трансформация – это не просто внедрение цифровых технологий, позволяющих цифровизировать основные и управленческие процессы, но и изменение системой управления организацией таких ее элементов, как бизнес-процессы, организационная структура управления, механизмы и технологии управления [1].

Соответственно, видоизменяются не только сами услуги, но и способ их предоставления:

- утверждаются административные регламенты оказания конкретной услуги, четко прописываются сроки и порядок их предоставления: «...Срок предоставления государственной услуги не может превышать: 1) 15 рабочих дней со дня поступления в Федеральную таможенную службу заявления банка о включении в реестр; 2) 10 рабочих дней со дня поступления в Федеральную таможенную службу заявления банка о внесении изменений в реестр или заявления банка об исключении из реестра...»¹;
- в целях сокращения временных интервалов предоставления услуг происходят изменение формата их оказания и переход к предоставлению услуг в электронной форме.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАМОЖЕННЫХ УСЛУГ

На основании анализа сведений о предоставлении государственных услуг за период с I квартала 2020 г. по IV квартал 2021 г., опубликованном на официальном сайте ФТС России, можно проследить четкую динамику оказанных услуг в электронном виде².

На рис. 1 представлена динамика предоставления услуг в электронном виде на примере государственной услуги «Консультирование по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов».

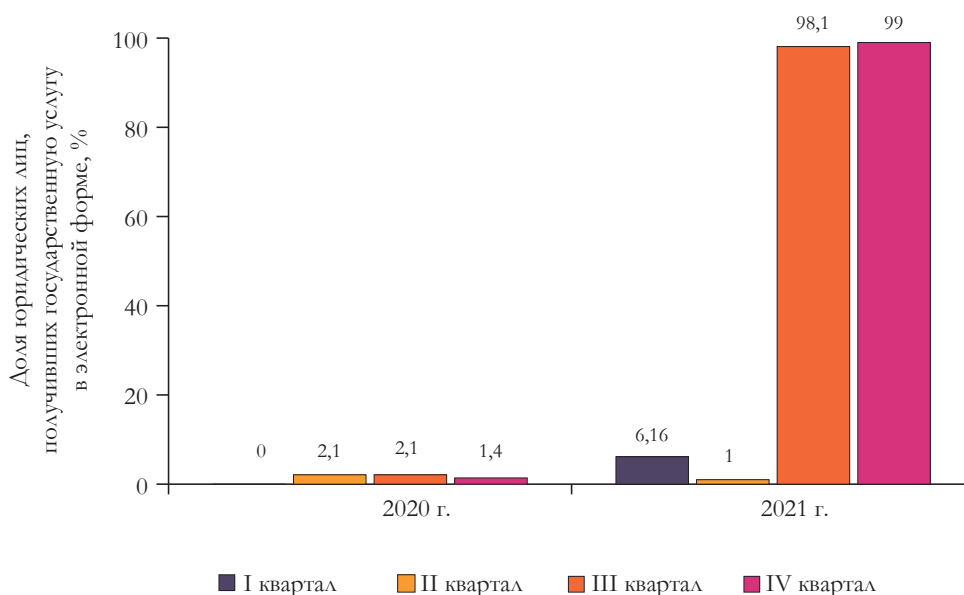
На основании данных рисунка можно отследить, что к концу 2021 г. услуга «Консультирование по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов» оказывалась в электронном виде на 99 %, а уже в начале 2022 г. – на 100 %, что говорит о «скачке» и быстром внедрении цифровизации в сферу государственных услуг, а также об увеличении цифровой зрелости в таможенных органах.

В рамках рассматриваемой темы важно отметить необходимость повышения цифровой грамотности должностных лиц, оказывающих государственные услуги. Для этого целесообразно на постоянной основе внедрить в работу таможенных органов проведение онлайн-курсов и тренингов, а также профессионального обучения в процессе оказания таможенных услуг. Такие меры не только будут способствовать

¹ Федеральная таможенная служба. Приказ от 24 января 2020 г. № 75 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной таможенной службой государственной услуги по ведению реестра банков, обладающих правом выдачи банковских гарантий». Режим доступа: <https://customs.gov.ru/administrativnye-reglamenti/document/239423> (дата обращения: 06.04.2024).

² Федеральная таможенная служба. Сведения о количестве предоставленных госуслуг. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/svedeniya-o-kolichestve-predostavlennykh-gosuslug> (Дата обращения: 06.04.2024).

повышению уровня цифровых компетенций должностных лиц, но и повлияют на развитие цифровой зрелости таможенных органов в целом.

Источник³

Рис. 1. Доля юридических лиц, получивших государственную услугу в электронной форме

В настоящее время среди отечественных и зарубежных методик оценки цифровой зрелости особо востребованными и распространенными являются:

- Индекс зрелости Индустрии 4.0.;
- Organization Digital Manufacturing;
- Digital Transformation Index;
- Digital Business Aptitude (DBA);
- Business Process Management Maturity Model (BPM MM);
- методика KMDA;
- матрица оценки цифровой зрелости государственных и муниципальных услуг и т.д. [2].

С одной стороны, цифровые технологии позволяют ускорить процесс принятия решения, а с другой – менеджмент организации должен уметь эффективно использовать эти технологии, иначе желаемого результата просто не достичь [3].

Математически доказано, что высокий уровень цифровизации государственного управления обеспечивает более высокий уровень его качества (или отдельных параметров) [4]. Менеджмент сферы государственных таможенных услуг заключается в непрерывном воздействии субъектов (таможенных органов на разных иерархических ступенях) на выполняемые процессы и объекты для получения конечного результата. Также важен тот факт, что любое управление (независимо от сферы деятельности) должно подразумевать стратегическое и тактическое управление.

К стратегическому управлению можно отнести действия, направленные на повышение уровня и качества оказываемых услуг, что естественным образом будет влиять на конкурентоспособность организации и повышать уровень доверия к ней конечного потребителя (участника внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), представителей бизнеса и т.д.).

Стратегической целью развития ФТС России к 2030 г. является формирование новой, насыщенной искусственным интеллектом, «умной» таможенной службы, незаметной для законопослушного бизнеса и результативной для государства⁴.

³ Федеральная таможенная служба. Сведения о количестве предоставленных госуслуг. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/svedeniya-o-kolichestve-predostavlennyx-gosuslug> (Дата обращения: 06.04.2024).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года». Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/20rs1388/> (дата обращения: 06.04.2024).

В настоящий момент основными ориентирами по реализации стратегической цели являются:

- полномасштабная цифровизация и автоматизация деятельности таможенных органов;
- содействие развитию международной торговли;
- реализация конкурентных преимуществ экспортоориентированных секторов экономики;
- расширение номенклатуры и объема экспорта несырьевой продукции;
- обеспечение прозрачности совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля;
- улучшение условий ведения предпринимательской деятельности и инвестиционного климата в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и др.⁵

К тактическому управлению можно отнести разработку конкретного плана мероприятий для реализации действий стратегического управления. Для реализации тактических задач необходимо развивать следующие направления:

- установить ориентиры и разработать показатели для повышения качества оказываемых государственных таможенных услуг;
- ориентироваться на спрос конечного потребителя;
- расширять сервисную деятельность.

ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАМОЖЕННЫХ УСЛУГ: ОЦЕНКА КАЧЕСТВА

Несмотря на быстрое внедрение цифровизации в сферу услуг, на современном этапе в таможенной сфере существуют проблемные аспекты служебной деятельности. Для примера рассмотрим существующие таможенные услуги.

Таможенные органы предоставляют 11 государственных услуг, которые можно категоризировать по следующим критериям:

- профессиональные услуги: ведение реестров для лиц и организаций, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела;
- услуги консультационного характера: консультирование и информирование по вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов, в том числе принятие предварительных решений по запросам заинтересованных лиц.

Категоризирование государственных таможенных услуг схематично изображено на рис. 2.

Представленные на рисунке государственные таможенные услуги реализуются структурными подразделениями таможенных органов на различных иерархических уровнях путем выполнения ими своих непосредственных функций и полномочий. Однако для реализации первого тактического направления важно обратить внимание на необходимость оценки качества оказываемых услуг и способов его повышения.

В настоящее время для оценки качества оказываемых таможенных услуг существуют следующие варианты, представленные на официальном сайте ФТС России:

1) результаты ведомственного самообследования качества предоставления услуг – в данном разделе содержатся сведения с 2014 г. по 2022 г. непосредственно об оказанной услуге, о методе исследования (изучение документов), о соблюдении сроков предоставления услуги, указанной в Административном регламенте, о соблюдении стандартов обслуживания, о выявленных проблемах в процессе оказания государственной таможенной услуги, а также предложения по их устранению;

2) отчеты о рассмотрении жалоб – в данном разделе содержатся сведения о количестве поступивших жалоб в рамках досудебного (внесудебного) обжалования по предоставлению каждой из государственных таможенных услуг, а также количество удовлетворенных (частично удовлетворенных) жалоб, полученных в рамках досудебного (внесудебного) обжалования;

3) центр телефонного обслуживания граждан и организации по вопросам предоставления услуг – в целях получения справочной информации о порядке оказания государственных таможенных услуг для потребителей: физических, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей создан специализированный Центр телефонного обслуживания, а также назначены должностные лица, отвечающие за прием и обработку поступающих сообщений от граждан.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года». Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/20rs1388/> (дата обращения: 06.04.2024).

Примечание: ЕТН ВЭД ЕАЭС – Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза
 Источник⁶

Рис. 2. Предоставляемые государственные таможенные услуги и их категорирование

Важно отметить, что существующая система оценки качества предоставляемых таможенных услуг предполагает только оценку удовлетворенности внешнего клиента (конечного потребителя) без учета потребностей внутреннего клиента (должностных лиц таможенных органов, предоставляющих услугу).

В целях повышения качества оказываемых услуг целесообразно реализовывать следующие направления:

1) на постоянной основе проводить автоматические опросы внешних клиентов (потребителей услуг) об удовлетворенности полученным результатом с указанием негативных аспектов, с которыми пришлось столкнуться в процессе получения той или иной государственной таможенной услуги;

2) проводить опросы, а также анкетирование внутренних клиентов (должностных лиц таможенных органов, компетентных и уполномоченных на оказание услуг) с целью предложения различных кейсов для оптимизации процесса предоставления услуг, исходя из практической деятельности и возникающих проблемных аспектов;

3) ввести для должностных лиц таможенных органов, оказывающих государственные таможенные услуги, систему оценки КРІ (Key Performance Indicator) для оценки работы каждого из специалистов и возможности их материального стимулирования;

4) регулярно осуществлять профессиональную переподготовку кадров, а также проводить тренинги, направленные на изучение действующей нормативно-правовой базы, вступивших в силу новых законодательных документов, а также Административных регламентов оказания государственных таможенных услуг;

5) разработать показатели качества для каждой из предоставляемых услуг, в том числе показатель, отражающий средние временные издержки в процессе оказания конкретной услуги, % отмененных решений должностных лиц таможенных органов, % жалоб, поданных потребителями таможенных услуг на действие/бездействие должностных лиц таможенных органов в процессе, и т.д.

⁶ Федеральная таможенная служба. Список госуслуг. Режим доступа: https://customs.gov.ru/spisok_gosuslug (дата обращения: 06.04.2024).

ОРИЕНТАЦИЯ НА СПРОС ПОТРЕБИТЕЛЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ УСЛУГОВОЙ СФЕРЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Далее в рамках данной статьи рассмотрим следующие два направления для реализации тактических задач: расширение сервисной деятельности и ориентацию на спрос конечного потребителя.

Для функционирования любой из сфер услуг необходимы постоянные трансформация и расширение. Предложение большого спектра оказываемых услуг, в том числе уникальных (которые не могут быть представлены другими предприятиями или государственными органами), не только является залогом комплексного развития, но и повышает конкурентоспособность и востребованность организации.

В целях расширения сферы государственных услуг необходимо учитывать спрос конечного потребителя, так как оказываемые услуги четко регламентируются законодательством и не могут быть абсолютно уникальными и индивидуальными. Также в целях недопущения коррупционных рисков таможенные услуги не могут зависеть от внешних факторов, например, конкретного потребителя услуги и т.д.

Для более глубокого изучения направлений расширения сервисной деятельности и ориентации на спрос конечного потребителя рассмотрим основополагающий процесс планирования маркетинга. Маркетинг (от англ. marketing – «рыночная деятельность») – функция и деятельность организации, направленная на удовлетворение потребностей потребителей различных служебных сфер и получение выгоды.

Процесс планирования маркетинга включает:

- ситуационный анализ;
- маркетинговый синтез;
- стратегическое планирование;
- тактическое планирование;
- маркетинговый контроль.

Под ситуационным анализом понимается возможность оценки текущего состояния организации, предприятия или конкретной сферы деятельности.

Проанализируем востребованность оказываемых государственных таможенных услуг за III–IV кварталы 2023 г. (табл. 1).

Таблица 1

Количество положительных решений, принятых по результатам предоставления государственных услуг таможенными органами

Наименование государственной услуги	III квартал 2023 г., шт.	IV квартал 2023 г., шт.
Ведение реестра таможенных перевозчиков	8	6
Ведение реестра владельцев таможенных складов	107	122
Ведение реестра владельцев складов временного хранения	305	336
Ведение реестра владельцев магазинов беспошлинной торговли	43	46
Ведение реестра банков, обладающих правом выдачи банковских гарантий	4	3
Ведение реестра таможенных представителей	100	87
Консультирование по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов	2 545	3 559
Принятие предварительных решений о классификации товаров в соответствии с ЕТН ВЭД ЕАЭС	186	176
Принятие предварительного решения о происхождении товара	–	–
Ведение таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности	265	335
Предоставление информации о выпуске товаров	7 620	8 189
Итого	11 183	12 859

Примечание: ЕТН ВЭД ЕАЭС – Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза

Источник⁷

⁷ Федеральная таможенная служба. Сведения о количестве предоставленных госуслуг. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/svedeniya-o-kolichestve-predostavlennykh-gosuslug> (дата обращения: 06.04.2024).

На основании данных таблицы можно сделать вывод о том, что наиболее востребованной услугой, оказываемой таможенными органами, является «Предоставление информации о выпуске», а самой невостребованной – «Принятие предварительного решения о происхождении товара».

Под маркетинговым синтезом подразумевается возможность выдвижения целей в соответствии с принятой концепцией маркетинга. Для служебной сферы таможенных органов целью является расширение сервисной деятельности с учетом интересов и спроса конечных потребителей.

Стратегическое планирование подразумевает предложение нескольких альтернативных стратегий, а также выбор наиболее актуальной и оптимальной стратегии и обоснование такого выбора. Тактическое планирование включает разработку конкретных решений для реализации поставленных целей.

Для получения наиболее эффективных результатов в сфере государственных таможенных услуг необходимо актуализировать оказываемые услуги с учетом их востребованности:

- исключить из перечня услугу «Принятие предварительного решения о происхождении товара»;
- рассмотреть возможность включения в перечень дополнительных нерегламентированных услуг из категории «фактический контроль»: проведение форм таможенного контроля по запросам участников ВЭД (таможенного осмотра, таможенного досмотра, таможенного наблюдения).

Под маркетинговым контролем понимается сбор и анализ данных о результатах деятельности, возможность их оценки, а также выявления в практической деятельности проблемных аспектов для возможности их решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предоставление возможности проведения форм фактического контроля по отправленным запросам позволит минимизировать временные издержки для конечного потребителя, так как участник ВЭД сможет заранее просчитать сроки поставки, финансовые издержки за размещение товара в зоне таможенного контроля и т.д.

Рассматривая введение таких нерегламентированных услуг со стороны государственных таможенных органов, можно отметить положительный эффект: появится возможность планирования и автоматического распределения грузопотоков, исходя из загруженности постов, уполномоченных на проведение фактического таможенного контроля (далее – ТПФК). Это позволит сократить нагрузку на должностных лиц ТПФК, а также равномерно распределять товарные партии между постами фактического контроля.

При этом важно отметить и актуальность применения системы управления рисками таможенных органов: естественным образом товары, организации, участники ВЭД с высоким уровнем риска будут подвергаться формам фактического контроля. Однако наличие возможности запросов на проведение форм фактического контроля по инициативе участников ВЭД будет способствовать снижению рисков нарушения таможенного законодательства, а также стимулировать конечных потребителей (декларантов, таможенных представителей) на актуальность применения таких услуг для возможности отнесения их к «средней» и «низкой» группе риска.

Переход от информационной эры к цифровой раскрывает ряд преимуществ, связанных с использованием информации не только для принятия оптимальных решений, но и для обработки большого массива релевантной информации в короткий срок для принятия решений и прогнозирования последствий их реализации [5]. Существующая система таможенных органов в современных условиях должна быстро адаптироваться, внедрять и использовать современные информационные технологии для повышения эффективности проводимого контроля, при этом делая его незаметным для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности и законопослушных представителей бизнеса.

Список литературы

1. *Ляндау Ю.В., Бирюков Е.С.* Цифровая трансформация организации, как способ повышения уровня цифровой зрелости индустрии 4.0. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2022;6(19):11–15. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-11-16>
2. *Сименко И.В., Пальчун И.Н.* Оценка цифровой зрелости органов государственного финансового контроля. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2022;6(19):34–44. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-34-47>
3. *Мрочковский Н.С., Захарова Т.И., Бирюков Е.С., Садыкова К.В., Судаков А.К.* Неэффективные управленческие решения: причины и последствия. Инновации и инвестиции. 2020;12:77–81.

4. *Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талалина Э.В., Старцев Я.Ю.* Цифровое будущее государственного управления. М.: Дело; 2019. 114 с.
5. *Асалиева З.А.* Приоритеты цифрового развития регионов Российской Федерации. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2022;6(19):78–86. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-78-88>

References

1. *Lyandan Yu.V., Biryukov E.S.* Digital Transformation of Organization as Way to Raise the Level of Digital Maturity of Industry 4.0. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2022;6(19):11–15. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-11-16>
2. *Semenko I.V., Paltun I.N.* Assessing Digital Maturity of State Finance Control Bodies. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2022;6(19):34–44. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-34-47>
3. *Mrochkovskiy N.S., Zakharova T.I., Biryukov E.S., Sadykova K.V., Sudakov D.K.* Inefficient management decisions: causes and consequences. Innovatsii i investitsii. 2020;12:77–81. (In Russian).
4. *Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Efremov A.A., Klochkova E.N., Talapina E.V., Startsev Ya.Yu.* Digital future of public administration. Moscow: Delo; 2019. Pp. 41–45. (In Russian).
5. *Asaliev Z.A.* Priorities of Digital Development in Russian Federation Regions. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2022;6(19):78–86. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-78-88>

Анализ формирования и сбалансированного развития региональных экономических систем

Шацкий Александр Александрович

Соискатель

ORCID: 0009-0000-9406-8636, e-mail: shackiaa@rambler.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в последние годы на уровень развития региональных социально-экономических систем существенное влияние оказывают различные негативные факторы и необходимо проведение оперативного анализа, способствующего своевременно выявить их. Неравномерное развитие регионов свойственно многим странам и определяется особенностями исторических традиций, действующим экономическим потенциалом и взаимосвязями с международными сообществами, а также региональной политикой государства. Уровень инновационного развития и цифровизации общества создает условия для перехода Российской Федерации от ресурсной экономики к инвестиционной и инновационной в целях повышения и поддержания конкурентоспособности. В результате проведенного исследования и изучения материалов экспертов, исследовавших способы и механизмы анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем, а также их влияние на развитие российской экономики, которая на современном этапе выходит на новый уровень в условиях санкций, нами проведена оценка региональных социально-экономических систем и различных методик ее осуществления.

Ключевые слов

Регион, региональные системы, социально-экономические системы, российская экономика, трансформация экономики, анализ, оценка методик

Для цитирования: Шацкий А.А. Анализ формирования и сбалансированного развития региональных экономических систем // Вестник университета. 2024. № 6. С. 94–99.

Analysis of formation and balanced development of regional economic systems

Alexander A. Shatsky

Applicant

ORCID: 0009-0000-9406-8636, e-mail: shackiaa@rambler.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The relevance of the study is conditioned by the fact that in recent years the level of regional socio-economic systems development has been significantly affected by various negative factors, and it is necessary to carry out an operational analysis that will help to identify them in a timely manner. Uneven development of regions is characteristic of many countries and is determined by the peculiarities of historical traditions, current economic potential and interrelations with international communities, as well as by state regional policy. The level of innovative development and society digitalization creates conditions for the transition of Russia from a resource-based economy to an investment and innovation economy in order to improve and maintain competitiveness. As a result of the research and study of the scientists' materials, who have investigated the ways and mechanisms of analyzing regional socio-economic systems formation and development, as well as their impact on the Russian economy development, which at the present stage is reaching a new level in the conditions of sanctions, we have conducted an assessment of regional socio-economic systems and various methods of its implementation.

Keywords

Region, regional systems, socio-economic systems, Russian economy, economic transformation, analysis, methods evaluation

For citation: Shatsky A.A. (2024) Analysis of formation and balanced development of regional economic systems. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 94–99.

ВВЕДЕНИЕ

Первоочередными задачами развития российской экономики выступают решение проблем региональных различий и определение механизма вклада отдельного региона в экономический рост страны. Глобализация приводит к принципиальной направленности технологических изменений в мире, сходству национальных траекторий технико-экономического развития, а также к синхронизации макроэкономических колебаний и технологических изменений.

В современных условиях первоочередными задачами развития российской экономики выступают решение проблем региональных различий и определение механизма вклада отдельного региона в экономический рост страны. В связи с этим осуществление эффективной региональной политики является стратегически важным звеном в системе хозяйственного управления государством в целом.

Весь процесс анализ формирования и развития региональных социально-экономических систем способствует решению ряда проблем и задач, стоящих на современном этапе развития перед региональными социально-экономическими системами. Таким образом, при изучении развития данных систем требуется провести детальный анализ действующих его теоретических основ [1; 2].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В процессе изучения темы настоящего исследования использовались труды следующих ученых: У. Айзард, Ч. Гирш, Д. Дэвис, Х. Зиберт, Г. Мэнкью, Г. Мюрдаль, Х. Ричардсон, П. Ромер, Р. Солоу, Дж. Фридман, М. Фуджит, А. Хиршман, Р. Холл, Дж. Эллисон и др. Теоретической основой исследования выступили работы следующих экспертов: А.Г. Аганбегян, И. Александров, М.К. Бандман, Н. Барановский, Г. Беляков, А.Г. Гранберг, Н.П. Кетова, Н. Кондратьев, В.Н. Лексин, В. Лукиных, Г.В. Мильнер, В.Н. Моргаев, Т.Г. Морозова, Н.Н. Некрасов, Ю. Саушкин, Я. Фейгин, А.Н. Швецов и др.

Все исследования, которые проводятся в настоящее время в разрезе изучаемой темы, посвящены широкому спектру теоретических проблем устойчивого развития экономики, но при этом нет четкой определенной системы и единого подхода к проведению данного анализа и оценке проблемы [3; 4].

Актуальность настоящего исследования заключается в изучении и анализе формирования и развития региональных социально-экономических систем в условиях трансформации экономики, а также формирования устойчивых экономических систем как ключевого фактора развития и роста экономики. В соответствии с этим поставлены и решены задачи по проведению систематизации принципов и подходов к анализу формирования и развития региональных социально-экономических систем.

Предмет исследования – организационно-экономические отношения, возникающие в процессе формирования и развития региональных систем. Объектом исследования выступают региональные системы как основной элемент национальной экономики.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методологии исследования выбран системный анализ, который позволяет построить дедуктивно-логическую модель региональной системы, увидеть процессы, происходящие в экономическом пространстве под влиянием конструктивных и деструктивных факторов кризиса, сформулировать иерархию целей объекта исследования и выбрать критерий оценки альтернативных решений. Предложенные в работе методические подходы к формированию пространственного развития раскрывают теоретические положения управления региональными системами в условиях инновационных преобразований и способствуют формированию ресурсного потенциала в регионах. Исследование проводилось на основе общенаучных методов выборки, группировки, сравнительного и системного анализа, абстрактно-логического метода, экспертных оценок и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из технических процессов, которые происходят в современном мире, – в первую очередь процессов глобализации и жесткой международной конкуренции, которые подтверждают, что устойчивыми могут быть лишь развитые страны, – экономика растет на территории Российской Федерации равномерно, эффективно, а не скачками, и выступает при этом конкурентоспособной. Затягивание процесса вывода экономики регионов на путь эффективного развития при одновременном сглаживании

отмеченной асимметрии не означает автоматическое разрешение этой проблемы рыночными законами [5; 6]. Следует при этом особо выделить региональный фактор, выступающий объективным в процессе формирования устойчивого экономического роста и предполагающий безусловный учет его в территориальном развитии страны.

Становится возможным обоснование приоритетов анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем, и в первую очередь это касается формирования эффективной структуры экономики, которое исходит из учета регионального фактора, что позволяет прийти к экономической самодостаточности всех территорий страны и налаживанию межрегионального взаимодействия.

В качестве компонентов региональной системы предлагаем учитывать следующие подсистемы:

- научно-образовательную;
- инфраструктурную;
- ресурсного обеспечения;
- предпринимательскую.

Нами предлагается осуществить анализ формирования и развития региональных социально-экономических систем посредством оценки пространственного развития российских регионов путем:

- формирования системного сочетания экономической, социальной и экологической составляющих пространственного развития страны;
- формирования «точек роста» как основного показателя экономического и социального развития;
- формирования социальных стандартов для жителей городов и сельских поселений, рационального расселения населения с целью достижения эффективного развития экономики регионов;
- создания городских агломераций посредством образования сети подлинно новых «умных» и «зеленых» городов-спутников;
- формирования показателей, способных своевременно учесть баланс предпринимательской инициативы и стратегических приоритетов развития региона.

Ресурсную составляющую социально-экономического потенциала региона необходимо дополнить его качественной стороной. Эти показатели будут способствовать эффективному и оперативному анализу формирования и развития региональных социально-экономических систем [7; 8]. По нашему мнению, существенную роль в анализе формирования и развития региональных социально-экономических систем играет и экономический потенциал региона.

Представленная методика анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем была апробирована в ряде регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации. Основными целями создания разработанной методики, касающейся анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем, являются:

- оценка осуществляемой государством политики по стимулированию факторов региональной инновационной системы;
- оперативное выявление регионов-лидеров по уровню состояния инновационной активности;
- анализ состояния каждого фактора региональной инновационной системы;
- анализ условий достижения успеха ряда регионов в сфере активизации участников инновационной деятельности и распространение лучших практик.

Для оценки уровня развития региона и определения его рейтинга предлагается использовать интегрированный индикатор. Предлагаемую систему показателей, используемую для анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем, можно применять при формировании различных рейтинговых показателей.

Региональная система, в которой не сбалансированы экономические и социальные процессы, не может быть эффективной, поэтому целесообразно разрабатывать отдельные программы, которые будут создаваться с учетом уровня развития каждого отдельного региона или группы регионов, а уровень поддержки регионов будет базироваться на проводимом предварительном анализе формирования и развития региональных социально-экономических систем.

В инновационной сфере регионов наблюдается положительная тенденция. Однако потенциал может характеризоваться как недостаточный для формирования инновационно-активной экономики. Главными факторами, сдерживающими рост объемов производства в промышленности регионов, являются нехватка квалифицированных кадров, конкуренция со стороны иностранных компаний, изношенность

оборудования, низкий уровень инвестиций и коммерциализации регионов. Политика государства должна быть сосредоточена на таких направлениях, как формирование благоприятной среды для развития среднего и малого бизнеса и внедрение экономических инструментов, которые содействовали бы ему. Другие факторы имеют одинаковую значимость: конкуренция со стороны отечественных производителей и низкие технологические возможности

Нами предложен новый подход к проведению системного анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем, а также классификации методов оценки экономического профиля территории. Основным стимулом для внедрения новых технологий выступает необходимость сокращения издержек и совершенствование механизмов ведения бизнеса. В качестве инструмента, способного решать проблемы развития региональных систем, выступает Программа развития регионов до 2030 г., преследующая цель развития социально-экономического потенциала регионов через формирование рациональной территориальной организации страны, стимулирование концентрации населения и капитала в центрах экономического роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является значимым и существенным и заключается в том, что была систематизирована методика проводимого анализа формирования и развития региональных социально-экономических систем в разрезе определенных территорий. Данное обстоятельство говорит о том, что необходимо уделять внимание науке как основному источнику инновационных идей и направлений.

Анализ формирования и развития региональных социально-экономических систем – это основа экономического развития, на которой разрабатываются стратегии развития отдельных территориальных единиц: районов, областей, провинций, муниципалитетов и др., составляются программы развития на долгосрочную перспективу и т.д. По результатам своевременного и качественного анализа формируется эффективное развитие экономики страны в целом.

Изучение основных моделей построения инновационной системы региона свидетельствует о том, что в обобщенном виде модель предполагает функционирование субъектов всех подсистем инновационного комплекса, а также внедрение менеджмента, суть которого сводится к формированию институциональных условий для развития и трансфера инновационных идей и применению их в процессе производства и воплощения в виде созданных инновационных продуктов и технологий.

Применение экономико-математических моделей для прогнозирования целевых индикаторов программы развития региона, базирующегося на качественном анализе показателей, характеризующих поддержку региональных социально-экономических систем, будет способствовать эффективному повышению уровня его состояния.

Список литературы

1. Кулакова А.Б. Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический подход. Вопросы территориального развития. 2017;2(37).
2. Глинский В.В., Серга Л.К., Алексеев М.А. Модельное представление регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем. Регионология. 2023;3(31):477–497. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>
3. Вагин С.Г. Тенденции и условия развития управления крупными социально-экономическими системами. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007;2(28):27–30.
4. Огородникова Е.П. Оценка налоговых платежей в формировании региональных бюджетов. В кн.: Теория и практика финансово-хозяйственной деятельности предприятий различных отраслей: материалы V Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Керчь, 26–27 октября 2023 г. Керчь: Керченский государственный морской технологический университет; 2023. С. 100–104.
5. Абрамов В.И., Асаул В.В., Вагин С.Г., Николаева К.С. Государственное регулирование инновационной активности организаций. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014;11(121):91–94.
6. Glinskiy V.V., Serga L.K., Alekseev M.A. Territorial Differentiation as the Factor of Sustainable Economic Development. In: Procedia Manufacturing: Proceedings of the 17th Global Conference on Sustainable Manufacturing, Shanghai, October 9–11, 2019. Elsevier B.V.; 2020. Pp. 263–268. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.02.152>

7. *Огородникова Е.П., Андреева Н.В.* Оценка состояния агропромышленного комплекса как фактора развития российских региональных систем. В кн.: Социально-экономическое и экологическое развитие приграничного региона: возможности и вызовы: материалы IV Международной научно-практической конференции, Смоленск, 2024 г. Смоленск, 2024. С. 137–143.
8. *Алексеев М.А.* Моделирование финансового цикла и поведение компании в информационном пространстве финансового рынка. Вестник НГУЭУ. 2017;3:131–146.

References

1. *Kulakova A.B.* Intellectual potential of a region: theoretical and methodological approach. Territorial Development Issues. 2017;2(37). (In Russian).
2. *Glinsky V.V., Serga L.K., Alekseev M.A.* Model Representation of Adjustable Differentiation of Regional Socio-Economic Systems. Russian Journal of Regional Studies. 2023;3(31):477–497. (In Russian). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>
3. *Vagin S.G.* Tendencies and conditions of development of large socio-economic systems management. Vestnik Samara State University of Economics. 2007;2(28):27–30. (In Russian).
4. *Ogorodnikova E.P.* Tax payments estimation in regional budgets formation. In: Theory and practice of financial and economic activity of enterprises of various industries: Proceedings of the V National (All-Russian) Scientific and Practical Conference, Kerch, October 26–27, 2023. Kerch: Kerch State Maritime Technological University; 2023. Pp. 100–104. (In Russian).
5. *Abramov V.I., Asaul V.V., Vagin S.G., Nikolaeva K.S.* State regulation of innovation activity of organizations. Vestnik Samara State University of Economics. 2014;11(121):91–94. (In Russian).
6. *Glinsky V.V., Serga L.K., Alekseev M.A.* Territorial Differentiation as the Factor of Sustainable Economic Development. In: Procedia Manufacturing: Proceedings of the 17th Global Conference on Sustainable Manufacturing, Shanghai, October 9–11, 2019. Elsevier B.V.; 2020. Pp. 263–268. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.02.152>
7. *Ogorodnikova E.P., Andreeva N.V.* Estimation of agroindustrial complex state as a factor in Russian regional systems development. In: Socio-economic and environmental development of the border region: Opportunities and challenges: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Smolensk, 2024. Smolensk, 2024. Pp. 137–143. (In Russian).
8. *Alekseev M.A.* The model of a company's financial cycle and behavior in financial market information space. Vestnik NSUEM. 2017;3:131–146. (In Russian).

Постдипломные стратегии молодежи цифрового поколения: трудоустройство и миграция

Апенько Светлана Николаевна¹

Д-р экон. наук, зав. каф. менеджмента и маркетинга
ORCID: 0000-0002-7618-3961, e-mail: apenkosn@yandex.ru

Лукаш Александр Викторович²

Канд. филос. наук, доц. каф. связей с общественностью, сервиса и туризма
ORCID: 0000-0002-3468-141X, e-mail: lukashs2017@bk.ru

¹Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

²Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Россия

Аннотация

Актуальность исследования постдипломных стратегий обучающихся вузов в Российской Федерации определяется дефицитом квалифицированных кадров на региональных рынках труда, который складывается в том числе под влиянием территориального перемещения молодежи. Цель статьи – установить характер связи между постдипломными стратегиями в части трудоустройства молодежи цифрового поколения и их миграционными установками. Проверка сформулированных гипотез осуществлялась на анализе данных количественного опроса (полуструктурированное анкетирование 2023 г.) студенческой молодежи в Омске в рамках федерального проекта «Взлетная полоса для молодых профессионалов. Новые регионы». Методологическую основу работы составили неоклассическая теория миграции и теория «толкающих» и «притягивающих» факторов (push-pull). Для интерпретации полученных данных молодежь была сгруппирована в две группы: информированную и не информированную о местах трудоустройства по специальности в регионе. Результаты исследования показывают разницу в постдипломных стратегиях двух групп молодежи. Информированные студенты цифрового поколения демонстрируют более оптимистичный сценарий относительно точки входа на региональном рынке труда: среди них выше, чем во второй группе, уверенность в поиске работы по специальности в регионе; они в меньшей степени ориентируются на трудовую миграцию; также они реже рассматривают варианты трудоустройства не по специальности, получаемой в университете. Вместе с тем между группами нет сильной разницы при указании причин в вопросах трудоустройства, стимулирующих миграцию. Установлены главные для молодежи выталкивающие из региона факторы: низкая оплата труда, отсутствие перспектив карьерного роста и рабочих мест.

Для цитирования: Апенько С.Н., Лукаш А.В. Постдипломные стратегии молодежи цифрового поколения: трудоустройство и миграция // Вестник университета. 2024. № 6. С. 100–111.

Ключевые слова

Цифровое поколение, студенческая молодежь, труд, миграция, работа, региональное перемещение, постдипломные стратегии

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 24-28-20314, <https://rscf.ru/project/24-28-20314/>.

Postgraduation strategies for youth of the digital generation: employment and migration

Svetlana N. Apenko¹

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Management and Marketing Department
ORCID: 0000-0002-7618-3961, e-mail: apenkosn@yandex.ru

Alexander V. Lukash²

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Public Relations, Service and Tourism Department
ORCID: 0000-0002-3468-141X, e-mail: lukashs2017@bk.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

²Omsk State Transport University, Omsk, Russia

Abstract

The relevance of the study of postgraduation strategies for university students in Russia is determined by the shortage of qualified personnel in regional labor markets, which is formed, among other things, under the influence of young people's territorial movement. The purpose of the study is to establish the nature of the relationship among postgraduate strategies in terms of employment of young people of the digital generation and their migration attitudes. The formulated hypotheses have been tested by analyzing a quantitative survey data (semi-structured questionnaire 2023) of student youth in Omsk within the framework of the federal project "Runway for Young Professionals. New Regions". The migration neoclassical theory and the push-pull theory formed the methodological basis of the work. To interpret the data obtained, young people were grouped into two groups: informed and uninformed about the places of employment in the region. The study results show a difference in the postgraduation strategies for the two groups of youth. Informed students of the digital generation demonstrate a more optimistic scenario regarding the entry point in the regional labor market: higher than in the second group, among them confidence in finding a job in their specialty in the region is higher; they are less oriented towards labor migration; they are also less likely to consider employment options outside the specialty obtained at the university. At the same time, there is no strong difference between the groups when indicating the reasons in employment issues that stimulate migration. The main factors that push young people out of the region have been identified: low wages, lack of career prospects and jobs.

Keywords

Digital generation, student youth, labor, migration, work, regional movement, post-graduation strategies

Acknowledgements. The research paper was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20314, <https://rscf.ru/project/24-28-20314/>.

For citation: Apenko S.N., Lukash A.V. (2024) Postgraduation strategies for youth of the digital generation: employment and migration. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 100–111.

ВВЕДЕНИЕ

Приоритетным направлением регионального развития экономики для руководителей субъектов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) является работа по сохранению и развитию трудовых ресурсов. Особенно актуальна она в отношении молодежи как трудоспособного поколения, которое в силу различных объективных факторов является наиболее мобильным и активным с точки зрения территориального перемещения как внутри страны, так и за ее пределы. Представляется, что решение миграционных проблем, ядро которых для ряда субъектов РФ составляет именно отток молодого поколения, требует не только введения комплексных механизмов и инициатив от региональной власти и ее профильных социально-экономических структур, но и принципиального расширения количества акторов как проводников институциональных изменений в регулировании территориального перемещения населения.

В контексте общего внимания со стороны государства к высшим учебным заведениям как драйверам регионального социально-экономического развития целесообразным, по нашему мнению, является исследование современного университетского комплекса как института, который обладает серьезным потенциалом по претворению в жизнь реальных мероприятий и решений, исправляющих миграционную ситуацию в субъекте РФ. Например, в последние годы с целью регулирования трудоустройства выпускников вузов на базе последних в России были созданы центры карьеры, которые, несмотря на имеющиеся отличия в задачах, сформулированных перед ними руководителями учебных заведений как структурными подразделениями, ориентированы на преодоление сложившихся разрывов между университетскими комплексами и реальным рынком труда.

Данный разрыв чувствителен не только для государства, в том числе его корпоративного сектора как одного из заказчиков на обучение студентов по приоритетным образовательным программам для отраслей народного хозяйства, но и для физических лиц, финансирующих собственное обучение или своих детей. Завершение обучения в вузе часто становится тем этапом, на котором молодыми людьми и/или их референтными группами принимаются важные решения относительно перспектив трудоустройства в регионе своего проживания без серьезного и относительно продолжительного включения в систему социально-трудовых отношений на уровне субъекта РФ. Иными словами, запускаются трудовые миграционные стратегии без рационального анализа реальных условий и возможностей карьерного и профессионального развития в пределах региона проживания в средней или долгосрочной перспективе.

Университетские центры карьеры сегодня могут позиционироваться как важные институты формирования и развития постдипломных стратегий молодежи, которую, по нашему мнению, целесообразно определять как общность со своими специфическими характеристиками в области потребления, обучения, экономического поведения и т.д. Данная специфика выражена в цифровой основе социальных практик, которая в вопросах трудоустройства проявляется при выборе каналов поиска работы и прохождения интервьюирования – безусловный приоритет делается в пользу цифровых сервисов и интернет-технологий.

Цель настоящего исследования – установить характер связи между постдипломными стратегиями молодежи цифрового поколения в части трудоустройства и их миграционными установками. Теоретическим объектом исследования выступают обучающиеся современных университетских комплексов в регионе, эмпирическим – обучающиеся ведущих вузов Омской области.

Основная гипотеза, которую предстоит проверить на основе эмпирических данных, сформулирована нами следующим образом. Среди обучающихся цифрового поколения современных университетских комплексов, постдипломные стратегии которых основаны на знании о предприятиях в субъекте проживания, преобладающей является установка, что они могут трудоустроиться в регионе на идеальную работу. Дополнительная гипотеза, проверяемая в работе, связана с миграционными установками молодежи: отсутствие возможности трудоустройства по специальности – доминирующая причина, связанная с трудоустройством, которая может заставить покинуть регион проживания в более крупные города или переехать за границу.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Трудовая миграция студентов и выпускников вузов привлекает внимание исследователей из разных наук, что формирует основу для полиметодологического взгляда на вопросы генезиса постдипломных стратегий молодежи, их готовности к территориальному перемещению в связи с реализацией своих профессиональных компетенций и карьерных траекторий.

В отечественной литературе сегодня с равной по силе аргументации и убедительности эмпирических данных сформировались две крайних точки зрения на силы, выталкивающие молодое из регионов поколение. Первая позиция – объективные условия социально-экономической инфраструктуры региона непосредственно отражаются на перспективах молодежи, что является реальным и чувствительным фактором для принятия решения акторами рынка труда о миграции. Вторая позиция – особенность экономического поведения молодежи, включая ее постдипломные стратегии в вопросах труда и занятости, заключается в крайне низком уровне объективного анализа ситуации в экономике региона и, как следствие, ведет к принятию решения о миграции без учетов макроэкономических показателей в субъекте проживания. Молодежь склонна оценивать перспективы трудоустройства в регионах проживания и потенциальной миграции через транслируемые по формальным и неформальным каналам коммуникации экономические нарративы, часто слабо отражающие реальную картину по уровню материального вознаграждения, конкуренции на рынке труда и траекториям карьерного развития.

Анализ формирования субъективных оценок готовности к трудовой миграции у студентов – главная тема публикации Е.В. Кравцовой [1]. Автор показывает, что официальные статистические данные об уровне социально-экономического развития региона не оказывают существенного влияния на эмиграционные намерения студента. Привлекательность или непривлекательность региона трудоустройства, по мнению Е.В. Кравцовой, формируется вследствие нарративного ряда, в том числе под влиянием масс-медиа, «сарафанного радио». В представленной работе подчеркивается инфантилизм принимающей решение молодежи и неготовность «серьезно относиться к перспективе трудовой миграции из региона, в котором они проходят обучение или проживают» [1, с. 145].

В работе В.Ю. Лабовской на примере ситуации с миграцией молодежи Ставропольского края, напротив, показано, что уровень и качество жизни населения субъекта РФ являются основополагающими факторами территориального перемещения молодого поколения [2]. Значимыми факторами миграции выпускников российских вузов, как показано в работах Л.В. Ангосик и Н.В. Ивашиной, являются более высокий уровень доходов, валовой региональный продукт на душу населения и уровень безработицы в принимающем регионе [3; 4].

Как показано в докладе Лаборатории исследований рынка труда Высшей школы экономики, поведение на рынке труда выпускников российских вузов имеет выраженную региональную специфику. Так, выпускники университетов в Дальневосточном федеральном округе «готовы переезжать в другие регионы, несмотря на то что для большинства направлений средний уровень заработных плат выше на местном рынке труда, а не за его пределами (заключение справедливо для выпускников в сферах медицины, естественных наук, образования, юриспруденции, искусства и гуманитарных наук) [5, с. 150]. Таким образом, денежный фактор является не единственным аргументом при принятии решения о переезде – на первый план выходят запросы выпускников на инфраструктуру и лучшее качество жизни.

Важным для концептуализации миграции внутри страны является знакомство с исследовательским опытом в других странах. Анализируя взаимосвязь между четырьмя факторами (образование, здравоохранение, развлечения и занятость) и динамикой внутренней миграции на примере территориального перемещения молодежи в Казахстане, А.К. Джусибалиева, Д.М. Искакова, А.А. Курманалина, Б.Б. Дуйсенбаева и Д.Б. Искакова приходят к выводу о том, что, несмотря на то что развитие местного бизнеса в регионе не оказывает существенного влияния на решение молодежи мигрировать, именно стремление к более высокому уровню жизни стимулирует миграцию. Авторам удалось показать, как по мере приращения профессионального опыта молодежь чаще задумывается о миграции сперва в пределах страны, а затем формируется стратегия внешней миграции [6].

Т. Митце и Я. Райнковски при прогнозировании внутренних миграционных потоков в Германии подтверждают неоклассическую миграционную модель. Воздействие сигналов рынка труда оказывается наиболее значительным для возрастных групп, имеющих отношение к рабочей силе, особенно для молодых групп в возрасте от 18 до 25 и от 25 до 30 лет. Вывод авторов заключается в том, что этот результат подчеркивает значительную роль, которую играют условия рынка труда в определении уровня внутренней миграции трудоспособного населения в Германии [7].

Перспективным представляется направление изучения генезиса постдипломных стратегий в контексте исследований образов личного будущего современной молодежи. Как показано в обзорной работе К. Думас и Х. Эйвери, в настоящее время в европейской науке накоплен достаточный эмпирический

материал, показывающий, что молодые люди, склонные к миграционным практикам, выражают больший оптимизм в отношении своего личного будущего. Вместе с тем опросы молодых мигрантов (внутренних и внешних), реализовавших свои стратегии территориального перемещения, свидетельствуют о высоком уровне распространения среди них разочарования ввиду сложностей с получением образования и доступом к желаемой будущей карьере [8].

В современном исследовательском дискурсе ведутся научные проекты, результаты которых актуальны для разработки теории постдипломных стратегий обучающихся вузов. Эти исследования, в частности, касаются спроса и предложения на рынке труда студентов различных направлений подготовки. В работе Е.Я. Варшавской и Е.С. Котырло доказывается, что в России в последние десятилетия шансы найти работу, равно как и продолжительность ее поиска, показатели соответствия первой работы уровню и профилю образования, фактически одинаковы для молодых дипломированных специалистов инженерных и экономических образовательных программ [9]. Актуальные данные по России показывают, что «наиболее мобильными являются выпускники, чья специальность связана с экономикой и управлением (44 % выпускников заняты за пределами своего региона обучения), а самый низкий уровень территориального перемещения отмечается у учителей и специалистов в области естественных наук: 26 и 29 % выпускников соответственно заняты не в регионе обучения» [5, с. 124, 125].

Появление в российских вузах центров карьеры стимулирует исследования этих институтов на развитие занятости молодежи и ее постдипломных стратегий. На текущем этапе их работы основное внимание авторов обращено на теоретическое обоснование и разработку организационно-экономического механизма развития центров трудоустройства и карьеры при высших учебных заведениях [10–13].

Обзор литературы показывает, что при общем росте миграционных исследований, сопровождающихся институционализацией трудовой миграции как исследовательской области, в условиях реализации междисциплинарного подхода все большее внимание уделяется именно молодежной территориальной мобильности. Вместе с тем данный рост не позволяет однозначно установить доминирующую группу факторов трудовой миграции, что актуализует, на наш взгляд, исследования постдипломных стратегий молодежи.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Проверка выдвинутых гипотез и достижение поставленной цели осуществлялись на основе анализа количественного опроса студенческой молодежи в Омске. Полуструктурированная анкета была распространена в 2023 г. среди обучающихся в рамках федерального проекта «Взлетная полоса для молодых профессионалов. Новые регионы». Структура анкеты позволяет установить субъективные оценки опрашиваемой молодежи относительно следующих тематических блоков: готовность постдипломного трудоустройства по специальности, ожидания в части материального вознаграждения на старте карьеры, перспективы регионального рынка труда относительно трудоустройства после завершения обучения и перспективы в нем в преломлении индивидуальных жизненных стратегий, практика поиска работы и критерии при выборе места трудоустройства, выталкивающие факторы из региона при постдипломном трудоустройстве.

Операционализация анкеты выполнена на основе принципов неоклассической теории миграции, которая оформилась в рамках общей неоклассической экономической теории, объясняющей перемещение факторов производства, в том числе рабочей силы, существующим экономическим неравенством между регионами и обосновала идею о том, что миграция населения обусловлена географическими различиями спроса и предложениями рабочей силы. В базовой модели неоклассической теории миграция определяется:

- 1) межрегиональными различиями в оплате труда;
- 2) расстоянием между местом происхождения и местом назначения;
- 3) условиями рынка труда, такими как уровень безработицы, как факторами, определяющими миграцию.

Принципы неоклассической теории миграции концептуализированы в модели индивидуального выбора (постдипломного поведения), согласно которой отдельные рациональные субъекты принимают решение о миграции потому, что расчет затрат и выгод приводит их к ожиданию положительного чистого дохода (обычно в денежном выражении). На микроэкономическом уровне теория позволяет рассматривать современных студентов как рациональных агентов социально-трудовых отношений, способных при выборе своей трудовой стратегии (при наличии альтернативы в виде миграции в другой

субъект РФ) руководствоваться количественными показателями выгод и издержек, которые потенциально могут проявить себя в рамках миграции.

Важным подходом, дополняющим в представленной работе неоклассическую точку зрения, является теория «толкающих» и «притягивающих» факторов (push-pull). Комбинаторика удерживающих, притягивающих и выталкивающих факторов в регионе определяет, согласно ей, практики прибытия и выезда человека, и, как следствие, миграция носит избирательный характер: люди по-разному реагируют на наборы плюсовых и минусовых факторов в регионе, обладают разными способностями преодолевать возникающие препятствия, а также отличаются друг от друга по личностным факторам. Соответственно, вид отбора может быть разным: в одних потоках – положительным (в контексте проведенного опроса – миграция к высокооплачиваемой работе, возможности реализоваться в крупной компании, трудоустройство по специальности и т.д.), в других – отрицательным (в контексте проведенного опроса – миграция от низкого предложения на региональном рынке труда, невозможности трудоустройства по специальности и т.д.).

Мы исходим из того, что наблюдение главного теоретика данного подхода Э. Ли о том, что под позитивным отбором понимается отбор мигрантов высокого качества, а под негативным – наоборот, не применим к молодежи постдипломного периода – выпускников вузов, так как они находятся только в точке входа в профессиональную сферу и не обладают необходимыми умениями и навыками для конкуренции на рынке труда. Кроме того, в настоящее время в России сложилась ситуация кадрового голода в реальном секторе экономики: военно-промышленном комплексе, транспорте и смежных с ними отраслях, где опыт, знания и умения при отборе соискателей не являются определяющими.

В анкетировании приняли участие 2,139 тыс. обучающихся. Всего было опрошено:

- 576 студентов (26,9 % выборки) Омского государственного технического университета (далее – ОмГТУ);
- 307 студентов (14,4 % выборки) Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (далее – ОмГУ);
- 658 студентов (30,8 % выборки) Омского государственного университета путей сообщения (далее – ОмГУПС);
- 598 студентов (28 % выборки) Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (далее – СибАДИ).

Это ведущие вузы региона, которые, несмотря на совпадения в части реализации образовательных программ всех уровней высшего образования, имеют свою специфику. ОмГТУ прошел путь ПСАЛ-2030 и опорного университета, ориентированного на поддержку развития Омской области посредством обеспечения регионального рынка труда высококвалифицированными специалистами, решения актуальных задач региональной экономики и реализации совместно с руководством субъекта и реального сектора экономики научно-исследовательских и инновационных проектов. ОмГУПС – университетский комплекс с мощной поддержкой со стороны открытого акционерного общества «Российские железные дороги» как ключевого заказчика (целевое обучение) на подготовку кадров для железнодорожной отрасли для субъектов Сибирского федерального округа. ОмГУ – классический университет с вариативным портфелем образовательных программ по гуманитарным специальностям и направлениям подготовки. СибАДИ – вуз с выраженной отраслевой направленностью в сфере транспорта и строительства, трудоустройство выпускников которого, как и ОмГУПС, в силу наличия целевого заказа часто связано с перемещением в другой субъект РФ.

МАРКЕРЫ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТДИПЛОМНЫХ СТРАТЕГИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КОМПЛЕКСОВ

В рамках проводимого исследования мы рассматриваем обучающихся современных вузов как особую поколенческую общность, идентифицируемую как цифровую. В широком смысле носитель цифровой идентичности – это человек, который использует информационно-коммуникативные технологии как в повседневной, так и в профессиональной коммуникации, а также в практике потребления. Последние интегрируются в жизнь человека с ранних стадий социализации. Применительно к социально-трудовым практикам молодежи маркеры цифрового поколения изучены слабо, что актуализирует такой поиск в контексте проводимого анкетирования. Один из вопросов, касающийся установления

предпочтительных инструментов поиска работы после завершения вуза позволяет говорить о цифровой идентификации молодежи. Так, для подавляющего большинства опрошенных студентов университетских комплексов омского региона наиболее предпочтительным вариантом поиска работы в рамках постдипломных стратегий является сеть «Интернет», включающая специализированные сайты для размещения резюме и мониторинга вакансий, онлайн-доски объявлений со стороны непосредственных работодателей и т.д. Данную технологию поиска выбрали для себя 73,2 % респондентов.

Полученный ответ коррелируется с глобальным опросом молодежи «Всемирный доклад о молодежи 2021 года». Это исследование включало вопрос об отношении современной молодежи к цифровому доступу: «Является или нет сегодня цифровой доступ базовой потребностью?» Представляется, что такая постановка вопроса об отношении к «цифре» позволяет учитывать полученные ответы в качестве одного из признаков идентификации современного молодого поколения как цифрового. Как показало исследование, для абсолютного большинства молодежи (93 %) в возрасте 18–29 лет доступ к «цифре» является сегодня базовой потребностью¹.

Анкетирование студентов в рамках федерального проекта «Взлетная полоса для молодых профессионалов. Новые регионы» также продемонстрировало высокую значимость для части респондентов возможности работать удаленно: 33,1 % молодых людей ожидают от работодателя таких условий. Это тоже один из важных маркеров цифровой идентификации молодежи.

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ О ПРЕДПРИЯТИЯХ В РЕГИОНЕ ДЛЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Абсолютное большинство опрошенной молодежи цифрового поколения (82,2 против 17,8 %) дают утвердительный ответ на вопрос: «Знаете ли Вы предприятия в Вашем регионе, на которых Вы могли бы работать по специальности?». Распределение выборки в разрезе каждого университета позволяет сделать следующее наблюдение: обучающиеся вузов с сильной отраслевой направленностью и связями с реальным производством в регионе более информированы о предложении на рынке труда в области (табл. 1).

Таблица 1

Уровень информирования обучающихся о предприятиях в регионе для трудоустройства по специальности

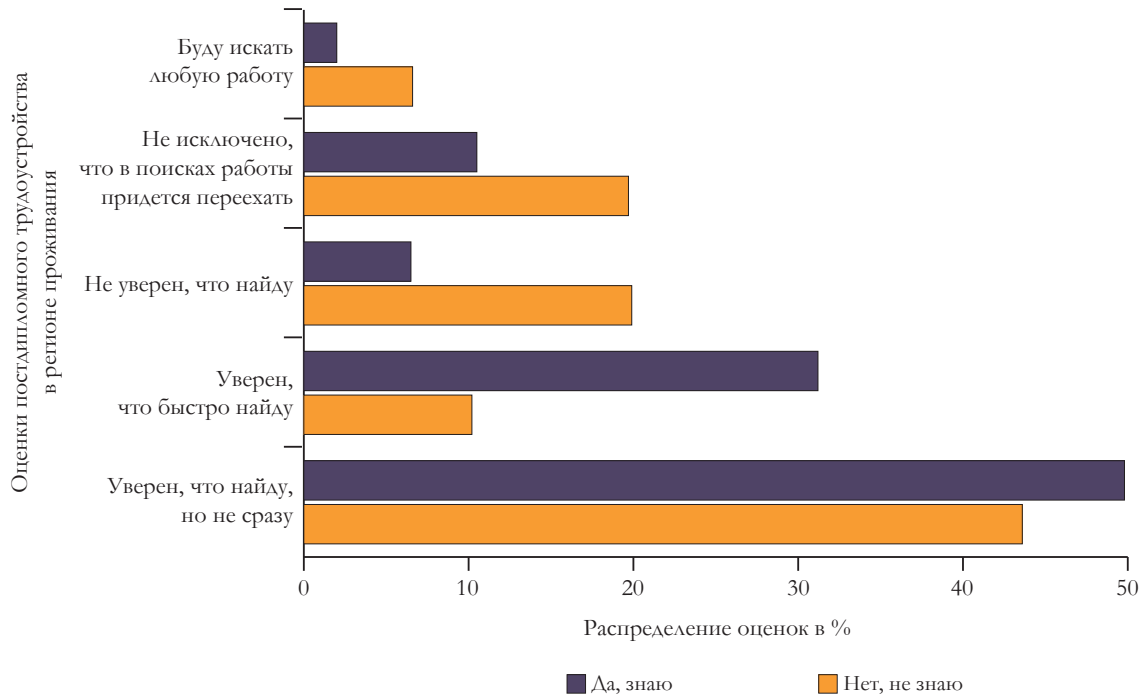
Вуз	Да, знаю		Нет, не знаю	
	Количество	%	Количество	%
ОмГТУ	526	91,3	50	8,7
ОмГУ	224	73,0	83	27,0
ОмГУПС	550	83,6	108	16,4
СибАДИ	458	76,6	140	23,4

Составлено авторами по материалам исследования

Для дальнейшего анализа данных опроса мы введем для двух установленных групп следующие наименования: I – первая группа молодежи цифрового поколения, информированная о местах трудоустройства в регионе; II – вторая группа молодежи цифрового поколения, не информированная о местах трудоустройства в регионе.

Важным для проверки выдвинутых гипотез в работе является вопрос о шансах трудоустройства, которые получают выпускники вузов цифрового поколения в регионе в контексте получаемой специальности (рис. 1).

¹ Global Alliance for youth. Global youth survey report, 2021. Режим доступа: <https://www.globalallianceforyouth.org> (дата обращения: 05.05.2024).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Субъективные оценки трудоустройства среди I и II групп студентов (информированной и нет о местах трудоустройства в регионе по специальности)

Сопряжение ответов респондентов с распределением по двум установленным группам молодежи показывает:

- 1) среди молодежи, принадлежащей к группе студентов, информированной о местах трудоустройства в регионе, в три раза выше уверенность в том, что у них есть все возможности, чтобы быстро найти себе работу в субъекте РФ, также выше уверенность в том, что найти им работу по специальности возможно, хоть поиски и потребуют какое-то время;
- 2) среди студентов II группы гораздо выше пессимистические установки относительно шансов трудоустройства в регионе: среди них в три раза больше (19,9 %), чем по первой группе (6,5 %), встречается ответ «Не уверен, что найду» работу по специальности;
- 3) установки на трудовую миграцию из региона почти в два раза выше среди студентов цифрового поколения II группы, то есть не информированных о возможностях трудоустройств по специальности в регионе.

Вместе с тем следует, на наш взгляд, особо отметить один важный факт по полученным ответам молодежи: частота распределения в выборочной совокупности косвенно указывает на то, что студенты цифрового поколения в большей степени ориентированы на трудоустройство по специальности. Вариант «Буду искать любую работу» в регионе проживания выбрали только 2,9 % молодежи в обеих группах, в то же время 76,2 % молодых людей среди них, оценивая свои шансы на трудоустройство, рефлексируют в контексте поиска работы по специальности. Кроме того, в рамках анкетирования один из вопросов был прямо нацелен на установление готовности обучающихся связать свое постдипломное трудоустройство с получаемой в вузе специальностью. Без разделения полученных ответов по двум выявленным группам молодежи получено следующее распределение: собираются работать по специальности – 73,3 %, нет – 8,6 %, уже работают, совмещая с учебой, по специальности – 9,4 %; вариант «Другое» выбран 8,7 % опрошенных.

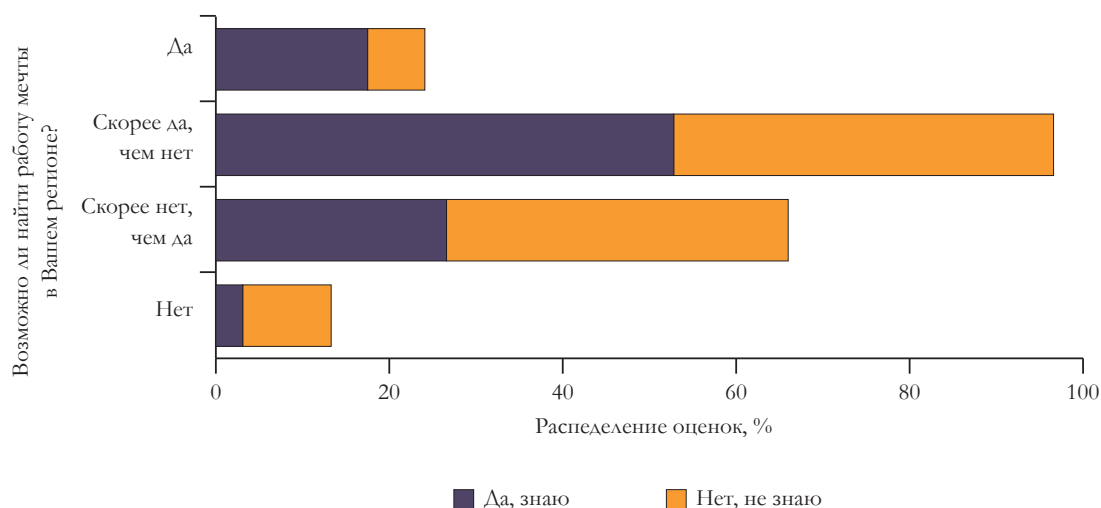
Сопряжение ответов с уровнем информированности о вариантах трудоустройства по специальности в регионе показал следующую зависимость (табл. 2). I группа молодежи цифрового поколения демонстрирует чуть большую готовность работать по специальности, также среди них в два раза больше тех, кто уже совмещает ее с учебой.

**Комбинационная таблица информированности о работе по специальности в регионе
и постдипломного трудоустройства**

Вопрос	Собираетесь ли вы работать по специальности?				
	Вариант ответа	Да	Другое	Нет	Уже работаю по специальности в свободное от учебы время
Знаете ли вы предприятия в Вашем регионе, на которых Вы могли бы работать по специальности?	Да, знаю	74,0 %	7,8 %	7,7 %	10,4 %
	Нет, не знаю	69,8 %	12,9 %	12,9 %	4,5 %

Составлено авторами по материалам исследования

Распределение ответов респондентов подтвердило нашу основную гипотезу о том, что среди обучающихся цифрового поколения современных университетских комплексов, постдипломные стратегии которых основаны на знании о предприятиях в субъекте проживания, преобладающей является установка, что они могут трудоустроиться в регионе на идеальную работу (рис. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Субъективные оценки среди I и II групп студентов (информированной и нет о местах трудоустройства в регионе по специальности) относительно поиска идеальной работы

Среди I группы молодежи, то есть информированной о возможностях работать в регионе по специальности, варианты ответов «Да» и «Скорее да, чем нет» на вопрос о том, возможно ли найти работу мечты в регионе, суммарно составляют 70,3 %. Это на 19,9 % выше, чем среди II группы молодых людей.

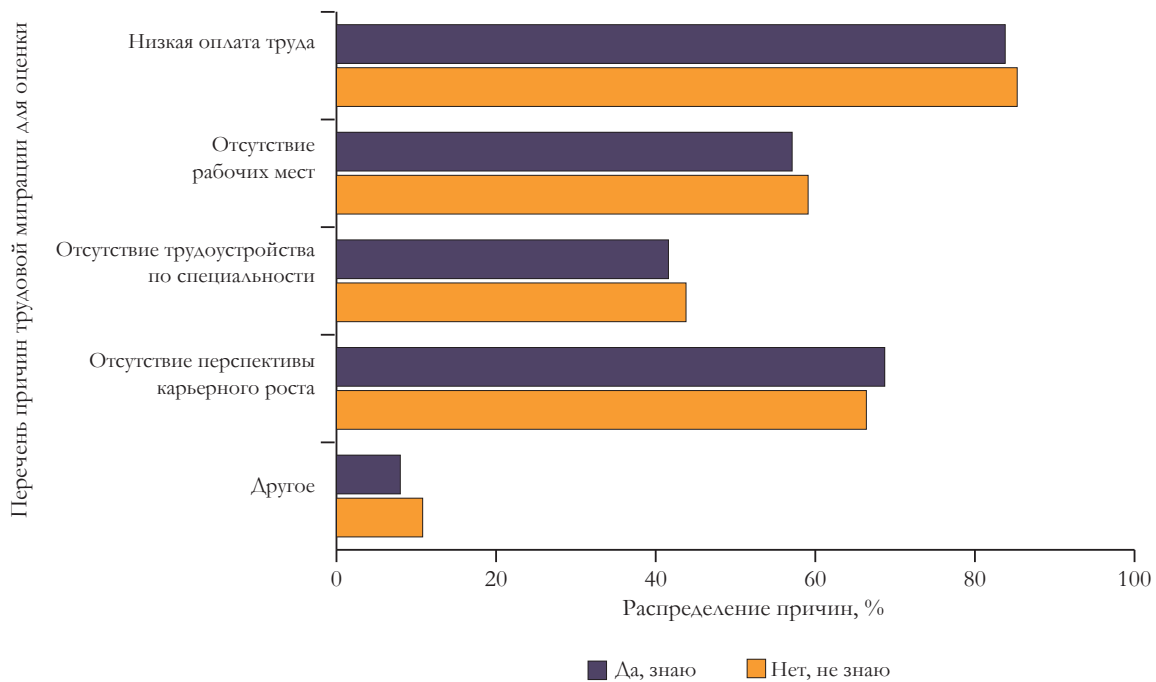
Вместе с тем отметим, что примененная в опросе операционализация понятий не позволяет дать характеристику идеального типа рабочего места для студентов цифрового поколения. В контексте проведенного анкетирования мы можем косвенно судить о нем, исходя из критериев будущего места работы, которые выбирали опрошиваемые. Так, подавляющая часть молодых людей цифрового поколения, отмечают такие критерии, как приемлемая оплата труда (91,8 %), возможность профессионального роста (83,1 %), наличие социального пакета (51 %).

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ПОСТДИПЛОМНЫХ СТРАТЕГИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Операционализация анкеты проведена таким образом, что в первую очередь позволяет рассмотреть распределение выборки по факторам, выталкивающим из региона. Приведем полный перечень из представленных в опросе причин, связанных с трудоустройством, которые могут заставить обучающегося цифрового поколения в рамках реализации постдипломной стратегии уехать в другой город

или мигрировать за границу. Самой распространенной причиной обучающиеся называют низкую оплату труда (84,1 %), далее идет отсутствие перспектив карьерного роста (68,3 %). Эти цифры имеют корреляцию с критериями, которые молодые люди цифрового поколения предъявляют к будущему месту работы, как нами было показано выше. На третьем месте находится отсутствие рабочих мест (57,5 %). Отсутствие возможности трудоустроиться по специальности может быть причиной миграции для 42 %. Вариант «Другие причины» выбрали для себя 8,5 %. Иными словами, само по себе стремление к трудоустройству по специальности не является безусловной целью постдипломных практик обучающихся цифрового поколения.

Анализ выталкивающих факторов, в ходе проведенного опроса показывает, что молодые люди ожидают достойного материального вознаграждения за труд, а также четкого понимания для себя, как будет развиваться для них их карьерная траектория. Значимого отличия в выталкивающих факторах для I и II групп молодежи, установленных ранее в ходе анализа данных, не обнаружено (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Причины трудовой миграции молодежи цифрового поколения среди I и II группы студентов (информированной и нет о местах трудоустройства в регионе по специальности)

Таким образом, дополнительная гипотеза, связанная с миграционными установками молодежи цифрового поколения, не подтвердилась. Отсутствие возможности трудоустройства по специальности, несмотря на то что большая часть опрошенной студенческой молодежи ориентируется именно на этот вариант трудоустройства, не является доминирующей причиной, которая может заставить покинуть регион проживания в более крупные города или переехать за границу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ полученных ответов на примере омского региона подтвердил нашу основную гипотезу о том, что молодежь цифрового поколения, информированная о региональном рынке труда по специальности, считает более вероятным вариант трудоустройства на работу, который можно рассматривать как идеальную. Данные опроса позволяют сформулировать также следующие выводы.

1. Среди студентов цифрового поколения I группы значительно чаще встречается оптимистический сценарий относительно точки входа на региональном рынке труда: среди них выше уверенность в поиске работы по специальности в регионе, они реже рассматривают варианты с трудовой миграцией, также реже в фокусе их внимания стоят варианты трудоустройства не по специальности, получаемой в вузе.

2. Молодежь обеих групп при оценке своих шансов на трудоустройство в регионе исходит из того, что на региональном рынке труда им предстоит столкнуться с различными барьерами, которые способны увеличить тайминг поиска работы. Это самый распространенный ответ (48,7 %) и для I, и для II групп. Соответственно, в контексте задач развития эффективности вузовских центров карьеры актуальной остается задача выработки практических механизмов и технологий, которые бы были нацелены на снижение транзакционных издержек как для выпускников университетских комплексов, так и потенциальных работодателей – партнеров образовательных организаций.

3. Несмотря на стремление абсолютного большинства молодежи цифрового поколения к труду по специальности, в ситуации, когда на уровне личной повестки дня встает вопрос о возможном территориальном перемещении, отсутствие вариантов трудоустройства по полученному диплому не является столь значимым, чтобы решиться на переезд в другой город или за границу. Иными словами, дополнительная гипотеза нашего исследования не подтвердилась. При разработке конкретных моделей регулирования трудовой миграции молодежи цифрового поколения важнее проработать понятные механизмы материального стимулирования за труд и уделять большее внимание аспектам карьерного продвижения.

4. Первая тройка критериев выбора потенциального работодателя показывает, что в своей логике трудового поведения опрашиваемая молодежь выражает запрос на гарантию, стабильность и защищенность своего труда, что идет в разрез с принципами VUCA-мира, активно продвигаемого в современной повестке.

Результаты опроса на примере омского региона актуализируют дальнейший поиск ответа на важный вопрос, какими стимулами продиктовано стремление абсолютной части молодежи цифрового поколения при поиске первой работы ориентироваться на квалификацию полученного диплома, принимая во внимание тот факт, что отсутствие вариантов с таким трудоустройством не является определяющей причиной для внутренней или внешней миграции.

Список литературы

1. *Кравцова Е.В.* Анализ формирования субъективной оценки готовности к трудовой миграции у студентов экономических и управленческих специальностей. В кн.: Фомин О.Н. (ред.) Управление стратегическим развитием территорий: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 29 января 2016 г. Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина; 2016. С. 144–145.
2. *Лабовская Ю.В.* Миграция молодежи как проблема социально-трудовой сферы Ставропольского края. В кн.: Агропродовольственный рынок и развитие сельских территорий: трансформации и перспективы развития в условиях цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 19 апреля 2021 г. Ставрополь: АГРУС; 2021. С. 123–129.
3. *Ангосик Л.В., Пивашина Н.В.* Моделирование пространственной зависимости миграционных потоков выпускников вузов РФ. Прикладная эконометрика. 2019;2(54):70–89. <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10004>
4. *Ангосик Л.В., Пивашина Н.В.* Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России. Вопросы образования. 2021;2:107–125. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125>
5. *Емелина Н.К., Рожкова К.В., Рошкин С.Ю.* Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: монография. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2022. 160 с.
6. *Jussibaliyeva A.K., Iskakova D.M., Kurmanalina A.A., Dyuysbaeva B.B., Iskakova D.B.* Internal Migration of Youth in Megacities as a Factor Influencing the Migration of Youth Abroad (on the Example of Almaty). *Economy: Strategy and Practice*. 2023;1:87–102. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2023-1-87-102>
7. *Mitzø T., Reinkowski J.* Testing the neoclassical migration model: overall and age-group specific results for German regions. *Journal for Labour Market Research*. 2011;43(4):277–297. <https://doi.org/10.1007/s12651-010-0046-2>
8. *Doumas K., Avery H.* Lives 'on hold' in Europe: an explorative review of literature on youth aspirations and futures in situations of migration and mobility. *European Journal of Futures Research* volume. 2024;12. <https://doi.org/10.1186/s40309-023-00225-x>
9. *Varshavskaya E., Kotyrlo E.* Graduates in Engineering and Economics: Between Demand and Supply. *Educational Studies*. 2019;2:98–128. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-98-128>
10. *Дружинина Е.С.* Предпосылки развития центров трудоустройства и карьеры в системе высшего образования. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022;5:20–30. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-20>
11. *Дружинина Е.С.* Обеспечение деятельности и развития центров трудоустройства и карьеры при высших учебных заведениях с привлечением волонтеров. Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022;6(126):102–112. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-102-112>

12. *Марсанова Н.Н.* Возможности формирования и развития soft skills в рамках деятельности Центров карьеры: опыт Центра карьеры ТВГУ. В кн.: Инновационные технологии в образовательной деятельности: материалы XXIV Международной научно методической конференции, Нижний Новгород, 2 марта 2022 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева; 2022. С. 105–108.
13. *Кочемасова Л.А.* Акмеологический потенциал центров карьеры и трудоустройства в содействие первичной занятости выпускников вузов в условиях. В кн.: Цифровая трансформация в высшем и профессиональном образовании: материалы XVI Международной научно-практической конференции, Казань, 25 мая 2022 г. Казань: Казанский государственный архитектурно-строительный университет; 2022. С. 468–474.

References

1. *Kravtsova E.V.* Analysis of the formation of readiness subjective assessment for labor migration among students of economic and managerial specialties. In: Fomin O.N. (ed.) Management of strategic development of territories: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, January 29, 2016. Saratov: P.A. Stolypin Volga Institute of Management; 2016. Pp. 144–145. (In Russian).
2. *Labovskaya Yu.V.* Migration of youth as a problem of social and labor sphere of Stavropol Region. In: Agrofood market and rural areas development: Development transformations and prospects in the conditions of digitalization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Stavropol, April 19, 2021. Stavropol: AGRUS; 2021. Pp. 123–129. (In Russian).
3. *Angosik L.V., Ivashina N.V.* Modeling of spatial dependence in the migration flows of graduates of the higher education institutions of the Russian Federation. Applied Econometrics. 2019;2(54):70–89. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10004>
4. *Angosik L.V., Ivashina N.V.* Factors and Routes of Interregional Migration of University Graduates in Russia. Education Studies. 2021;2:107–125. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125>
5. *Emelina N.K., Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu.* Graduates of higher education in the Russian labor market: Trends and challenges. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2022. 160 p. (In Russian).
6. *Jussibaliyeva A.K., Iskakova D.M., Kurmanalina A.A., Dnysenbaeva B.B., Iskakova D.B.* Internal Migration of Youth in Megacities as a Factor Influencing the Migration of Youth Abroad (on the Example of Almaty). Economy: Strategy and Practice. 2023;1:87–102. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2023-1-87-102>
7. *Mitze T., Reinkowski J.* Testing the neoclassical migration model: overall and age-group specific results for German regions. Journal for Labor Market Research. 2011;43(4):277–297. <https://doi.org/10.1007/s12651-010-0046-2>
8. *Doumas K., Avery H.* Lives ‘on hold’ in Europe: an explorative review of literature on youth aspirations and futures in situations of migration and mobility. European Journal of Futures Research volume. 2024;12. <https://doi.org/10.1186/s40309-023-00225-x>
9. *Varshanskaya E., Kotyrla E.* Graduates in Engineering and Economics: Between Demand and Supply. Educational Studies. 2019;2:98–128. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-98-128>
10. *Druzhinina E.S.* Prerequisites for the development of employment and career centers in the system of higher education. Intellekt. Innovatcii. Investcii. 2022;5:20–30. (In Russian). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-20>
11. *Druzhinina E.S.* Supporting Work and Development of Employment and Career Centers in Universities by Enlisting Volunteers. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2022;6(126):102–112. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-6-102-112>
12. *Marsanova N.N.* Possibilities of formation and development of soft skills within the framework of career centers: Experience of TVSU Career Center. In: Innovative technologies in educational activity: Proceedings of the XXIV International scientific and methodical conference, Nizhny Novgorod, March 2, 2022. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev; 2022. Pp. 105–108. (In Russian).
13. *Kochemasova L.A.* Akmeological potential of career and employment centers in promoting primary employment of university graduates in conditions. In: Digital Transformation in Higher and Professional Education: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference, Kazan, May 25, 2022. Kazan: Kazan State University of Architecture and Engineering; 2022. Pp. 468–474. (In Russian).

Устойчивый рост как следствие реализации концепции устойчивого развития китайских компаний

Володина Анастасия Олеговна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0003-3466-8212, e-mail: ao_volodina@guu.ru

Траченко Марина Борисовна

Д-р экон. наук, проф. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0002-2923-4316, e-mail: mb_trachenko@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены две актуальные в настоящее время концепции – устойчивого развития и устойчивого роста. Посредством анализа факторов устойчивого роста 48 ESG-ориентированных листинговых китайских компаний за период 2020–2022 гг. авторами было доказано, что следование концепции устойчивого развития позволяет обеспечивать устойчивый рост деятельности компаний. У ESG-ориентированных компаний наблюдаются увеличение уровня генерируемой прибыли и рентабельности, а также снижение показателя соотношения заемного и собственного капитала, что положительно характеризует их деятельность. Выявлено превышение фактического роста таких компаний над устойчивым, что не приводит к негативным последствиям деятельности за анализируемый период, а также не повышает риски, связанные с необходимостью наращивания долгового капитала для обеспечения выявленного роста. Результаты исследования позволяют сделать вывод о необходимости разработки нового инструментария или интеграции двух рассмотренных концепций для обеспечения возможностей компаний достигать поставленных целей в области устойчивого развития без ущерба фундаментальным финансовым показателям деятельности. Результаты исследования могут быть использованы компаниями, которые уже следуют концепции устойчивого развития, а также теми, которые находятся только на начальной стадии разработки и внедрения ESG-показателей в свою деятельность, инвесторами при выборе объекта инвестиций и учеными в ходе исследований, посвященных теме устойчивого развития и устойчивого роста.

Ключевые слова

Устойчивое развитие, ESG-принципы, устойчивый рост, дивидендная политика, рентабельность, денежный поток, структура капитала

Для цитирования: Володина А.О., Траченко М.Б. Устойчивый рост как следствие реализации концепции устойчивого развития китайских компаний // Вестник университета. 2024. № 6. С. 112–120.

Sustainable growth as a result of implementing the concept of sustainable development of Chinese companies

Anastasia O. Volodina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0003-3466-8212, e-mail: ao_volodina@guu.ru

Marina B. Trachenko

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0002-2923-4316, e-mail: mb_trachenko@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses two currently relevant concepts such as sustainable development and sustainable growth. By analyzing the sustainable growth factors of 48 ESG-oriented listed Chinese companies for the period 2020–2022, the authors have proved that following the sustainable development concept can ensure the sustainable growth of companies' performance. ESG-oriented companies show an increase in the level of generated profits and profitability, as well as a decrease in the debt-equity ratio, which positively characterizes their performance. Excess of actual growth of such companies over sustainable growth has been revealed, which does not lead to negative consequences of the activity for the analyzed period, and also does not increase the risks associated with the need to increase debt capital to ensure the identified growth. The study concludes that it is necessary to develop a new toolkit or integrate the two concepts considered to ensure the ability of companies to achieve their sustainability goals without compromising fundamental financial performance. The study results can be used by companies that are already following the sustainable development concept, as well as by those ones that are only at the initial stage of developing and implementing ESG indicators in their operations, by investors when selecting an investment target and by academics in the course of research devoted to the topic of sustainable development and sustainable growth.

Keywords

Sustainable development, ESG principles, sustainable growth, dividend policy, profitability, cash flow, capital structure

For citation: Volodina A.O., Trachenko M.B. (2024) Sustainable growth as a result of implementing the concept of sustainable development of Chinese companies. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 112–120.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе экономического развития в мире все больше внимания уделяется концепции устойчивого развития, в соответствии с которой предприятие должно не только быть ориентировано на максимизацию прибыли и стоимости как цели своей деятельности, но и учитывать нефинансовые показатели, которые отражают влияние деятельности на окружающую среду, социальную и управленческую составляющие. Развитие данной концепции привлекает все большее внимание к социально-ориентированной деятельности, способствует реализации проектов, целью которых является улучшение экологии либо снижение негативного воздействия деятельности человека на окружающую среду и повышение качества жизни наименее защищенных слоев общества. Происходит внедрение новых финансовых инструментов для реализации целей устойчивого развития – появление устойчивых облигаций, кредитных продуктов, фондов устойчивого развития, фондовых индексов, что способствует развитию инфраструктуры устойчивого развития.

Однако вопросы о том, насколько выгодным следование новым принципам является для отдельно взятых предприятий, какое влияние оказывает на их деятельность заявленное внедрение ESG-принципов, остаются дискуссионными предметами для многочисленных исследований. Реализация концепции устойчивого развития требует от предприятий существенного объема затрат на сотрудников, разработку и внедрение технологий, подготовку отчетности и др. Несмотря на это, все больше компаний выбирают путь устойчивого развития, что позволяет привлекать больший объем финансовых ресурсов для финансирования своего развития, удерживать высококвалифицированных работников, а также расширять возможности сотрудничества с другими экономическими акторами как внутри страны, так и на мировой арене.

Для обеспечения экономического роста любой страны предприятия должны наращивать объемы своей деятельности, но пути достижения этого роста, его устойчивость в долгосрочной перспективе напрямую влияют на успешное развитие экономики в целом. В настоящем исследовании проведен анализ взаимосвязи двух важнейших современных концепций в деятельности предприятия – устойчивого роста и устойчивого развития, что позволит связать влияние внедрения ESG-принципов на финансовые показатели деятельности предприятий Китая.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ

Следование концепции устойчивого развития сопровождается внедрением экологических, социальных и управленческих показателей в деятельность предприятий – ESG-показателей. Исследованию влияния раскрытия информации и достижения определенных ESG-показателей на финансовые показатели посвящено множество работ. Большинство ученых обнаруживают положительное влияние реализации ESG-принципов на финансовые показатели деятельности компаний [1; 2]. Концепция устойчивого развития, реализуемая компаниями посредством использования в деятельности ESG-показателей, положительно сказывается на стоимости капитала и компании в целом [3–5]. Негативное влияние отмечается во взаимосвязи с финансовым левериджем: чем выше долговая нагрузка в структуре капитала, тем менее привлекательной с точки зрения инвестиций в рамках ESG-парадигмы позиционируется компания на рынке [6].

Важнейшим результатом эмпирических исследований является выявление значительной положительной взаимосвязи между ESG-показателями и прибылью компании [7]. Однако в отдельных исследованиях результаты показывают как негативное влияние ESG-показателей на финансовые, так и его отсутствие [8; 9]. Таким образом, на основе анализа научной литературы и результатов предшествующих эмпирических исследований можно сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве приверженность компании концепции устойчивого развития и использование в своей деятельности ESG-показателей положительно отражаются на ее финансовых показателях.

Изучению устойчивого роста компаний также уделяется внимание в научной литературе. Устойчивый рост определяется как максимальный темп роста компании, который она может достигнуть с учетом сохранения индикаторов финансовой и операционной деятельности. Данный рост обеспечивается за счет внутренних источников финансирования либо посредством привлечения дополнительного объема финансовых ресурсов вследствие эмиссии акций [10]. В контексте концепции устойчивого роста

речь идет преимущественно об отсутствии заемных источников финансирования при обеспечении наращивания объемов деятельности компании. Данная концепция получила свое развитие в дальнейшем, и долговое финансирование стало рассматриваться как один из источников.

Актуальные исследования, целью которых является оценка устойчивости роста компаний, проводятся как отечественными, так и зарубежными учеными. Так, например, оценка 65 бразильских сельскохозяйственных кооперативов показала, что их рост нельзя охарактеризовать как устойчивый, поскольку его обеспечение произошло за счет увеличения краткосрочной задолженности, что характеризует данные компании как высокорискованные с точки зрения структуры капитала [11]. Исследование устойчивого роста нефтегазовых российских компаний позволило сделать выводы об их неоднородности с точки зрения его темпов, при этом было выявлено, что фактический рост объемов деятельности превышает устойчивый, что также является мерой высокого риска [12]. Анализ компаний авиационной, торговой и металлургической отраслей показал несбалансированность их роста в период 2007–2019 гг. [13].

Превышение темпов фактического роста над устойчивым связано с уровнем риска предприятия, а именно с необходимостью наращивания долгового капитала предприятия в условиях недостаточности финансовых ресурсов, генерируемых в ходе деятельности компании, то есть внутренних и привлеченных посредством эмиссии акций. В связи с этим в условиях нестабильных экономических условий данный анализ и его результаты являются актуальными для предприятий с позиции ведения деятельности и разработки стратегии развития, а для инвесторов – при принятии решения об инвестировании средств в ту или иную компанию. Кроме того, инвесторы, придерживающиеся принципов ответственного инвестирования, то есть с учетом ESG-показателей, должны оценивать компанию и с позиции ее устойчивости и обеспечения этой устойчивости в долгосрочной перспективе, обусловленной фундаментальными показателями деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения темпа устойчивого роста есть различные модели, которые включают финансовые показатели. Авторами использовалась классическая модель Хиггинса, которая является наиболее распространенной и применяемой на практике [14]:

$$\frac{RR \cdot NP/S \cdot D/E}{A/S - RR \cdot NP/S \cdot D/E}, \quad (1)$$

где RR – коэффициент реинвестирования прибыли, NP/S – рентабельность продаж, D/E – соотношение заемного и собственного капитала, A/S – коэффициент фондоемкости.

Выборка для анализа устойчивости роста компаний состоит из 48 китайских листинговых ESG-ориентированных предприятий, осуществляющих свою деятельность в различных отраслях экономики: металлургической и горнодобывающей, нефтегазовой, химической и автомобильной промышленности, телекоммуникационной, строительной, энергетической и сфере информационных технологий. Период анализа – с 2020 г. по 2022 г.

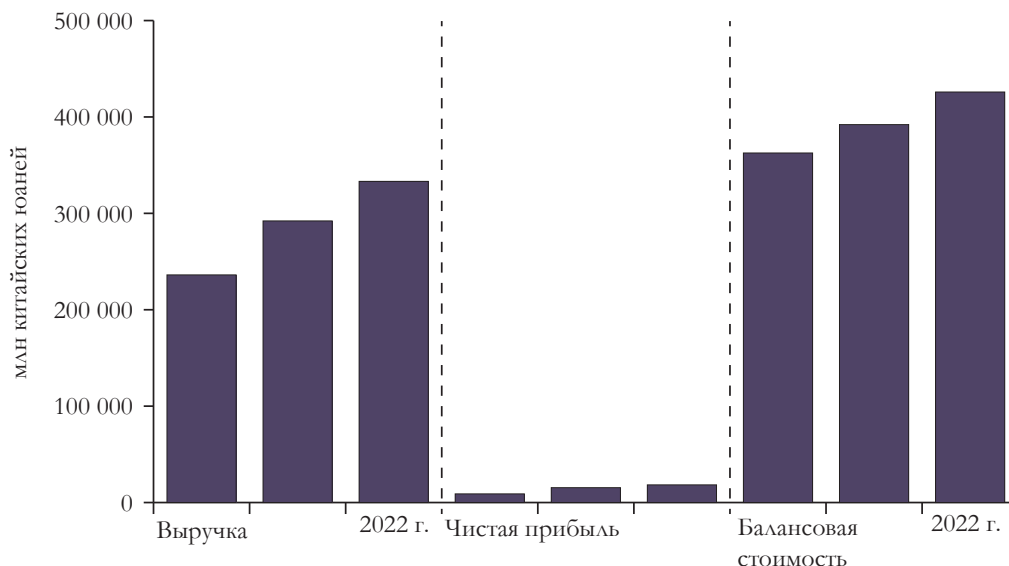
АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика выручки, чистой прибыли и балансовой стоимости ESG-ориентированных листинговых китайских компаний представлена на рис. 1.

В соответствии с данными, представленными на рисунке, можно сделать вывод о том, что одни из ключевых финансовых индикаторов деятельности компаний – чистая прибыль, выручка и балансовая стоимость – за анализируемый период имеют тенденцию к росту. При этом положительная динамика чистой прибыли (104 %) превышает рост выручки (41 %), что говорит о росте рентабельности китайских предприятий к концу анализируемого периода.

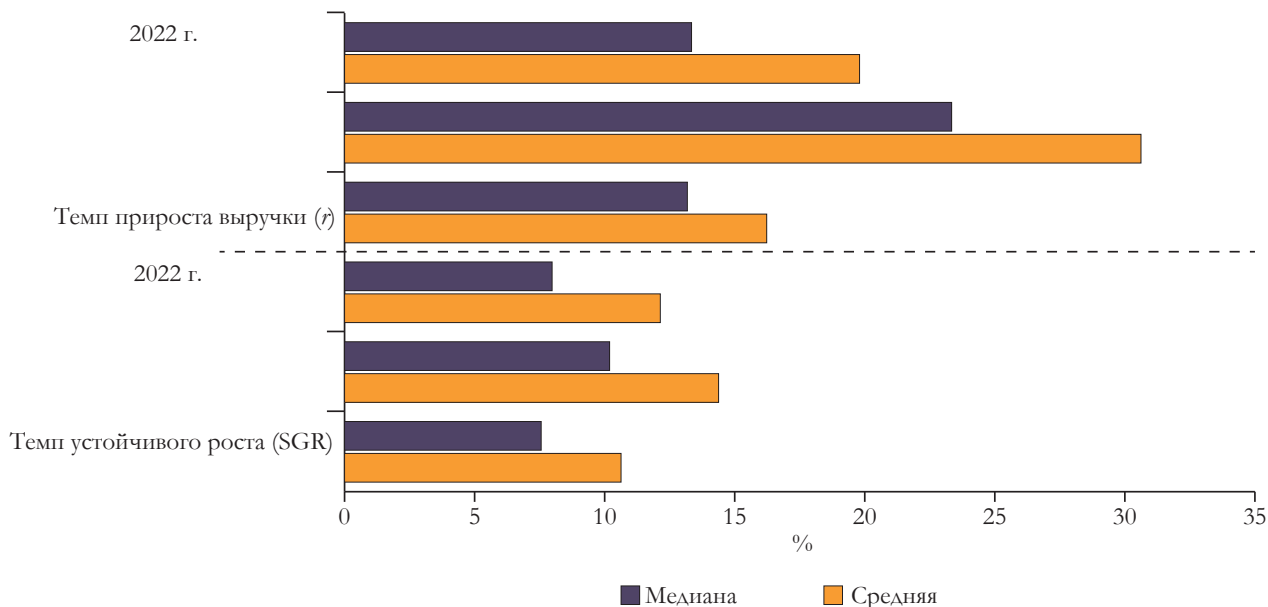
Результаты определения устойчивого роста китайских компаний представлены на рис. 2.

Темпы как устойчивого, так и фактического роста, а также как по среднему, так и по медианному значению по выборке за период 2020–2022 гг. увеличились, однако за период 2021–2022 гг. наблюдалось снижение темпов наращивания объемов деятельности китайских компаний. Кроме того, в среднем по выборке прослеживается превышение темпов фактического объема роста над устойчивым, что говорит о необходимости привлечения дополнительных источников финансирования.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Динамика выручки, чистой прибыли и балансовой стоимости китайских компаний за период 2020–2022 гг.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Темпы устойчивого и фактического роста ESG-ориентированных китайских компаний за период 2020–2022 гг.

Для дальнейших выводов необходимо проанализировать факторы устойчивого роста ESG-ориентированных листинговых китайских компаний, результаты расчетов которых представлены в таблице.

Таблица

Факторы устойчивого роста китайских ESG-ориентированных компаний за период 2020–2022 гг.

Показатели	2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	Средняя	Медиана	Средняя	Медиана	Средняя	Медиана
NP/S, %	13,07	11,99	14,69	11,86	14,37	11,51
PR, %	37,94	32,24	33,91	29,17	39,30	34,78
RR, %	62,06	67,76	66,09	70,83	60,70	65,22

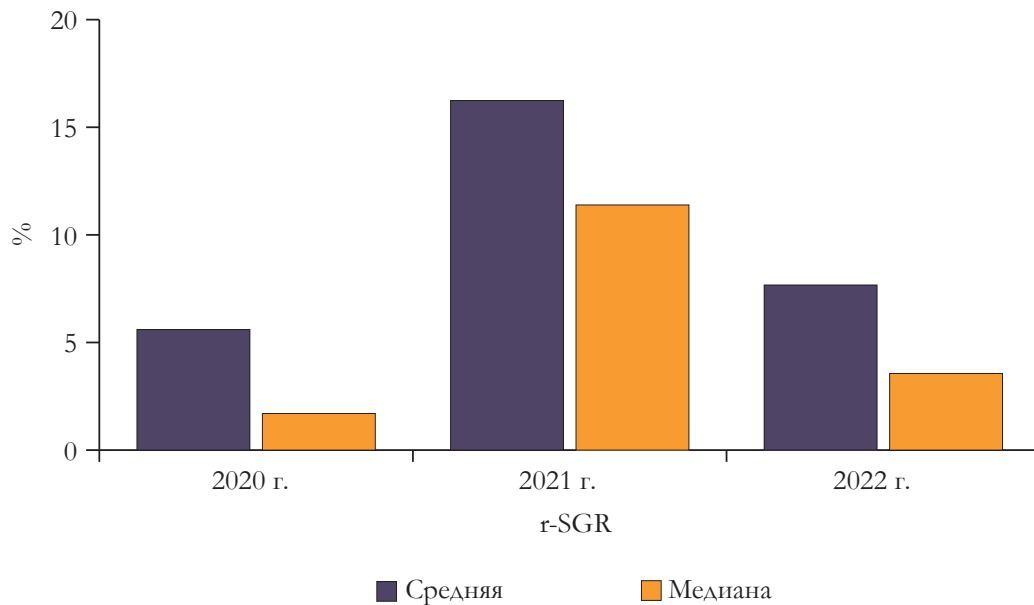
Показатели	2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	Средняя	Медиана	Средняя	Медиана	Средняя	Медиана
D/E	1,84	1,05	1,28	0,96	1,18	0,88
A/S	2,17	1,76	1,97	1,68	1,93	1,66

Составлено авторами по материалам исследования

В результате анализа факторов устойчивого роста можно отметить следующие особенности: несмотря на превышение темпов фактического роста над устойчивым, наблюдается тенденция к сокращению долговой нагрузки предприятий Китая, что отражается в уменьшении величины плеча финансового рычага (соотношения заемного и собственного капитала). Таким образом, связывать высокий риск с нарастанием долговой нагрузки из-за необходимости привлекать дополнительный объем финансовых ресурсов для обеспечения наращивания объемов деятельности в отношении ESG-ориентированных компаниях некорректно. Кроме того, динамика объема реинвестируемой прибыли в развитие деятельности колеблется в той же логике, как и выручка: к 2021 г. наблюдается рост, затем к 2022 г. – падение.

Однако за исследуемый период коэффициент реинвестирования прибыли сократился, а % распределяемой прибыли в виде дивидендов, напротив, вырос. Рентабельность продаж также имела положительную тенденцию и за анализируемый период выросла. Таким образом, объем генерируемой прибыли и показатели рентабельности китайских компаний растут, но в связи с выявленным превышением темпов фактического роста над устойчивым и уровня получаемой компанией прибыли в результате осуществляемой деятельности этого не хватает для финансирования данного роста. На фоне снижающегося уровня долговой нагрузки компании и сокращения не абсолютной величины, а удельного веса заемных источников финансирования в общем объеме капитала и по отношению к собственному можно сделать вывод о привлечении средств посредством увеличения средств от акционеров.

У компаний в выборке не наблюдается значимых проблем по уровню заемного капитала, все предприятия являются прибыльными, за анализируемый период ни одного из них не было получено убытка, что позволяет сделать вывод о том, что следование концепции устойчивого развития положительно сказывается на устойчивом росте предприятий Китая. При этом следует проанализировать разрыв между фактическим темпом роста и устойчивым (рис. 3).

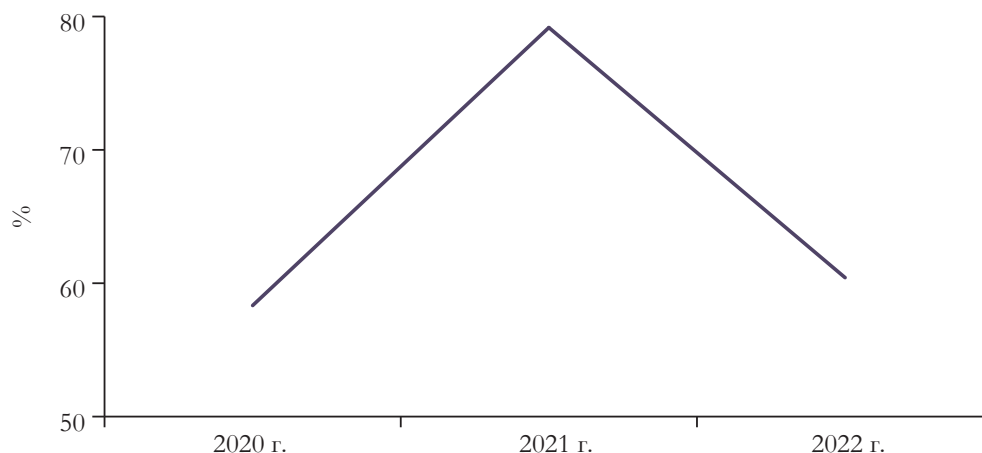

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Динамика уровня превышения фактического темпа роста над устойчивым ESG-ориентированных китайских компаний за период 2020–2022 гг.

Динамика превышения темпов фактического роста над устойчивым за анализируемый период демонстрирует тенденцию к увеличению. Однако наблюдается спад за 2021–2022 гг. В целом увеличение разрыва можно характеризовать как невысокое, что в долгосрочной перспективе не приведет к негативным последствиям для компании, но будет способствовать поддержанию устойчивого роста.

Динамика структуры компаний по превышению фактического роста над устойчивым представлена на рис. 4.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Динамика структуры ESG-ориентированных китайских компаний по превышению фактического роста над устойчивым за период 2020–2022 гг.

Исходя из полученных данных в результате анализа структуры компаний в выборке по превышению фактического роста над устойчивым можно сделать вывод о росте удельного веса компаний в выборке за анализируемый период, у которых наблюдается превышение темпов фактического роста над устойчивым, что при существенном увеличении разрыва может повлечь негативные последствия для деятельности компаний, однако при сохраняющихся тенденциях компании успешно наращивают объемы деятельности и показывают привлекательные для инвесторов финансовые результаты деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция устойчивого развития является актуальной повесткой для экономических акторов в современном мире. Результаты проведенного исследования подтверждают важность следованию концепции, что подтверждается финансовыми показателями деятельности ESG-ориентированных компаний. Кроме того, авторами впервые доказана эффективность концепции устойчивого развития на примере не менее важной концепции устойчивого роста (SGR). Привлечение дополнительного объема финансовых ресурсов должно сопровождаться их эффективным распределением, повышением уровня генерируемой прибыли и наращиванием стоимости таких компаний.

Обеспечение долгосрочного развития невозможно без соблюдения баланса отдельных аспектов деятельности, инструментом управления которыми является инструментарий концепции устойчивого роста. Полученные данные могут быть заложены в разработку нового инструментария и пересмотр интерпретации результатов анализа именно для компаний, ориентированных на устойчивое развитие, в интеграцию этих концепций для обеспечения возможностей компаний достигать поставленных целей в области устойчивого развития без ущерба фундаментальным финансовым показателям деятельности.

Список литературы

1. Lee S.-P., Isa M. Environmental, social and governance (ESG) practices and financial performance of Shariah-compliant companies in Malaysia. *Journal of Islamic Accounting and Business Research*. 2023;2(14):295–314. <https://doi.org/10.1108/JIABR-06-2020-0183>
2. Pinheiro A.B., Panza G.B., Berborst N.L., Toaldo A.M.M., Segatto A.P. Exploring the relationship among ESG, innovation, and economic and financial performance: evidence from the energy sector. *International Journal of Energy Sector Management*. 2023. <https://doi.org/10.1108/IJESM-02-2023-0008>

3. *Tanjung M.* Cost of capital and firm performance of ESG companies: what can we infer from COVID-19 pandemic? Sustainability Accounting, Management and Policy Journal. 2023. <https://doi.org/10.1108/SAMPJ-07-2022-0396>
4. *La Rosa F., Bernini F.* ESG controversies and the cost of equity capital of European listed companies: the moderating effects of ESG performance and market securities regulation. International Journal of Accounting & Information Management. 2022;5(30):641–663. <https://doi.org/10.1108/IJAIM-03-2022-0047>
5. *Samy El-Deeb M., Ismail T.H., El Banna A.A.* Does audit quality moderate the impact of environmental, social and governance disclosure on firm value? Further evidence from Egypt. Journal of Humanities and Applied Social Sciences. 2023;4(5):293–322. <https://doi.org/10.1108/JHASS-11-2022-0155>
6. *Dkhili H.* Does environmental, social and governance (ESG) affect market performance? The moderating role of competitive advantage. Competitiveness Review. 2023. <https://doi.org/10.1108/CR-10-2022-0149>
7. *Al Amosh H., Khatib S.F.A., Ananzeb H.* Environmental, social and governance impact on financial performance: evidence from the Levant countries. Corporate Governance. 2023;3(23):493–513. <https://doi.org/10.1108/CG-03-2022-0105>
8. *Makridou G., Doumpos M., Lemonakis C.* Relationship between ESG and corporate financial performance in the energy sector: empirical evidence from European companies. International Journal of Energy Sector Management. 2023. <https://doi.org/10.1108/IJESM-01-2023-0012>
9. *Nirino N., Petruzzella F., Alam G.M., Campobasso F.* Can sustainable practices protect investors during financial market instability? A multi-sector analysis during the COVID-19 pandemic. Management Decision. 2022;10(60):2875–2894. <https://doi.org/10.1108/MD-12-2021-1654>
10. *Латышов Р.И.* Оценка устойчивости роста корпорации: индекс устойчивого роста. Вопросы науки и образования. 2018;8(20):54–56.
11. *Piccoli P., Bianchini Junior N., Coser J., Moreira V.R.* Short-term financial sustainability of agricultural cooperatives. Agricultural Finance Review. 2021;3(81):444–457. <https://doi.org/10.1108/AFR-06-2020-0097>
12. *Траченко М.Б., Кожечкина Е.В.* Факторный анализ развития нефтегазового сектора экономики на основе модели сбалансированного роста (SGR). Экономический анализ: теория и практика. 2016;1(448):131–142.
13. *Траченко М.Б., Володина А.О.* Управление устойчивым развитием бизнеса на основе модели сбалансированного роста (SGR): отраслевой аспект. Экономический анализ: теория и практика. 2021;20-4(511):663–683. <https://doi.org/10.24891/ea.20.4.663>
14. *Higgins R.C.* How much growth can a firm afford? Financial Management. 1977;3(6):7–16.

References

1. *Lee S.-P., Isa M.* Environmental, social and governance (ESG) practices and financial performance of Shariah-compliant companies in Malaysia. Journal of Islamic Accounting and Business Research. 2023;2(14):295–314. <https://doi.org/10.1108/JIABR-06-2020-0183>
2. *Pinheiro A.B., Panza G.B., Berborst N.L., Toaldo A.M.M., Segatto A.P.* Exploring the relationship among ESG, innovation, and economic and financial performance: evidence from the energy sector. International Journal of Energy Sector Management. 2023. <https://doi.org/10.1108/IJESM-02-2023-0008>
3. *Tanjung M.* Cost of capital and firm performance of ESG companies: what can we infer from COVID-19 pandemic? Sustainability Accounting, Management and Policy Journal. 2023. <https://doi.org/10.1108/SAMPJ-07-2022-0396>
4. *La Rosa F., Bernini F.* ESG controversies and the cost of equity capital of European listed companies: the moderating effects of ESG performance and market securities regulation. International Journal of Accounting & Information Management. 2022;5(30):641–663. <https://doi.org/10.1108/IJAIM-03-2022-0047>
5. *Samy El-Deeb M., Ismail T.H., El Banna A.A.* Does audit quality moderate the impact of environmental, social and governance disclosure on firm value? Further evidence from Egypt. Journal of Humanities and Applied Social Sciences. 2023;4(5):293–322. <https://doi.org/10.1108/JHASS-11-2022-0155>
6. *Dkhili H.* Does environmental, social and governance (ESG) affect market performance? The moderating role of competitive advantage. Competitiveness Review. 2023. <https://doi.org/10.1108/CR-10-2022-0149>
7. *Al Amosh H., Khatib S.F.A., Ananzeb H.* Environmental, social and governance impact on financial performance: evidence from the Levant countries. Corporate Governance. 2023;3(23):493–513. <https://doi.org/10.1108/CG-03-2022-0105>
8. *Makridou G., Doumpos M., Lemonakis C.* Relationship between ESG and corporate financial performance in the energy sector: empirical evidence from European companies. International Journal of Energy Sector Management. 2023. <https://doi.org/10.1108/IJESM-01-2023-0012>

9. *Nirino N., Petruzzella F., Alam G.M., Campobasso F.* Can sustainable practices protect investors during financial market instability? A multi-sector analysis during the COVID-19 pandemic. *Management Decision*. 2022;10(60):2875–2894. <https://doi.org/10.1108/MD-12-2021-1654>
10. *Latypov R.I.* Assessment of the sustainability of corporate growth: the index of sustainable growth. *Issues of Science and Education*. 2018;8(20):54–56. (In Russian).
11. *Piccoli P., Bianchini Junior N., Coser J., Moreira V.R.* Short-term financial sustainability of agricultural cooperatives. *Agricultural Finance Review*. 2021;3(81):444–457. <https://doi.org/10.1108/AFR-06-2020-0097>
12. *Trachenko M.B., Koshechkina E.V.* Factor analysis of the development of the oil and gas sector of the economy based on the balanced growth model (SGR). *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2016;1(448):131–142. (In Russian).
13. *Trachenko M.B., Volodina A.O.* A model of sustainable growth (SGR): cross-industry analysis. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2021;20-4(511):663–683. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ea.20.4.663>
14. *Higgins R.C.* How much growth can a firm afford? *Financial Management*. 1977;3(6):7–16.

Развитие концепций трансформации розничной торговли под влиянием промышленных революций

Климченя Людмила Сергеевна

Канд. экон. наук, докторант

ORCID: 0000-0002-1858-082X, e-mail: klimchenia@bseu.by

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ по изучению влияния промышленных революций на розничную торговлю и концепций ее трансформации. Целью статьи является исследование влияния промышленных революций на розничную торговлю и развития концепций ее трансформации. В качестве методологической базы применялись методы индукции, дедукции, сравнения, системного анализа. В рамках исследования автор обобщил результаты научных работ в области технологического развития и смены промышленных революций, влияния технологических инноваций на розничную торговлю. Предложены базовые характеристики промышленных революций: условия наступления и результаты, их временные границы, соответствующие им технологические уклады. Достижения каждой промышленной революции используются в экономике, вызывая цепную реакцию в ее отраслях. Розничная торговля представлена как вторичный сегмент внедрения технологических инноваций по отношению к промышленности. При этом она прошла такие же этапы трансформации, как и промышленность. Автор выделил пять концепций розничной торговли, обосновал временные рамки перехода к ним, привел факторы трансформации торгового обслуживания. Приведено обоснование того, что при смене промышленных революций содержание торгового процесса не меняется, трансформируются обеспечивающие его осуществление ресурсы в целях повышения качества торгового обслуживания населения.

Ключевые слова

Промышленная революция, технологическое развитие, розничная торговля, концепция трансформации, концепция розничной торговли, Розничная торговля 1.0, Розничная торговля 2.0, Розничная торговля 3.0, Розничная торговля 4.0, Розничная торговля 5.0

Для цитирования: Климченя Л.С. Развитие концепций трансформации розничной торговли под влиянием промышленных революций // Вестник университета. 2024. № 6. С. 121–129.

Retail transformation concepts development under the influence of industrial revolutions

Lyudmila S. Klimchenia

Cand. Sci. (Econ.), Doctorate Student

ORCID: 0000-0002-1858-082X, e-mail: klimchenia@bseu.by

Belarus State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract

The relevance of the study is due to the lack of works on industrial revolutions impact on retail trade and transformation of its concepts. The purpose of the study is to analyze industrial revolutions impact on retail trade and its transformation concepts development. The methods of induction, deduction, comparison, and system analysis were used as a methodological basis. As part of the research, the author has generalized the results of scientific works in the field of technological development and the change of industrial revolutions and technological innovations impact on retail trade. The basic characteristics of industrial revolutions have been proposed such as onset conditions and results, their time boundaries, and the technological modes corresponding to them. The achievements of each industrial revolution are used in economy, causing a chain reaction in its branches. Retail trade is presented as a secondary segment of technological innovation implementation in relation to industry. At the same time, it has undergone the same stages of transformation as industry. The author has identified five concepts of retail trade, substantiated the transition timeframes to them, and cited the trade service transformation factors. The author substantiates that during the industrial revolutions change the content of the trade process does not change, but the resources that ensure its implementation are transformed in order to improve trade services quality to population.

Keywords

Industrial revolution, technological development, retail, transformation concept, retail concept, Retail 1.0, Retail 2.0, Retail 3.0, Retail 4.0, Retail 5.0

For citation: Klimchenia L.S. (2024) Retail transformation concepts development under the influence of industrial revolutions. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 121–129.

ВВЕДЕНИЕ

Мировое социально-экономическое развитие изучается во взаимосвязи с промышленными революциями, которые многими исследователями рассматриваются как движущий фактор перехода от одного хозяйственного уклада к другому, способствующий фундаментальным преобразованиям всех сфер жизнедеятельности человека. Значительный вклад в изучение теоретических и практических аспектов технологического развития и промышленных революций внесли Р. Друкер, С. Кузнец, Р. Солоу, С.Ю.Глазьев, В.В. Харитонов, В.С. Усков, Ю.О. Климова, А.В. Таранов, Н.В. Линдер и др. При этом наиболее часто в научных трудах изучалось влияние технологического развития на промышленный сектор. Стоит отметить практически полное отсутствие исследований, посвященных трансформации розничной торговли под влиянием факторов технологического развития.

Изложенное определило актуальность исследования влияния промышленных революций и технологического развития на розничную торговлю и развитие ее концепций.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Для выявления закономерностей долгосрочного экономического развития розничной торговли был применен эволюционный подход. Академик Российской академии наук С.Ю. Глазьев указывал: «Отличительной особенностью данной научной парадигмы является эволюционный подход к исследованию процессов экономического развития в реальной системе опосредующих их технологических, производственных, финансовых, торговых, социальных взаимосвязей и взаимозависимостей, который предполагает проникновение в их внутреннюю логику, ритм и механизмы взаимодействия движущих факторов» [1, с. 9].

Изучение научных работ по обозначенной проблематике позволило определить, что в период с XVIII в. до середины XXI в. выделено пять промышленных революций [1–6]. Промышленные революции связаны со сменой технологических циклов, указывающих на цикличность развития экономики как системы и ее компонентов. На рис. 1 представлены временные периоды промышленных революций и соответствующие технологические уклады.

Составлено автором по материалам источников [1; 5; 6]

Рис. 1. Временные периоды промышленных революций

Согласно представленным на рисунке временным границам промышленных революций сделан вывод об увеличении скорости внедрения и распространения технологических преобразований и сокращении жизненного цикла самих инноваций. По словам Л.В. Лапидус: «Чем выше скорость протекания этих процессов, тем сложнее бизнесу реагировать на вызовы со стороны сложной и динамичной рыночной среды, в которой технологическая составляющая считается самой опасной, но в то же время открывающей новые перспективы для развития экономики» [7, с. 26].

Отметим, что каждая последующая промышленная революция использует достижения предыдущей, оказывает существенные воздействия как на всю мировую экономику, так и на национальные экономики отдельных стран. Характеристика пяти промышленных революций представлена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика промышленных революций

Наименование революции	Период	Технологический уклад	Условия	Результат
Первая (1.0)	1770–1840 гг./1860 г.	Первый (1770–1830 гг.) и второй (1830–1880 гг.)	Появление инновационных технологий, в том числе парового двигателя	Трансформация производства, переход к механизированному фабричному; урбанизация и повышение уровня жизни
Вторая (2.0)	1870–1914 гг.	Второй (1830–1870 гг.) и третий (1880–1930 гг.)	Совершенствование существующих методов и инструментария, изобретение электричества, двигателя внутреннего сгорания; внедрение конвейера	Стандартизация и индустриализация производства, появление массового производства; переворот в энергетическом базисе экономики
Третья (3.0)	1969–2010 гг.	Четвертый (1930–1970 гг.) и пятый (1970–2010 гг.)	Внедрение новых технологий: автоматизация и компьютеризация; «зеленая революция», изобретение интернета	Переход к возобновляемым источникам энергии; замещение аналоговых технологий цифровыми; появление мобильных телефонов
Четвертая (4.0)	2011 г.–2030-е гг.	Шестой (2010–2050 гг.)	Технологический прорыв, доминирование информационных технологий, «сланцевая революция»	Развитие «умного производства»; интернетизация и кибернетизация производства; концепция интернета вещей; кастомизация продукции и услуг; повышение качества жизни общества
Пятая (5.0)	С 2030-х гг.	Шестой (2010–2050 гг.)	Применение когнитивных технологий, включая коллективный искусственный интеллект, блокчейн	Адаптация цифрового производства к персонализированному опыту человека; использование технологических платформ; развитие наноиндустрии, интеллектуальная цифровизация

Составлено автором по материалам исследования [1; 2; 5]

В рамках исследования промышленных революций укажем, что внедрение инновационных технологий и иных достижений в первую очередь отражалось на промышленном производстве, а именно на объемах выпуска промышленной продукции. Это приводит к изменению ситуации на рынке: меняется соотношение спроса и предложения. Такие изменения вызывают определенную, так называемую цепную реакцию в других отраслях экономики и во всех социально-экономических аспектах жизни общества в целом.

КОНЦЕПЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТРАСЛЕЙ

Результаты и достижения каждой промышленной революции использовались в отраслях экономики, обеспечивая ее развитие и формируя соответствующую отраслевую концепцию [2; 5; 8; 9]. В научной среде представлено достаточно публикаций по концепциям трансформации промышленного сектора (от Индустрии 1.0 до Индустрии 5.0), существенно меньше публикаций по концепциям трансформации сферы услуг. Каждая концепция трансформации отрасли представляет систему взглядов на отраслевые бизнес-процессы, протекающие в определенных условиях технологического развития.

Достаточно единогласно авторы выделяют пять концепций трансформации в разрезе разных отраслей экономики, оперируя научными разработками, посвященными как промышленным революциям, так и технологическим укладам, что подтверждает наличие цепной реакции в структуре экономики, когда трансформация одной или нескольких отраслей обуславливает трансформацию других. При этом

выявлено, что первые концепции трансформации отраслей имеют разные временные периоды, что можно объяснить возникновением приведенных отраслей и их ролью в экономической системе той или иной страны. Так, концепция Индустрии 1.0 охватывает период 1770–1860 гг., связана с механизацией производства и использованием паровой энергии. Концепция Университет 1.0 (XIII–XVII вв.) связана с превращением образования в массовую практику и овладением грамотой и математикой, а Логистика 1.0 (2700 до н.э. – 700 г.) – механической транспортировкой. Самый длинный период существования первой концепции характерен для логистики, затем образования.

В ходе Первой промышленной революции был достигнут рост производительности труда за счет механизации производства, что обеспечило как увеличение выпуска объема продукции (товаров), так и рост грузопотока, которым требовалось управлять. Параллельно возник спрос на техническое образование, отражающее достижения практики и обеспечивающее новые научные разработки. Все перечисленное обусловило трансформацию отраслевой концепции в 2.0. Начиная с концепции 3.0 периоды трансформации отраслей подошли к общим временным интервалам, что объясняется реализацией одинаковых технологий в отраслях, в первую очередь информационных технологий, которые выступили фактором трансформации.

Отраслевые концепции 4.0 связаны с цифровыми технологиями и Четвертой промышленной революцией. Для всех отраслей начальным годом реализации новой концепции стал 2011 г., соответствующий именно году начала новой промышленной революции. Отметим, что в ряде публикаций исследователи выделяют Пятую промышленную революцию, при этом нет единого подхода ко времени ее начала [1; 5; 6; 10]. Чаще авторы указывают, что это произойдет не ранее чем через 10 и более лет и будет связано с интеграцией человека и искусственного интеллекта.

КОНЦЕПЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Придерживаясь позиции, что концепция торговли меняется вместе с экономикой и социальной средой общества, отметим, что торговля, в первую очередь розничная, прошла ряд трансформаций, что отражается в научных публикациях. Как отмечает Ю.Ю. Медведева: «Торговля со своими особенностями и отличиями от промышленности является зоной вторичных инноваций и не может не реагировать на смену технологических укладов» [11, с. 312].

Проведенное исследование показало, что применительно к сфере промышленного производства (Индустрии) авторы придерживаются единого подхода к периодизации концепций трансформации этой отрасли. В торговле этого нет по ряду причин:

- 1) значительно меньше исследований проведено по этому направлению;
- 2) отсутствует единый подход к периодизации концепций трансформации;
- 3) исследования носят фрагментарный характер.

Эксперты единогласно объясняют изменения, обусловившие трансформационные преобразования в розничной торговле, промышленными революциями, характеристики которых представлены в табл. 1. С учетом отмеченного концепция Розничной торговли 1.0 в большей степени связывается отдельными авторами с появлением универмагов (1852 г.), которые позволяли представить товары массового производства в широком ассортименте. В данном подходе укажем такой недостаток, как анализ только магазинной формы продажи, которая рассматривается отдельными исследователями как первое существенное преобразование в розничной торговле. Не разделяя представленный концептуальный подход к трансформации розничной торговли, полагаем, что до XIX в. в розничной торговле также происходили существенные преобразования, которые позволяют утверждать, что концепция 1.0, связанная с Первой промышленной революцией, возникла раньше, а именно в первой четверти XVIII в. Концепция Розничной торговли 1.0 связана именно с переходом от внемагазинной продажи товаров к магазинной. Такую позицию высказывают и зарубежные исследователи историографии розничной торговли Дж. Ю. Ферни и К. Лесгер, представившие исследование развития розничной торговли в пяти городах Западной Европы в 1600–1900 гг.¹

Отметим, что авторы указывают первоначальное основное место осуществления розничной торговли в Западной Европе – рынок, на котором продавцы «перехватывали» покупателей. Представленные в научных работах стадии трансформации или развития розничной торговли, в рамках которых развивались и соответствующие концепции, отражены в табл. 2.

¹ Furnee J.Y., Lesger C. The Landscape of Consumption. Shopping Streets and Cultures in Western Europe, 1600–1900. Режим доступа: <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137314062> (дата обращения: 07.04.2024).

Подходы к выделению концепций трансформации розничной торговли

Концепция	Позиция исследователей			
	В.В. Панюкова [12, с. 22]	И.Ф. Жуковская [13, с. 326–327]	А.П. Ноговицина, Ж.П. Шнорр [14, с. 266]	L.L. Har, U.K. Rashid, L.T. Chuan, S.C. Sen, L.Y. Xia [15]
1.0	1900–1960 гг., стационарные несетевые торговые объекты	Середина XVIII в. – середина XIX в., доминирование местных продавцов, появление универмагов	–	Середина XVIII в. – середина XIX в., появление универмагов для продажи товаров массового производства, увеличение доступности высококачественных товаров
2.0	1990–1994 гг., стационарные торговые объекты, появление новых форматов (супермаркет, гипермаркет)	XX в., новые форматы – гипермаркеты, развитие пригородных торговых центров, появление карт лояльности	–	XX в., изучение предпочтений покупателей, развитие пригородной торговой недвижимости
3.0	1995 г. – начало 2000-х гг., рост числа сетевых торговых объектов, мультиформатность, развитие интернет-магазинов	С 1990-х гг. до начала XXI в., развитие онлайн-новых технологий, электронная торговля, цифровые конкуренты eBay, Taobao, Amazon и Alibaba	Виртуальное предпринимательство, внедрение цифровых технологий в ритейл, сервисное сопровождение	Конец XX в. – начало XXI в., глобальное использование цифровых технологий, широкий ассортимент товаров, скидки, интернет-продажи
4.0	С начала 2000-х гг. по настоящее время, омниканальность, развитие трансграничной торговли, консьюмеризм	С начала XXI в., активное использование технологий Индустрии 4.0 (интернет вещей, искусственный интеллект, AR, VR и др.), преобладание омниканальности	Высокотехнологическая отрасль: цифровая автоматизация, формирование умного торгово-технологического пространства и платформенность	Начало XXI в. (2010 г.) – настоящее время, максимизация ценности цифровой коммерции

Составлено автором по материалам исследования

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что для каждой концепции розничной торговли характерны свои трансформирующие факторы и временные рамки. В качестве таких факторов автором выделены следующие:

- форма продажи – переход от внемагазинной к магазинной форме продажи обусловил появление концепции Розничной торговли 1.0 (1750–1915 гг.);
- метод продажи – внедрение самообслуживания способствовало переходу к концепции Розничной торговли 2.0 (1916–1990 гг.);
- форма осуществления торговли – развитие электронной торговли трансформировало торговое обслуживание, сформировалась концепция Розничной торговли 3.0 (1992–2010 гг.);
- цифровизация клиентского сервиса – развитие многосторонних цифровых рынков обусловило переход к концепции Розничной торговли 4.0;
- интеллектуализация торгового обслуживания формирование новой концепции Розничной торговли 5.0.

Переход к Розничной торговле 1.0 связан именно с использованием инновационных объектов для продажи товаров (магазинов) и преобразованием форм осуществления торговли, а именно переходом к магазинной форме продажи товаров. Временной период концепции Розничной торговли 1.0 охватывает период 1750–1910-х гг. При этом именно для этого периода характерно как появление комфортабельных магазинов с наружными витринами, так и пассажей и универмагов. Первые магазины как торговые помещения появились в 1750–1760-х гг. [16, с. 29].

Переход к Розничной торговле 2.0 ряд авторов, представленных в табл. 2, связывают с появлением гипермаркетов и супермаркетов. Отметим, что в данном контексте речь идет о дальнейшем развитии типов магазинов, в том числе с универсальным ассортиментом. Укрупнение торговых объектов с продовольственным ассортиментом и заимствование практики строительства непродовольственных универсальных торговых объектов нельзя назвать трансформацией. Полагаем, что переход к концепции Розничной торговли 2.0 в начале XX в. связан с трансформацией торгового обслуживания, а именно внедрением самообслуживания как принципиально нового метода продажи товаров. Первый магазин самообслуживания открылся в 1916 г. в Мемфисе, в Соединенных Штатах Америки. В нем удалось оптимизировать вид и количество оборудования для торгового зала, штат персонала, что положительно отразилось на результатах деятельности магазина. В Советском Союзе новый метод продажи впервые был внедрен только в 1954 г. Такое отставание в отечественной розничной торговле объясняется участием страны в Первой и Второй мировых войнах (разруха в городах, необходимость восстановления всей экономики) и доминированием размещения магазинов на первых этажах жилых зданий, что затрудняло применение новых планировок торговых залов для более прогрессивного метода продажи.

Концепция Розничной торговли 2.0 просуществовала до начала 1990-х гг., когда в хозяйственную деятельность начали внедрять информационные технологии как составляющие Третьей промышленной революции. Концепция Розничной торговли 3.0 связана с развитием электронной торговли. Электронная торговля рассматривается нами как форма торговли, сформированная в результате трансформации торгового процесса за счет использования информационно-коммуникационных технологий и сетей [17; 19]. При этом содержание самого торгового процесса не меняется – преобразуются ресурсы для осуществления торгового процесса (торговые объекты, информация для покупателей, средства, обеспечивающие принятие решения о покупке), появляются принципиально новые бизнес-модели и подходы к управлению данными.

Четвертая промышленная революция оказала влияние и на розничную торговлю, предопределив переход к новой концепции Розничной торговли 4.0. В данном контексте трансформации торговли, как и иных отраслей экономики, переход к розничной торговле начался с 2011 г. В рамках этой концепции автор разделяет позицию Л.П. Ноговициной Л.П. и Ж.П. Шнорр, согласно которой для Розничной торговли 4.0 характерны платформенность, цифровая автоматизация, омниканальность [14]. Основное внимание в рамках данной концепции смещается в сторону интеграции бизнес-процессов между реальными торговыми объектами и торговыми информационными ресурсами (интернет-магазинами, цифровыми торговыми платформами и электронными торговыми площадками). При этом ставится задача оптимизации интегрированных каналов продаж.

Характеризуя концепцию Розничной торговли 5.0, важно указать, что торговое обслуживание продолжит свою трансформацию при переходе общества к концепции Общество 5.0. В рамках концепции активнее в отраслях экономики и в социуме в целом будут использоваться следующие технологии: дополненная и виртуальная реальности, интернет вещей, технологии обработки естественного языка, искусственный интеллект, обеспечивающие повышение качества торгового обслуживания как вектора улучшения качества жизни населения. Влияние технологий нового поколения на результаты деятельности субъектов торгового бизнеса, как отражают исследования, положительное: «Можно на 4 % увеличить результативность работы персонала, на 15 % повысить конверсию посетителей в покупателей, на 25 % сократить расходы на оплату труда»².

По прогнозам исследователей Research&Markets, расходы на инструменты искусственного интеллекта (системы компьютерного зрения, распознавания лиц и изображений, виртуальные ассистенты, прогнозная аналитика, машинное обучение) в розничной торговле будут ежегодно увеличиваться, а «через 15 лет их применение приведет к росту прибыльности на 60 %»³. Распространение технологий дополненной реальности (визуализации товара, интерактивного повествования, виртуальные примерочные и зеркала) обеспечит решение задачи повышения качества торгового обслуживания.

² Искусственный интеллект в сфере ритейла: возможности и перспективы. Режим доступа: <https://sk.ru/news/iskusstvennyj-intellekt-v-sfere-ritejla-vozmozhnosti-i-perspektivy/> (дата обращения: 07.04.2024).

³ Там же.

Использование технологий дополненной реальности способствует росту ряда показателей: «вовлеченность аудитории повышается на 19 %, конверсия – на 52 %, а средний чек – на 25 %»⁴. При этом рынок технологий как дополненной, так и виртуальной реальности сохраняет ежегодный рост на уровне 40 %. Внедрение сервисов интернета вещей (мониторинга наличия товаров, оптимизации товарных запасов, управления климатом в магазине, умных витрин и покупательских тележек, умных полок) обеспечивает переход на новые формы взаимодействия с покупателями, обеспечивающие рост прибыли торговой деятельности. Спрос на сервисы интернета вещей сохраняют тенденцию роста. По оценкам Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики, «к 2030 г. глобальный спрос на решения в области интернета вещей составит более 620 млрд долл. США, увеличившись почти в 3,5 раза за 10 лет»⁵.

В рамках концепции Розничной торговли 5.0 фокус с торгово-технологического процесса сместится на покупателя, выдвинув принцип клиентоцентричности торгового обслуживания. Ключевые идеи концепции – адаптация ассортимента товаров и торгового обслуживания под индивидуальные потребности каждого покупателя и повышение качества торгового обслуживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие экономики и ее отраслей связано с промышленными революциями, способствующими внедрению технологических разработок и обуславливающих трансформационные преобразования отраслей. Каждой промышленной революции соответствует концепция трансформации отрасли. Розничная торговля, являясь по отношению к промышленности вторичной сферой внедрения технологических инноваций, прошла через четыре стадии трансформации, которые нашли отражения в четырех ее концепциях (Розничная торговля 1.0, 2.0, 3.0 и 4.0). При переходе к концепции Общество 5.0 торговое обслуживание продолжит свою трансформацию, что сформирует новую концепцию Розничной торговли 5.0. При этом на протяжении всей эволюции розничной торговли содержание торгового процесса не меняется – под влиянием промышленных революций преобразуются ресурсы, обеспечивающие осуществление торгового процесса.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. (ред.) Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: «Тривант»; 2009. 304 с.
2. Мальцев А.А. От третьей промышленной революции – к четвертой (сравнительный обзор концепций). *AlterEconomics*. 2022;1(19):131–146. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.8>
3. Усков В.С. Развитие цифровой экономики РФ в условиях научно-технологических изменений: монография. Вологда: ФГБУН ВолНИЦ РАН; 2021. 167 с.
4. Егорова Т.Н. Проблемы трансформации рынка труда под влиянием четвертой промышленной революции. *Сфера услуг: инновации и качество*. 2021;54:23–36.
5. Литвин Е.В., Татарчук И.Р., Минец В.В. Обувное производство в пяти промышленных революциях. *Дизайн и технологии*. 2020;80(120):31–35.
6. Арени Ю.А., Каткова Н.А., Халимон Е.А., Брикошина И.С. Пятая промышленная революция – инновации в области биотехнологий и нейросетей. *E-Management*. 2021;3(4):11–19. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-3-11-19>
7. Липидус А.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. М.: ИНФРА–М; 2021. 381 с.
8. Моттаева А.Б. Основные аспекты влияния цифровой экономики на строительную отрасль. *E-Management*. 2023;4(6):4–13. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-4-13>
9. Николаев С.В. Многоаспектность и системность цифровой трансформации: устойчивое развитие на примере транспортно-логистического комплекса. *E-Management*. 2023;3(6):39–50. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-39-50>
10. Пономаренко Е.В. Новые модели развития университетов в мире в условиях цифровой революции: теоретические и практические подходы. *Государственная служба*. 2017;6(19):57–63. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2017-19-6-57-63>

⁴Технологии виртуальной и дополненной реальности находят все более широкое практическое применение в различных сферах. Режим доступа: <https://www.dp.ru/a/2023/05/15/tehnologii-vrar-vsjo-akti/> (дата обращения: 07.04.2024).

⁵Названы десять самых перспективных направлений развития и применения технологий интернета вещей. Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0/> (дата обращения: 07.04.2024).

11. *Медведева Ю.Ю.* Развитие концепций маркетинга в торговле. В кн.: *Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: материалы Научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 4–6 июня 2019.* СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 2019. С. 309–313.
12. *Панюкова В.В.* Эволюция розничной торговли и формирование ее интегрирующей роли в XXI веке. М.: Креативная экономика; 2017. 194 с.
13. *Жуковская И.Ф.* Ритейл 4.0: Розничная торговля в цифровом мире. *Modern Economy Success.* 2023;1:325–331.
14. *Наговицина Л.П., Шнорр Ж.П.* Розничная торговля 4.0: характерные черты и технологии развития. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права.* 2020;3:260–274. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2020-3-260-278>
15. *Har L.L., Rashid U.K., Chuan L.T., Sen S.C., Xia L.Y.* Revolution of Retail Industry: From Perspective of Retail 1.0 to 4.0. *Procedia Computer Science.* 2022;4(200):1615–1625. <http://dx.doi.org/10.1016/j.procs.2022.01.362>
16. *Хасис Л.А.* (ред.) *История русского магазина.* М.: Аркаим; 2006. 256 с.
17. *Климченя Л.С.* Электронная торговля в контексте трансформации торговых процессов. *Научные труды РИВШ.* 2022;21:57–64.
18. *Климченя Л.С.* Электронная торговля: понятие и сущность. В кн.: *Цифровое управление государством и бизнесом: материалы Международного форума, Москва, 15 марта 2022 г.* М.: Государственный университет управления; 2022. С. 151–155.

References

1. *Glaznev S.Yu., Kharitonov V.V.* (eds.) *Nanotechnology as a key factor of the new technological mode in the economy.* Moscow: Trovant; 2009. 304 p. (In Russian).
2. *Maltsev A.A.* From the Third Technological Revolution to the Fourth: An Overview of Contemporary Theoretical Approaches and Concepts. *AlterEconomics.* 2022;1(19):131–146. (In Russian). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.8>
3. *Uskov V.S.* Development of the digital economy of the Russian Federation in the conditions of scientific and technological changes. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2021. 167 p. (In Russian).
4. *Egorushkina T.N.* Problems of labor market transformation under the influence of the Fourth Industrial Revolution. *Service Sector: Innovations and Quality.* 2021;54:23–36. (In Russian).
5. *Litvin E.V., Tatarchuk I.R., Minets V.V.* Footwear manufacturing in five industrial revolutions. *Design and technology.* 2020;80(120):31–35. (In Russian).
6. *Arens Yu.A., Katkova N.A., Halimon E.A., Brikoshina I.S.* The Fifth Industrial Revolution – innovations in the field of biotechnologies and neural networks. *E-Management.* 2021;3(4):11–19. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-3-11-19>
7. *Lapidus L.V.* *Digital economy: e-business and e-commerce management.* Moscow: INFRA-M; 2021. 381 p. (In Russian).
8. *Mottaeva A.B.* The main aspects of the digital economy impact on the construction industry. *E-Management.* 2023;4(6):4–13. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-4-13>
9. *Nikolaev S.V.* Multidimensional and systematic digital transformation: sustainable development on the example of the transport industry. *E-Management.* 2023;3(6):39–50. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-39-50>
10. *Ponomarenko E.V.* New models of university development in the world in the context of the digital revolution: theoretical and practical approaches. *Public Administration.* 2017;6(19):57–63. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2017-19-6-57-63>
11. *Medvedeva Yu.Yu.* Marketing concept development in trade. In: *Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade: Proceedings of the Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 4–6, 2019.* St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2019. Pp. 309–313. (In Russian).
12. *Panyukova V.V.* Evolution of retail trade and the formation of its integrating role in the XXI century. Moscow: Creative Economy; 2017. 194 p. (In Russian).
13. *Zbukovskaya I.F.* Retail 4.0: Retail in a digital world. *Modern Economy Success.* 2023;1:325–331. (In Russian).
14. *Nagovitsina L.P., Shnorr Zh.P.* Retail 4.0: characteristic features and technologies of development. *Vestnik of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.* 2020;3:260–274. (In Russian). <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2020-3-260-278>
15. *Har L.L., Rashid U.K., Chuan L.T., Sen S.C., Xia L.Y.* Revolution of Retail Industry: From Perspective of Retail 1.0 to 4.0. *Procedia Computer Science.* 2022;4(200):1615–1625. <http://dx.doi.org/10.1016/j.procs.2022.01.362>
16. *Khasis L.A.* (ed.) *History of Russian stores.* Moscow: Arkaim; 2006. 256 p. (In Russian).
17. *Klimchenia L.S.* Electronic commerce in the context of the transformation of trade processes. *Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and Psychological-Pedagogical Sciences.* 2022;21:57–64. (In Russian).
18. *Klimchenia L.S.* Electronic commerce: concept and essence. In: *Digital management of state and business: Proceedings of the International Forum, Moscow, March 15, 2022.* Moscow: State University of Management; 2022. Pp. 151–155. (In Russian).

Комплексный анализ латентных резервов развития инновационного потенциала

Коркин Максим Александрович

Аспирант

ORCID: 0000-0001-9059-5498, e-mail: korkinmo1@rambler.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Аннотация

Проведен сравнительный анализ работ ученых и экономистов, изучавших подходы к методикам комплексной оценки латентных резервов инновационного потенциала промышленного комплекса. В условиях трансформации мировых хозяйственных связей комплексный анализ латентных резервов развития инновационного потенциала выступает одним из основных элементов развития и стратегического роста инновационного потенциала предприятий. Проведенное исследование оказывает существенное влияние на дальнейшее изучение комплексного анализа латентных резервов развития инновационного потенциала, способствующих эффективному развитию промышленного комплекса. Полученные результаты исследования можно использовать при проведении оценки и комплексного анализа формирования латентных резервов, направленного на рост инновационного потенциала предприятий.

Ключевые слова

Резервы, инновационное развитие, инновации, комплексная оценка, анализ, сравнительный анализ, латентные резервы, инновационный потенциал

Для цитирования: Коркин М.А. Комплексный анализ латентных резервов развития инновационного потенциала // Вестник университета. 2024. № 6. С. 130–135.

Comprehensive analysis of latent reserves of innovative potential development

Maxim A. Korkin

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0001-9059-5498, e-mail: korkinmo1@rambler.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

The article provides a comparative analysis of the scientists' and economists' works, who studied the approaches to the methods of comprehensive assessment of latent reserves of innovation potential of the industrial complex. In the conditions of global economic relations transformation, the complex analysis of latent reserves of innovation potential development acts as one of the main elements of development and strategic growth of enterprises' innovation potential. The conducted research has a significant impact on further study of the complex analysis of latent reserves of innovation potential development, contributing to the effective development of the industrial complex. The obtained results of the study can be used in the assessment and comprehensive analysis of latent reserves formation aimed at the enterprises' innovative potential growth.

Keywords

Reserves, innovative development, innovation, comprehensive assessment, analysis, comparative analysis, latent reserves, innovative potential

For citation: Korkin M.A. (2024) Comprehensive analysis of latent reserves of innovative potential development. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 130–135.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, несмотря на активные разработки методических подходов и инструментов оценки инновационного потенциала, наличие обоснованных, комплексных методик, использующих количественные показатели, вопросы оценки затрагивают отдельные направления эффективности использования инновационного потенциала, определяемые целями функционирования предприятий. Кроме того, существенным недостатком в изучении темы является отсутствие комплексной методики многофакторной оценки скрытых резервов инновационного потенциала, которая бы позволила выявить дополнительные возможности повышения его использования.

Недостаточно изучены проблемы формирования и развития методического обеспечения оценки уровня текущего использования и повышения эффективности развития и внедрения инновационного потенциала промышленных предприятий. Однако существует определенный интерес к изучению вопросов и методов совершенствования оценки уровня эффективности реализации инновационного потенциала.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

При изучении темы настоящего исследования использовались труды зарубежных ученых: П. Самуэльсона, В. Нордхауса, Н.Д. Кондратьева, Г. Менша, Й. Шумпетера, П. Друкера, М. Портера, Р. Кантера, К. Фримена, Р. Нельсона, С. Уинтера и др., а также отечественных экспертов: А.И. Анчишкина, О.В. Васюхина, Е.А. Глазьева, Д.С. Львова, Г.Г. Фетисова, Л.К. Гуриевой, Е.А. Лясковской, Н. А. Мавриной, В.И. Кушлина, А.Н. Фоломьева, А.З. Селезнева, Е.К. Смирницкого, Л.А. Клименко, Д.И. Кокурина, В.М. Шепелева, Ю.В. Яковца, Г.А. Хмелевой, И.С. Кладченко, Б.А. Райзберга, Л.Ш. Лозовского, Е.Б. Стародубцевой, Г.А. Барышевой, Г.М. Гукасьяна, Г.И. Жица и др.

Методические подходы к оценке эффективности внедрения инновационного потенциала промышленных предприятий осуществлялись на основании трудов следующих ученых: Д.В. Филиппова, И.О. Коробейникова, В.В. Ковалева, Н.Е. Зимина, Е.М. Шевляковой, А.Н. Назаевой, В.И. Ковалевой, Г.В. Савицкой, А.Н. Назаевой, П.С. Шарахина, Д.А. Белоусова, О.П. Мыльцевой, А.Г. Миляевой, Р.С. Капланом, Д.П. Нортон, В.С. Лосевым, Л.А. Козеродом, Г.В. Савицкой, А.Д. Шереметом, Р.С. Сайфуллиным, Е.В. Негашевым, Н.П. Любушиным, В.Б. Лещевой, В.Г. Дьяковой и др.

Все исследования, которые проводятся в настоящее время в разрезе изучаемой темы, осуществляются на уровне страны, и такое понятие, как устойчивое развитие, изучено в полном объеме и имеет четко сформулированное определение, но при этом нет четкого определения этого понятия как категории [1].

Актуальность настоящего исследования заключается в изучении и систематизации понятия стратегического роста инновационного потенциала предприятий промышленного комплекса в условиях трансформации экономики и формирования устойчивых экономических систем как ключевого фактора развития и роста экономики различных государств. В соответствии с этим поставлены и решены задачи по проведению оценки теоретических подходов к изучению устойчивого развития экономики.

Предметом исследования выступают организационно-экономические отношения, формирующиеся при изучении подходов стратегического роста инновационного потенциала предприятий промышленного комплекса. Объектом исследования являются различные подходы стратегического роста инновационного потенциала предприятий промышленного комплекса.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической основой исследования в работе выбран комплексный анализ, который позволяет построить дедуктивно-логическую модель предприятий и региональной системы, увидеть процессы, происходящие в экономическом пространстве под влиянием конструктивных и деструктивных факторов кризиса, сформулировать иерархию целей объекта исследования и выбрать критерий оценки альтернативных решений [2]. Предложенные в работе методические подходы к созданию методик комплексной оценки латентных резервов инновационного потенциала способствуют формированию ресурсного потенциала в регионах. Исследование проводилось на основе общенаучных методов выборки, группировки, сравнительного и системного анализа, абстрактно-логического метода, экспертных оценок и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На современном этапе ускорения экономического развития промышленного сектора возникает необходимость в новой методике оценки эффективности функционирования предприятий. Для этого нужен комплексный показатель, дающий точные и достоверные значения инновационного потенциала и интенсивности его реализации, в связи с чем возникает потребность в следующем:

- целевой идентификации реализуемого инновационного потенциала;
- модели по формированию параметров изменений, характеризующих темпы сдвигов при интенсификации использования инновационного потенциала;
- систематизации проблем по развитию и темпам внедрения инновационного потенциала во временном периоде;
- создании такой организационной структуры, которая бы решала инновационные задачи при реализации инновационного потенциала;
- разработке системы мониторинга и контроля для решения оперативных вопросов управления инновационным потенциалом, эффективностью и интенсификацией его использования [3].

На сегодняшний день много исследований посвящено данной теме, но при этом единой комплексной системы оценки не было разработано. Это связано с тем, что есть еще ряд нерешенных проблем, среди которых стоит выделить такие, как:

- оценка уровня эффективности внедрения на промышленных предприятиях инновационного потенциала;
- достаточность обоснованности критериев и параметров оценки;
- единые требования к вопросам, раскрывающим структуру и содержание инновационного потенциала;
- разработка практического инструментария оценки по принятию эффективных решений управления инновационной деятельностью предприятий.

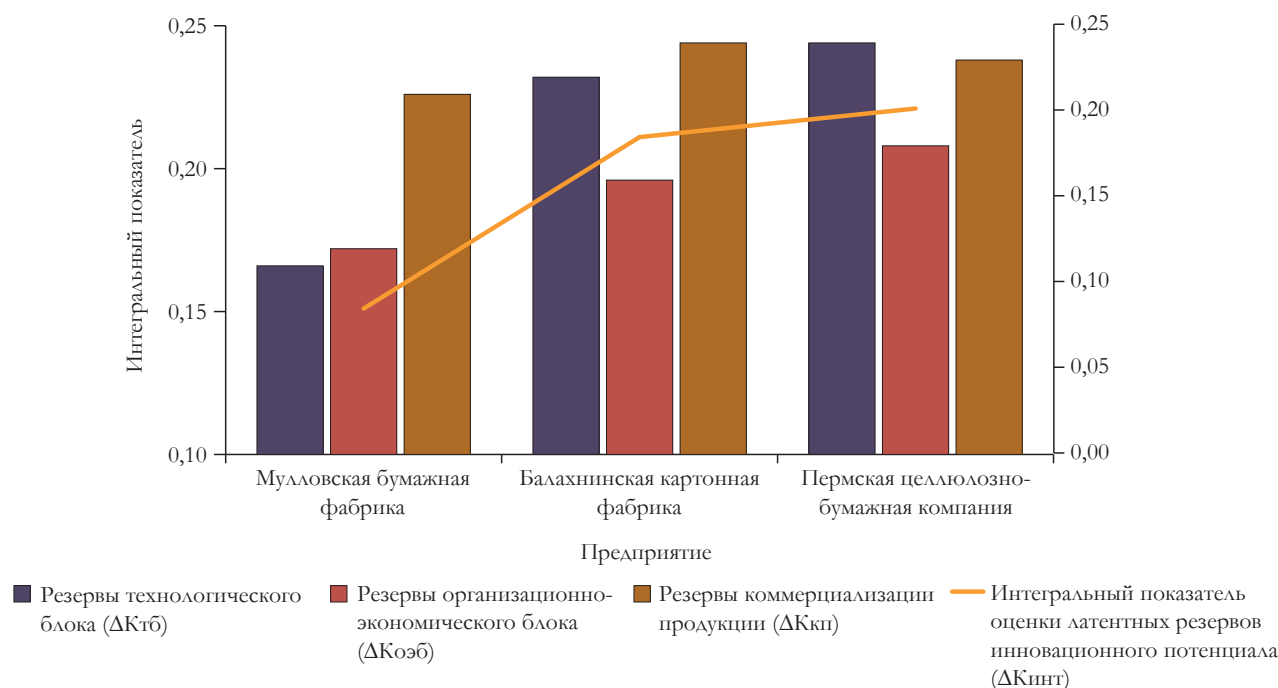
При проведении оценки необходимо различать научно-технический потенциал предприятия, характеризующий его способность к созданию новых знаний, ноу-хау, изобретений, технических решений, и инновационный, который отражает уровень готовности и степень использования мощностей предприятия для реализации новшеств [4; 5]. Развитие инструментария оценки параметров, индикаторов и показателей реализации инновационного потенциала предприятия предусматривает ориентацию на повышение уровня его использования при наличии существенного числа факторов влияния.

Внедрение инноваций на предприятии охватывает три направления: организационно-экономическое (управление), продуктивное (коммерциализация), технологическое (бизнес-процессы). Каждый из этих блоков характеризуется рядом финансовых и экономических показателей, способных осуществить комплексную оценку латентных резервов инновационного потенциала промышленных предприятий.

Разработанная методика в первую очередь направлена на оценку и выявление стимулов, связанных с ростом применения и реализацией инновационного потенциала для осуществления результативной деятельности предприятий. Нами предлагается алгоритм, суть которого сводится к выявлению связей между инновационным потенциалом, внедрением разработок и принятием управленческих решений посредством выявления и оценки показателей в динамике и уже на основании проведенных расчетов к принятию управленческих решений по реализации инновационного потенциала. Данная методика комплексной оценки латентных резервов инновационного потенциала апробирована на нескольких предприятиях (рис.).

Из проведенных расчетов, представленных на рисунке, наблюдаем, что интегральный показатель оценки латентных резервов инновационного потенциала предприятий «Муловская бумажная фабрика», «Балахнинская картонная фабрика» и «Пермская целлюлозно-бумажная компания» составляет от 0,15 до 0,22 %. Это говорит о том, на каждом из рассмотренных предприятий не используется потенциал от 15 до 22 %, способствующий более эффективному развитию и внедрению текущих инновационных проектов в исследуемые организации.

Предлагаемый алгоритм направлен на оценку и выявление возможностей роста использования и реализации инновационного потенциала для осуществления результативной инновационной деятельности предприятий. Модель оценки повышения уровня эффективности реализации инновационного потенциала основана на идентификации и экспертном анализе параметров основных компонентных составляющих инновационного потенциала промышленного предприятия, осуществляющего инновационную проектную деятельность в настоящем и планирующего ее проведение в будущем.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Интегральный показатель оценки латентных резервов инновационного потенциала на исследуемых предприятиях за 2022 г.

Для получения своевременных показателей автором предлагается следующее методическое обеспечение реализации процедур по оценке латентных резервов инновационного потенциала:

- оценка возможных результатов инновационной деятельности по внедрению таких проектов;
- оценка уровня коммерциализуемости инновационной продукции;
- анализ интеллектуальной составляющей, которая не относится к коммерциализации производительных сил на основе инноваций;
- оценка бизнес-адаптации предприятий к внедрению инноваций;
- анализ уровня роли инноваций на воспроизводственный процесс предприятия;
- оценка финансовых резервов предприятия;
- оценка человеческого капитала предприятия;
- оценка интенсивности создания и внедрения инноваций.

При помощи данного комплексного подхода можно разрабатывать направления развития инновационного потенциала предприятия на основе создания и внедрения продуктивных управленческих решений по реализации инновационного потенциала и осуществлении инновационной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время для промышленных предприятий особенно актуальна оценка инновационного потенциала, так как от ее показателей зависят организация и проведение всей инновационной деятельности. Имеющаяся методологическая база не в полной степени отражает требования пользователей к параметрам оценки. Иногда данные параметры используют устаревшую информационную базу, неполный учет показателей, не отвечают требованиям по качеству оценки и др. В связи с этим возникает необходимость развития и совершенствования методов оценки эффективности использования инновационного потенциала промышленных предприятий.

Настоящее исследование является значимым и существенным и заключается в том, что были предложены направления по разработке методик комплексной оценки латентных резервов инновационного потенциала в разрезе определенных хозяйствующих субъектов. Данное обстоятельство говорит о том, что необходимо уделять внимание научным разработкам в области цифровых технологий как основному источнику инновационных идей и направлений для эффективного развития предприятий на длительную и краткосрочную перспективу.

Анализ основных моделей стратегического развития инновационного потенциала предприятий промышленного комплекса свидетельствует о том, что в обобщенном виде данные модели способствуют более эффективному функционированию субъектов всех подсистем инновационного комплекса, а также внедрению механизма управления инновационным развитием предприятий промышленного комплекса, суть которого сводится к формированию эффективных условий для развития и трансфера по внедрению инновационных идей и применению их в процессе производства и воплощения в виде созданных продуктов и технологий на предприятиях.

Список литературы

1. *Коркин М.А.* Инвестиционная привлекательность российской обрабатывающей промышленности в условиях санкций и ограничений. Вестник университета. 2023;3:144–152. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-144-152>
2. *Коркин М.А.* Направления развития методов оценки эффективности инновационного потенциала на промышленных предприятиях. Вестник Академии знаний. 2022;1(48):132–138.
3. *Туменова С.А.* Сетевые инновационные структуры в региональной экономике: формы и типы стратегий управления. Вопросы инновационной экономики. 2023;3(13):1291–1306. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.119109>
4. *Афанасьев А.А.* Модель сетевой промышленной политики: механизм реализации. Экономика, предпринимательство и право. 2023;5(13):1271–1286. <http://doi.org/10.18334/epp.13.5.117354>
5. *Вагин С.Г.* Тенденции и условия развития управления крупными социально-экономическими системами. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007;2(28):27–30.

References

1. *Korkin M.A.* Investment attractiveness of the Russian manufacturing industry under sanctions and restrictions. Vestnik Universiteta. 2023;3:144–152. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-144-152>
2. *Korkin M.A.* Directions of development of methods for assessing the effectiveness of innovative potential in industrial enterprises. Bulletin of the Academy of Knowledge. 2022;1(48):132–138. (In Russian).
3. *Tumenova S.A.* Network innovation structures in the regional economy: forms and types of management strategies. Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. 2023;3(13):1291–1306. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.119109>
4. *Afanasyev A.A.* Network industrial policy model: implementation mechanism. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. 2023;5(13):1271–1286. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/epp.13.5.117354>
5. *Vagin S.G.* Tendencies and conditions of development of large socio-economic systems management. Vestnik Samara State University of Economics. 2007;2(28):27–30. (In Russian).

Анализ рынка общественного питания Пензенской области

Кузнецова Елена Викторовна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-6863-1066, e-mail: elena_myskina@mail.ru

Стрекаловский Илья Алексеевич

Студент
ORCID 0000-0001-9096-2155, e-mail: ilyastrekalovskj@yandex.ru

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Пенза, Россия

Аннотация

Рассмотрены текущая ситуация и структура рынка общественного питания Пензенской области, выявлены лидеры рынка. Основным игроком на рынке по объему выручки и количеству точек общественного питания является сектор фастфуда. Описаны основные проблемы, с которыми столкнулись рестораторы в 2022–2023 гг. Геополитические вызовы не обошли стороной данный сектор и вызвали изменения в структуре рынка, оказали влияние на финансовые результаты и операционные процессы. Показана ретроспектива развития рынка на основе статистических данных, проведена экстраполяция тенденций на трехлетний период. Представлены результаты экспертного опроса топ-менеджеров ресторанов по проблемам, с которыми столкнулись действующие рестораторы, определены возможности для развития сектора. Наиболее существенными трудностями в операционной деятельности являются недостаток линейного персонала и изменения в экономике бизнеса, вызванные увеличением себестоимости сырья. Актуальность настоящего исследования заключается в понимании текущей ситуации на рынке и его изменений в последние годы для дальнейшего планирования действий на рынке с учетом мнения экспертов, работающих в данной области, а также трендов, которые формируются на нем.

Ключевые слова

Рынок общественного питания, Пензенская область, анализ рынка, структура рынка, трендовый анализ, возможности развития, рестораторы, общественное питание

Для цитирования: Кузнецова Е.В., Стрекаловский И.А. Анализ рынка общественного питания Пензенской области // Вестник университета. 2024. № 6. С. 136–144.

Analysis of the public catering market in the Penza region

Elena V. Kuznetsova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Informatics and General Humanitarian Sciences Department
ORCID: 0000-0002-6863-1066, e-mail: elena_myskina@mail.ru

Ilya A. Strekalovsky

Student
ORCID 0000-0001-9096-2155, e-mail: ilyastrekalovskj@yandex.ru

Penza branch of the Financial University Under the Government of the Russia Federation, Penza, Russia

Abstract

The article considers current situation and structure of the catering market in the Penza region and identifies the market leaders. The main player in the market in terms of revenue and number of catering outlets is the fast food sector. The main challenges faced by restaurateurs in 2022–2023 have been described. Geopolitical challenges have not bypassed this sector and caused changes in the market structure, influencing financial results and operational processes. The article presents a retrospective of the market development based on statistical data and extrapolates trends for a three-year period. The article presents the results of an expert survey of top restaurant managers on the problems faced by existing restaurateurs and identifies opportunities for the sector development. The most significant operational difficulties are the lack of line staff and the change in business economics caused by an increase in the raw materials cost. The relevance of the study is to understand current market situation and its changes in recent years for further planning of market actions considering the experts' opinion working in the field and trends that are emerging in the market.

Keywords

Public catering market, Penza region, market analysis, market structure in Penza, trend analysis, development opportunities, restaurants, public catering

For citation: Kuznetsova E.V., Strekalovsky I.A. (2024) Analysis of the public catering market in the Penza region. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 136–144.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы ресторанный бизнес переживает непростые времена, постоянно преодолевая сложности и адаптируясь к новым реалиям. Череда событий, которая бросает новые вызовы, началась еще в 2020 г. Работа в условиях пандемии COVID-19 и постпандемийный период научила бизнес быстро изменяться из-за наступающих угроз. В 2022 г. появилась новая сложность.

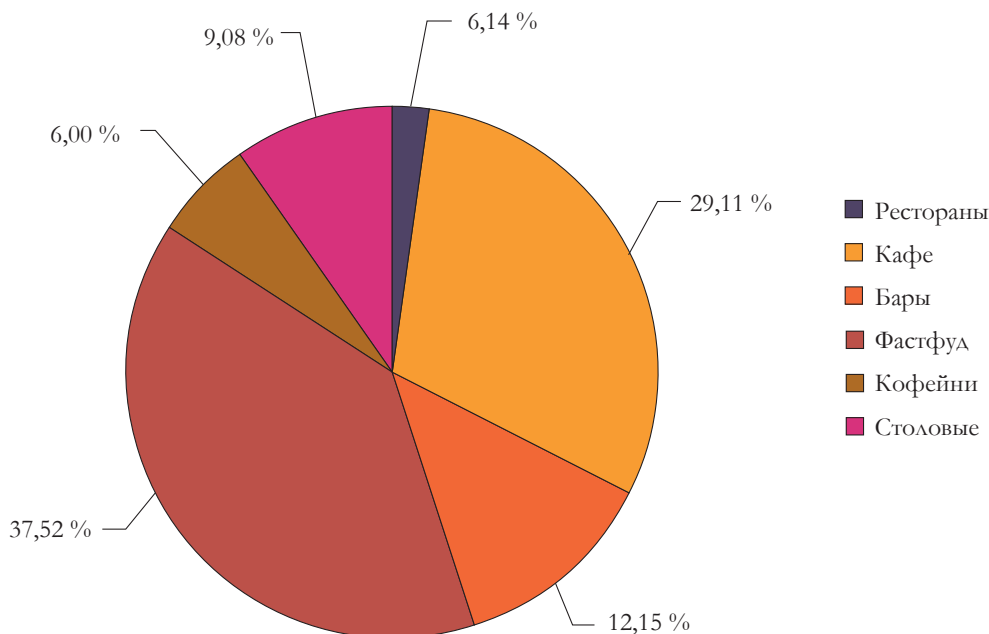
Сложная геополитическая ситуация и начало проведения специальной военной операции на Украине снова требуют гибкости от управленцев. Изменение экономической ситуации в стране затрагивает потребности людей. Некоторые иностранные компании останавливают свою деятельность в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и выводят бизнес. Меняются предпочтения и поведение потребителей. Все это влияет на условия работы на рынке общественного питания.

Постоянные изменения в сфере общественного питания, новые потребности гостей, а также изменения финансовой ситуации вызывают у рестораторов сложности в планировании своей деятельности. Представленный анализ рынка общественного питания и прогноз помогут предпринимателям и руководителям принимать верные решения для бизнеса.

АНАЛИЗ РЫНКА

В текущей экономической ситуации происходит активная трансформация ландшафта рынка и структуры конкурентной среды. В России ряд иностранных компании покинули рынок. Сеть McDonald's была передана другому оператору и сменила бренд на «Вкусно и точка». Компания Yum! Brands передала права обществу с ограниченной ответственностью «Юнирест». В настоящий момент проведен ребрендинг ресторанов быстрого питания KFC, которые стали называться Rostic's.

Рассмотрим структуру рынка общественного питания Пензенской области (рис. 1).

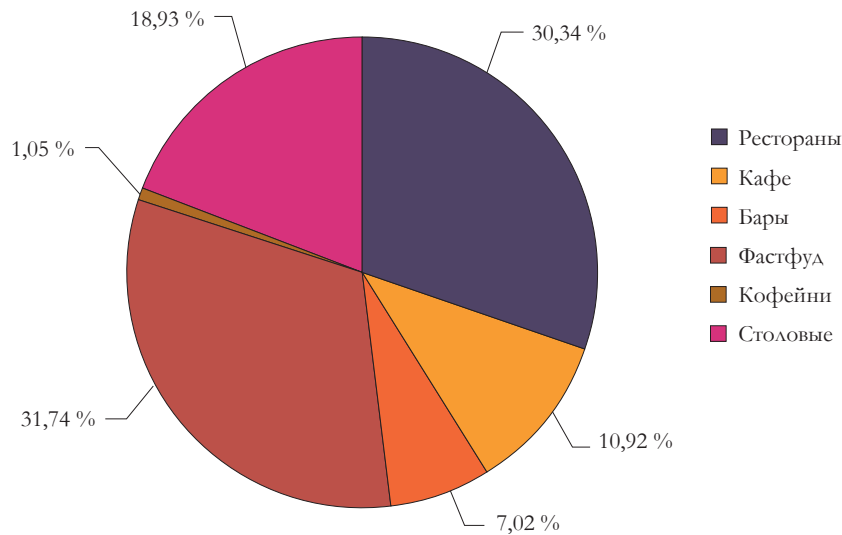
Источник¹

Рис. 1. Структура рынка общественного питания Пензенской области

Из общего количества рестораны занимают 6,14 % рынка, кафе – 29,11 %, на бары приходится 12,15 % от общего объема заведений, кофейни занимают 6 %, столовые – 9,08 %, а самую большую долю рынка занимают рестораны быстрого питания (фастфуд) – 37,52 %.

Выручка по предприятиям разделилась следующим образом: рестораны – 30,34 %, кафе – 10,92 %, бары – 7,02 %, фастфуд – 31,74 %, кофейни – 1,05 %, столовые – 18,93 % от общей выручки (рис. 2).

¹Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение Пензенской области в январе–нояле 2023 года: Режим доступа: https://58.rosstat.gov.ru/publications_electronic_versions (дата обращения: 22.03.2024).

Источник²

Рис. 2. Распределение объемов выручки среди предприятий общественного питания Пензенской области

Крупнейшими игроками рынка в секторе фастфуда и всего рынка в целом являются «Вкусно и точка», KFC и Rostic's, а также Burger King. На начало 2023 г. эти бренды в Пензенской области были представлены следующим образом: «Вкусно и точка» – три точки предприятий быстрого обслуживания, KFC и Rostic's – 11, Burger King – 3. В структуре сектора (и всех видов предприятий общественного питания) «Вкусно и точка» и Burger King занимают по 1,07 % от объема предприятий (по 0,4 % от объема всего рынка), KFC и Rostic's – 3,91 % (1,47 % от объема всего рынка). Выручка компаний за 2022 г. представлена так: «Вкусно и точка» – 5,89 %, KFC и Rostic's – 7,39 %, Burger King – 1,68 %. Доля товарооборота в секторе «Вкусно и точка» составляет 18,55 %, KFC и Rostic's – 23,27 %, Burger King – 5,31 %. Выручка этих трех компаний в 2022 г. составляет 14,8 % от общей выручки всех предприятий общественного питания Пензенской области. Бренды занимают 46,63 % оборота рынка, являясь лидерами своего сектора и рынка в общественно питания в целом.

Лидерами среди ресторанов и кафе выступает холдинг Sparc food. Он объединил в себе кафе и рестораны «Нэцкэ», Vierhaus, «Корица», «Месье Жан Поль», «Самобранка», «Два Хурма», «Мускат». Холдинг занимает 0,93 % всего рынка предприятий общественного питания Пензенской области. Рестораны занимают в своем секторе 4,35 % от объема предприятий, кафе – 2,29 %. От общего объема секторов ресторанов и кафе холдингу Sparc food принадлежит 2,65 %. Путем анализа транзакций ресторанов и кафе и средних чеков заведений был установлен объем выручки холдинга в 2022 г. – 2,61 % от общей выручки всего рынка. Ресторанам принадлежит 1,22 % от общего объема оборота рынка, 1,39 % принадлежит кафе. Стоит отметить, что рестораны и кафе проигрывают в объемах товарооборота сектору фастфуда.

Среди баров, кофеен и столовых невозможно выделить абсолютных лидеров. Также необходимо отметить, что выручка этих объектов не такая большая по сравнению с другими категориями предприятий и остается меньше выручки ресторанов и фастфуда.

Непрерывный рост товарооборота вернул рынок общественного питания на допандемийный уровень, также имеется прирост объема выручки 2022 г. и 2023 г. к выручке допандемийного периода [1]. Объем выручки за январь–июль 2023 г. имеет прирост к 2022 г. за тот же период в 131,56 %, что является самым большим приростом выручки за последние три года. Объем выручки за 2022 г. имеет прирост к 2021 г. в 111,21 %. Можно увидеть, что после череды сложных событий отрасль возвратилась на уровень товарооборота 2019 г. Выручка 2022 г. в сравнении с допандемийным 2019 г. имеет прирост в 106,3 %, а объем выручки 2021 г. по отношению к 2019 г. составляет 95,34 %. В связи с этим можно считать, что 2022 г. является переломным моментом для рынка общественного питания, когда компании смогли вернуть былой уровень продаж. Некоторые авторы отмечают, что введенные в 2022 г. в отношении РФ санкции не могли не повлиять на уровень валового внутреннего продукта, но существенного снижения его уровня не наблюдалось [2].

² Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение Пензенской области в январе–декабре 2022 года. Режим доступа: https://58.rosstat.gov.ru/publications_electronic_versions (дата обращения: 22.03.2024).

Объем выручки 2021 г. по отношению к 2020 г. составляет 114,52 %, а уровень товарооборота 2020 г. в сравнении с 2019 г. – 83,25 %. Обращая внимание на постоянный рост выручки, можно сделать вывод о том, что рынок общественного питания постоянно растет, несмотря на все происходящие в мире события. Исходя из такой динамики, можно предположить дальнейший рост рынка ресторанного бизнеса [3].

Изменения в геополитической ситуации привели к ряду санкций, что в свою очередь усложнило логистику ресторанам, которые нуждались в поставке продуктов из-за рубежа и теперь вынуждены искать местные аналоги. Это повлекло за собой потери прибыли из-за затрат на поиск новых поставщиков или на изменение меню. Общий уровень роста цен за первую половину 2022 г. привел к росту себестоимости продукции ресторанов от 5 до 12 %. Такой рост затрат очень существенный для предприятий на фоне роста прибыли лишь на 11,21 % в 2022 г. Рестораны, бары, кафе и другие виды предприятий общественного питания вынуждены постоянно искать способ оставаться с положительной прибылью. Данное явление сильно влияет на хозяйствующие субъекты, так как для некоторых предприятий рост себестоимости продукции и прочих затрат идет быстрее роста выручки, что вынуждает менеджеров экономить, а кого-то – доставать свои резервы. Такое положение дел приведет к закрытию некоторого количества точек общественного питания. Однако это явление имеет и положительный эффект: с ниши уйдут нежизнеспособные предприятия и освободится место для новых участников [4].

Точки общественного питания, которые связаны договорами экономической концессии с иностранными компаниями, переживают период ухода компаний-франчайзеров с российского рынка, передачи прав местным операторам и ребрендинг. Этот период перехода добавляет определенных проблем, связанных с управлением, использованием рекламных материалов и товарных знаков. Управляющие и топ-менеджеры находятся в «полной боевой готовности» действовать в условиях постоянных изменений и новых правил в период перехода к новому оператору и в период ребрендинга. На территории Пензенской области эта проблема затронула такие сети, как McDonald's, которые в июле 2022 г. стали сетью «Вкусно и точка», и KFC, которые в период 2023 г. изменили свой бренд на Rostic's³.

Нужно понимать, что объекты общественного питания, рестораны и кафе – не только способ поесть и утолить голод, но и получить приятные эмоции, погрузиться в атмосферу праздника и комфорта. В период проведения специальной военной операции на Украине количество гостей в ресторанах резко снизилось сразу после объявления мобилизации. Волнения и переживания, вызванные этим событием, отодвинули на второй план желание посещать рестораны, кафе и прочее, что в свою очередь привело к снижению выручек в октябре 2022 г. Гости ресторанов «замерли» в ожидании того, что произойдет, не желая тратить свои средства на сферу досуга. Однако спустя пару месяцев данная тенденция снизилась, и гости снова вернулись в рестораны.

Стоит отметить, что проведение специальной военной операции, сложная геополитическая ситуация с введением санкций против России и рост цен не отбивают желание гостей посещать точки общепита и приносить им выручку. Учитывая, что объем выручки от года к году продолжает расти, несмотря на все сложности для данного вида бизнеса, можно предположить возможности роста и развития данного рынка в Пензенской области, что дает возможность текущим компаниям развиваться, а новым игрокам – выходить на рынок [5].

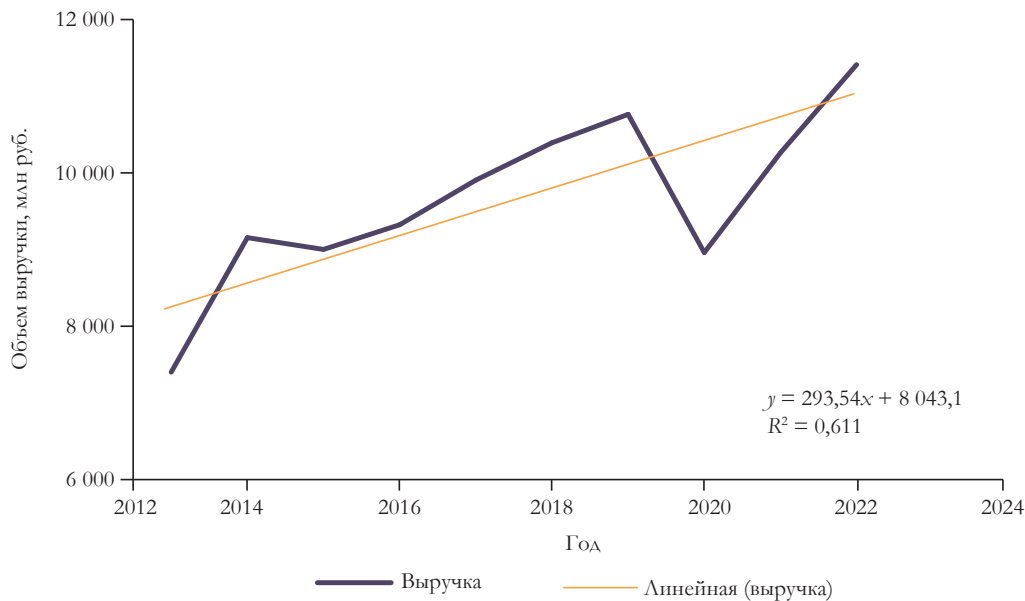
МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ НА РЫНКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Рынок общественного питания от общей суммы оборота всех предприятий Пензенской области за последние три года составляет 0,96 %. В 2022 г. показатель достиг 1,01 %, имея прирост в 0,07 % к 2021 г. и 0,09 % к 2020 г. Данный рынок в регионе совместно с гостиничным сектором занимает 13 % в структуре валового регионального продукта. Однако стоит отметить, что эта ниша имеет шанс на увеличение оборота, так как, обращая внимание на тенденции последних лет, выручки растут и объем выручки восстановился с периода пандемии 2020 г., открываются новые заведения, а гости стремятся в рестораны.

Проанализируем оборот предприятий общественного питания за последние 10 лет и составим линию тренда. Для анализа были взяты объемы выручки с 2013 г. по 2022 г., 10 периодов, где 2013 г. –

³ Оборот «Вкусно – и точка» упал на 15–20 % после открытия под новым брендом. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/16486123> (дата обращения: 22.03.2024).

1-й период, а 2022 г. – 10-й период⁴. Для построения линии тренда будем использовать табличный процессор Excel (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Линия тренда по объемам выручки на рынке общественного питания Пензенской области

На рисунке представлены график объема выручки объектов общественного питания, линия тренда, а также уравнение линии тренда. Уровень аппроксимации линии тренда для данного анализа R^2 составляет 0,611. Проведя расчеты по уравнению, можно сделать вывод о том, что выручка рынка общественного питания продолжит расти и к концу 2026 г. составит 12 152,66 млн руб., а прирост выручки за период с 2023 г. по 2026 г. – 741,26 млн руб.

Выручка рынка общественного питания продолжит расти, принося все больше прибыли владельцам предприятий, также имеется возможность выхода на рынок новых участников. Перспективными секторами для развития станут: фастфуд за счет большого спроса потребителей и вариантов концепций, рестораны и кафе, если выбрать концепцию, которой на данный момент нет на рынке, маленькие кофейни за счет низкой себестоимости напитка. Стоит отметить, что оборот рынка может стать больше, если решить основные проблемы, которые имеются на данный момент.

Основные проблемы общественного питания, которые влияют на качество работы и замедляют уровень развития предприятий – это нехватка персонала. В большинстве ресторанов штат заполнен от 75 до 90 %. Такая ситуация с сотрудниками влияет на качество сервиса, приготовление еды и выполнение других операционных процессов, что в свою очередь не дает предприятиям достичь максимальной синергии. Вторая проблема, связанная с персоналом, – отсутствие в некоторых заведениях качественного менеджмента. В сфере общественного питания менеджеры – это, как правило, люди, которые пришли на рядовые должности и со временем развивали компетенции. Однако не все способны прокачать необходимые компетенции до нужного уровня, при этом сотрудники, не готовые к управлению предприятием, занимают руководящие должности из-за нехватки персонала, что приводит к менеджерским ошибкам в управлении и снижению показателей эффективности.

Еще одна из проблем, которая влияет на развитие ресторанного бизнеса и его рост, – изменение цен на продукты. Они меняются несколько раз в год, а в последнее время – каждый месяц, что приводит к росту себестоимости и падению маржинальности блюда, а это влечет за собой уменьшение прибыли. Такая ситуация вынуждает рестораторов повышать цены на свое меню. У такого метода есть определенный потолок, потому что нельзя бесконечно поднимать цену блюд. Также владельцы бизнеса и менеджеры заведений занимаются поиском поставщиков с более низкими ценами или модернизируют меню, чтобы сохранить свой уровень дохода и не потерять гостей. Однако есть точки общепита, которые

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение Пензенской области. Режим доступа: https://58.rosstat.gov.ru/publications_electronic_versions (дата обращения: 22.03.2024).

работают по франшизе и в соответствии с договором не могут менять цену, а также менять поставщика, что приводит к трудностям, когда экономить приходится на других статьях расхода и терять прибыль [6].

Нехватка квалифицированного персонала приводит к недостаточному количеству идей при открытии новых заведений или обновлении меню. Как следствие, в такой ситуации бизнесменам и инвесторам безопаснее с точки зрения возврата вложений открывать заведения по франшизе, которые имеют уже свою собственную разработанную профессионалами модель развития, операционного управления, разработанное меню, которое будет обновляться с учетом имеющейся концепции, маркетинговых стратегий и активности. При выборе франшизы стоит обратить внимание на требование франчайзера к выбору поставщиков оборудования, продуктов и расходных материалов. Лучше выбирать те франшизы, где франчайзи может сам подобрать поставщиков, чтобы избежать ситуации с потерей выручки.

Сложившаяся геополитическая ситуация привела к ограничению выезда из страны и развитию внутреннего туризма. Потребители на отдыхе чаще пользуются услугами общественного питания, чтобы получить приятные эмоции от отдыха и попробовать вкусную еду разных направлений. На спрос рынка общественного питания влияет уровень дохода населения: чем выше заработные платы, тем больше потребители могут удовлетворить своих потребности. Для определения степени влияния различных событий на спрос на рынке общественного питания был проведен корреляционный анализ (табл. 1).

Для анализа были выбраны следующие показатели: уровень заработной платы населения Пензенской области, уровень инфляции и уровень внутреннего туризма в регион. Данные показатели были выбраны, так как они напрямую влияют на рыночный спрос.

Таблица 1

Корреляционная матрица анализа влияния экономических показателей на объем выручки субъектов рынка общественного питания Пензенской области

Выручка рынка, млн руб.	Уровень заработной платы, тыс. руб.	Уровень инфляции, %	Уровень внутреннего туризма, млн руб.
1,0000	–	–	–
0,7936	1,0000	–	–
– 0,1210	0,0703	1,0000	–
0,8515	0,7972	– 0,2545	1

Составлено авторами по материалам исследования

По результатам анализа можно сделать вывод о том, что на рост спроса и объема выручки рынка общественного питания в высокой степени влияют уровни заработной платы и внутреннего туризма. Зависимость показателей прямая, поэтому с ростом этих показателей будет увеличиваться оборот предприятий. С уровнем инфляции ситуация обратная – показатель имеет обратную зависимость: с увеличением инфляции будет происходить падение спроса на рынок, но связь этого показателя с оборотом рынка очень слабая или почти отсутствует, то есть рост инфляции будет влиять на рынок в меньшей степени [7].

АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ

Для проведения анализа мнения экспертов была составлена анкета. Анкетирование проходило в онлайн-формате с использованием Google Forms. Экспертам были заданы следующие вопросы для изучения реальной ситуации на рынке:

- 1) ожидается ли рост выручки рынка общественного питания;
- 2) является ли отрасль перспективной для развития;
- 3) какие секторы являются самими перспективными для развития;
- 4) что влияет на уровень доходов предприятий общественного питания;
- 5) с какими проблемами столкнулся рынок в настоящее время.

Все опрошенные эксперты отметили перспективность рынка общественного питания, сказав, что имеется возможность для развития у текущих участников рынка, а также существует возможный выход новых участников. 90,9 % экспертов сошлись во мнении, что ожидается рост выручки в секторе общественного питания в ближайшее время. Самым перспективным оказался сектор фастфуда – он встречался в 90 %

ответов. Эксперты могли выбирать несколько вариантов ответов. Вторым сектором, перспективным для развития, были выбраны рестораны – этот ответ встречался в 63,6 % ответов. Третьим по важности стали кафе, которые эксперты выбирали в 54,5 % случаев. Остальные заведения оказались менее перспективными. По степени привлекательности они оказались в следующем порядке: кофейни, бары, столовые.

Разработку концепции и меню лучше отдать франшизе. Данное направление оказалось более востребовано среди опрошенных, так как разработка самостоятельных концепций для заведений требует больших затрат и квалифицированных специалистов.

Самые главные проблемы, с которыми столкнулся рынок в 2023 г.: проблемы со штатом и изменение цен. На первом месте эксперты отметили уровень квалификации линейного персонала и изменение цен на продукты для ресторанов. На втором месте с небольшим отставанием были упомянуты нехватка штата и уровень квалификации менеджерского персонала. Нужно отметить, что сотрудники заведений играют большую роль в успехе заведений, так как продукт и сервис, предоставляемые в заведение, получают только с использованием человеческих ресурсов в большом количестве. Снижение мотивации персонала – еще одна сложность, с которой столкнулись рестораны. Снижение заинтересованности в работе стало причиной снижения штата и уровня квалификации работников, так как нет стимула для развития [8]. В последнее время выросли запросы гостей, появился «продуктовый экстремизм». Все чаще рестораторы сталкиваются с ситуацией, когда гость требует на все уступки менять блюдо, если он неправильно прочитал меню, сталкиваться с требованиями, которые не связаны с работой общественного питания. Сотрудникам приходится идти им на встречу, так как каждый гость – это прибыль ресторана.

Опрошенные эксперты рассказали о своем видении путей развития для точек общественного питания. Они считают, что необходимо провести работу над развитием компетенций менеджеров, предоставить обучение и курсы переподготовки в вузе, особенно это касается цифровых компетенций как линейного персонала, так и руководящего звена. Организациям и компаниям необходимо осознать это как реальность, изменить формат, начать работать в пространстве «цифры», обучить персонал работе с новыми технологиями, внедрение которых важно для развития бизнеса, ввести поощрения для сотрудников, освоивших новые технологии и компетенции [9]. Привлечение новых гостей будет стимулировать развитие новых или мало представленных в Пензенской области концепций: китайская, корейская, грузинская кухни и др. Также эксперты выступили с предложением развития своего производства продукции для ресторанов, что в условиях санкций будет иметь большой успех и даст возможность развития другому сектору экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рынок общественного питания Пензенской области стойко переживает все сложности. Виден рост выручки от года к году, несмотря на падение в период пандемии. Самым большим, перспективным, по мнению экспертов, сектором рынка стал сектор фастфуда. Лидерами в сфере остаются «Вкусно и точка» (бывший McDonald's), KFC и Burger King.

Выручки ресторанов растут, и выявленный тренд позволяет сделать прогноз, что выручка после окончания 2025 г. увеличится до 11,86 млрд руб. Если исправить имеющиеся проблемы, обучить сотрудников, наладить поставки продуктов, оборот предприятий станет больше. Эксперты сходятся во мнении, что рынок является перспективным для развития и увеличит прибыль предприятий в ближайшее время.

Важное влияние на развитие бизнеса оказывает внутренний туризм, уровень корреляции которого показывает высокую зависимость выручки рынка от уровня туризма в Пензенской области. Сотрудничество с туристическими фирмами, участие и организация гастропроектов для привлечения гостей города и области приведут к увеличению гостей в заведениях. Развитие туризма напрямую оказывает влияние на развитие данного сектора. Следовательно, руководителям стоит обратить внимание на проекты, связанные с этой областью экономики. Меньшее влияние оказывает уровень доходов населения. Руководителям необходимо также отслеживать уровень средней заработной платы и рост цен для определения платежеспособности гостей. При росте цен больше всех выигрывают заведения с низким средним чеком: фастфуд, столовые, кафе и др.

Для решения проблем с нехваткой квалифицированных кадров рестораторы могут обратиться в вузы Пензы для организации курсов переподготовки, где преподаватели вуза и практики могли бы подготовить программу обучения и реализовать ее. Данный проект может оказаться актуальным, если провести подготовку программы должным образом, опираясь на потребности работодателей. Также данный

курс может быть успешен в рамках проекта «Кадры», озвученного Президентом РФ в послании Федеральному собранию РФ.

Рынок общественного питания Пензенской области имеет перспективы развития. Если руководители заведений проведут анализ менеджмента предприятий, которыми они руководят, примут участие в смежных проектах, то мультипликационный эффект будет гораздо выше. Важность данного направления заключается в том, что отрасль в структуре валового регионального продукта совместно с гостиничным сектором занимает 13 %, а предприятия общественного питания являются лицом города для потока туристов, посещающих регион.

Список литературы

1. *Егоров Д.А.* Перспективы развития рынка общественного питания в современных условиях. Экономика и управление: проблемы, решения. 2022;5(4):19–23. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.05.04.003>
2. *Шацкий А.А.* Оценка роли внедрения цифровых технологий в российскую региональную экономику в современных условиях. E-Management. 2023;2(6):82–90. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-82-90>
3. *Куликов В.* Экономическое влияние изоляционных эпидемиологических мер на рынок общественного питания России в 2020 г. Наука и бизнес: пути развития. 2020;12(114):195–198.
4. *Воронин С.И., Рыбкина О.В., Калашникова И.А.* Маркетинговое исследование рынка: учебно-методическое пособие. Воронеж: Воронежский государственный технический университет; 2020. 129 с.
5. *Седельников В.М.* Трансформация маркетинговых стратегий на рынке общественного питания. Вестник Челябинского государственного университета. 2022;6(464):153–164. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10616>
6. *Жабина С.Б.* Маркетинг продукции и услуг. Общественное питание: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт; 2024. 264 с.
7. *Глинский В.В., Иошин В.Г., Серга А.К.* Статистика. М.: ИНФРА-М; 2021. 355 с.
8. *Гордеева Е.В., Меликян К.Т.* Роль мотивации персонала на рынке общественного питания. Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020;9(49):270–275.
9. *Грошев И.В., Коблов С.В.* Компетенции, умения и навыки руководителей и персонала в эпоху цифровой трансформации российской экономики. E-Management. 2022;3(5):117–124. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-117-124>

References

1. *Egorov D.A.* Development prospects of the catering market in modern conditions. Economics and Management. 2022;5(4):19–23. (In Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.05.04.003>
2. *Shatsky A.A.* Assessing the role of the Russian regional economy digitalization in modern conditions. E-Management. 2023;2(6):82–90. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-82-90>
3. *Kulikov V.* Economic impact of insulating epidemiological measures on the public food market of Russia in 2020. Science and Business: Development Ways. 2020;12(114):195–198. (In Russian).
4. *Voronin S.I., Rybkina O.V., Kalashnikova I.A.* Marketing research of market. Voronezh: Voronezh State Technical University; 2020. 129 p. (In Russian).
5. *Sedelnikov V.M.* Transformation of marketing strategies in the catering market. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022;6(464):153–164. (In Russian). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10616>
6. *Zhabina S.B.* Marketing of products and services. Public catering. Moscow: Yurait; 2024. 264 p. (In Russian).
7. *Glinsky V.V., Ionin V.G., Serga L.K.* Statistics. Moscow: INFRA-M; 2021. 355 p. (In Russian).
8. *Gordeeva E.V., Melikyan K.T.* Role of personnel motivation in the market of public catering. Skif. Voprosy studencheskoy nauki. 2020;9(49):270–275. (In Russian).
9. *Groshev I.V., Koblov S.V.* Competencies, skills and abilities of managers and staff in the era of the Russian economy digital transformation. E-Management. 2022;3(5):117–124. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-117-124>

Сравнительный анализ современных теоретических подходов к устойчивому развитию экономики

Лебедев Владимир Владиславович

Соискатель

ORCID: 0000-0001-8797-4956, e-mail: lebedevv11@rambler.ru

Терпугов Артем Евгеньевич

Канд. экон. наук, проректор

ORCID: 0000-0002-2528-5060, e-mail: terpugov_1@rambler.ru

¹Национальный исследовательский технологический университет МИСиС, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Проведена сравнительная оценка работ отечественных и зарубежных ученых и экономистов, изучавших теоретические подходы к устойчивому развитию экономики. Страны все больше интегрируются друг с другом, растет производительность труда, но при этом природные ресурсы используются слишком интенсивно, что приводит к загрязнению окружающей среды. В связи с этим необходимо уделять больше внимания и даже быть неспособными влиять на процессы, направленные на обеспечение стабильного экономического роста. В условиях трансформации мировых хозяйственных связей устойчивость деятельности экономических систем является ключевым элементом развития и роста национальных экономик государств. Внедрение и использование теоретических подходов в процессе изучения устойчивого развития экономики дает возможность систематизации различных свойств экономических систем в процессе анализа перспектив ее развития. Полученные результаты проведенного исследования можно использовать при проведении оценки теоретических основ, направленных на изучение устойчивого развития экономики.

Ключевые слова

Экономика, устойчивое развитие, гипотезы, коммерческая среда, анализ, теоретические подходы, сравнительный анализ

Для цитирования: Лебедев В.В., Терпугов А.Е. Сравнительный анализ современных теоретических подходов к устойчивому развитию экономики // Вестник университета. 2024. № 6. С. 145–151.

Comparative analysis of modern theoretical approaches to sustainable economic development

Vladimir V. Lebedev¹

Applicant

ORCID: 0000-0001-8797-4956, e-mail: lebedevvv11@rambler.ru

Artyom E. Terpugov²

Cand. Sci. (Econ.), Vice-Rector

ORCID: 0000-0002-2528-5060, e-mail: terpugov_1@rambler.ru

¹National Research Technological University “MISIS”, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article provides a comparative assessment of domestic and foreign scientists' and economists' works, who studied theoretical approaches to sustainable economic development. Countries are increasingly integrating with each other, labor productivity is higher, but at the same time natural resources are used too intensively, which leads to environmental pollution. In this regard, it is necessary to pay more attention and even be unable to influence the processes aimed at ensuring stable economic growth. In the conditions of world economic relations transformation, economic systems activity sustainability is a key element of development and growth of national economies of states. The introduction and use of theoretical approaches in the process of studying the sustainable development of the economy makes it possible to systematize various properties of economic systems in the process of analyzing its development prospects. The obtained results of the conducted research can be used in theoretical frameworks evaluation aimed at studying the sustainable development of economy.

Keywords

Economics, sustainable development, hypotheses, commercial environment, analysis, theoretical approaches, comparative analysis

For citation: Lebedev V.V., Terpugov A.E. (2024) Comparative analysis of modern theoretical approaches to sustainable economic development. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 145–151.

ВВЕДЕНИЕ

Отечественные ученые в последние годы существенно продвинулись в теме изучения устойчивого экономического развития производственных объединений, применения инновационной составляющей, а также инвестиционных процессов. Все это связано с внедрением, применением и использованием различных инновационных технологий, способов, приемов и др. Современная российская экономика находится на этапе повышения уровня конкурентоспособности, что связано с необходимостью совершенствования и дальнейшего развития социально-экономических систем на предприятиях и производственных комплексах, региональных систем и страны в целом. Следовательно, весь процесс сравнительного анализа современных теоретических подходов к устойчивому развитию экономики способен решить ряд проблем и задач, стоящих перед ними на современном этапе развития экономических систем. Таким образом, при изучении требуется детально провести анализ действующих его теоретических основ [1; 2].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В процессе исследования изучались труды Дж. Кобба, Дж. Кейнса, Р. Коммонса, А.Д. Урсула и др. Теоретической основой работы выступили труды следующих ученых: Л.И. Абалкина, И.А. Литвиненко, Б.К. Злобина, Е.В. Корчагиной и др.

Все исследования, которые проводятся в настоящее время в разрезе изучаемой темы, осуществляются на уровне страны, и такое понятие, как устойчивое развитие, изучено в полном объеме и имеет четко сформулированное определение, но при этом нет четкого определения этого понятия как категории [3; 4].

Актуальность настоящего исследования заключается в изучении и систематизации понятия устойчивого развития экономики в условиях трансформации экономики и формирования устойчивых экономических систем как ключевого фактора развития и роста экономики различных государств. В соответствии с этим поставлены и решены задачи по проведению оценки теоретических подходов к изучению устойчивого развития экономики.

Предметом исследования выступают организационно-экономические отношения, формирующиеся при изучении подходов устойчивого развития экономики. Объектом исследования являются различные подходы устойчивого развития экономики.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологией исследования выступили научные труды отечественных и зарубежных исследователей в области стратегического и инновационного менеджмента, теории организаций и организационного проектирования, теории инновационного развития и сетевого взаимодействия. Информационной базой послужили законодательные и нормативные акты Правительства Российской Федерации (далее – РФ, Россия), статистические данные Министерства экономического развития РФ, монографические труды отечественных и зарубежных ученых, материалы научных конференций, статьи по исследуемой проблеме.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведем анализ формулировок понятия устойчивого развития экономических систем и выделим ряд проблем, которые необходимо решить. Среди них следует выделить проблему быстрого прогресса цивилизации, приводящего к увеличению преимуществ в определенных областях и все большему сосредоточению власти в руках тех, кто обладает этими преимуществами, что создает существенные трудности для контроля и эффективного управления устойчивым развитием экономики. Также необходимо выделить группу проблем, связанных с необходимостью защиты окружающей среды при параллельном увеличении объемов производства, а также проблемы, связанные с управлением экосистемами и последствиями активности цивилизации вследствие ее прогресса и апгрейда [5; 6].

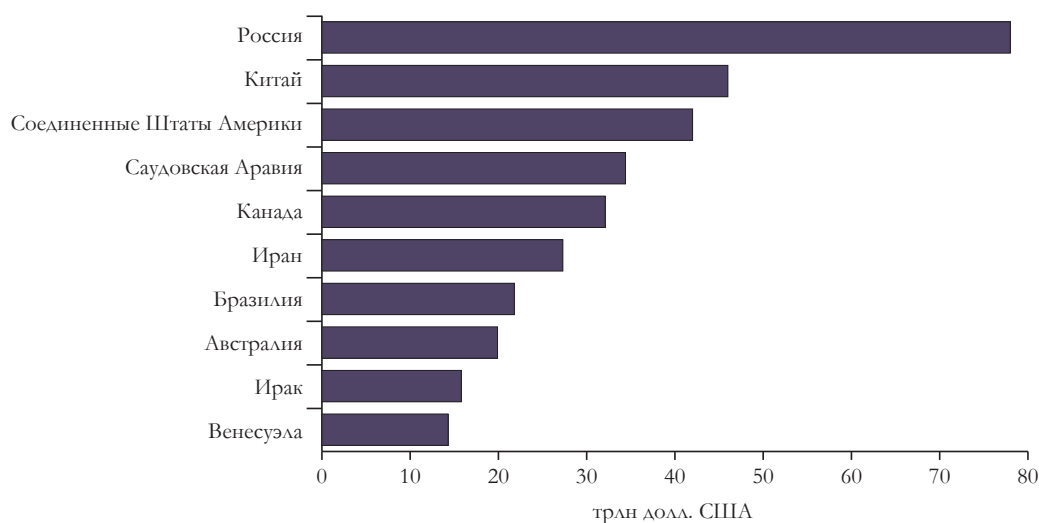
Для раскрытия структуры экономического пространства, необходимо рассмотреть его элементы, которые можно представить в двух видах: материальные и нематериальные объекты. К первым будут относиться: субъекты хозяйствования, природно-ресурсный потенциал, населенные пункты с производственными, жилыми зданиями и объектами культурного наследия, инфраструктура, домохозяйства, рынки, особые экономические и реакционные зоны и пр. К нематериальным объектам относятся: институциональная среда, экономическая конкуренция, информационные связи между субъектами хозяйствования и социально-экономические

процессы, осуществляемые в экономическом пространстве. Структура системы – совокупность элементов, представленных в строго определенной упорядоченности, предназначенных для организации социально-экономических связей в целях формирования единого экономического пространства.

В проведенном исследовании были структурированы элементы экономического пространства, осуществлена их систематизация с целью осуществления устойчивого развития экономики.

Из-за оживления экономики, роста производительности труда, распространения инновационных и интеллектуальных технологий, применения возможностей больших данных, усиления международного взаимодействия и интеграции в сфере экономики появилась необходимость создания уникальной долгосрочной стратегии управления для каждого государства. Россия – это страна, способная предложить новый путь устойчивого роста, основанный на ее уникальных характеристиках, таких как ресурсный, природный и человеческий капитал, а также геополитические преимущества, которые способствуют современному и сбалансированному развитию.

При этом в процессе изучения нами была проведена оценка ресурсного потенциала различных стран, рис. 1.

Источник¹

Рис. 1. Объемы природных ресурсов по странам мира в 2020–2023 гг.

Как видно из данных рисунка, наибольшим ресурсным потенциалом обладает Россия, что связано с тем, что у страны обширные территории, обладает значительными земельными площадями, включая лесные массивы, служащие основой для сельскохозяйственного сектора [7; 8]. Кроме того, на территории России расположены водные ресурсы объемом 4,505 млрд м³ в год. Для сравнения: в Соединенных Штатах Америки эти показатели втрое меньше. Согласно статистическим данным, этих запасов хватит нашему государству более чем на 100 лет.

Изучив работы таких исследователей, как М. Фуджита и П. Кругман, которые предложили модель «региональной модернизации», а также работы П. Ромер, развившего модель предыдущих авторов, мы схематически систематизировали основные направления теории устойчивого развития национальной экономической системы, рис. 2.

Экономическая система рассматривается как подсистема национальной экономики страны, которую можно охарактеризовать единством и тождественностью регулирования, сложными взаимоотношениями между субъектами хозяйствования и многоотраслевой структурой с определенной системой внутренних и межрегиональных связей. Как можно наблюдать по схеме на рисунке, система стремится к устойчивому развитию социальной, экономической и экологической подсистем, несмотря на внутренние и внешние воздействия.

¹Страны, обладающие самыми огромными природными ресурсами. Режим доступа: <https://politus.ru/world/849-strany-obladajuschie-samymi-ogromnymi-mirovymi-prirodnymi-resursami.html> (дата обращения: 08.04.2024).

<p>Неоклассические теории (Хоутри, Кейнс)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Модель «мобильности факторов производства» Бортса – Модель «сходимости» Уэйла, Барро, Сала – Модель «влияния факторов пространства» Зиберта – Модель «влияния социальных факторов» Холла и Джонса
<p>Теории кумулятивного роста (Шумпетер)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Модель «эффекта масштаба» Мюрдаля – Модель «полоса роста» Перру – Модель «диффузии инновации» Хегерстранда – Модель «городской агломерации» Ричардсона – Модель «потенциала рынка» Харриса
<p>Новые теории</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Модель «экономики двух регионов» Ромера – Модель «семян будущих городов» Мори – Модель «модернизации» Фуджита и Кругмана – Модель «потенциала рынка» Харриса
<p>Теория территориального распределения производства</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Теория «промышленных кластеров» Портера – Модель «цепочки добавленной стоимости» Хамфри и Шнитца – Модель «экономики обучения» Лундвала и Йонсана – Модель «мобильности факторов производства» Бортса

Составлено авторами по материалам источника [9]

Рис. 2. Основные направления теории устойчивого развития национальной экономической системы

Экономическая система представляет объективные процессы общественного производства, распределения, обмена и потребления материальных благ (услуг), а также производственных отношений. Определяя ее состав, выделим территориальные системы и подсистемы, отраслевые системы и подсистемы, функционально-компонентные системы и подсистемы [10]. Данные системы и подсистемы выделяются на основе анализа территориальных элементов общественного производства, в которые включают многосторонние, устойчивые связи и взаимоотношения, формируемые дифференцированным и локализованным размещением и развитием.

Среди основных направлений развития экономической системы, помимо ресурсной составляющей, следует выделить социальные и пространственные факторы, диффузию инноваций, городскую агломерацию, модель факторов производства и др.

Основной задачей проведенного исследования выступают системные свойства экономической системы как эмерджентного свойства, что следует учитывать при анализе ее развития на будущий период. Мы изучили эту систему на основе инновационного подхода [11]. Вследствие систематизации базовых направлений и школ теоретического развития, а также после их изучения под экономической системой понимаем способность системы оставаться целой и воспроизводимой, а также ее способность поддерживать социальное, экономическое, производственное и экологическое равновесие под воздействием внутренних и внешних факторов. Ее единство обеспечивается комплексным взаимодействием экономических, социальных и политических составляющих в разрезе определенной территории [12]. В связи с этим предлагается авторский подход формирования сферы и показателей устойчивого экономического роста за счет устойчивого экономического, экологического и социального развития; базой данной системы выступают региональная и национальные инновационные системы.

Исходя из авторской концепции развития экономической системы, упор делается на сбалансированность, устойчивость и инновационность. Именно это формирует основные направления функционирования экономики страны на современном этапе, принимая во внимание геополитическую нестабильность. При этом решается вопрос, связанный со стратегией формирования индикаторов развития экономической системы, учитывая их взаимное влияние и эффективность работы, на основе равновесия между устойчивым развитием и инновациями.

Объединяя термины «инновация» и «устойчивость», мы предлагаем ввести такое понятие, как инновационно-устойчивое сбалансированное развитие экономической системы, суть которого сводится к тому, что системой мероприятий и инструментарием региональной политики, обуславливающими создание взаимосвязанных сфер деятельности, выступают сферы инновационной политики и устойчивого развития [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование является значимым и существенным и заключается в том, что была проведена оценка теоретического подхода устойчивого экономического развития экономической системы в рамках определенных территорий. Данное обстоятельство говорит о том, что необходимо уделять внимание науке как основному источнику инновационных идей и направлений.

Для устойчивого развития экономических систем требуется сохранять равновесие и целостность, снижая и устраняя угрозы внешних и внутренних факторов, рационально используя ресурсную базу, применяя передовые технологии, прогрессивный менеджмент, а также способность к постоянному воспроизводству.

Устойчивое развитие экономической системы – это концепция экономического развития, на основе которой разрабатываются стратегии развития отдельных стран и их территориальных единиц: районов, областей, провинций, муниципалитетов и т.д. Основа запуска и функционирования данных стратегий заключается в развитии экономической системы страны в целом, которое базируется на нескольких компонентных, взаимосвязанных процессах: рациональном использовании доступных производственных ресурсов, обеспечении государственной безопасности в области производственно-экономических отношений и сотрудничества, соблюдении принципов экологической безопасности.

Предлагаемая концепция инновационно-устойчивого развития экономических систем с учетом институциональной составляющей позволяет определить стратегические тренды функционирования и развития экономической системы.

Список литературы

1. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М.: Экономика; 1993. 543 с.
2. Каммонс Дж. Институциональная экономика. История экономической мысли. 2012;3(10):69–76.
3. Урсул А.Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития. Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005;1:30–38.
4. Абрамов В.И., Асаул В.В., Вагин С.Г., Николаева К.С. Государственное регулирование инновационной активности организаций. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014;11(121):91–94.
5. Злобин Б.К. Концепция экономической устойчивости хозяйствующих систем. М.: Экономика; 2000. 450 с.
6. Корчагина Е.В. Экономическая устойчивость предприятия: виды и структура. Проблемы современной экономики. 2005;3-4(15):146–148.
7. Вагин С.Г. Тенденции и условия развития управления крупными социально-экономическими системами. Вестник Самарской государственной экономической академии. 2007;2(28):27–30.
8. Аганбеян А.Г. Опыт зарубежных стран по ускоренному социально-экономическому росту и его возможное использование для России. Стратегирование: теория и практика. 2024;1(4):1–26. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-26>
9. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ВШЭ; 2006. 496 с.
10. Чугреев А.С. Роль человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики региона. Московский экономический журнал. 2020;7:153–162. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10512>
11. Ченцова Е.П., Ченцов М.С. Особенности инновационного развития страны: опыт Китая. Вопросы инновационной экономики. 2023;4(13):1835–1854. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120104>
12. Анисимова В.Ю. Концепция управления повышением энергоэффективности на промышленных предприятиях региона в условиях его инновационного развития. Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023;3(14):16–27.
13. Белов В.И. Повышение энергоэффективности регионов России как государственная задача. Теория и практика общественного развития. 2023;12:222–227. <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.12.28>

References

1. Keynes J.M. Selected Works. Moscow: Ekonomika; 1993. 543 p. (In Russian).

2. *Commons J.* Institutional Economics. History of Economic Thought. 2012;3(10):69–76. (In Russian).
3. *Ursul A.D.* Conceptual problems of sustainable development. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Utilization and Protection of Natural Resources in Russia. 2005;1:30–38. (In Russian).
4. *Abramov V.I., Asaul V.V., Vagin S.G., Nikolaeva K.S.* State regulation of organizations' innovation activity. Vestnik Samara State University of Economics. 2014;11(121):91–94. (In Russian).
5. *Zlobin B.K.* The concept of economic sustainability of economic systems. Moscow: Ekonomika; 2000. 450 p. (In Russian).
6. *Korchagina E.V.* Economic stability of the enterprise: types and structure. Modern Economy Issues. 2005;3-4(15):146–148. (In Russian).
7. *Vagin S.G.* Tendencies and conditions of development of large socio-economic systems management. Vestnik Samara State University of Economics. 2007;2(28):27–30. (In Russian).
8. *Aganbegyan A.G.* Foreign Experience in Strategizing Accelerated Socio-Economic Development and Options for Its Application in Russia. Strategizing: Theory and Practice. 2024;1(4):1–26. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-26>
9. *Granberg A.G.* Regional economy fundamentals. Moscow: Higher School of Economics; 2006. 496 c. (In Russian).
10. *Chugreev A.S.* The role of human capital in the development of the region's digital economy. Moscow Economic Journal. 2020;7:153–162. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10512>
11. *Chentsova E.P., Chentsov M.S.* Features of the country's innovative development: China's experience. Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. 2023;4(13):1835–1854. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120104>
12. *Anisimova V.Yu.* Concept of energy efficiency improvement management at industrial enterprises of the region in the conditions of its innovative development. Vestnik of Samara University. Economics and Management. 2023;3(14):16–27. (In Russian).
13. *Belov V.I.* Improving the Energy Efficiency of Russian Regions as a State Task. Theory and Practice of Social Development. 2023;12:222–227. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.12.28>

Современное состояние международных экономических отношений между Россией и Африканскими странами

Махамат Мустафа Махамат

Аспирант

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Анализируется современное состояние международных экономических отношений между Россией и африканскими странами, выявляются их перспективы. На сегодняшний день эти отношения можно охарактеризовать как активно развивающиеся, но пока еще относительно недостаточно интенсивные. Прогресс был достигнут в последние годы, когда Россия увеличила свое присутствие на континенте через различные формы экономического сотрудничества. Одной из важных областей сотрудничества является торговля. В 2023 г. торговый оборот между Россией и африканскими странами составил около 20 млрд долл. США, что является существенным увеличением по сравнению с предыдущими годами. Однако по сравнению с другими глобальными игроками, такими как Китай, страны Европейского союза или Соединенные Штаты Америки, уровень экономического взаимодействия между Россией и африканскими странами все еще недостаточно высок. Одна из основных причин этого заключается в том, что в российском экономическом сотрудничестве с Африкой преобладает сектор энергетики, особенно поставки и инфраструктурные проекты в нефтегазовой отрасли. При этом другие секторы, такие как сельское хозяйство, производство товаров и услуг, инфраструктурные инвестиции, остаются менее развитыми. Одним из препятствий для углубления экономических отношений также является недостаток информации и образования о возможностях сотрудничества между Россией и Африкой. Также существуют трудности в обеспечении финансирования для реализации проектов, особенно для малых и средних предприятий.

Для цитирования: Махамат М.М. Современное состояние международных экономических отношений между Россией и Африканскими странами // Вестник университета. 2024. № 6. С. 152–158.

Ключевые слова

Международные экономические отношения, страны Африки, Российская Федерация, торговля, российско-африканские экономические отношения, африканские страны, международные взаимоотношения, Чад

Благодарности. Выражаю благодарность своему научному руководителю, д-ру экон. наук, проф. каф. мировой экономики и международных экономических отношений Олегу Борисовичу Аникину (Государственный университет управления, г. Москва, Россия).

The current state of international economic relations between Russia and African countries

Mustafa M. Mahamat

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0002-4130-5428, e-mail: moustaphamahamat056@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes current state of international economic relations among Russia and African countries and reveals their prospects. To date, these relations can be characterized as actively developing, but still relatively insufficiently intensive. Progress has been made in recent years, when Russia has increased its presence on the continent through various forms of economic cooperation. One important area of cooperation is trade. In 2023, trade turnover between Russia and African countries amounted to about 20 billion USD, which is a significant increase compared to previous years. However, compared to other global players such as China, European Union countries or the United States of America, economic interaction level among Russia and African countries is still not high enough. One of the main reasons for this is that Russian economic cooperation with Africa is dominated by the energy sector, especially supplies and infrastructure projects in the oil and gas industry. Meanwhile, other sectors such as agriculture, production of goods and services, and infrastructure investments remain less developed. One of the obstacles to deepening economic relations is also the lack of information and education about the opportunities for cooperation between Russia and Africa. There are also difficulties in securing financing for projects, especially for small and medium-sized enterprises.

For citation: Mahamat M.M. (2024) The current state of international economic relations between Russia and African countries. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 152–158.

Keywords

International economic relations, African countries, Russian Federation, trade, Russian-African economic relations, African countries, international relations, Chad

Acknowledgements. I'm expressing my gratitude to my scientific supervisor, Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the World Economics and International Relations Department Oleg B. Anikin (State University of Management, Moscow, Russia).

ВВЕДЕНИЕ

Африка считается макрорегионом с огромным потенциалом развития в самых разных секторах экономики. Однако заметную роль континент начнет играть примерно через 30 лет. Поскольку Российская Федерация (далее – РФ, Россия) стремится избежать международной изоляции после начала проведения специальной военной операции на Украине, расширение экономических связей в Африке приобретает все большее значение. Чем активнее Россию видят на мировой арене, тем больше Москва может создавать впечатление, что она изолирована от такого давления и что у нее все еще много друзей¹.

Учитывая экономическое развитие африканских стран, многие утверждают, что Африка не может позволить себе роскошь критиковать потенциальных экономических партнеров. В связи с этим неудивительно, что Россия активно продвигает экономические возможности для стран континента – от сырьевых секторов, таких как сельское хозяйство и углеводороды, до технологических областей, таких как энергетика, транспорт и цифровизация².

Россия мало инвестирует в Африку – на ее долю приходится менее 1 % прямых иностранных инвестиций, направляемых на континент. Это говорит об ограниченных обязательствах России перед Африкой, о чем свидетельствуют капиталовложения, предполагающие более долгосрочную отдачу. Экономические обязательства страны в основном основаны на торговле. Однако это тоже мало – всего 14 млрд долл. США (для сравнения: стоимость африканской торговли со странами Европейского союза, Китаем и Соединенными Штатами Америки составляет 295, 254 и 65 млрд долл. США соответственно). Более того, российский экспорт в Африку в 7 раз превышает уровень африканского экспорта в Россию, что отличает его от более сбалансированных торговых портфелей основных торговых партнеров стран континента. Африканский экспорт в Россию составляет всего 0,4 % от общего объема экспорта (в основном это свежие продукты) [1].

Россия экспортирует в Африку зерно, оружие, продукцию горнодобывающей промышленности и ядерную энергию. При этом более 70 % всей торговли сосредоточено всего в четырех странах – Египте, Алжире, Марокко и Южно-Африканской Республике (далее – ЮАР). Следовательно, можно ожидать, что Россия будет активно рекламировать свои экономические обязательства в Африке.

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АФРИКОЙ

Африка зависит от России в плане поставок зерна на 30 %. Почти все это (95 %) – пшеница (11,9 т) стоимостью 3,3 млрд долл. США. 80 % этого экспорта пшеницы идет в Северную Африку (Алжир, Египет, Ливию, Марокко и Тунис), а также в Нигерию, Эфиопию, Судан и ЮАР. Континент в настоящее время зависит от импорта для удовлетворения 63 % своих потребностей в пшенице, и ожидается, что это число будет увеличиваться по мере роста его населения [2]. Учитывая шок цен на продовольствие, вызванный сбоем поставок из России, ключевой вопрос будет заключаться в том, позволят ли эти африканские страны снова стать настолько зависимыми от одного поставщика.

Россия также является ведущим продавцом оружия в Африку, контролируя половину рынка. Отечественное оружие продается в 14 африканских стран, и на Алжир, Египет и Анголу приходится 94 % стоимости продаж оружия в регионе.

Одновременно страна имеет интерес к инвестициям в африканскую нефть и газ. Однако большинство из этих проектов так и не были реализованы. Это заставило некоторых африканских аналитиков предположить, что настоящая цель России состоит в том, чтобы не допустить попадания африканской нефти и газа на мировой рынок и сократить долю рынка России [3].

Россия также продвигает строительство атомных электростанций на континенте. В 2020 г. государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» организовала получение кредита в размере 25 млрд долл. США для начала строительства первой в Египте атомной электростанции мощностью 4,8 тыс. МВт в Эль-Дабаа. Общая стоимость завода составляет 60 млрд долл. США. «Росатом» подписал соглашения о сотрудничестве еще с 17 африканскими правительствами, включая Эфиопию, Нигерию,

¹ Чего ждать от российско-африканских экономических отношений. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62dde8cb9a7947ad9188db4b> (дата обращения: 27.04.2024).

² Исаев Л.О. Российское «возвращение в Африку»: неожиданность или закономерность? Режим доступа: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskoe-vozhvrashchenie-v-afriku-neozhidannost-ili-zakonornost/> (дата обращения: 27.04.2024).

Руанду и Замбию. Учитывая их стоимость, эти ядерные сделки не рассматриваются как жизнеспособные для большинства африканских стран. Однако огромные расходы на эти проекты создают широкие возможности для взяточничества, создавая политические стимулы для высокопоставленных кремлевских и африканских правительственных чиновников.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АФРИКОЙ

Можно рассчитывать на то, что Россия расширит свои экономические связи с Африкой, даже если они будут скромными. В верхней части списка находится Северная Африка, учитывая геостратегическое значение этого региона для Москвы. Еще одним приоритетом станут влиятельные африканские страны, которые, по мнению России, могут быть втянуты в ее орбиту. К ним относятся Эфиопия, ЮАР, Нигерия, Сенегал, Демократическая Республика Конго и Уганда. Эфиопия, например, находится в поле зрения Москвы, поскольку Россия пытается использовать критику Запада в отношении предполагаемых нарушений прав человека в Эфиопии в результате конфликта в Тыграе. Однако, учитывая необходимость восстановления страны, жизненно важное значение будут иметь внешние инвестиции, с которыми русские не могут помочь.

Россия также попытается углубить свои связи с другим членом межгосударственного объединения БРИКС+ ЮАР. Южноафриканское правительство старается охарактеризовать специальную военную операцию в Украине на условиях Москвы. Ощущаемые политические выгоды от более глубоких связей могут привести к усиленному восхвалению экономической деятельности России в стране, даже если это экономически нецелесообразно. Между тем все пять крупнейших источников прямых инвестиций в ЮАР приходятся на Запад.

В Уганде правительство согласилось обменять российскую военную и пропагандистскую помощь на передачу российских сообщений о специальной операции на Украине и других глобальных проблемах на государственном телевидении страны.

В своем недавнем отчете, озаглавленном «Стратегические направления России в отношении Африки: анализ в свете Второго российско-африканского экономического саммита», Центр исследований и разработок «Аль-Муашир» освещает эволюцию российской внешней дипломатии с момента прихода В.В. Путина к власти. В основе этой трансформации лежит внешняя политика Москвы, облеченная в острый реализм, тесно связанный с мировой динамикой и суверенными интересами России³.

Именно в этом контексте первый и второй саммиты «Россия–Африка» стали одним из центральных вопросов, вызывающих озабоченность России в отношении континента. Аналитики отмечают, что в этот период стал заметен реалистичный подход, характерный для внешней политики России, который основывался на международных политических движениях и национальных целях страны.

На втором российско-африканском саммите, проходившем в Санкт-Петербурге 27–28 июля 2023 г., присутствовали 49 африканских стран, 27 из которых были представлены их наиболее видными лидерами, а также представители пяти основных интеграционных организаций континента. Это свидетельствует о высоком уровне доверия, оказанном африканским странам в Кремле, несмотря на давление со стороны Запада с целью бойкотировать это мероприятие⁴.

Масштабы этого успеха проявляются, в частности, в цифрах. На этом историческом саммите собрались около 1 тыс. представителей иностранных компаний, более 2 тыс. российских представителей, а также 1,1 тыс. официальных делегатов и более 750 российских делегаций, как говорится в документе.

Кроме того, было подписано не менее 161 соглашения, охватывающих ключевые области для будущего наций. Эти соглашения охватывают такие важные темы, как координация внешней политики, расширение торговли и инвестиций, а также совместное промышленное сотрудничество. Одновременно были заключены пакты и соглашения о расширении сотрудничества в области международной информационной безопасности и борьбы с терроризмом.

По данным Центра, хотя второй российско-африканский саммит некоторыми международными аналитиками воспринимается как этап международного и регионального соревнования в Африке, стратегические взгляды обеих сторон на развитие отношений вырисовываются четко. Уточняется, что

³ Zaina Jnina. Réconciliation géopolitique: L'évolution des relations entre la Russie et l'Afrique. Режим доступа: <https://fr.hespress.com/326805-reconciliation-geopolitique-levolution-des-relations-entre-la-russie-et-lafrique.html> (дата обращения: 27.04.2024).

⁴ Там же.

с упором на приоритеты сотрудничества на ближайшие десятилетия XXI в. эти отношения строятся на прочном фундаменте, основанном на общих интересах, – это перспектива, укрепляющая основу для взаимовыгодного и конкретного сотрудничества⁵.

Возвращение Москвы в Африку обусловлено несколькими факторами. Из них идеологический элемент кажется наименее определяющим, в то время как экономический и военный факторы – более преобладающими. «Хотя политический фактор присутствует, его основное геополитическое влияние на Россию в регионе остается относительно ограниченным. Эта реальность отражена в принятии Россией политики нейтралитета в африканских конфликтах», – добавляют эксперты⁶.

Что касается позиции Марокко, то после королевского визита в Москву в 2016 г. страна стремилась диверсифицировать своих международных партнеров, исследуя несколько мировых рынков. Это направление было четко проиллюстрировано прочностью и надежностью отношений между Москвой и Рабатом, особенно после недавних заявлений России, в которых Марокко был провозглашен третьим партнером России на африканском континенте. Это свидетельствует об успехе страны в поддержании сбалансированных отношений с основными мировыми коалициями. Такая прочность связей отражает приверженность Москвы позитивному нейтралитету в вопросе марокканской Сахары – позиции, которой придерживаются, избегая приглашения на саммит сепаратистских ополченцев Полисарио. Этот шаг можно рассматривать как одно из ключевых преимуществ участия Марокко в этом мероприятии, заключают аналитики [4].

В зерновой войне Россия стремится успокоить Африку. «Так называемый продовольственный кризис, который до сих пор бесстыдно приписывают России, – это ложная история», – заявил министр иностранных дел России С.В. Лавров в воскресенье, 24 июля 2022 г., в Каире, Египет, перед представителями стран Лиги арабских государств.

По данным The New York Times, с начала проведения специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. цены на зерно и масла резко выросли, нанеся серьезный удар по африканскому континенту, который импортирует более 40 % своей пшеницы из России и Украины. По данным Организации Объединенных Наций, цены на продукты питания подскочили на 23 % по сравнению с прошлым годом, 345 млн чел. во всем мире страдают от острого отсутствия продовольственной безопасности⁷.

Европейские лидеры обвиняют Москву в преднамеренном провоцировании мирового продовольственного кризиса путем разрушения сельскохозяйственной инфраструктуры, блокирования экспорта пшеницы и захвата украинского зерна. «Как будто продовольственный кризис начался в тот день, когда мы начали нашу специальную военную операцию на Украине», – возмущается глава российской дипломатии во время дипломатического турне по Африке, утверждая, что «кризис усугубляется незаконными западными санкциями против России».

Перед продолжением своего дипломатического турне по Эфиопии, Уганде и Республике Конго С.В. Лавров хотел заверить своих арабских партнеров в соглашении, подписанном между Москвой и Киевом 23 июля в Стамбуле, предусматривающем «безопасные коридоры» для движения торговых судов в Черном море. Эти коридоры должны позволить экспортировать от 20 до 25 млн т зерна, заблокированного на Украине, и облегчить экспорт российской сельскохозяйственной продукции [5].

Зависимые от российского зерна или оружия, многие африканские страны не заняли никакой позиции по конфликту на Украине. «На самом деле мы не участвуем в дебатах о том, кто неправ, а кто прав: мы просто хотим иметь доступ к зерну и удобрениям», – заявил Маки Салл, президент Сенегала и Африканского союза (далее – АС), в интервью миру [5].

Тем не менее это заявленное неприсоединение АС является неясным или даже двусмысленным. В течение нескольких месяцев президент Украины В.А. Зеленский требовал выступления перед главами африканских государств, которое постоянно откладывалось. В конечном итоге оно состоялось в конце июня 2022 г., но не вызвало особого интереса. Несколько недель ранее Маки Салл, а также Мусса Факи, председатель комиссии АС, отправились в Сочи, чтобы встретиться с В.В. Путиным.

Думать, что страны Юга сплотились бы на стороне Украины, значит «недооценивать масштабы антизападного негодования, возмущения тем, что они считают двойными стандартами, выживание связей, сложившихся в советское время, и растущее недовольство», – отмечает политолог Жан-Франсуа Байар,

⁵ Zaina Jnina. Réconciliation géopolitique: L'évolution des relations entre la Russie et l'Afrique. Режим доступа: <https://fr.hespress.com/326805-reconciliation-geopolitique-levolution-des-relations-entre-la-russie-et-lafrique.html> (дата обращения: 27.04.2024).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

работающий в газете «Ле Монд» [5]. Таким образом, эти неприсоединившиеся страны, привлеченные идеей многополярного мира, стали одной из главных целей кремлевской пропаганды.

Однако по сравнению с другими глобальными игроками, такими как Китай, страны Европейского союза или Соединенные Штаты Америки, уровень экономического взаимодействия между Россией и африканскими странами все еще недостаточно высок. Одна из основных причин этого заключается в том, что в российском экономическом сотрудничестве с Африкой преобладает сектор энергетики, особенно поставки и инфраструктурные проекты в нефтегазовой отрасли. При этом другие секторы, такие как сельское хозяйство, производство товаров и услуг, инфраструктурные инвестиции, остаются менее развитыми.

ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АФРИКОЙ

Одним из препятствий для углубления экономических отношений также является недостаток информации и образования о возможностях сотрудничества между Россией и Африкой. Многие российские компании имеют ограниченные знания о рынке и не знают о потенциале сотрудничества в различных отраслях. Также существуют сложности в обеспечении финансирования для реализации проектов, особенно для малых и средних предприятий.

Однако, несмотря на эти препятствия, российское правительство и ряд организаций активно работают над укреплением экономического сотрудничества с африканскими странами. В 2019 г. в Сочи состоялся первый российско-африканский саммит, который привлек внимание общественности и деловых кругов. В ходе саммита было подписано множество соглашений и меморандумов о взаимопонимании в различных отраслях, а также были усилены политические и дипломатические связи.

Российский бизнес также проявляет интерес к африканскому рынку и ищет новые возможности для развития. Крупные российские компании, такие как «Роснефть», «Ростех», «Газпром», и некоторые малые и средние предприятия уже активно работают в Африке. Интересные рынки для российских компаний включают не только сектор нефтегазовой отрасли, но и энергетику, сельское хозяйство, медицину и туризм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В то время как экономические обещания России в Африке кажутся недостаточными, политические стимулы для участия государства и некоторых африканских правительств сильны. Современное состояние международных экономических отношений между Россией и африканскими странами находится в процессе активного развития, но еще существует потенциал для дальнейшего укрепления и расширения сотрудничества в различных отраслях экономики. Однако это требует дальнейших усилий, включая увеличение информированности и образования о возможностях сотрудничества, обеспечение финансирования и создание благоприятных условий для российских и африканских компаний. В этом нам видятся направления перспективных исследований.

Список литературы

1. *Корендясов Е.Н.* Российско-африканские отношения на новом старте». Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016;2:203–214.
2. *Arkhangelskaya A.* Images and Prospects of BRICS in Africa. Document de conférence présenté lors du Congreso Iberico de Estudios Africanos. Madrid; 2012. 383 p.
3. *Юрик Н.Н.* Африка и Россия: что дальше? Молодой ученый. 2020;13(303):188–191.
4. *Arquimedes João F. Varimelo.* La décentralisation en Angola et au Mozambique: Du discours à la consécration juridique. Droit. Université de Bordeaux; 2017. 214 p.
5. *MAEFR.* Russia Making the Transfer to the AU Peace Fund. Ministère des Affaires étrangères, Fédération de Russie, Moscou; 2013. 257 p.

References

1. *Korendyasov E.N.* Russian-African relations at a new start. Vestnik RUDN. Series: International Relations. 2016;2:203–214. (In Russian).

2. *Arkhangel'skaya A.* Images and Prospects of BRICS in Africa. Document de conférence présenté lors du Congreso Iberico de Estudios Africanos. Madrid; 2012. 383 p.
3. *Yurik N.N.* Africa and Russia: what's next? *Molodoi uchenyi.* 2020;13(303):188–191. (In Russian).
4. *Arquimedes João F. Varimelo.* La décentralisation en Angola et au Mozambique: Du discours à la consécration juridique. Droit. Université de Bordeaux; 2017. 214 p.
5. *MAEFR.* Russia Making the Transfer to the AU Peace Fund. Ministère des Affaires étrangères, Fédération de Russie, Moscou; 2013. 257 p.

Влияние прибыльности в продовольственной сфере на здоровье

Сергеев Леонид Иванович¹

Д-р экон. наук, профессор, зав. каф. экономической теории и инструментальных методов
ORCID: 0000-0001-7092-125X, e-mail: doc_sergeevli@mail.ru

Сергеев Дмитрий Леонидович²

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления
ORCID: 0000-0001-8012-115X, e-mail: sergeevd@mail.ru

¹Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия

²Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Калининград, Россия

Аннотация

Целью настоящего исследования является разработка теоретических положений зависимости общего интегрированного состояния здоровья населения от суммарного совокупного показателя прибыли продовольственного бизнеса. Предметом исследования выступает механизм взаимосвязи состояния здоровья и прибыльности продовольственного бизнеса. Рассмотрен ряд литературных источников, посвященных обобщению состояния здоровья и экономическому развитию страны. Доказана теоретическая зависимость интегрального показателя состояния здоровья от общей совокупной нормы суммарной прибыли агропромышленного комплекса, пищевой промышленности и ритейла. Изучены варианты изменения состояния здоровья при различных параметрах его параболической зависимости от совокупной прибыльности продовольственного бизнеса. Представлен и проанализирован условный численный пример зависимости в форме кубической параболы состояния здоровья от изменения суммарной совокупной нормы прибыли продовольственного бизнеса. Главной задачей установления и достижения показателей состояния здоровья (генеральная цель) является не только рыночное, но и государственное обеспечение соответствующими параметрами. Доказано, что рост прибыльности (рентабельности) продажи продуктов питания влияет на изменение состояние здоровья населения в части расстройства питания и нарушения обмена веществ.

Ключевые слова

Состояние здоровья, прибыльность продовольственного бизнеса, кубическая параболла, зависимость здоровья, пищевая продукция, качество продуктов питания, максимально возможный уровня состояния здоровья

Для цитирования: Сергеев Л.И., Сергеев Д.Л. Влияние прибыльности в продовольственной сфере на здоровье // Вестник университета. 2024. № 6. С. 159–170.

Profitability impact on health in the food sector

Leonid I. Sergeev¹

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economic Theory and Instrumental Methods Department
ORCID: 0000-0001-7092-125X, e-mail: doc_sergeevli@mail.ru

Dmitry L. Sergeev²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the State and Municipal Management Department
ORCID: 0000-0001-8012-115X, e-mail: sergeevd@mail.ru

¹Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

²Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia

Abstract

The purpose of the study is to develop theoretical provisions on the dependence of population's general integrated health status on the total aggregate profit indicator of the food business. The subject of the study is the mechanism of the relationship between health state and food business profitability. A number of literary sources devoted to the generalization of health state and economic development of the country have been considered. The theoretical dependence of the health status integral indicator on the total cumulative rate of total profit of the agro-industrial complex, food industry, and retail has been proved. The variants of changing health state with different parameters of its parabolic dependence on the food business total profitability have been studied. A conditional numerical example of health state dependence in the form of a cubic parabola on changes in the total cumulative profit margin of food business has been presented and analyzed. Main task of establishing and achieving health indicators (general goal) is not only market, but also state provision of appropriate parameters. It has been proven that the food sales profitability growth affects changes in population's health status in terms of eating and metabolic disorders.

Keywords

Health status, food business profitability, cubic parabola, health dependence, food products, food quality, highest possible level of health

For citation: Sergeev L.I., Sergeev D.L. (2024) Profitability impact on health in the food sector. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 159–170.

ВВЕДЕНИЕ

В системе обеспечения продовольственной безопасности в процессе употребления продуктов питания имеет важное значение согласование экономических интересов производителей продовольствия и состояния здоровья населения. Экономические интересы производителей и продавцов пищевых продуктов – это максимизация прибыли от их продажи. Интересы населения – это поддержание на должном уровне и укрепление состояния здоровья при употреблении качественных пищевых продуктов, а также сохранение экологической обстановки территорий. Согласование данных интересов является сложной научно-прикладной задачей, которая ежедневно решается на всех рынках производства и продажи пищевой продовольственной продукции.

Гипотеза исследования заключается в том, что рост прибыльности (рентабельности) продажи продуктов питания влияет на изменение состояние здоровья населения в части расстройства питания и нарушения обмена веществ.

ОЦЕНКА ФАКТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СФЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Учитывая значительное количество производителей и поставщиков пищевой продукции (агропромышленный комплекс (далее – АПК), рыболовство, пищевая промышленность, транспорт, торговля и др.), можно по принципу «от общего к частному» рассмотреть суммарную совокупную прибыль всех производителей и общее интегральное состояние здоровья населения страны. Под «общим» относительно состояния здоровья нации понимается интегрированный показатель, объединяющий продолжительность жизни, экономическое долголетие, состояние здравоохранения, смертность населения и др. Относительно совокупной прибыли под термином «общее» понимается суммарная величина результатов безубыточной деятельности всех отраслей хозяйства, обеспечивающих производство и продажу продуктов питания (АПК, рыбная отрасль, пищевая промышленность, транспорт, торговля и др.). Под «частным» в дальнейшем следует понимать дифференциацию общих показателей по отдельным составляющим: здоровье отдельных групп населения (по возрасту, полу, местам расселения и др.), прибыль (по отдельным отраслям – АПК, рыбная отрасль, пищевая промышленность, транспорт, торговля продовольственными товарами и др.)

Проблемам экономической безопасности в отношении укрепления здоровья населения посвящено довольно значительное количество публикаций. В проекте Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 г. предусмотрен специальный раздел «обеспечение доступности здорового питания», который охватывает соответствующие организационные меры предоставления населению качественных пищевых продуктов¹. В докладе отмечается, что рациональное питание – это основа здоровья населения². При этом обобщаются формы повышения доступности продуктов питания для населения исходя из возможностей его покупательной способности.

Понимание экономической безопасности в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) как официальная доктрина и альтернативные подходы рассматривается в статье Л.И. Цедилина, где подчеркивается проблемность и поднимаются вопросы укрепления здоровья как важнейшего элемента жизнедеятельности общества [1]. Следует отметить работу академика Л.И. Абалкина, в которой детально рассматривается экономическая безопасность России в разрезе угроз и их отражение, включая здоровье населения [2]. Уделяется значительное место исследованию проблем состояния здоровья населения академиком С.Ю. Глазьевым в рамках оценки предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использования в управлении социально-экономическим развитием, а также рассмотрению экономической безопасности России в аспекте угроз и их отражения [3–5].

Качество продуктов питания и риски безопасности национального здоровья населения России обобщаются в статье В.А. Бандурина, где подчеркивается, что продукты питания являются основой жизни и здоровья людей [6]. Рост народонаселения вызвал необходимость постоянного увеличения производства пищевых продуктов на основе интенсивного роста сельского хозяйства, который произошел

¹ Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года. Режим доступа: <https://gnicpm.ru/wp-content/uploads/2020/01/strategyzoch-2025.pdf?ysclid=llb522f7mx993427420> (дата обращения: 05.05.2024).

² Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2022 году: Государственный доклад. Режим доступа: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=25077 (дата обращения: 05.05.2024).

за счет применения удобрений, достижений химии и биологической науки. Многие сельскохозяйственные культуры оказались генномодифицированными, что изменило их природную основу и содержание, создав угрозу и риски безопасности здоровью людей. Следовательно, изучение проблем качества продуктов питания является важной задачей укрепления здоровья населения.

Е.И. Медведева и С.В. Кропилин исследуют вопросы и проблемы генетически модифицированных организмов в продуктах питания, а также продовольственной безопасности, оценивают их влияние на здоровье нации [7].

Г.Д. Щербаков осуществил обзор установления прямой взаимосвязи между качеством потребляемых продуктов питания и состоянием здоровья населения, отраженной в научной литературе [8]. Подчеркнуто, что влияние качества продуктов питания на уровень здоровья нации становится все более очевидным в последние десятилетия с развитием новых пищевых технологий и изменениями на мировом продовольственном рынке, а также введением новых стандартов в отношении пищевой продукции. Это требует углубления приоритетных направлений деятельности государства по улучшению качества продуктов питания в целях сохранения и восстановления генофонда нации как стратегического ресурса РФ.

В статье С.М. Баскакова представлено продолжение авторского цикла работ, посвященных исследованию сущности и содержания продовольственного обеспечения как экономической категории [9]. В исследовании показан первичный характер термина «продовольственное обеспечение» по отношению к другим дефинициям, используемым авторами при раскрытии продовольственной проблематики.

Значительное место анализу развития человеческого потенциала по каждой стране уделяется в Отчете по человеческому развитию, издаваемому ежегодно Программой развития Организации Объединенных Наций, где обобщаются показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении (годы), индекс многомерной бедности (%), индекс доходов, валовой национальный доход на душу населения в пересчете на паритет покупательной способности, значение индекса человеческого развития (ИРЧП) без учета доходов. Отчеты по человеческому развитию обобщают в страновом разрезе результативность обеспечения сохранения здоровья в различных условиях функционирования национальных экономик.

Особенности продовольственного сектора и его функции в экономике страны рассматриваются в статьях А.В. Томковича, М.Г. Побегайло, К.М. Дибуриса [10; 11]. Положения данных исследований подчеркивают важность обеспечения необходимого уровня безопасности здоровья как важного элемента экономического развития страны.

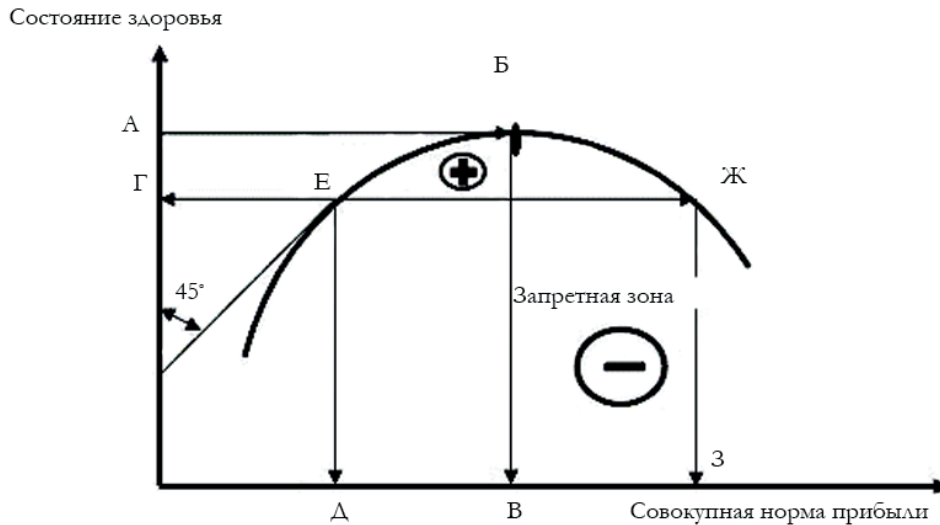
МОДЕЛИРОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Логика зависимости общего состояния здоровья населения от совокупной нормы прибыли производства и продажи пищевых продуктов укрупненно может быть представлена как восходящая, а затем нисходящая кривая линия в форме параболы, которая имеет оптимальное статическое значение в переломной точке Б (вершина параболы) (рис. 1). Форма направления правой ветви параболы вниз объясняется знаменитым высказыванием К. Маркса: «Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [12, стр. 770]. Таким образом, чем больше процент прибыли, к которой стремится бизнес, тем меньше производитель (сейчас частный капитал) пищевых продуктов будет заботиться о здоровье потребителей этой продукции.

До переломной точки Б рост состояния здоровья объясняется увеличением совокупной нормы прибыли, которая стимулируется всеми формами государственного и корпоративного регулирования для увеличения экономической результативности работы предприятий при производстве качественных продуктов питания с целью увеличения продолжительности жизни, сохранения здоровья и улучшения экологии. Достижению состояния здоровья до максимального уровня (точка А) соответствует статическое оптимальное согласованное значение совокупной суммарной нормы прибыли предприятий АПК, пищевой промышленности и продуктового ритейла (точка В).

Точку Б (вершина параболы), которая является следствием требований генеральной цели достижения необходимого состояния крепкого здоровья людей (точка А), следует считать целевой установкой для совокупной нормы прибыли предприятий АПК, пищевой промышленности и продуктового ритейла (точка В). Движение по направлению траектории точек А–Б–В, исходя из генеральной цели достижения

необходимого состояния крепкого здоровья населения, является фундаментальной установкой для размера совокупной суммарной нормы прибыли предприятий АПК, пищевой промышленности и продуктового ритейла (точка В). Дальнейшее наращивание совокупной нормы прибыли приводит к ухудшению состояния здоровья населения при потреблении продуктов питания.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Зависимость состояния здоровья от совокупной нормы прибыли АПК, пищевой промышленности и пищевого ритейла

После достижения максимально возможного уровня состояния здоровья дальнейшее увеличение нормы совокупной прибыли предприятий АПК, пищевой промышленности и ритейла может достигаться за счет снижения качества и безопасности пищевой продукции, «экономии» на расходах, включаемых в себестоимость продукции, что выгодно бизнесу, но вредит здоровью и должно пресекаться органами власти. При этом средний уровень состояния здоровья (точки Г и Ж) может быть в условиях как средней, так и максимальной совокупной нормы прибыли АПК, пищевой промышленности и ритейла. При этом совокупная норма прибыли при одинаковой величине состояния здоровья при переходе от точки Е к точке Ж значительно выше (параметр точки З больше значения точки Д). Это говорит о некоторой условности грани между соотношением совокупной прибыли и состоянием здоровья населения. Небольшие изменения состояния здоровья приводят к значительным изменениям совокупной прибыли, что зачастую является причиной нарушений в изготовлении и продаже некачественной или опасной для жизни человека продукции (к примеру, просроченные продукты питания).

Правая от оптимальной величины состояния здоровья сторона (площадь) его логической зависимости от совокупной нормы прибыли должна пресекаться государством и специальными органами управления, для чего созданы и функционируют соответствующие надзорные и правоохранительные структуры (вся площадь под кривой отмечена знаком «—»). Диапазоны этой величины получения совокупной суммарной нормы прибыли предприятий АПК, пищевой промышленности и ритейла являются запретной зоной, которая ухудшает состояние здоровья населения страны. Стремление бизнеса к увеличению совокупной нормы прибыли в запретной зоне должно быть вне закона и пресекаться с целью сохранения здоровья населения при потреблении продуктов.

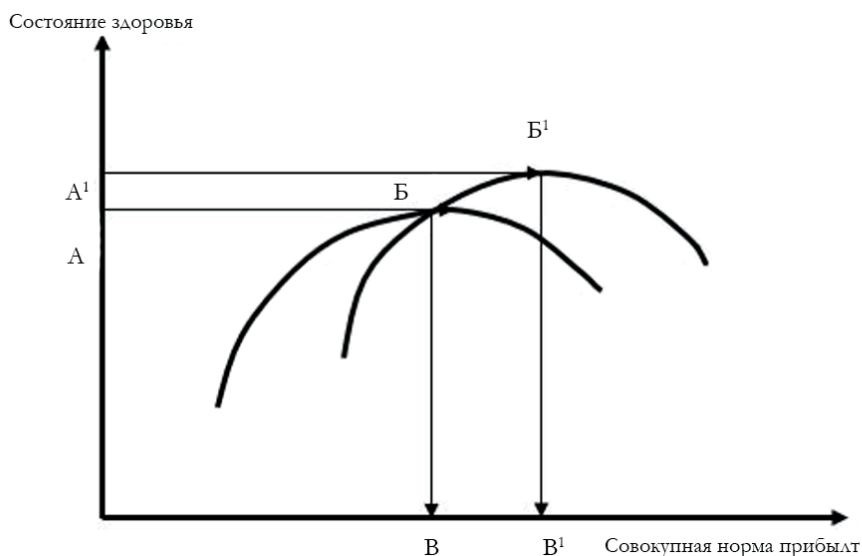
Следует особо отметить точку Е на рассматриваемом рисунке параболы. Она определяется точкой касания прямой линии под углом в 45 градусов к осям на графике. Эта точка характеризуется одинаковой степенью динамики прироста как состояния здоровья, так и совокупной прибыли производства и продажи продуктов питания. Выше этой точки находится прирост состояния здоровья меньше прироста совокупной прибыли, а ниже – прирост состояния здоровья больше, чем прирост совокупной прибыли. С одной стороны, эта точка является динамическим оптимальным значением соотношения интересов бизнеса (АПК, пищевая отрасль и ритейл) и состояния здоровья. С другой стороны, генеральная цель улучшения состояния здоровья населения требует достижения его статического оптимального значения (точка А).

Движение по параболе от точки Г до точки А требует наличия увеличения прироста совокупной нормы прибыли над приростом улучшения состояния здоровья населения. Это характеризует определенную дороговизну хорошего крепкого здоровья и требует внимательного отношения к регулированию экономических процессов, которые формируют здоровое безопасное питание для населения. Такая ситуация является, на наш взгляд, наиболее предпочтительной в системе состояния и развития социально-экономического комплекса страны, где согласуются интересы обеспечения здоровья населения и бизнес-процессов, формирующих качественные пищевые продукты (площадь под кривой до пересечения с линией между точками Г и Ж отмечена знаком «+»).

Любое отклонение от точки Б на рассмотренном графике должно быть причиной принятия мер реагирования со стороны как органов власти, так и бизнеса на необходимость возвращения процессов производства и обращения продуктов питания к оптимальному статическому состоянию, которое дает достижение и обеспечение целевого показателя крепкого здоровья населения в результате потребления продуктов (точка А).

Определенную сложность в процессе анализа и прогнозирования зависимости состояния здоровья населения от совокупной нормы прибыли производителей имеет согласование интересов отдельных производителей и поставщиков в последовательной цепочке создания продуктов питания. Основные игроки на рынке пищевой продукции – АПК, рыбная отрасль, пищевая промышленность, транспорт, торговля, общественное питание – имеют свои интересы получения прибыли, которые согласовывает рынок обращения и продаж пищевой продукции. Совокупная суммарная прибыль всей последовательной цепочки участников должна иметь определенную нормативную величину. Рыночное согласование цен (отсюда и прибыли) и их государственное регулирование (при необходимости) являются самостоятельными задачами в рамках достижения и выполнения генеральной целевой установки повышения уровня и обеспечения заданного состояния здоровья населения.

Повышения уровня состояния здоровья можно добиваться путем перемещения его параболической зависимости от совокупной нормы прибыли в направлении роста комплексной результативности исследуемых параметров (рис. 2)

Составлено авторами по материалам исследования

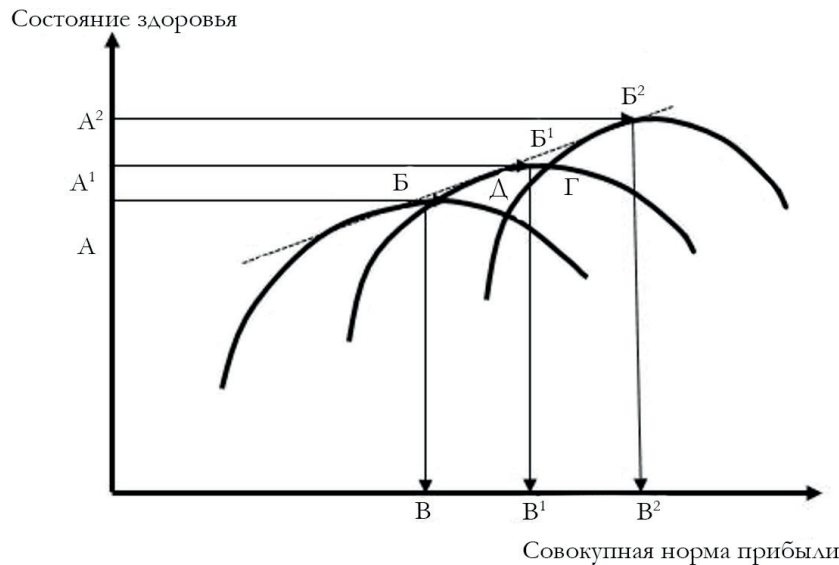
Рис. 2. Зависимость состояния здоровья от совокупной нормы прибыли АПК, пищевой промышленности и пищевого ритейла в условиях перемещения параболы

По сравнению с параметрами рис. 1 движение от целевого состояния здоровья к совокупной норме прибыли в направлении точек А–Б–В перемещается в направлении А¹–Б¹–В¹ на рис. 2. Второе направление движения, которое обеспечивает более высокие параметры состояния здоровья и величины совокупной нормы прибыли для продуктового бизнеса, является предпочтительнее в системе организации и регулирования процессов обеспечения здоровья населения.

При этом следует отметить, что точка Б (вершина первой параболы) является в нашем примере местом пересечения оптимальной величины состояния здоровья и левой ветви второй параболы. Левая

ветвь второй параболы не дает возможности снижения состояния здоровья при увеличении совокупной нормы прибыли продовольственного бизнеса в условиях исследования зависимостей при рассмотрении первой параболы. Этот факт характеризует возможность увеличения показателя состояния здоровья от точки А до точки А¹ при факте роста совокупной нормы прибыли от точки В до В¹, что говорит о целесообразности создания условий для смещения параболы вправо с одновременным поднятием вершины вверх. Это равносильно увеличению совокупной нормы прибыли и улучшению состояния здоровья.

Продолжением дальнейшего рассмотрения изменения зависимости состояния здоровья от совокупной нормы прибыли АПК, пищевой промышленности и ритейла может быть обобщение путем тройного перемещения параболы (рис. 3).

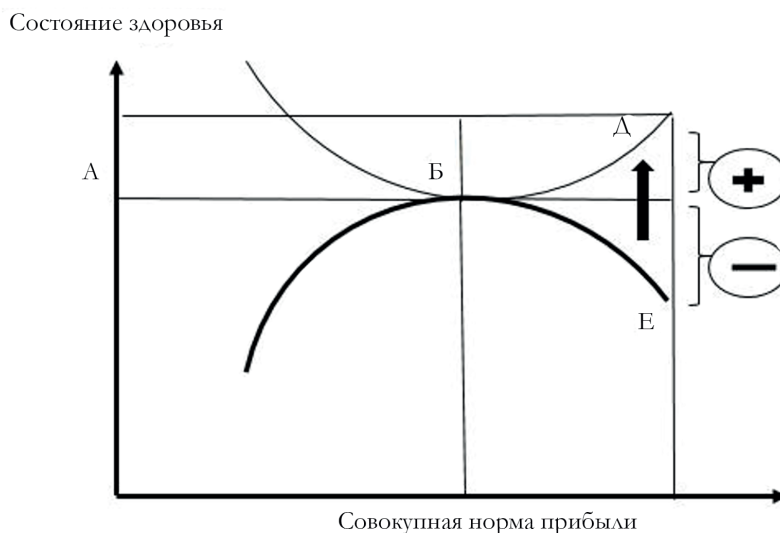
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Зависимость состояния здоровья от совокупной нормы прибыли АПК, пищевой промышленности и ритейла в условиях двойного перемещения параболы

Предложенный третий вариант соотношений и взаимосвязи исследуемых параметров характеризуется новыми более высокими показателями точек А²–Б²–В² и их связями. Следует отметить, что левая ветвь третьей параболы пересекается с правой ветвью второй параболы в точке падения последней (точка Г) и правой ветвью первой параболы (точка Д), что говорит о возможной практической ситуации прерывания падения состояния здоровья при росте совокупной прибыли продуктового бизнеса. Этот факт характеризует различные возможности управления состоянием здоровья населения в неоднозначных условиях его зависимости от совокупной нормы прибыли АПК, пищевой промышленности и ритейла.

Перемещение вершины параболы по прямой линии вверх отражает желательное движение увеличения состояния здоровья при росте совокупной прибыли продуктового бизнеса. В реальной практической ситуации это перемещение может происходить по более сложной траектории, отличной от прямой линии, что не меняет основного смысла установления и реализации основной генеральной цели – увеличения показателей состояния здоровья населения с условием согласования при этом целей продуктового бизнеса.

Ветви параболы в первом рассмотренном случае были направлены вниз, что логически объясняет левую половину роста состояния здоровья при увеличении суммарной совокупной нормы прибыли. Правая половина параболы и падение уровня состояния здоровья (ветвь параболы направлена вниз) также логично обосновывается ростом совокупной нормы прибыли при производстве и продаже пищевых продуктов. Во втором случае ветви параболы направлены вверх, что замещает правую часть параболы с ветвями вниз необходимым обратным направлением. Экономическая логика говорит о дальнейшем улучшении состояния здоровья при росте совокупной нормы прибыли при верхнеобразном расположении как левой, так и правой ветвей (рис. 4).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Зависимость состояния здоровья от совокупной нормы прибыли АПК, пищевой промышленности и ритейла в условиях изменения выпуклости правой ветви параболы

Для органов власти и бизнеса необходимо создать такие условия, при которых будет обеспечен переход от точки Е к точке Д при одной и той же величине совокупной нормы прибыли продовольственного бизнеса. При этом на рис. 4 этот переход отмечен стрелкой вверх и знаком «+». Задача улучшения состояния здоровья (генеральная цель) должна подкрепляться соответствующими экономическими стимулами функционирования продовольственного бизнеса (субсидии из бюджетов, льготное налогообложение, облегченные условия кредитования и др.). Это является своеобразным «пряником» в системе экономических отношений. Форма зависимости в теоретическом плане при изменении направления правой ветви вверх имеет вид кубической параболы.

Значительную роль в кардинальном изменении поворота правой ветви параболы в направлении вверх вместо движения вниз при росте прибыли играет ужесточение санкций к производителям и продавцам за низкокачественные и вредные для здоровья продукты питания. Санкционные режимы и формы наказания должны ужесточаться по мере роста нанесения вреда здоровью потребителям некачественных и вредных пищевых продуктов. Эта форма организации отношений купли-продажи является своеобразным «кнутом» для производителей продуктов, которые должны чувствовать ответственность (включая уголовную) за возможное нанесение вреда здоровью потребителей.

Такие условия теоретического перехода от вершины параболы, где нет прироста улучшения состояния здоровья к дальнейшему его увеличению при росте совокупной нормы прибыли продуктового бизнеса, характерны для интересов как населения, так и производителей продуктов. Однако такое состояние при дальнейшем, как правило, отличии динамики исследуемых приростных величин будет иметь такое их соотношение, которое может потребовать дальнейшего государственного регулирования условий безусловного увеличения параметра интегрального состояния здоровья населения для достижения его генерального стратегического целевого значения.

Исследование зависимости может быть обобщено с помощью использования инструментальных методов в экономике [13]. Для обобщения рассмотренных теоретических положений зависимости состояния здоровья потребителей продуктов от совокупной нормы прибыли продовольственного бизнеса следует рассмотреть условный численный пример, который может быть представлен связью состояния здоровья (Y у.е.) и изменения совокупной нормы прибыли (X п.п.):

$$Y = X^3 + 10, \tag{1}$$

где 10 – свободный член.

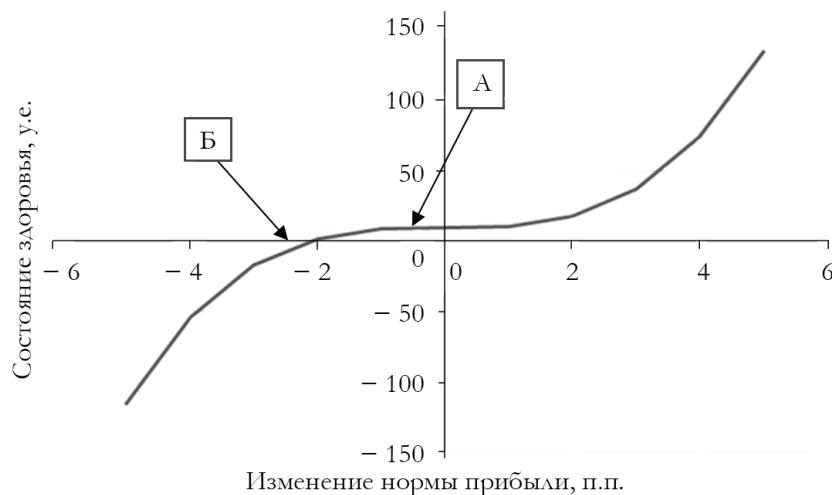
Результаты расчетов по представленной кубической параболе даны в табл. 1, где определены отклонения параметров от какой-то достигнутой точки X (нормы прибыли), равной нулю (или какого-то достигнутого значения), до изменения пяти единиц в сторону увеличения («+») и уменьшения («-») в п.п.

Результаты расчетов параметров кубической параболы

<i>x</i>	- 5	- 4	- 3	- 2	- 1	0	1	2	3	4	5
<i>y</i>	- 115	- 54	- 17	2	9	10	11	18	37	74	135

Составлено авторами по материалам исследования

Инфографика зависимости состояния здоровья от роста нормы прибыли в форме рассчитанной кубической параболы представлена на рис. 5, где наглядно видно, как при изменении общей суммарной прибыльности продовольственного бизнеса растет уровень состояния здоровья.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Зависимость состояния здоровья от прибыли продуктового пищевого бизнеса в соответствии со связью в форме кубической параболы

Выделенные точки на условном примере соответствуют определенным знаковым значениям инфографики. В точке А (точка перегиба ветвей параболы) состояние здоровья характеризуется величиной свободного члена уравнения параболы (+ 10 у.е.) при установленном для начала отсчета уровне общей суммарной прибыли как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения (+ 5 п.п. и - 5 п.п.). Точка Б соответствует принятому за начало отсчета состоянию здоровья на конкретный момент анализа, которое отвечает уменьшению прибыли на 2 п.п.

Следует отметить, что уравнение кубической параболы может задаваться различными числовыми значениями параметров уравнения, которые могут иметь многообразные величины специфических точек, определяющих перечисления ветвей параболы с нулевыми показателями изменения суммарной совокупной прибыли и состояния здоровья населения. Главной задачей при этом является научно обоснованное установление показателей состояния здоровья (генеральная цель), которое должно быть обеспечено соответствующими изменениями параметров общей совокупной прибыльности деятельности продовольственного пищевого бизнеса.

ФОРМИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДЛАГАЕМЫХ ПОДХОДОВ

Практическое решение данной многофакторной макроэкономической задачи является сложной проблемой народнохозяйственного регулирования социально-экономического развития страны. Это подчеркивается в работах отечественных ученых [14–16]. Данное регулирование должно включать постепенное разукрупнение (декомпозицию) генеральной цели как по параметрам состояния здоровья населения, так и по отраслям хозяйства, обеспечивающим продуктами питания население страны (АПК, пищевая промышленность, транспорт, торговля, общепит и др.). При этом только рыночное регулирование данных процессов в силу важности задачи укрепления здоровья населения не может быть самодостаточным и должно дополняться обязательным государственным регулированием.

Применительно к конкретным статистическим параметрам нами рассмотрены реальные показатели рентабельности продаж (величины прибыли от продаж в каждом руб. выручки от реализации) по основным видам производства сырья и продуктов питания в стране за 2012–2022 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика рентабельности продаж сырья и продуктов питания по видам деятельности в стране за 2012–2022 гг.

Вид деятельности	Год										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Растениеводство и животноводство, охота	6,2	5,3	7,7	10,5	9,7	8,1	7,7	8,9	10,6	11,8	11,4
Рыболовство и рыбоводство	6,2	9,8	10,4	13,5	13,4	12,2	12,2	11,0	10,6	10,6	12,4
Производство пищевых продуктов	2,7	3,9	3,9	3,9	3,8	3,9	3,7	3,6	3,5	3,2	3,6
Розничная торговля кроме автотранспорта	4,0	4,8	4,6	4,6	4,5	4,5	4,6	4,8	5,0	5,4	5,2
Среднеарифметическая рентабельность по всем видам деятельности	4,8	5,9	6,6	8,1	7,8	7,2	7,1	7,1	7,4	7,7	8,2

Источник³

Сравнительно высокий уровень рентабельности продаж наблюдается в отрасли рыболовства и рыбоводства, низкая величина рентабельности из рассмотренных видов деятельности реализации продуктов питания приходится на розничную торговлю (кроме авто- и мототранспорта).

В табл. 3 представлены показатели заболеваемости населения, связанные с употреблением продуктов питания.

Таблица 3

Количество зафиксированных случаев болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ в стране за 2012–2022 гг.

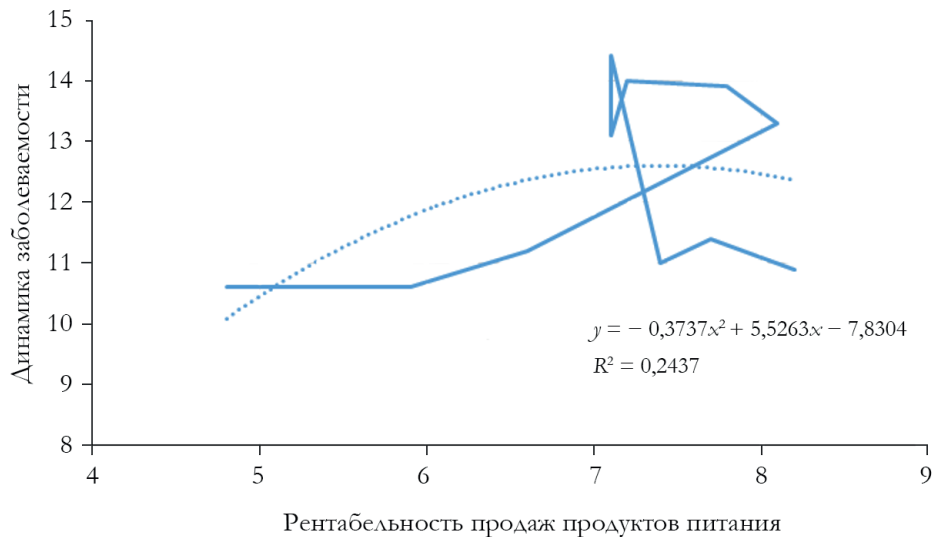
Показатели	Год										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
	ед.	ед.	ед.	ед.	ед.	ед.	ед.	ед.	ед.	ед.	ед.
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	1 519	1 527	1 636	1 953	2 038	2 050	1 927	2 117	1 617	1 670	1 600
Заболеваний на 1 тыс. чел.	10,6	10,6	11,2	13,3	13,9	14,0	13,1	14,4	11,0	11,4	10,9

Источник⁴

На основании данных табл. 2 и 3 построена зависимость болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ в стране (на 1 тыс. чел.) от рентабельности продажи продуктов питания в процентах за 2012–2022 гг. (рис. 6).

³ Рентабельность продаж по отраслям (видам деятельности). Режим доступа: <https://www.testfirm.ru/finfactor/grossmargin/> (дата обращения: 06.05.2024).

⁴ Информационный бюллетень Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей. Режим доступа: <https://school95-tmn.ru/wp-content/uploads/2024/01/Болезни-эндокринной-системы.pdf> (дата обращения: 06.05.2024).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 6. Зависимость болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ в стране от рентабельности продажи продуктов питания за 2012–2022 гг.

Результаты расчетов показали низкую зависимость исследуемых показателей (коэффициент корреляции – 0,414). В целом наблюдается определенная полиномиальная связь (во второй степени) зависимости ряда видов пищевых заболеваемости населения от рентабельности продаж сырья для производства и реализации продуктов питания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение теоретических положений зависимости общего интегрированного состояния здоровья населения от суммарного совокупного показателя прибыли продовольственного бизнеса показало наличие логической связи данных показателей. Представленный условный численный пример связи состояния здоровья и изменения суммарной совокупной нормы прибыли продовольственного бизнеса (в форме кубической параболы) показал возможность использования исследованных зависимостей для прогнозирования их величины. Результаты расчетов на конкретных статистических параметрах рентабельности продаж сырья и продуктов питания показали подтверждение гипотезы влияния на здоровье населения страны прибыльности продуктового бизнеса.

Список литературы

1. *Цедилин А.П.* Понимание экономической безопасности в России: официальная доктрина и альтернативные подходы. Вопросы теоретической экономики. 2023;1:21–31. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_21_31
2. *Абалкин А.П.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. Вопросы экономики. 1994;12:4–16.
3. *Глазьев С.Ю.* Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. М.: Терра; 1997. 187 с.
4. *Глазьев С.Ю.* Безопасность экономическая. Политическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль; 1999. 189 с.
5. *Глазьев С.Ю., Локосов В.В.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием. Вестник РАН. 2012;7(82):587–604.
6. *Бандурин В.А.* Качество продуктов питания и риски безопасности национального здоровья населения России. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022;4:91–94.
7. *Медведева Е.И., Крошилин С.В.* ГМО продукция и продовольственная безопасность: влияние на здоровье нации. В кн.: Актуальные вопросы товароведения и безопасности товаров: материалы международной научно-практической конференции, Коломна, 23 марта 2012 г. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт; 2012. С. 116–121.

8. Шербаков Г.Д. Качество пищевых продуктов как фактор влияния на состояние здоровья населения. E-Scio. 2023;3(78).
9. Баскаков С.М. Научные подходы к определению продовольственного обеспечения населения в контексте влияющих на него факторов. Продовольственная политика и безопасность. 2021;4(8):361–380. <https://doi.org/10.18334/ррiв.8.4.113718>
10. Томкович А.В. Продовольственная безопасность как элемент устойчивого развития. Балтийский экономический журнал. 2022;4(40):11–21. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2022-0-4-11-21>
11. Побегайло М.Г., Дибурис К.М. Особенности продовольственного сектора и его функции в экономике страны. Балтийский экономический журнал. 2021;4(36):33–40.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. Т. 23, кн. I: Процесс производства капитала. 2^е изд. М.: Государственное издательство политической литературы; 1960. 907 с.
13. Карлов А.М. Теория вероятностей и математическая статистика для экономистов. М.: КноРус; 2015. 260 с.
14. Косинский П.Д., Харитонов А.В. Взаимосвязь качества питания и качества жизни населения: региональный аспект. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017;7-1:130–133.
15. Моисеенко М.С., Мукатова М.Д. Пищевые продукты питания функциональной направленности и их назначение. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Рыбное хозяйство. 2019;1:145–152. <https://doi.org/10.24143/2073-5529-2019-1-145-152>
16. Мажжаева Т.В. Влияние покупательной способности населения на структуру питания и заболеваемость. Индустрия питания | Food Industry. 2018;1(3):56–68. <https://doi.org/10.29141/2500-1922-2018-6-1-8>

References

1. Tsedilin L.I. Understanding economic security in Russia: official doctrine and alternative approaches. Questions of theoretical economics. 2023;1:21–31. (In Russian). https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_21_31
2. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection. Economic issues. 1994;12:4–16. (In Russian).
3. Glazyev S.Yu. Genocide. Russia and the New World Order. The strategy of economic growth on the threshold of the XXI century. Moscow: Terra; 1997. 187 p. (In Russian).
4. Glazyev S.Yu. Economic security. Political Encyclopedia. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1999. 189 p. (In Russian).
5. Glazyev S.Yu., Lokosov V.V. Assessment of extremely critical values of indicators of the state of Russian society and their use in the management of socio-economic development. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2012;7(82):587–604. (In Russian).
6. Bandurin V.A. The quality of food and the security risks of the national health of the population of Russia. Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Cultural studies. Political sciences. 2022;4:91–94. (In Russian).
7. Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. GMO products and food security: impact on the health of the nation. In: Topical issues of commodity science and product safety: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kolomna, March 23, 2012. Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute; 2012. Pp. 116–121. (In Russian).
8. Shcherbakov G.D. The quality of food products as a factor of influence on the health of the population. E-Scio. 2023;3(78). (In Russian).
9. Baskakov S.M. Scientific approaches to determining the food supply of the population in the context of factors affecting it. Food policy and security. 2021;4(8):361–380. (In Russian).
10. Tomkovich A.V. Food security as an element of sustainable development. Baltic Economic Journal. 2022;4(40):11–21. (In Russian). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2022-0-4-11-21>
11. Pobegailo M.G., Diburis K.M. Features of the food sector and its functions in the country's economy. Baltic Economic Journal. 2021;4(36):33–40. (In Russian).
12. Marx K., Engels F. Capital. Criticism of political economy. Vol. 23, book I: The process of capital production. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1960. 907 p. (In Russian).
13. Karlov A.M. Probability theory and mathematical statistics for economists. Moscow: KnoRus; 2015. 260 p. (In Russian).
14. Kosinsky P.D., Kharitonov A.V. The relationship between the quality of nutrition and the quality of life of the population: a regional aspect. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017;7-1:130–133. (In Russian).
15. Moiseenko M.S., Mukatova M.D. Food products of functional orientation and their purpose. Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Fisheries. 2019;1:145–152. (In Russian). <https://doi.org/10.24143/2073-5529-2019-1-145-152>
16. Mажжаева Т.В. Influence of purchasing power of the population on the structure of nutrition and morbidity. Food Industry. 2018;1(3):56–68. (In Russian). <https://doi.org/10.29141/2500-1922-2018-6-1-8>

Методы долгосрочного планирования корпоративного финансирования

Прохоров Виктор Владимирович¹

Канд. экон. наук, доц. каф. организации и управления наукоемкими производствами
ORCID: 0000-0002-2698-2423, e-mail: prohorov.victor@yandex.ru

Рожнов Иван Павлович²

Канд. техн. наук, доц. каф. цифровых технологий управления
ORCID: 0000-0003-1143-048X, e-mail: ris2005@mail.ru

¹Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

²Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Аннотация

Изучены вопросы по долгосрочному планированию выплат ставки процента облигационного займа предприятия. Рассмотрены методы и предложена классификация методов планирования процентной ставки облигаций. Выделено несколько групп методов такого планирования. Сделан анализ применения методов планирования облигационной ставки процента, применяемой предприятиями различных национальных отраслей. Анализ проводился в сферах машиностроения, генерации, передачи и сбыта электроэнергии, производства черных металлов, транспортировки и логистики, производства пищевых продуктов, обеспечения передачи информации. Проведен анализ корпоративных облигационных займов, выпущенных в период с 2015 г. по 2020 г. В результате определены три метода, наиболее часто используемые предприятиями при планировании облигационных ставок процента: методы учета макроэкономического риска организации; методы учета совокупности макроэкономического и индивидуального риска организации; методы, основанные на рыночном анализе. Исследование указанных методов позволило предложить метод планирования облигационной процентной ставки, которая рассчитывает средневзвешенную величину прогнозной облигационной ставки процента. Для оценки качества предложенного метода была проведена его апробация. Сделан вывод о возможности его использования на предприятиях, планирующих выпускать собственные облигационные займы.

Ключевые слова

Корпоративные облигации, облигационный механизм финансирования, финансовая инфраструктура, рынок облигаций, процентная ставка, методы планирования

Для цитирования: Прохоров В.В., Рожнов И.П. Методы долгосрочного планирования корпоративного финансирования // Вестник университета. 2024. № 6. С. 171–179.

Methods of long-term planning of corporate financing

Viktor V. Prokhorov^{1,2}

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Organization and Management of Knowledge-Intensive Industries Department
ORCID: 0000-0002-2698-2423, e-mail: prokhorov.victor@yandex.ru

Ivan P. Rozhnov²

Cand. Sci. (Engr.), Assoc. Prof. at the Digital Management Technology Department
ORCID: 0000-0003-1143-048X, e-mail: ris2005@mail.ru

¹Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

²Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract

The questions on long-term planning of an enterprise' bonded loan interest rate payments have been studied. The methods have been considered and the classification of methods for planning the bonds interest rate proposed. Several groups of such planning methods have been singled out. The analysis of application of bond interest rate planning methods applied by enterprises of different national industries has been made. The analysis has been carried out in the spheres of mechanical engineering, generation, transmission and sales of electric power, ferrous metals production, transportation and logistics, foodstuffs production, and information transmission provision. Corporate bond issues issued between 2015 and 2020 have been analyzed. As a result, the three methods most frequently used by enterprises in planning bond interest rates have been identified: methods of considering the macroeconomic risk of an organization; methods of considering the combination of macroeconomic and individual risk of an organization; methods based on market analysis. The study of the mentioned methods allowed us to propose a method of planning the bond interest rate, which calculates the weighted average of the forecast bond interest rate. To assess the quality of the proposed method, it has been tested. The article concludes that it can be used at enterprises planning to issue their own bonded loans.

Keywords

Corporate bonds, bond financing facility, financial infrastructure, bond market, interest rate, planning methods

For citation: Prokhorov V.V., Rozhnov I.P. (2024) Methods of long-term planning of corporate financing. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 171–179.

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация (далее – РФ, Россия) начиная с 2014 г. находится под постоянными и все более ужесточаемыми экономическими, финансовыми и иными санкциями со стороны коллективного Запада. Фактически уже более 10 лет для страны и отечественных компаний закрыты международные финансовые рынки. Все это в целом привело к необходимости переориентации российских предприятий на внутренний рынок капитала для обеспечения необходимыми денежными ресурсами собственной операционной деятельности. Одним из оптимальных существующих механизмов, позволяющим отечественному бизнесу привлекать такие денежные ресурсы с внутреннего рынка, является выпуск собственных облигационных займов. Их эмиссия позволяет от широкого круга потенциальных инвесторов аккумулировать необходимые финансовые ресурсы.

В то же время при использовании облигационного механизма появляется проблема, связанная с необходимостью долгосрочного планирования на предприятии условий выпуска данного займа. Среди них значимую роль играет процентная ставка. Ее установленный уровень может повлиять на то, что предприятие может выплачивать необоснованно высокие проценты, что приведет к дополнительным расходам по обслуживанию корпоративного займа.

Целью исследования является выбор оптимального метода планирования в корпоративном займе процентной ставки, который позволяет с учетом условий внешней и внутренней среды предприятия более точно определять уровень процентной ставки в средне- и долгосрочном временных периодах. Это дает возможность на уровне предприятия обосновывать решения об условиях эмиссии собственного займа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При средне- и долгосрочном планировании облигационной процентной ставки используется ряд методов. В данной статье проводится исследование применяемых на практике методов такого планирования, которое позволило провести их определенную классификацию (табл. 1).

Таблица 1

Методы планирования ставки процента корпоративного займа

Группы методов планирования	Подгруппы методов планирования
1. Методы, основанные на кредитных рейтингах	1.1. Методы, основанные на публичных рейтингах 1.2. Методы, основанные на частных рейтингах
2. Методы учета индивидуального риска предприятия	2.1. Методы, учитывающие кэш-флоу предприятия 2.2. Методы, учитывающие активы предприятия 2.3. Методы, учитывающие финансовую устойчивость предприятия
3. Методы учета макроэкономического риска предприятия	3.1. Однофакторные модели оценки макроэкономического риска 3.2. Модели арбитражного ценообразования
4. Методы кумулятивного учета индивидуального и макроэкономического риска предприятия	4.1. Методы, использующие многофакторные оценки риска 4.2. Методы, использующие барьерную ставку 4.3. Методы, использующие модель Фама-Френча
5. Методы, основанные на рыночном анализе	5.1. Методы, использующие технический анализ рынка 5.2. Методы, использующие фундаментальный анализ рынка 5.3. Методы, использующие теорию циклов
6. Методы, использующие аналогии	6.1. Методы, учитывающие рыночные мультипликаторы 6.2. Методы, основанные на ранкингах предприятий

Составлено авторами по материалам исследования

В первую группу методов планирования входят методы, основанные на использовании различных рейтингов. Можно выделить определенные подгруппы методов, позволяющих планировать на предприятии процентную ставку займа.

В число первой подгруппы можно отнести методы, которые используют публичные кредитные рейтинги, предоставляемые специализированными агентствами. Они основаны на том, что любое предприятие имеет свой уровень кредитоспособности, который и определяет размер потенциальной ставки процента по корпоративному займу. Достоинствами данных методов являются доступность информации и простота применения. К их недостаткам следует отнести отсутствие кредитных рейтингов у большинства предприятий, что не позволяет их массово применять.

Вторая подгруппа методов планирования включает проведение комплексных рейтингов заемщика в частном порядке. Они рассчитывают интегральный показатель по заемщику, который сравнивается затем с эталонным по отрасли. На этом сравнении делается вывод о кредитоспособности конкретного предприятия. В методах при расчете учитываются следующие группы показателей: финансовое состояние, перспективы развития предприятия, имеющаяся деловая репутация и т.д. [1]. Это позволяет комплексно оценить заемщика, что является основным достоинством данных методов. Недостатком выступают субъективизм проведения оценки и сложность расчетов.

Вторая группа представлена методами учета индивидуального риска предприятия. В ней можно условно выделить три подгруппы.

К первой подгруппе следует отнести методы, учитывающие кэш-флоу предприятия, то есть его чистые денежные потоки. Они определяются по трем видам деятельности предприятия, в том числе операционной, инвестиционной и финансовой деятельности.

Ко второй подгруппе относятся методы, которые учитывают как активы предприятия в целом, так и их отдельные группы.

К третьей подгруппе относятся методы, учитывающие финансовую устойчивость предприятия на основе различных абсолютных и относительных показателей, используемых в классическом финансовом анализе [2; 3]. Основными достоинствами методов являются простота применения и доступность информации. К недостаткам рассмотренных методов можно отнести однофакторность учета.

Третья группа представлена методами планирования, которые учитывают макроэкономический риск предприятия. Можно выделить две подгруппы методов, позволяющих проводить такое планирование.

Первая подгруппа представлена методами однофакторной оценки рыночного риска предприятия. В ее основе лежит известная однофакторная модель Уильяма Шарпа Capital Asset Pricing Model (CAPM), впоследствии получившая большое количество модификаций. К таким модификациям можно отнести локальную модель CAPM – LCAPM, глобальную модель CAPM – GCAPM, модель Лессарда, модель CAPM – AL-CAPM, модель CAPM – AN-CAPM, модели Дамодарана и др. [4–7].

Достоинством методов, использующих различные однофакторные модели, является то, что они позволяют оценить уровень купонной ставки корпоративного облигационного займа с учетом текущего состояния национальной экономики. При этом с определенной степенью достоверности они дают прогноз купонной ставки процента корпоративного облигационного займа на достаточно продолжительный период времени.

Они имеют и свои недостатки. Во-первых, используемая в методах информация имеет определенную альтернативность, которая связана с источниками ее получения и, соответственно, с возможным уровнем ее достоверности. Во-вторых, при их использовании рассматривается и учитывается один фактор. Такой подход влияет на уровень погрешности при проведении расчетов будущей ставки процента. В-третьих, эти методы не являются универсальными для предприятий, находящихся в различных государствах.

Вторая подгруппа методов использует базовую модель арбитражного ценообразования (АТР), которая исходит из предположения, заключающегося в том, что доходность процентной ставки зависит от ряда факторов, которые достоверно неизвестны. Они могут в разной степени влиять на уровень доходности одинаковых по классу корпоративных долговых ценных бумаг. В результате возникает возможность проведения арбитража, связанного с уровнем процентных ставок по корпоративным долговым ценным бумагам.

В модели арбитражного ценообразования используются коэффициенты, которые аналогичны коэффициенту бета в модели CAPM. Они описывают ряд экономических показателей, в том числе инфляцию, перспективы развития бизнеса и т.д. Их используют для определения чувствительности стоимости капитала к рыночным факторам риска. При этом в базовой модели АТР применяются следующие модели: модель Chen, Roll и Ross, модель Berry, Burmeister и McElroy, модель Salomon Brothers и др. [5; 6].

Достоинством модели арбитражного ценообразования является возможность планирования на длительный временной период ставки процента облигационного займа. Ее недостатком является сложность

при проведении расчетов из-за необходимости определять (порой субъективно) значение веса используемых различных факторов, что влияет и на само качество расчетов.

Четвертая группа основывается на методах кумулятивного учета индивидуального и макроэкономического риска предприятия. Она состоит из трех подгрупп.

В первую подгруппу входят методы, которые используют различные многофакторные модели САРМ. К ним можно отнести модель Rolf W. Banz; модель С. Barry et al (учитывает эффект размера предприятия); модель Goldman Sachs (рассматривает цикличность во времени спроса на продукцию, качества корпоративного управления и др.); модель Дамодарана, рассматривающую два фактора и применяющую λ -коэффициент, являющийся аналогом β -коэффициента модели САРМ; экспертные балльные модели (Salomon-Smith-Barney и др.) [5; 8]. Модели данной подгруппы имеют те же достоинства, что и однофакторные модели САРМ. К недостаткам относится определенный субъективизм при проведении расчетов, так как на итоговый результат влияет уровень компетентности участвующих экспертов.

Вторая подгруппа методов использует в расчетах понятие барьерной ставки процента. При ее использовании предполагается, что любое предприятие-заемщика можно отнести к определенной категории риска. Отнесение к определенной категории риска проводится на основе анализа ряда индикаторов, которыми выступают качественные оценочные показатели. Среди них можно выделить качество корпоративного управления, наличие конкурентных преимуществ, перспективы развития, наличие публичного кредитного рейтинга и т.д.

К методам данной подгруппы относят методы, применяющие расчетную барьерную кумулятивную процентную ставку (суммирует безрисковую процентную ставку и начисленные проценты по определенной групповой категории предприятий); методы, основанные на использовании ставки базового процента (определяется суммированием процентной реальной безрисковой ставки и премиальных процентов за специфический риск предприятия); методы, использующие планирование премиальной ставки процентов (с учетом безрисковой ставки процента, премиальных за размер предприятия-заемщика, среднерыночной доходности, премиальных за финансовые риски предприятия-заемщика) [7; 9].

Рассмотренные методы данной подгруппы фактически имеют одинаковые достоинства и недостатки. Достоинством является персональная оценка специфического риска конкретного заемщика. В свою очередь недостатками выступают определенная сложность расчетов, дефицит информации и наличие субъективных факторов при проведении расчетов.

Третья подгруппа использует трехфакторную модель Фама-Френча, которая в целом построена на тех же принципах, что применяются в различных моделях САРМ и арбитражного ценообразования, использующих коэффициент, являющийся аналогом бета-коэффициента. В этих моделях применяются множители, которые учитывают масштаб предприятия и другие факторы. Достоинства и недостатки аналогичны моделям арбитражного ценообразования [5].

К пятой группе относятся методы, использующие рыночный анализ. Они дают возможность с применением инструментов технического и фундаментального анализа сделать достаточно точный прогноз о возможной корпоративной ставке процента при проведении заимствования. Данная группа методов состоит из нескольких подгрупп.

Первая подгруппа включает виды фундаментального анализа. К ним относят макроэкономический (оценка состояния экономики страны), отраслевой (оценка состояния конкретной отрасли), микроэкономический (оценка финансового состояния предприятия) анализ и анализ ценных бумаг предприятия [10; 11].

Ко второй подгруппе относят методы, использующие инструменты технического анализа. Они представлены методами графического анализа (ими исследуются графические устойчивые формации, позволяющие прогнозировать с достаточно высокой степенью вероятности будущую процентную ставку); методы, использующие индикаторы и различные осцилляторы эконометрических моделей временных рядов [12–14].

Еще одна подгруппа состоит из методов, использующих ряд теорий экономической цикличности. К ним можно отнести: экономическую теорию циклов; волновую теорию Эллиота; теоретические подходы, связанные с последовательностью чисел Фибоначчи и т.д. Эти методы предоставляют возможность дать прогноз ставки процента по корпоративным заимствованиям, которые основаны на объективных закономерностях экономического развития [15; 16].

Данные методы имеют как достоинства, так и недостатки. К достоинствам можно отнести то, что требуемая информация при их использовании практически всегда доступна. При этом сами методы апробированы

и применяются достаточно давно. К их основным недостаткам следует отнести то, что их эффективно можно использовать на рынках, обладающих высокой ликвидностью с большим количеством совершающихся операций, связанных с размещением облигационных займов.

Шестая группа методов в прогнозировании использует аналогию. Эти методы применяют имеющиеся статистические данные для проведения аналогий между двумя предприятиями: выпустившего заем и тем, которое только планирует это сделать. Эта группа методов состоит из двух основных подгрупп.

Первая подгруппа включает методы, применяющие различные рыночные мультипликаторы. В число этих методов можно отнести: методы, использующие мультипликаторы денежного потока, связанные с выручкой, прибылью до налогообложения, чистой прибылью и т.д.; методы, использующие мультипликаторы, основанные на активах предприятия [4; 17].

Во второй подгруппе присутствуют методы, связанные с использованием рейтингов. Их применяют для сравнительного анализа между двумя предприятиями (предприятием-аналогом и потенциальным эмитентом) при планировании облигационной ставки процента. Для проведения сравнительного анализа проводят ранжирование определенных финансовых показателей бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах рассматриваемых предприятий. Полученные после проведения сравнительного анализа результаты дают возможность прогнозировать потенциальную процентную ставку по будущему облигационному заимствованию [18].

Необходимо отметить, что доступность информации является достоинством данных методов. Еще одним достоинством выступает определенная простота их применения. Их недостатками являются наличие однофакторности учета, а также определенная трудность в поиске предприятия-аналога. Текущая реальность такова, что трудно отыскать аналогичные предприятия в рамках отрасли, что не повышает достоверность прогнозирования ставки процента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате анализа российского рынка облигаций был получен следующий вывод. При планировании ставки процента по корпоративному займу в целом используются определенные группы методов. К ним можно отнести методы учета макроэкономического риска предприятия; методы кумулятивного учета индивидуального и макроэкономического риска предприятия; методы, использующие инструменты рыночного анализа.

В группу методов, учитывающих макроэкономический риск предприятия, входят методы, использующие модели Capital Asset Pricing Model (CAPM) с ее модификациями. Основу второй группы, методов кумулятивного учета индивидуального и макроэкономического риска предприятия, составляют методы, использующие расчетную барьерную кумулятивную процентную ставку. В группе методов, основанных на инструментах рыночного анализа, используется метод, который рассчитывает отраслевую средневзвешенную процентную ставку по уже выпущенным облигационным займам. Необходимо сказать, что при планировании ставки процента по корпоративному займу могут применяться и иные методы.

Данные выводы сделаны на основе анализа финансовой отчетности и других документов предприятий, которые выпустили корпоративные облигационные займы. Кроме того, использовалась публичная информация специализированных агентств, корпоративных сайтов и т.д. На основании использования вышеприведенных методов были получены расчетные данные по прогнозным ставкам процента.

Все это позволило сравнить фактические ставки процента по ранее выпущенным корпоративным облигационным займам с прогнозными. В случае минимальных отклонений прогнозной ставки процента по облигационному займу от фактической ставки можно сделать вывод об использовании определенного метода планирования.

Данный анализ проводился по эмитентам облигационных займов в сферах машиностроения; генерации, передачи и сбыта электроэнергии; производства черных металлов; транспортировки и логистики; производства пищевых продуктов; обеспечения передачи информации. Он был проведен по данным корпоративным эмитентам в период с 2015 г. по 2020 г.

В этих сферах экономики в течение рассматриваемого периода наблюдались определенные изменения, связанные с применением выявленных методов планирования процентной корпоративной ставки. Так, в сфере генерации, передачи и сбыта электроэнергии доля метода, рассчитывающего отраслевую средневзвешенную процентную ставку, снизилась до 60 % от общего количества. Доля методов,

применяющих модель САРМ, повысилась до 13 %, а доля методов, использующих расчетную барьерную кумулятивную процентную ставку, – до 15 %. На оставшуюся часть доли пришлось другие методы планирования процентной ставки корпоративного займа.

В сфере машиностроения были отмечены следующие тенденции и соотношения: доля первого метода увеличилась до 56 %, второго – снизилась до 10 %, третьего – повысилась до 22 %. В сфере транспортировки и логистики наблюдалось увеличение доли первого метода до 56 %, снижение доли второго метода до 26 %, повышение доли третьего метода до 17 %. В сфере производства пищевых продуктов доля первого метода уменьшилась до 59 %, второго – снизилась до 12 %, третьего – повысилась до 15 %. В сфере производства черных металлов доля первого метода уменьшилась до 64 %, второго – снизилась до 12 %, третьего – повысилась до 26 %. В сфере обеспечения передачи информации доля первого метода повысилась до 66 %, второго – снизилась до 13 %, третьего – повысилась до 16 %¹.

Полученные при проведении анализа результаты дают возможность сделать вывод о том, какие факторы оказывают влияние на выбор того или иного метода планирования ставки облигационного процента. К первому фактору можно отнести текущее и перспективное состояние национального рынка финансового капитала. В частности, при избытке финансового капитала используется метод, где применяется отраслевая средневзвешенная процентная ставка. При дефиците используются расчетная барьерная кумулятивная процентная ставка, а также модель САРМ.

Вторым фактором является присутствие возможности по привлечению финансового капитала из-за рубежа. В этом случае применяются, как правило, методы, учитывающие макроэкономический риск предприятия, то есть для прогнозирования ставки процента применяются методы, основанные на модели САРМ. В случае, если такой возможности нет, применяются методы расчета отраслевой средневзвешенной процентной ставки, а также расчетная барьерная кумулятивная процентная ставка.

К третьему фактору можно отнести уровень операционной деятельности будущего эмитента облигационного займа. В данном случае используются методы, рассчитывающие барьерную кумулятивную процентную ставку.

Проведенное исследование выявленных факторов дало возможность сформулировать определенный вывод. Он говорит о необходимости совершенствования применяемого инструментария планирования процентной ставки корпоративного займа. В качестве решения предлагается совместное использование методов планирования, позволяющее рассчитать максимально приближенное к реальности значение ставки процента по займу на основе учета как макроэкономических, так и индивидуальных рисков эмитента, а также фактическое состояние рынка финансового капитала. Такая процентная ставка рассчитывается как средневзвешенная величина. Для ее определения используются расчетные величины, полученные на основе применения трех методов, в том числе метода, рассчитывающего отраслевую средневзвешенную процентную ставку, метода, использующего модель САРМ, и метода, рассчитывающего барьерную кумулятивную процентную ставку. При этом каждая используемая расчетная величина в предлагаемом методе имеет свое весовое значение.

Весовое значение расчетных величин является не постоянной величиной при расчете средневзвешенной процентной облигационной ставки, но зависит от двух показателей, в том числе от размера валюты баланса (от размера активов) и выручки предприятия будущего эмитента облигаций. Переменные веса используемых методов прогнозирования с учетом размера активов и выручки предприятия представлены в табл. 2.

Для оценки качества предлагаемого метода прогнозирования с 2015 г. по 2020 г. была проведена его апробация по предприятиям, в том числе сфер машиностроения; генерации, передачи и сбыта электроэнергии; производства черных металлов; транспортировки и логистики; производства пищевых продуктов; обеспечения передачи информации.

В целом количество отклонений прогнозных данных по предприятиям рассматриваемых отраслей от фактической облигационной ставки процента составили в процентном выражении: в сфере генерации, передачи и сбыта составило – до 18 %; машиностроения – до 40 %; производства пищевых продуктов – до 40 %; обеспечения передачи информации – до 42 %; производства черных металлов – до 33 %; транспортировки и логистики – до 25 %.

¹RusBonds. Облигации: анализ, стратегии, доходность. Режим доступа: <http://rusbonds.ru/?ysclid=ld8z50k31a675796717> (дата обращения: 27.03.2024).

**Переменные веса методов при расчете средневзвешенной величины
ставки процента по облигационному займу**

Показатели предприятия (и \ или)	Вес метода при расчете средневзвешенной ставки процента		
	Метод расчета отраслевой средневзвешенной ставки процента	Метод расчета барьерной кумулятивной ставки процента	Capital Asset Pricing Model (CAPM)
– Валюта баланса свыше 12,0 млрд руб. – Выручка (годовая) более 10,0 млрд руб.	0,35	0,10	0,55
– Валюта баланса 6–12 млрд руб. – Выручка (годовая) 5–10 млрд руб.	0,40	0,20	0,40
– Валюта баланса 1–6 млрд руб. – Выручка (годовая) 1–5 млрд руб.	0,45	0,25	0,30
– Валюта баланса до 1 млрд руб. – Выручка (годовая) до 1 млрд руб.	0,50	0,30	0,20

Составлено авторами по материалам исследования

В период 2021–2024 гг. условия выпуска корпоративных облигационных займов в России несколько изменились по сравнению с 2015–2020 гг. В связи с недружественной политикой ряда государств по отношению к России и введением дополнительных политических и экономических санкций, в том числе к отечественному финансовому рынку, ситуация в стране несколько изменилась. В частности, ускорились инфляционные процессы внутри страны, что вынудило Банк России повысить ключевую процентную ставку с 4,5 до 16 %. Это повышение сказалось на купонных выплатах, выпускаемых в данный период облигационных займах российских предприятий. При этом сам национальный финансовый рынок стал более локальным по сравнению с развитыми иностранными рынками, а количество выпускаемых корпоративных облигационных займов уменьшилось.

Следовательно, в целях проверки качества предлагаемой методики прогнозирования облигационной процентной ставки в изменившихся условиях было проведено ее выборочное тестирование по ряду предприятий, выпустивших собственные облигационные займы в период 2021–2023 гг. Полученные расчетные данные по процентной ставке корпоративного займа незначительно отличаются от уже имеющихся фактических данных. Все это позволяет говорить о том, что в целом предлагаемая методика сохранила свою эффективность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное тестирование метода планирования процентной ставки по двум временным периодам (2015–2020 гг. и 2021–2023 гг.), которые отличаются друг от друга по условиям выпуска корпоративных облигационных займов, показало, что он дает в целом определенную точность планирования. При этом применение данного метода имеет различную эффективность в отраслях экономики при планировании процентной ставки. Точность также зависит от фактического состояния отечественного рынка финансов, что необходимо учитывать при использовании предложенного метода.

Список литературы

1. Алиев А.Т., Балдин К.В., Ромашов Е.Н., Москалева Н.Б. Основы инвестиционно-инновационного риск-менеджмента в системе управления хозяйствующими субъектами России. М.: ИТК Дашков и Ко; 2023. 484 с.
2. Леонтьев В.Е., Бочаров В.В., Радковская Н.П. Корпоративные финансы. 4^е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2022. 341с.
3. Прохоров В.В. Облигационный механизм инвестирования в инновационную деятельность на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. Красноярск: СибГУ им. ак. М.Ф. Решетнева; 2012. 126 с.
4. Хитчинер Д.Р. Стоимость капитала. М.: Маросейка; 2008. 176 с.
5. Дамодаран А. Инвестиционная оценка. Инструменты и методы оценки любых активов. М.: Альпина Бизнес Букс; 2008. 1342 с.
6. Ульямс Ф.Ш., Гордон Дж.А., Джефффри В.Б. Инвестиции. М.: ИНФРА-М; 2018. 1028 с.

7. *Теплова Т.В.* Инвестиционные рычаги максимизации стоимости компании: практика российских предприятий. СПб.: Вершина; 2007. 272 с.
8. *Котл С., Мюррей Р.Ф., Блок Ф.Е.* «Анализ ценных бумаг» Греема и Додда. М.: Вильямс; 2019. 880 с.
9. *Теплова Т.В., Григорьева Т.И.* Ситуационный финансовый анализ. Схемы, задачи, кейсы. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2006. 605 с.
10. *Аврамчикова Н.Т., Рожнов И.П., Прохоров В.В., Ерыгина А.В.* Глобализация и ее влияние на развитие инфраструктурных отраслей региона. М.: ИНФРА-М; 2023. 238 с.
11. *Прохоров В.В., Рожнов И.П., Ерыгин Ю.В.* Финансовое обеспечение развития северных территорий страны. Вестник университета. 2023;6:171–176. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-171-176>
12. *Булковский Т.Н.* Полная энциклопедия графических ценовых моделей. М.: Дивиденд; 2022. 406 с.
13. *Эрлих А.* Технический анализ товарных и финансовых рынков. М.: Инфра-М; 2007. 284 с.
14. *Рожнов И.П., Казаковцев А.А.* Подход к разработке алгоритмов автоматической группировки на основе параметрических оптимизационных моделей. Информатика и системы управления. 2020;1(63):24–37. <https://doi.org/10.22250/isu.2020.63.24-37>
15. *Найман Э.* Малая энциклопедия трейдера. М.: Альпина Паблишер; 2008. 378 с.
16. *Фишер Р.* Новые методы торговли по Фибоначчи. Инструменты и стратегии биржевого успеха. М.: Аналитика; 2002. 240 с.
17. *Джеймс В.Х., Вахович мл. К., Джон М.* Основы финансового менеджмента. М.: Диалектика; 2020. 1056 с.
18. *Прохоров В.В., Погорелов И.З.* Инструменты финансирования программы комплексного развития Нижнего Приангарья. Управленческий учет. 2022;6:707–715. <https://doi.org/10.25806/uu6-32022707-715>

References

1. *Aliiev A.T., Baldin K.V., Romashov E.N., Moskaleva N.B.* Investment and innovation risk management fundamentals in the management system of economic entities of Russia. M.: Dashkov & Co.; 2023. 484 p. (In Russian).
2. *Leontiev V.E.* Corporate Finance. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait; 2022. 341 p. (In Russian).
3. *Prokhorov V.V.* The bond mechanism for investing in innovative activities at enterprises of the military-industrial complex. Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; 2012. 126 p. (In Russian).
4. *Hitchner D.R.* The Cost of Capital. Moscow: Maroseyka; 2008. 176 p. (In Russian).
5. *Damodaran A.* Investment assessment. Tools and methods for evaluating any assets. Moscow: Alpina Business Books; 2008. 1342 p. (In Russian).
6. *Williams F.S., Gorodon J.A., Jeffrey V.B.* Investments. Moscow: INFRA-M; 2018. 1028 p. (In Russian).
7. *Teplona T.V.* Investment Levers to Maximize Company Value: Practice of Russian Enterprises. St. Petersburg: Vershina; 2007. 272 p. (In Russian).
8. *Kotl S., Murray R.F., Block F.E.* “Securities analysis” by Gray and Dodd. Moscow: Williams; 2019. 880 p. (In Russian).
9. *Teplona T.V., Grigorieva T.I.* Situational financial analysis. Schemes, Problems, Cases. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2006. 605 p. (In Russian).
10. *Avramchikova N.T., Rozhnov I.P., Prokhorov V.V., Erygina L.V.* Globalization and its impact on infrastructure industries development in region. Moscow: INFRA-M; 2023. 238 p. (In Russian).
11. *Prokhorov V.V., Rozhnov I.P., Yerygin Yu.V.* Financial support for the development of the northern territories of the country. Vestnik universiteta. 2023;6:171–176. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-171-176>
12. *Bulkovsky T.N.* The complete encyclopedia of graphical price models. Moscow: Dividend; 2022. 406 p. (In Russian).
13. *Ebrlich A.* Technical Analysis of Commodity and Financial Markets. Moscow: Infra-M; 2007. 284 p. (In Russian).
14. *Rozhnov I.P., Kazakovtsev L.A.* Approach to the development of automatic grouping algorithms based on parametric optimization models. Informatika i sistemy upravleniya. 2020;1(63):24–37. (In Russian). <https://doi.org/10.22250/isu.2020.63.24-37>
15. *Nyman E.* The trader’s little encyclopedia. Moscow: Alpina Publisher; 2008. 378 p. (In Russian).
16. *Fisher R.* New methods of Fibonacci trading. Tools and Strategies for Stock Market Success. Moscow: Analytica Investment Company; 2002. 240 p. (In Russian).
17. *James V.H., Vakhovich Jr. K., John M.* Fundamentals of financial management. Moscow: Dialektika; 2020. 1056 p. (In Russian).
18. *Prokhorov V.V., Pogorelov I.Z.* Financing instruments for the integrated development program of the Lower Angara Region. Upravlencheskiy uchet. 2022;6:707–715. (In Russian). <https://doi.org/10.25806/uu6-32022707-715>

Роль эмоционального интеллекта в управлении межличностными конфликтами в профессиональной среде

Гиваргизова Нарине Ашотовна

Аспирант

ORCID: 0000-0003-1279-9553, e-mail: giv.narina@gmail.com

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению сложного взаимодействия эмоционального интеллекта (далее – ЭИ) и его ключевой роли в управлении межличностными конфликтами в профессиональной среде. Исследование проясняет, как тонкие компоненты ЭИ – самоанализ, эмпатия, саморегуляция и социальные навыки – играют важную роль в расшифровке и преодолении эмоциональных сложностей, присущих профессиональным конфликтам. Благодаря методичному исследованию раскрывается квинтэссенция ЭИ в создании гармоничного рабочего места, где конфликты не только эффективно разрешаются, но и трансформируются в возможности для роста. Одновременно подчеркивается критическая роль эмпатии в понимании и оценке эмоциональных состояний других людей, что способствует более инклюзивному и эмпатичному общению. Практический сегмент исследования предлагает ряд стратегий и обучающих программ, направленных на развитие ЭИ у профессионалов. Эти методики, начиная от медитации осознанности и заканчивая семинарами по картированию эмпатии и тренингами эмоционального интеллекта, предлагают действенные пути для повышения эмоциональной компетентности в различных профессиональных ситуациях. В заключении статьи говорится о практической применимости этих идей в различных профессиональных сферах, предлагаются направления будущих исследований, включая изучение ЭИ в различных культурных контекстах и интеграцию технологий в обучение ЭИ. Данное комплексное исследование не только вносит вклад в академический дискурс об ЭИ, но и служит маяком для организаций и отдельных людей, стремящихся ориентироваться в эмоциональном ландшафте современной профессиональной среды.

Ключевые слова

Эмоциональный интеллект, управление конфликтами, межличностная динамика, самосознание, эмпатия, профессиональное развитие, эмоциональная регуляция, коммуникативные навыки, организационное поведение, методики обучения

Для цитирования: Гиваргизова Н.А. Роль эмоционального интеллекта в управлении межличностными конфликтами в профессиональной среде // Вестник университета. 2024. № 6. С. 180–188.

© Гиваргизова Н.А., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The role of emotional intelligence in interpersonal conflicts management in professional environment

Narine A. Givargizova

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0003-1279-9553, e-mail: giv.narina@gmail.com

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

The article studies complex interplay of emotional intelligence (hereafter – EI) and its key role in managing interpersonal conflict in professional settings. The study elucidates how EI subtle components such as self-awareness, empathy, self-regulation, and social skills play an important role in deciphering and overcoming the emotional complexities inherent in professional conflicts. Through methodical research, the quintessential role of EI in creating a harmonious workplace has been revealed, where conflicts are not only effectively resolved but also transformed into opportunities for growth. At the same time, the critical role of empathy in understanding and appreciating emotional states of others has been emphasized, thus fostering more inclusive and empathic communication. The practice segment of the study offers a number of strategies and training programs aimed at developing EI in professionals. These techniques, ranging from mindfulness meditation to empathy mapping workshops and emotional intelligence training, offer actionable ways to increase emotional competence in a variety of professional situations. The article concludes by discussing practical applicability of these ideas in a variety of professional settings, suggesting directions for future research, including the study of EI in different cultural contexts and technology integration into EI training. This comprehensive study not only contributes to the academic discourse on EI, but also serves as a beacon for organizations and individuals seeking to navigate the emotional landscape of today's professional environments.

Keywords

Emotional intelligence, conflict management, interpersonal dynamics, self-awareness, empathy, professional development, emotional regulation, communication skills, organizational behavior, training techniques

For citation: Givargizova N.A. (2024) The role of emotional intelligence in interpersonal conflicts management in professional environment. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 180–188.

ВВЕДЕНИЕ

В профессиональной среде межличностные конфликты представляют распространенное и в то же время сложное явление, проявляющееся в различных формах и с разной интенсивностью. Подобные конфликты, часто основанные на недопонимании, несовпадении целей и противопоставлении личностей, способны нарушить гармонию и продуктивность организации. Однако роль эмоционального интеллекта (далее – ЭИ) в преодолении и смягчении этих конфликтов получила значительное развитие в современной организационной психологии.

Актуальность настоящего исследования заключается в изучении ЭИ как ключевого инструмента управления конфликтами. Эмоциональный интеллект, включающий способность распознавать, понимать и управлять собственными эмоциями и эмоциями других людей, служит стержнем в понимании и разрешении межличностных разногласий. Этот аспект особенно важен в профессиональной среде, где эффективное разрешение конфликтов необходимо для поддержания сплоченной и продуктивной рабочей атмосферы.

Межнациональные конфликты – распространенное и сложное явление, проявляющееся в различных формах и с разной интенсивностью. Такие конфликты, часто основанные на недопонимании, несовпадении целей и столкновении личностей, способны нарушить гармонию и продуктивность организации. Однако роль ЭИ в смягчении и разрешении этих конфликтов привлекает значительное внимание в современной организационной психологии, представляя смену парадигмы в стратегиях управления конфликтами.

Цель настоящего исследования – изучить многогранную взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и управлением межличностными конфликтами в профессиональной среде. Задачи исследования носят двоякий характер:

- 1) прояснить фундаментальную роль ЭИ в распознавании и интерпретации эмоциональной динамики конфликтов;
- 2) изучить, как эти знания могут быть стратегически применены для эффективного управления и разрешения профессиональных споров.

Статья будет дополнена набором проницательных и редко используемых лингвистических конструкций, особенно в области глаголов и существительных, чтобы обогатить академический дискурс.

Проблемное ядро настоящего исследования вытекает из наблюдения, что, хотя межличностные конфликты неизбежны в профессиональной сфере, механизмы, с помощью которых ЭИ может влиять на их разрешение, остаются недостаточно изученными. Гипотеза предполагает, что более высокие уровни ЭИ у индивидов ведут к более эффективному управлению и разрешению межличностных конфликтов в профессиональной среде за счет усиления эмпатии, совершенствования стратегий общения и навыков ведения переговоров. Эта гипотеза, основанная на слиянии эмоционального познания и социального взаимодействия, призвана осветить сложные пути, по которым ЭИ функционирует в качестве катализатора для преобразования конфликта в конструктивный диалог, тем самым способствуя созданию среды, благоприятной для организационной эффективности и гармонии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические основы эмоционального интеллекта начинаются со всестороннего раскрытия его сущности и основных элементов, опираясь на авторитетные научные труды. Эмоциональный интеллект, как постулировал Д. Гоулман, включает способность человека различать, понимать и регулировать собственные эмоции и эмоции других людей. Этот многогранный конструкт опирается на такие ключевые компоненты, как самосознание, саморегуляция, социальная осведомленность и управление отношениями [1].

По определению А.И. Дрогобыцкого, самосознание в ЭИ подразумевает острое осознание своих эмоциональных состояний, тенденций и их эманаций [2]. Эта интроспективная грань является основополагающей для понимания того, как эмоции влияют на взаимодействие и принятие решений. В свою очередь саморегуляция, по определению М.Я. Веприковой, означает умение управлять своими эмоциональными реакциями для поддержания равновесия в различных ситуациях [3].

Социальная осведомленность, по мнению Е.В. Яшкова и др., включает способность распознавать и понимать эмоции и потребности других людей, что способствует эмпатическому взаимодействию

и эффективной коммуникации [4]. Одновременно с этим управление отношениями, освещенное С. Шабановым и А. Алешиной, означает умение ориентироваться и позитивно организовывать межличностную динамику, используя эмоциональные инсайты для конструктивных взаимодействий [5].

В контексте профессиональной среды эти измерения ЭИ приобретают выраженную значимость, как утверждает И.Н. Андреева [6]. Способность ловко лавировать в эмоциональных потоках и направлять взаимодействие к гармоничному разрешению имеет первостепенное значение для смягчения конфликтов. Д.В. Люсин подчеркивает динамическое взаимодействие между эмоциональным интеллектом и конфликтной компетентностью, указывая на ключевую роль ЭИ в распознавании эмоциональных контуров конфликтов и выработке соответствующей стратегии [7].

Эмоциональный интеллект предстает как сложный спектр, состоящий из интроспекции, эмпатии и межличностной ловкости [8]. Его роль в навигации по лабиринтам профессиональных конфликтов является не просто вспомогательной, но неотъемлемой, предлагая глубокие идеи и прагматичные решения для укрепления организационной гармонии.

Исторический обзор эмоционального интеллекта и его роли в управлении конфликтами представляет захватывающее повествование, в котором психологическая теория переплетается с практическим применением в организационной среде. Изучение начинается с основополагающей работы Д.Р. Карузо и П. Саловей, которые утверждали, что ЭИ – важнейший навык в лидерстве и организационном управлении [9]. Их новаторские идеи заложили основу для понимания того, как осознание и регулирование эмоций может значительно повысить эффективность управления и разрешения конфликтов.

Вклад Е.В. Япшковой, Н.А. Синевой, М.А. Голубковой и Ю.М. Завьяловой расширяет это представление, подчеркивая ключевую роль ЭИ в профессиональной деятельности менеджеров. Результаты их исследования позволяют понять, как менеджеры с высоким уровнем ЭИ умеют ориентироваться в межличностной динамике и смягчать конфликты, способствуя тем самым созданию гармоничного рабочего места [4].

Исследование М.Ю. Веприковой еще больше обогащает этот дискурс, рассматривая, как эмоциональный интеллект лидеров может повысить корпоративную культуру и эффективность. Выводы Веприковой подчеркивают важность ЭИ в создании благоприятной среды для разрешения конфликтов и организационного развития [3].

В частности, С. Шабанов и А. Алешина в своей работе углубляются в российский контекст ЭИ, предоставляя эмпирические доказательства его эффективности в управлении конфликтами в рамках различных организационных культур. Их анализ представляет нюансы понимания того, как ЭИ воспринимается и используется в различных профессиональных средах [5].

Благодаря вкладу Д.В. Люсина сфера исследований ЭИ еще больше расширяется. Его работы по социальному интеллекту, важнейшим компонентом которого является ЭИ, предлагают более широкую основу для понимания межличностных отношений и динамики конфликтов [7]. М.А. Манойлова сосредоточилась на акмеологическом развитии ЭИ у педагогов и студентов, что дает представление о том, как можно культивировать ЭИ и как он влияет на межличностные отношения [10].

На международной арене такие авторы, как Т. Брэдберри, Дж. Гривз, П.Т. Коулман, К.Э. Рунде и Т.А. Фланаган, внесли значительный вклад в понимание роли ЭИ в разрешении конфликтов. В их работах исследуются различные аспекты ЭИ – от создания конфликтно-компетентных команд до поиска решений в, казалось бы, неразрешимых спорах.

В этом историческом спектре исследований эмоционального интеллекта, состоящем из психологических теорий и эмпирических исследований, прослеживается постоянная тема: глубокое влияние ЭИ на управление и разрешение конфликтов в профессиональной среде [11]. Эволюция этой концепции подчеркивает ее растущую актуальность и применимость в современных сложных организационных условиях [12].

Теоретический ландшафт теорий межличностных конфликтов представляет мозаику разнообразных точек зрения, каждая из которых способствует более глубокому пониманию динамики, проявляющейся в конфликтных ситуациях [13]. Центральное место в этих исследованиях занимает роль ЭИ как посредника и преобразователя конфликтных взаимодействий.

В основе этих теорий лежит признание конфликта как неотъемлемого аспекта человеческого взаимодействия, как утверждает М.Ю. Веприкова [3]. При эффективном управлении конфликтами они, хотя часто воспринимаются негативно, могут стать катализатором позитивных организационных изменений. Это мнение совпадает с принципами, изложенными Д. Гоулманом, который утверждает, что ЭИ имеет решающее значение для интерпретации и навигации по эмоциональным сложностям конфликтов [1].

Работа А.И. Дрогобыцкого обогащает этот дискурс, подчеркивая, что ЭИ у современных менеджеров играет ключевую роль в разрешении конфликтов. Эксперт подчеркивает, что менеджеры с высоким уровнем ЭИ лучше понимают и разрешают межличностные споры, превращая потенциальную напряженность на рабочем месте в возможности для роста и сотрудничества [2].

Эти теоретические основы в совокупности подчеркивают преобразующую силу ЭИ в управлении межличностными конфликтами. Они показывают, что способность различать, понимать и регулировать эмоции играет важнейшую роль в прохождении бурных вод межличностных разногласий, прокладывая путь к более гармоничному и продуктивному взаимодействию в различных профессиональных средах.

Аналитическое исследование связи между эмоциональным интеллектом и управлением конфликтами позволяет понять, как нюансы ЭИ влияют на конфликтные сценарии и потенциально могут их разрешить [14]. В этом анализе синтезированы идеи множества выдающихся ученых в этой области.

В своем исследовании С. Шабанов и А. Алешина представляют фундаментальный взгляд на то, как ЭИ проявляется в российских профессиональных практиках. Они утверждают, что основные компоненты ЭИ – самосознание, саморегуляция, социальная осведомленность и управление взаимоотношениями – играют важную роль в распознавании эмоциональной подоплеки конфликтов. В частности, способность к эмпатии и пониманию эмоциональных состояний других людей играет решающую роль в деэскалации напряженности [5].

В ходе развития этой идеи И.Н. Андреева рассматривает ЭИ как современный психологический феномен. В ее работе подчеркивается значимость эмоциональной осведомленности в выявлении и устранении глубинных причин конфликтов, что позволяет предотвратить их эскалацию [6]. Этот подход согласуется с выводами Д.Р. Карузо и П. Саловея, которые подчеркивают роль ЭИ в эффективном лидерстве и его прямое влияние на управление спорами на рабочем месте [9].

Вклад Д.В. Люсина в сферу социального интеллекта, в том числе ЭИ, предлагает более широкий контекст для понимания межличностной динамики в конфликтных ситуациях. Его исследования показывают, что люди с более высоким уровнем ЭИ лучше ориентируются в сложных эмоциональных ландшафтах, что позволяет более конструктивно разрешать конфликты [7].

Современные работы Т. Брэдберри и Дж. Гривза, П.Т. Коулмана и Д. Шапиро еще больше освещают применение эмоционального интеллекта в разрешении конфликтов. Например, Т. Брэдберри и Дж. Гривз обсуждают, как можно развивать и использовать ЭИ для улучшения межличностных отношений и навыков управления конфликтами [11].

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КАТАЛИЗАТОР ГАРМОНИИ

Синтез этих научных взглядов рисует всеобъемлющую картину ЭИ как многогранного инструмента управления конфликтами. Он подчеркивает глубокое влияние эмоциональной осведомленности, регуляции и эмпатии в понимании и разрешении споров. Этот анализ не только закладывает теоретическую основу, но и предлагает практические идеи для отдельных людей и организаций, стремящихся к созданию более гармоничной и продуктивной рабочей среды.

Взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и управлением конфликтами наглядно показана в различных примерах, отражающих реальные сценарии и их разрешение. Эти примеры служат осязаемым проявлением теоретических конструктов, рассмотренных ранее, демонстрируя ЭИ в действии.

Рассмотрим случай с технологическим стартапом, где быстрый рост и высокие ставки привели к повышенной напряженности в команде. Генеральный директор, сторонник ЭИ, использовал свой острый самоанализ и эмпатию, чтобы выявить основные стрессовые факторы, подпитывающие конфликт. Применяя техники активного слушания и эмоционального подтверждения, он способствовал диалогу, в котором учитывалась точка зрения каждого члена команды. Благодаря такому подходу, использующему основные постулаты ЭИ, потенциально разрушительный конфликт превратился в совместное решение проблем, что повысило сплоченность и доверие в коллективе.

Другой показательный пример произошел в многонациональной корпорации, где культурные различия и коммуникационные барьеры привели к недопониманию. Старший менеджер, знающий толк в ЭИ, распознал эмоциональную подоплеку и применил кросс-культурный эмоциональный интеллект. Он инициировал тренинг по восприятию культуры и создал атмосферу инклюзивности, в которой признавались и уважались различные эмоциональные проявления и реакции. Такое стратегическое

применение ЭИ для понимания и преодоления культурных различий оказалось полезным для разрешения конфликтов и создания более гармоничной рабочей обстановки.

В сфере здравоохранения одна из больниц столкнулась с проблемами межведомственных конфликтов, в первую очередь из-за высокого уровня стресса и несогласованности целей. Руководитель медсестер, известная своим высоким интеллектом, выступила в роли посредника. Она ловко ориентировалась в эмоциональном ландшафте разных отделений, используя свои навыки управления взаимоотношениями для обеспечения эффективной коммуникации и взаимопонимания. Ее способность понять проблемы каждого отдела и формулировать коллективное видение привела к разрешению давних споров, улучшив совместные усилия и повысив качество обслуживания пациентов.

Эти примеры наглядно демонстрируют, как при умелом применении ЭИ становится мощным инструментом в расшифровке и разрешении конфликтов в различных профессиональных условиях. Способность понимать свои эмоции и управлять ими, а также воспринимать эмоции других людей и влиять на них становится не просто желательной чертой, но и необходимым навыком в современной сложной и быстро меняющейся рабочей среде. Эти реальные сценарии подтверждают глубокое влияние ЭИ на эффективное разрешение конфликтов, укрепление межличностных отношений и, следовательно, на успех организации. В сложной области эмоционального интеллекта самосознание и эмпатия выступают в качестве ключевых элементов эффективного управления конфликтами. Эти аспекты ЭИ наделяют людей способностью ориентироваться в сложных эмоциональных ландшафтах межличностных споров с пронизательностью и чуткостью.

Самосознание – глубокое понимание своего эмоционального состояния, мотивов и желаний – служит краеугольным камнем в управлении конфликтами. Оно позволяет людям распознавать свои эмоциональные триггеры и предубеждения, что дает им возможность подходить к конфликтам взвешенно и интроспективно. Например, менеджер проекта, склонный к фрустрации в ситуациях высокого давления, благодаря развитию самосознания учится определять начало таких эмоций. Это осознание позволяет менеджеру использовать стратегии саморегуляции, такие как глубокое дыхание или временное отключение, для предотвращения эмоциональной эскалации и поддержания конструктивного диалога.

Не менее важную роль играет эмпатия – способность понимать эмоциональные переживания других людей и сопереживать им. Она помогает понять конфликт с разных точек зрения, способствуя созданию атмосферы взаимного уважения и открытого общения. Рассмотрим сценарий в корпоративной среде, где члены команды спорят о распределении ресурсов. Сопереживающий лидер, признавая и подтверждая озабоченность и точку зрения каждого члена команды, может разрядить напряженность и направить команду к консенсусу. Такой эмпатический подход не только разрешает непосредственный конфликт, но и закладывает фундамент доверия и сотрудничества в команде.

Симбиотическая связь между самоанализом и эмпатией в системе эмоционального интеллекта особенно очевидна в переговорах. Переговорщик, обладающий острым чувством самосознания, может эффективно управлять своими эмоциональными реакциями, сохраняя ясность и собранность. В то же время способность к сопереживанию позволяет им улавливать эмоции и намерения другой стороны, что помогает применять стратегии, направленные на устранение основных проблем и способствующие взаимовыгодному урегулированию. Эти примеры подчеркивают незаменимость самоанализа и эмпатии в управлении конфликтами. Они показывают, как эти компоненты эмоционального интеллекта не только способствуют разрешению сиюминутных споров, но и формируют среду, благоприятную для долгосрочной гармонии в отношениях и успешной совместной работы. Такое тонкое понимание себя и других, а также способность умело управлять эмоциями являются основополагающими для превращения потенциальных конфликтов в возможности для роста и понимания.

СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В практической сфере повышения эмоционального интеллекта у профессионалов ключевую роль играет применение конкретных стратегий и методик. Эти методики способствуют развитию ЭИ, тем самым повышая мастерство управления личными эмоциями и понимания эмоций других людей.

Медитация осознанности является мощной техникой развития самосознания – фундаментального аспекта эмоционального развития. Эта практика предполагает концентрацию внимания на текущем моменте, наблюдение за мыслями и чувствами без осуждения. Например, корпоративный руководитель, практикующий осознанность, может достичь большей осведомленности о своих эмоциональных реакциях во время встреч

с высоким уровнем стресса. Такая повышенная осознанность позволяет добиться более контролируемых и продуманных реакций, улучшая межличностное взаимодействие и процесс принятия решений.

Ведение дневника – еще один эффективный метод – помогает развивать как самосознание, так и саморегуляцию. Регулярно записывая мысли и эмоциональные переживания, профессионалы могут обнаружить закономерности в своих эмоциональных реакциях и триггерах. Такой самоанализ позволяет людям разработать стратегии эмоциональной регуляции, необходимые для эффективного разрешения конфликтов и сопереживания коллегам. Эмпатию можно усилить с помощью упражнений на активное слушание, которые предполагают полную концентрацию на том, что говорят другие, понимание, реагирование и запоминание. Например, менеджер, активно слушающий во время командных дискуссий, может лучше понять точку зрения членов команды, что приведет к более эмпатичному и инклюзивному руководству.

Ролевые игры, часто используемые в обучающих программах, позволяют погрузиться в процесс развития различных аспектов ЭИ. Эти упражнения имитируют сложные сценарии межличностного общения, позволяя специалистам отрабатывать эмоциональные реакции и эмпатию в контролируемой среде. Например, ролевая игра с трудным клиентом может помочь специалистам по обслуживанию клиентов лучше управлять своими эмоциональными реакциями в реальных ситуациях, улучшая их способность справляться со сложными взаимодействиями с самообладанием и пониманием. Семинары-тренинги по эмоциональному интеллекту, которые используют эти техники, все чаще включаются в программы профессионального развития. Такие семинары предлагают структурированный подход к повышению уровня ЭИ, сочетая теоретические знания с практическими упражнениями.

Включение этих методик в регулярное профессиональное развитие не только повышает индивидуальный эмоциональный интеллект, но и способствует формированию более эмоционально интеллектуальной организационной культуры. Такая культура характеризуется улучшенной коммуникацией, эмпатией и эффективным разрешением конфликтов, что приводит к повышению эффективности командной работы и производительности. Этот практический подход к развитию ЭИ подчеркивает ощутимые преимущества, которые эмоциональный интеллект приносит в профессиональную среду, изменяя способы взаимодействия и сотрудничества между людьми и командами.

В стремлении развить эмоциональный интеллект в профессиональной сфере первостепенное значение имеет проведение целевых упражнений и тренинговых программ. Эти тщательно разработанные мероприятия направлены на развитие разнообразных навыков, связанных с ЭИ, включая самосознание, саморегуляцию, эмпатию и социальные навыки. Одним из инновационных упражнений является «Дневник эмоционального отражения», в котором профессионалам предлагается вести хронику своих ежедневных эмоциональных переживаний и реакций. Интроспективная практика не только способствует развитию самосознания, но и помогает сформулировать сложные эмоциональные состояния. Например, менеджер проекта может записать чувство разочарования во время сложного командного совещания, а затем проанализировать его основные причины и предложить потенциальные стратегии эмоциональной регуляции.

«Семинары по составлению карт эмпатии» – еще одно трансформационное упражнение, в ходе которого участники изучают сценарии с точки зрения нескольких заинтересованных сторон. Данная техника способствует развитию эмпатического понимания и когнитивной эмпатии, что важно для ролей, требующих высокого уровня межличностного взаимодействия и ведения переговоров. В ходе семинаров профессионалы выполняют упражнения на переключение ролей, представляя эмоциональный ландшафт с точки зрения клиентов, коллег или других заинтересованных сторон, тем самым оттачивая свою способность воспринимать и реагировать на эмоциональные потребности других людей.

Сессии «Динамическая групповая ролевая игра» служат еще одной важной тренировочной площадкой для развития эмоционального интеллекта. На этих занятиях участники участвуют в моделировании сценариев, которые имитируют реальные конфликты или проблемы. Динамичный характер ролевых игр позволяет исследовать эмоциональные реакции в безопасной, контролируемой среде, развивая навыки эмоциональной регуляции и социального взаимодействия.

Выездные семинары «Интеллектуальное общение» предлагают погружение в атмосферу, направленное на развитие активного слушания и эмпатического общения. Такие семинары часто включают практики осознанности, интерактивные диалоги и рефлексивные упражнения, направленные на развитие способности участников слушать, понимать и общаться с другими людьми на эмоциональном уровне.

Интенсивный вариант обучения – «Лагеря эмоционального интеллекта». В таких буткампах различные упражнения и теоретические занятия объединены в сжатую программу. Часто они включают модули, посвященные пониманию эмоционального интеллекта, практические инструменты для эмоционального самоанализа, стратегии эмоциональной регуляции и техники эмпатического взаимодействия. Внедрение этих упражнений и тренинговых программ в программы профессионального развития имеет огромное значение. Они не только повышают индивидуальные эмоциональные компетенции, но и вносят значительный вклад в создание эмоционально интеллектуальных организаций. Такие организации характеризуются улучшенной межличностной динамикой, расширенными возможностями по разрешению конфликтов и глубоким пониманием эмоциональных факторов, влияющих на взаимодействие на рабочем месте. Такой целостный подход к развитию ЭИ подчеркивает его жизненно важную роль в формировании эмоциональной и реляционной ткани профессиональной среды.

ВЫВОДЫ

Исследование сферы эмоционального интеллекта и его влияния на управление межличностными конфликтами в профессиональной среде позволило сделать глубокие выводы и практические рекомендации. Оно подчеркнуло квинтэссенциальную роль ЭИ в распознавании, интерпретации и умелом управлении эмоциональными аспектами конфликтов. Основные выводы показывают, что ключевые компоненты ЭИ, такие как самосознание, эмпатия, саморегуляция и социальные навыки, являются неотъемлемой частью эффективного рассмотрения и разрешения конфликтов. Повышенный уровень самоанализа позволяет людям понимать свои эмоциональные триггеры, что способствует более взвешенному и конструктивному реагированию в конфликтных ситуациях. Эмпатия, с другой стороны, наделяет профессионалов способностью воспринимать и оценивать эмоциональные состояния других людей, прокладывая путь к более эмпатичному и инклюзивному общению.

Практическая значимость этих знаний заключается в их применимости в различных сферах профессиональной деятельности. Внедрение тренинговых программ, направленных на развитие ЭИ, может привести к созданию более гармоничного рабочего места, характеризующегося улучшенной коммуникацией, снижением конфликтов и усилением командной работы. Такая среда не только способствует благополучию личности, но и повышает эффективность и продуктивность организации.

Будущие исследования открывают широкие горизонты для изучения нюансов применения ЭИ в различных профессиональных контекстах. Они могут быть направлены на изучение дифференцированного воздействия ЭИ в различных культурных средах, отраслях и организационных иерархиях. Дальнейшие исследования также могут быть направлены на изучение продольного влияния обучения навыкам использования эмоционального интеллекта на показатели эффективности организации, что позволит получить более полное количественное представление о его преимуществах. Взаимодействие между технологическими достижениями, такими как искусственный интеллект и ЭИ, представляет новую область для исследования. Понимание того, как можно использовать технологии для повышения эффективности обучения навыкам эмоционального развития и их применения в виртуальной или гибридной рабочей среде, может быть особенно актуальным в условиях развивающегося ландшафта профессионального взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование не только вносит вклад в растущее количество литературы по ЭИ, но и предлагает практические стратегии для его развития в профессиональной среде. Его результаты выходят за рамки академического дискурса, предлагая ощутимые преимущества для отдельных людей и организаций, стремящихся ориентироваться в сложных эмоциональных ситуациях на современном рабочем месте.

Список литературы

1. *Гулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2019. 544 с.
2. *Дробыцкий А.П.* Эмоциональный интеллект современного менеджера. Вестник НГУ. 2007;2:111–113.
3. *Веприкова М.Я.* Повышение эффективности корпоративной культуры через влияние эмоционального интеллекта руководителя. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019;10-1(9):390–398.
4. *Яшкова Е.В., Синева Н.А., Голубкова М.А., Завьялова Ю.М.* Роль эмоционального интеллекта в профессиональной деятельности менеджера. Перспективы науки и образования. 2017;6:41–43.

5. Шабанов С., Алешина А. Эмоциональный интеллект. Российская практика. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2017. 432 с.
6. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк: ПГУ; 2011. 388 с.
7. Лусин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН; 2004. 176 с.
8. Jordan P.J., Ashkanasy N.M., Ascough K.W. Emotional intelligence in organizational behavior and industrial-organizational psychology. In: Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. (eds.) The science of emotional intelligence: Knowns and unknowns. New York, NY: Oxford University Press; 2007. Pp. 356–375.
9. Caruso D.R., Salovey P. The Emotionally Intelligent Manager: How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leadership. 2004. 320 p.
10. Манойлова М.А. Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и учащихся. Псков: ПГПИ; 2004. 140 с.
11. Bradberry T., Greaves J. Emotional Intelligence 2.0. 2009. 255 p.
12. Runde Craig E., Flanagan Tim A. Building Conflict Competent Teams. 2008. 240 p.
13. Shapiro D. Negotiating the Nonnegotiable: How to Resolve Your Most Emotionally Charged Conflicts. 2016. 336 p.
14. Coleman Peter T. The Five Percent: Finding Solutions to Seemingly Impossible Conflicts. 2011. 288 p.

References

1. Goleman D. Emotional Intelligence. Why it can mean more than IQ. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2019. 544 p. (In Russian).
2. Drogobyt'sky A.I. Emotional intellect of modern manager. Vestnik NSU. 2007;2:111–113. (In Russian).
3. Veprikova M.Ya. Increasing the effectiveness of corporate culture through the influence of a director's emotional intelligence. Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2019;10-1(9):390–398. (In Russian).
4. Yashkova E.V., Sineva N.L., Golubkova M.A., Zariyalova Yu.M. The role of emotional intelligence in the professional activities of a manager. Perspectives of Science and Education. 2017;6:41–43. (In Russian).
5. Shabanov S., Alyoshina A. Emotional intelligence. Russian practice. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. 432 p. (In Russian).
6. Andreeva I.N. Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology. Novopolotsk; 2011. 388 p. (In Russian).
7. Lysin D.V. Modern views on emotional intelligence. Social intelligence: Theory, Measurement, Research. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2004. 176 p. (In Russian).
8. Jordan P.J., Ashkanasy N.M., Ascough K.W. Emotional intelligence in organizational behavior and industrial-organizational psychology. In: Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. (eds.) The science of emotional intelligence: Knowns and unknowns. New York, NY: Oxford University Press; 2007. Pp. 356–375.
9. Caruso D.R., Salovey P. The Emotionally Intelligent Manager: How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leadership. 2004. 320 p.
10. Manoilova M.A. Akmeological development of emotional intelligence in teachers and students. Pskov; 2004. 140 p. (In Russian).
11. Bradberry T., Greaves J. Emotional Intelligence 2.0. 2009. 255 p.
12. Runde Craig E., Flanagan Tim A. Building Conflict Competent Teams. 2008. 240 p.
13. Shapiro D. Negotiating the Nonnegotiable: How to Resolve Your Most Emotionally Charged Conflicts. 2016. 336 p.
14. Coleman Peter T. The Five Percent: Finding Solutions to Seemingly Impossible Conflicts. 2011. 288 p.

Социокультурный ресурс управленческой стратегии современного Китая

Филиндаш Лариса Васильевна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0001-7076-379X, e-mail: lfildash@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена основным социокультурным ресурсам, обеспечивающим успешность управленческой стратегии современного Китая. Закон «О государственной службе» рассматривается в качестве важного правового ресурса, регламентирующего деятельность государственных кадров. Поскольку социальная стабильность китайского общества объясняется многопартийностью политической системы страны при лидирующей роли Коммунистической партии Китая, в статье представлена разработанная автором таблица о партиях, включающая логотип, информацию о руководителях и их образовании, данные о степени влияния каждой партии в обществе и времени ее создания. Возможность проведения консультаций с участием всех официально действующих сторон гарантирует Коммунистической партии Китая принятие теоретически обоснованного плана реализации проводимых реформ, который интерпретируется как важный управленческий ресурс наряду с кадровой политикой. Социокультурный вектор управленческой стратегии трактуется в дискурсе теории построения социализма с китайской спецификой, что предполагает повышение жизненного уровня при развитии отраслей, обеспечивающих витальные потребности человека и общественно значимые инновационные направления в науке и экономике. Автор приходит к выводу о том, что ресурсы управленческой стратегии имеют многовекторный характер, который проявляется в экономической и культурной, научной и технологической, политической и идеологической областях.

Ключевые слова

Коммунистическая партия Китая, многопартийность, национальная идентичность, правовой/политический/идеологический/кадровый ресурс, социальная стабильность, социокультурные программы, управленческая стратегия

Для цитирования: Филиндаш Л.В. Социокультурный ресурс управленческой стратегии современного Китая // Вестник университета. 2024. № 6. С. 189–198.

Socio-cultural resource of management strategy of modern China

Larisa V. Filindash

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department
ORCID: 0000-0001-7076-379X, e-mail: lfilindash@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article studies main socio-cultural resources that ensure the success of the management strategy of modern China. The Law “On Public Service” is considered as an important legal resource regulating the activities of public personnel. Since the social stability of the Chinese society is explained by the multi-party political system of the country with the leading role of the Communist Party of China, the article presents a table compiled by the author about the parties, including the logo, information about the leaders and their education, data on the degree of influence of each party in society and its establishment time. The possibility of consultations with the participation of all officially operating parties guarantees the Communist Party of China the adoption of a theoretically grounded plan for ongoing reforms implementation, which is interpreted as an important managerial resource along with personnel policy. The socio-cultural vector of the management strategy is interpreted in the discourse of the building socialism theory with Chinese specifics, which implies the living standards improvement with industries development that provide vital human needs and socially important innovation directions in science and economy. The author concludes that the management strategy resources have a multi-vector character, which is manifested in economic and cultural, scientific and technological, political and ideological spheres.

Keywords

Communist Party of China, multiparty system, national identity, legal/political/ideological/personnel resource, social stability, socio-cultural programs, management strategy

Для цитирования: Filindash L.V. Socio-cultural resource of management strategy of modern China//Вестник университета. 2024. № 6. С. 189–198.

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес представляет системный подход к рассмотрению ресурсов управленческой стратегии, включающих правовую, политическую, идеологическую, кадровую и другие составляющие. Целью исследования является изучение социокультурного содержания политики глобального реформирования современного Китая. Новизна исследования заключается в классификации факторов, обеспечивающих идеологическую программу построения единственной в мире крупной социалистической державы.

Для решения поставленной цели приводится Закон «О государственной службе», реализующий стратегию «Партия отвечает за кадры». Многопартийное сотрудничество в рамках Народного политического консультативного совета Китая (далее – НПКСК) является политическим ресурсом единого согласованного курса развития страны. Эффективное управление на государственном уровне обеспечивается не только научным обоснованием принимаемых решений, но и наличием общегосударственной системы подготовки и переподготовки кадров.

Социокультурное содержание управленческой стратегии современного Китая изучается в контексте идеи построения социализма с китайской спецификой. Автор приходит к заключению о том, что модернизированная в стране идеология восходит к теории научного коммунизма и смыслу советских идеологем «повышение жизненного уровня» и «улучшение благосостояния народа», которые реализуются в системе мероприятий в экономике и политике, культуре и науке, образовании и медицине.

Проведенная автором систематизация сведений позволяет утверждать, что эффективными ресурсами управленческой стратегии выступают правовая и политическая структуры, научная обоснованность экономических реформ, создание компетентного аппарата государственных служащих, следование идеологическим постулатам теории социализма с китайской спецификой. Заявленная тема представляет не только научный, но и практический интерес в русле поисков возможных путей дальнейшего цивилизационного развития.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

На современном цивилизационном этапе в связи с изменением экономического, технологического, гуманитарного потенциала и трансформацией политической картины мира усложняются проблемы поступательного развития общества, что требует привлечения социокультурного ресурса управления социума.

Ученые изучают проблемы изменений процессов управления в связи с развитием цифровой экономики и оценивают перспективы перераспределения управленческих функций [1]. В настоящее время к глобальной проблеме относят сокращение численности работоспособного населения на фоне увеличения продолжительности жизни, характер образования в условиях широкого применения искусственного интеллекта. Социокультурной основе современной подготовки кадров для государственного управления страной, осмыслению динамики и перспектив профессионализации управленческого образования современного Китая посвящена статья М.Ю. Захарова [2]. Теоретический интерес представляет осмысление личностного статуса в реальном и виртуальном коммуникативном измерениях [3]. На этапе цифровой экономики и использования искусственного интеллекта возрастает роль государственных служащих в реализации управленческих стратегий в области культуры, экономики, политики [4–6]. Исследователи обращаются к вопросам государственного регулирования гражданской службы, изучению нормативных документов государственно-партийного характера, особенностям трансформации государственной службы Китая в новых экономических условиях, сравнительному анализу системы государственных служб Китая и Российской Федерации (далее – РФ, Россия) [7–10].

Научный интерес представляет опыт создания политической стабильности в Китае, что обеспечивается руководящей ролью Коммунистической партии Китая (далее – КПК) [11]. Прогрессивное развитие страны в современную эпоху базируется на официальной теории социализма с китайской спецификой, которая трактуется отечественными и китайскими специалистами [12–16].

«Широкой гамме социо-технологических областей, в конечном счете влияющих на экономику», посвящена работа С.В. Николаева [17, с. 39]. На базе конкретных данных Д.А. Серпуховитин приходит к выводу о том, что прогресс «национальной инновационной системы играет решающую роль в экономическом развитии страны и росте ее конкурентоспособности на мировой арене» [18, с. 51].

Проблемы управления актуализируются на современном цивилизационном этапе в связи с необходимостью согласовать дихотомические тенденции, проявляющиеся в социальном и технологическом

планах. Появляются монографии, основанные на сравнительном анализе опыта стран с отличающимися социокультурными реалиями, разным экономическим и энергетическим потенциалом, в частности России и Китая [19; 20]. Внимание профессионалов привлекает проблема коммерциализации культурных проектов как управленческая стратегия социальной политики Китая [21].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Системный метод используется при анализе концептуальных аспектов основных ресурсов управленческой стратегии. Изучение их социокультурного содержания на основе применения типологического подхода позволяет выделить законодательный, политический, кадровый, научный, идеологический типы ресурсов. Абстрагирование от критериев качественной оценки кадрового потенциала предоставляет возможность сосредоточиться на проблеме обеспечения КПК контролирующей роли в управленческой политике на этапе глобальных преобразований. Компаративный метод дает результативный эффект при составлении таблицы с целью структурирования политической системы Китая, отличающейся многопартийностью.

Индуктивный характер исследования позволяет сделать вывод об условиях эффективности управленческой стратегии, исходя из осмысления механизма принимаемых решений и государственной системы подготовки и переподготовки кадров. Описательный метод реализуется при перечислении мероприятий, имеющих социокультурное содержание и составляющих основу управленческой стратегии. Аналитико-описательный подход способствует рассмотрению социокультурных программ с точки зрения их содержания. Метод синтезирования применяется при определении правовых и политических, социальных и идеологических ресурсов для характеристики многосторонней управленческой стратегии современного Китая.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Важным социальным и правовым ресурсом управленческой стратегии является регламентация деятельности кадров, которая зафиксирована в законе «О государственной службе». Утверждение его последней редакцией таким авторитетным органом, как Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, свидетельствует об исключительной важности управленческого ресурса в обеспечении успешности глобальных реформ цивилизационного характера, проводимых в стране.

Положения Закона базируются на постулатах Конституции о руководящей роли КПК, о народном представительстве во всех властных структурах административно-территориального подчинения и организациях исполнительной власти на местах. Важным принципом документа является соответствие должности квалификационным требованиям, предусматривающее разные механизмы стимулирования государственных служащих.

Закон гарантирует реализацию управленческой стратегии, выраженной в тезисе «Партия отвечает за кадры». В условиях глобальных социокультурных реформ для создания корпуса государственных служащих, способных развивать идеологию социализма, принципы равноправия, открытости и конкурентности становятся целеполагающими.

Социальная стабильность китайского общества обеспечивается деятельностью легальных партий на основе многопартийного сотрудничества. Целью НПКСК является выработка единого согласованного курса и недопущение оппозиций.

Коммунистическая партия не является единственной в Китае: в политической системе присутствуют 8 официально зарегистрированных, так называемых демократических, партий. Они входят в состав государственного органа с совещательной функцией НПКСК, деятельность которого основана на единстве идеологии – социализма с китайской спецификой и признании ведущей роли КПК. Принцип многопартийного сотрудничества отражен в Конституции Китая, в которой сформулирована кардинальная задача руководства страны – «постепенно осуществить модернизацию промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки и техники и продвигать гармоничное развитие материальной, политической и духовной культуры»¹.

Представительство в высшем законодательном органе страны и численность зарегистрированных действующих в Китае партий свидетельствуют об их популярности. Автором предлагается разработанная информативная таблица о партиях, составляющих политический ресурс управленческой стратегии.

¹ Конституция Китайской Народной Республики (в редакции 2018 г.). Режим доступа: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/?ysclid=lor8oiz6al872883685 (дата обращения: 10.04.2024).

Таблица 1

Партии в современном Китае

Название / Год основания	Логотип	Основатель (годы жизни, образование)	Современный руководитель (годы жизни, образование)	Численность, чел. / Количество мест в ВСНП, шт.
Коммунистическая партия Китая – 1921 г.		Чэнь Дусю (1879–1942 гг.) – университеты в Китае (Чжэцзян) и Японии Ли Дачжао (1889–1927 гг.) – Университет Васэда, Япония	Си Цзиньпинь (1953 г.р.) – Генеральный Секретарь ЦК (с 2012 г.), Университет Цинхуа (Пекин)	98 000 000 / 108
Революционный комитет Гоминьдана – 1948 г.		Ли Циэнь (1885–1959 гг.) – Военная академия Баолин	Чжоу Тенун (1938–2023 гг.) – Председатель ЦК, Пекинский университет	131 000 / 5
Демократическая лига Китая – 1941 г.		Чжан Лань (1872–1955 гг.) – образование неизвестно, с 1928 г. – президент Чэндуского педагогического института	Дин Чжунли (1957 г.р.) – Университет Чжэцзян	1 598 800 / 7
Ассоциация демократического национального строительства Китая («Минцзянь») – 1945 г.		Гу Цзетан (1893–1980 гг.) – Пекинский университет	Хао Минцинь (1956 г.р.) – Шаньдунский педагогический университет, Северо-Восточный педагогический университет, Китайский университет политических наук и права	117 000 / 2
Ассоциация содействия развитию демократии Китая – 1945 г.		Ма Сюлон (1885–1970 гг.) – профессор Пекинского университета	Цай Дафэн (1960 г.р.) – Университет Тунцзи	156 808 / 6

Окончание табл. 1

Название / Год основания	Логотип	Основатель (годы жизни, образование)	Современный руководитель (годы жизни, образование)	Численность, чел. / Количество мест в ВСНП, шт.
Рабоче-крестьянская демократическая партия Китая – 1927 г.		Дэн Яньда (1895–1931 гг.) – Военная академия Баолин	Хэ Вэй (1955 г.р.) – Хэйлунцзянский колледж китайской медицины	177 900 / 6
Партия Чжундан – 1925 г.		Сыту Мэйтан (1872–1956 гг.)	Вань Ган (1952 г.р.) – Северо-восточный лесной университет, Университет Тунцзи, Клаустальский технический университет	20 000 / 3
«Общество 3 сентября»/ «Цзю-сань» – 1946 г.		Сюй Дэхан (1890–1990 гг.) – политик, ученый и педагог	У Вэйхуа (1956 г.р.) – Университет Шаньси, Ратгерский университет	167 000 / 6
Лига демократической автономии Тайваня/«Гаймэн» – 1947 г.		Члены Коммунистической партии Тайваня	Лиань Вэньи (1944 г.р.) – Университет Цинхуа	3 000 / 3

Примечание: ВСНП – Всекитайское собрание народных представителей, ЦК – Центральный комитет

Составлено автором по материалам исследования

НАУЧНЫЕ И КАДРОВЫЕ РЕСУРСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Эффективное управление на государственном уровне обеспечивается глубокой аналитической проработанностью принимаемых решений и созданием общегосударственной системы подготовки и переподготовки кадров.

Первое условие выполняется на основе изучения всех актуальных вопросов, обсуждение которых осуществляется в исследовательских центрах, работающих при Центральном комитете КПК и Государственном совете. Центр исследований развития при Государственном совете Китая, в который входят научные институты, фонды, департаменты, играет роль разработчика стратегически важных направлений поступательного движения. Они занимаются изучением современного состояния и перспектив развития сельского хозяйства, макро- и микроэкономики, человеческих и природных ресурсов, финансов, региональной и рыночной экономики. По инициативе Центра проводятся международные конференции и национальные форумы по актуальным проблемам социально-экономического реформирования Восточной Азии и Китая, кардинального изменения аксиологической парадигмы современной цивилизации. Центр, имеющий официальный статус Министерства стратегического анализа, предлагает теоретические результаты своих разработок, что обеспечивает научность принимаемых Центральным комитетом КПК и Государственным советом решений.

Можно утверждать, что систематические консультации действующих демократических партий при руководящей роли КПК гарантируют теоретическую базу текущего этапа реформ и выступают основным управленческим ресурсом, стабилизирующим политическое положение в стране.

Вторым условием эффективной деятельности служащих государственного аппарата являются наличие разветвленной сети организаций, обучающих кадры, и функционирование различных форм повышения квалификации.

Реформирование системы институтов по профилю государственного управления, финансов и экономики относится к началу социокультурных преобразований китайского общества в 1990-е гг. Вузы названных направлений подготовки стали действовать в рамках ранее существовавших партийных школ. Эта образовательная реформа в Китае известна как программа «Одно учебное заведение с двумя названиями». Ведущим вузом подобного типа является Национальная академия управления, которую в 2018 г. объединили с Центральной партийной школой КПК.

Таким образом, кадровая политика, основанная на авторитарной дисциплине, высоком профессионализме, приверженности официальной идеологии, считается важным ресурсом управленческой стратегии по модернизации современного Китая.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

На рубеже XX–XXI вв. целью управленческой стратегии является построение социализма с китайской спецификой, который сохраняет задачи повышения жизненного уровня и всестороннего улучшения благосостояния китайского народа. Управленческая стратегия реализуется в системе мероприятий, проводимых в идеологии и культуре, социальной и экономической политике.

Идеологической основой современной модернизации Китая выступает теория о специфическом китайском социализме. Задача создания идеального общества предполагает сочетание личных и общественных интересов, развитие ответственности каждого гражданина и созидательного потенциала всего народа, поддержание национальной идентичности на этапе, который характеризуется тенденцией культурного единообразия.

Сохранение национального своеобразия культуры в сочетании с высокими морально-нравственными принципами направлено на достижение авангардной позиции в современном мироустройстве. Социокультурные программы предполагают совершенствование образовательной системы, сокращение материальных и социальных границ между стратами, что обеспечивает всестороннее развитие личности. Главными экономическими векторами современных реформ выступают такие, как обеспечение способности китайских товаров конкурировать с аналогичной продукцией признанных брендов на международной арене, а также завоевание в перспективе лидирующего положения в некоторых отраслях производства.

В основе китайской управленческой стратегии заложен принцип главенства личности в отличие от западной модели, ставящей в центр внимания развитие экономики. «Научная программа развития» предполагает провести «пять единых согласований» [12]:

- равнозначное внимание развитию города и деревни – это ставит задачу формирования инфраструктуры социального содержания в сельской местности, что приведет к нивелированию разницы материального положения между сельским и городским населением;
- снижение различий между западными и восточными районами за счет внедрения региональных социально-экономических проектов;
- равноценность экономических и социокультурных программ – финансирование медицинской, образовательной, жилищно-бытовой систем и экономико-энергетического сектора;
- координация политики национальной самобытности и экономического преобладания в мировом масштабе – повышение качественного уровня экспортной продукции на основе инновационных технологий;
- гармонизация отношений между социумом и природой – следование новому типу индустриализации, не ухудшающему экологию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успех управленческой стратегии в Китае можно объяснить ее социокультурным содержанием, обеспечивающим витальные потребности человека и опережающим цивилизационное развитие страны. Государство одновременно развивает такие социально важные для человека отрасли, как медицина, продовольствие, образование, и общественно значимые инновационные направления в науке и экономике, в частности, энергетическую и транспортную инфраструктуру, искусственный интеллект, коммуникативные и цифровые технологии.

Эффективными ресурсами управленческой стратегии выступают правовая и политическая система, научная обоснованность экономических реформ, создание компетентного аппарата государственных служащих, следование идеологическим постулатам теории социализма с китайской спецификой. Имидж КПК как организатора и руководителя курса цивилизационной модернизации при многопартийной политической системе обеспечивает социальную стабильность в стране при существовании международной угрозы дезинтеграции. Таким образом, ресурсы управленческой стратегии современного Китая имеют многовекторный спектр развития, реализуемый во внутренней и внешней политике, в экономической и культурной жизни, научной и технологической областях.

Список литературы

1. Каталкина М.Ю., Кузьмина Е.Ю., Савченко А.В. Проблемы развития цифрового управления. *E-Management*. 2022;1(5):52–58. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-1-52-58>
2. Захаров М.Ю. Подготовка кадров для государственного управления КНР: традиция и цифровое будущее. *Вестник университета*. 2021;3:38–41. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-38-44>
3. Чернавин Ю.А. Коммуникативный статус личности в цифровом обществе. *Цифровая социология / Digital Sociology*. 2022;2(5):33–42. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-2-33-42>
4. Филиндаш А.В. Государственное регулирование как фактор социальной значимости индустрии культуры современного Китая. *Вестник университета*. 2022;8:196–202. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-8-196-202>
5. Кочина С.К., Шетинина Е.А. Критерии эффективности управления предприятием в условиях цифровой трансформации. *Вестник университета*. 2023;4:15–23. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-15-23>
6. Паудяль Н.Ю. Социальные алгоритмы управленческой модели китайской компании Huawei Technologies. *Вестник университета*. 2022;7:170–177. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-170-176>
7. Алексеенко А.П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018;4(47):109–116. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-4/109-117>
8. Алексеенко А.П., Сонин В.В. Особенности законодательства КНР о государственной гражданской службе. *Административное и муниципальное право*. 2017;8:40–52. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2017.8.23855>
9. Кулешова Н.С., Лун Хао. Особенности трансформации государственной службы Китая в новых экономических условиях. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015;44(144):24–33.
10. Хао Лун. Сравнительный анализ системы государственной службы Китая и России. *Власть*. 2014;8:174–178.
11. Ло Вэньдун. КПК как центральная сила, которая ведет народ к изменению Китая. *Россия и АТР*. 2021;2:38–52. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-2-38-52>
12. Бальчидоржиева О.Б., Цырендоржиева Д.Ш. Теория социализма с китайской спецификой: сущность, тенденции развития, связь с модернизацией Китая. *Вестник ЗабГУ*. 2013;(101):89–94.

13. *Мэн Юйфэн*. Социализм с китайской спецификой в эпоху Си Цзиньпина: о концептуальных новациях в официальном политическом дискурсе КНР. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021;2:276–283. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-2-270-277>
14. *Мэн Юйфэн*. «Третий скачок китаизации марксизма»: проблемный опыт концептуализации. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021;3:276–283.
15. *Сун Аэй*. «Китайский путь» – путь социализма с китайской спецификой. Власть. 2017;11(25):152–157.
16. *Чжао Цзяньин*. Китаизация марксистской философии. Великий исторический процесс реформ и открытости в Китае. Свободная мысль. 2020;3:45–62.
17. *Николаев С.В.* Многоаспектность и системность цифровой трансформации: устойчивое развитие на примере транспортного комплекса. E-Management. 2023;3(6):39–50. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-39-50>
18. *Серпуховитин Д.А.* Показатели результативности государственных институтов как параметры национальной инновационной системы. E-management. 2023;2(6):49–60. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-49-60>
19. *Амелина Е.М., Антонов В.Г., Бородич В.Ф., Добронравов С.В., Жернакова М.Б., Захаров М.Ю., Козинец И.А., Кондрашова Л.П., Костриков С.П., Румянцева И.А., Старовойтова И.Е., Горбург М.Р., Шишкова А.В.* Идеал управления в традиционной культуре России и Китая. М.: ГУУ; 2019. 354 с.
20. *Хабриева Т.Я., Чжао Шимин (ред.)* Опыт лучших практик государственной службы России и Китая. М.: Юриспруденция; 2020. 396 с.
21. *Паудяль Н.Ю.* Коммерциализация культурных проектов как управленческая стратегия социальной политики Китая. В кн.: Актуальные проблемы управления – 2022. М.: ГУУ; 2023. С. 312–314.

References

1. *Katalkina M.Yu., Kuzmina E.Yu., Savchenko A.V.* Digital management expansion challenges. E-Management. 2022;1(5):52–58. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-1-52-58>
2. *Zakharov M.Yu.* Training of personnel for public administration of the People’s Republic of China: tradition and digital future. Vestnik universiteta. 2021;3:38–41. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-38-44>
3. *Chernavin Yu.A.* The communicative status of an individual in a digital society. Digital Sociology. 2022;2(5):33–42. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-2-33-42>
4. *Filindash L.V.* State regulation as a factor of social significance of China’s modern culture industry. Vestnik universiteta. 2022;8:196–202. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-8-196-202>
5. *Kochina S.K., Schetinina E.D.* Criteria for the efficiency of enterprise management in the framework of digital transformation. Vestnik universiteta. 2023;4:15–23. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-15-23>
6. *Paudyal N.Yu.* Social algorithms of the Chinese company Huawei Technologies management model. Vestnik universiteta. 2022;7:170–177. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-170-176>
7. *Alekseenko A.P.* Regulation of the civil service in the PRC. Ojkumena. Regional researches. 2018;4(47):109–116. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-4/109-117>
8. *Alekseenko A.P., Sonin V.V.* Features of the legislation of the People’s Republic of China on public service. Administrative and Municipal Law. 2017;8:40–52. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2017.8.23855>
9. *Kuleshova N.S., Long Hao.* Peculiarities of transformation of state service of china in new economic conditions. Tambov University Review. Series: Humanities. 2015;44(144):24–33. (In Russian).
10. *Hao Lung.* The comparative analysis of the public service system in China and Russia. Vlast. 2014;8:174–178. (In Russian).
11. *Luo Wendong.* The CPC as the Central Force That Leads the People to Change China. Russia and Pacific RIM. 2021;2:38–52. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-2-38-52>
12. *Balchindorzhieva O.B., Tsyrendorzhieva D.S.* Theory of socialism with Chinese peculiarity: essence, development tendencies, interrelation with modernization of China. Transbaikal State University Journal. 2013;(101):89–94. (In Russian).
13. *Meng Yufeng.* “Socialism with Chinese characteristics” in the era of Xi Jinping: on conceptual innovations in the official political discourse of the People’s Republic of China. Scholar notes. 2021;2:276–283. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-2-270-277>
14. *Meng Yufeng.* “The third leap of the sinification of marxism”: the problematic experience of conceptualization. State and Municipal Management. Scholar notes. 2021;3:276–283. (In Russian).
15. *Song Lei.* The Chinese path – the path of socialism with Chinese characteristics. Vlast. 2017;11(25):152–157. (In Russian).
16. *Zhao Jianyin.* Sinicization of Marxist philosophy. The great historical process of reforms and openness in China. Svobodnaya mysl. 2020;3:45–62. (In Russian).

17. *Nikolaev S.V.* Multidimensional and systematic digital transformation: sustainable development on the example of the transport industry. *E-Management*. 2023;3(6):39–50. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-3-39-50>
18. *Serpukhovitin D.A.* Performance indicators of state institutions as national innovation system parameters. *E-management*. 2023;2(6):49–60. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-49-60>
19. *Amelina E.M., Antonov V.G., Borodich V.F., Dobronravov S.V., Zbernakova M.B., Zakharov M.Yu., Kozinets I.A., Kondrashova L.I., Kostrikov S.P., Rumyantseva I.A., Starovoitova I.E., Torburg M.R., Shishkova A.V.* The ideal of management in traditional culture of Russia and China. Moscow: State University of Management Publ. House; 2019. 354 p. (In Russian).
20. *Khabrieva T.Ya., Zhao Shimin (eds.)* The experience of the civil service best practices in Russia and China. Moscow: Yurisprudentsiya; 2020. 396 p. (In Russian).
21. *Pandyal N.Yu.* Cultural projects commercialization as a management strategy of China's social policy. In: Current issues of management – 2022. Moscow: State University of Management Publ. House; 2023. Pp. 312–314. (In Russian).

Тревога в период пандемии: экзистенциальные основания и способы совладания

Баканова Анастасия Александровна

Канд. психол. наук, доц. каф. клинической психологии и психологической помощи

ORCID: 0000-0001-5062-6210, e-mail: ba2006@mail.ru

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье раскрывается один из психологических механизмов формирования тревоги в ответ на экзистенциальные вызовы неопределенности. Цель исследования – описать психологическое содержание тревоги в период пандемии. В качестве метода исследования выступила авторская анкета, направленная на изучение особенностей переживания тревоги и способов совладания с ней у взрослых в ситуации пандемии COVID-19. Для реализации цели взрослым людям ($n = 181$) в возрасте от 18 до 74 лет было предложено описать свои мысли о пандемии, вызывающие тревогу, негативные и позитивные представления о себе в контексте пандемии, а также способы совладания с тревогой. Результаты исследования показали, что тревога в условиях пандемии имеет универсальные экзистенциальные основания – страх смерти, одиночество и ограничение свободы. Она формируется вокруг двух основных негативных представлений человека о самом себе: «Я тревожный(-ая)» и «Я плохой(-ая) и слабый(-ая)», что отражает переживание собственной уязвимости, главными причинами которого являются страх смерти близких и переживание собственной некомпетентности в ситуации неопределенности. Для снижения тревоги в период пандемии взрослые люди используют как универсальные способы (в основном методы саморегуляции), так и условно специфические, связанные с источником тревоги и, соответственно, негативным представлением о себе. Взаимосвязь между негативным представлением о себе, тревогой и способом совладания с ней показывает направления психологической помощи в рамках как когнитивного, так и экзистенциально-гуманистического подходов.

Ключевые слова

Тревога, экзистенциальные данности, страх смерти, пандемия, COVID-19, негативное представление о себе, позитивное представление о себе, борьба с тревогой

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках проекта «Отношение к жизни и смерти на разных этапах жизненного пути личности», поддержанного в рамках конкурса на выполнение перспективных фундаментальных научно-исследовательских работ молодыми учеными Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена.

Для цитирования: Баканова А.А. Тревога в период пандемии: экзистенциальные основания и способы совладания // Вестник университета. 2024. № 6. С. 199–211.

Anxiety during the pandemic: existential grounds and ways of coping

Anastasia A. Bakanova

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Clinical Psychology and Psychological Assistance Department
ORCID: 0000-0001-5062-6210, e-mail: ba2006@mail.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Abstract

The article reveals one of the psychological mechanisms of anxiety formation in response to existential challenges of uncertainty. The purpose of the study is to describe the psychological content of anxiety during the pandemic. The research method was the author's questionnaire aimed at studying anxiety experience peculiarities and ways of coping with it in adults in the situation of COVID-19 pandemic. To realize the goal, adults ($n = 181$) aged 18 to 74 years were asked to describe their thoughts about the pandemic that cause anxiety, negative and positive perceptions of themselves in the context of the pandemic, and ways of coping with anxiety. The study results showed that anxiety in the pandemic situation has universal existential underpinnings such as fear of death, loneliness, and restriction of freedom. Anxiety is formed around two main negative perceptions of the person about themselves: "I am anxious" and "I am bad and weak", which reflects the experience of their own vulnerability, the main causes of which are the fear of death of loved ones and experience of their own incompetence in a situation of uncertainty. To reduce anxiety during the pandemic, adults use both universal methods (mainly self-regulation methods) and conditionally specific ones related to the source of anxiety and, consequently, negative self-image. The interrelation among self-image, anxiety and ways of coping with it shows the psychological help directions within the framework of both cognitive and existential-humanistic approaches.

Keywords

Anxiety, existential realities, fear of death, COVID-19 pandemic, negative self-image, coping

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project "Attitudes to life and death at different stages of a person's life path", supported within the framework of the competition for the fulfillment of promising fundamental research works by young scientists of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

For citation: Bakanova A.A. (2024) Anxiety during the pandemic: existential grounds and ways of coping. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 199–211.

ВВЕДЕНИЕ

Тревога как универсальное психическое состояние является междисциплинарным предметом изучения и одной из фундаментальных тем для психологии и психологической помощи. Несмотря на имеющуюся историю изучения и глубокие философские корни, проблема тревоги остается актуальной, ставя перед исследователями и практиками новые вопросы, обостряющиеся в периоды социальных катаклизмов и неопределенности.

Началом изучения проблемы тревоги в психологии считаются работы З. Фрейда, который обозначил феномен как фундаментальное свойство невроза и выделил как отдельную проблему в сфере эмоциональных и поведенческих нарушений [1]. С 1950-х гг. тревога стала интересовать представителей не только психодинамического подхода, но и других методологических подходов и школ: когнитивной психологии и психотерапии, теории научения, теории привязанности, экзистенциально-гуманистической психологии. Многие выдающиеся зарубежные и отечественные психологи внесли существенный вклад в развитие теории тревоги, что показывает значимость этой проблемы не только для конкретного человека, но и для науки в целом.

Несмотря на различные подходы к пониманию тревоги, фундамент ее изучения был во многом заложен в русле экзистенциальной философии, в рамках которой С. Кьеркегор впервые описал тревогу как экзистенциал, обозначив ее как неотъемлемую характеристику существования, тесно связанную со свободой человека, где встреча человека с собой невозможна без встречи со своей тревогой [2]. Эту же идею продолжал и М. Хайдеггер, рассматривая тревогу как постоянный фон человеческого существования, который позволяет человеку осознавать потенциальность своего бытия и подлинность самого себя [3].

П. Тиллих в своей работе «Бытие, небытие и тревога» говорит о тревоге как об «экзистенциальном осознании небытия» сформулировал идею о том, что «тревога – это состояние, в котором бытие осознает возможность своего небытия» [4, с. 29]. Значимым для психологической помощи посылом в работе П. Тиллиха является связь тревоги и чувства беспомощности, которое толкает человека выделить в окружающем мире конкретные объекты, вызывающие страх, так как «тревога стремится стать страхом», с которым можно бороться, в отличие от «основополагающей тревоги конечного бытия» [4, с. 31]. Противостоять тревоге может только «мужество быть», обрести которое – общая задача помогающих специалистов [4, с. 36].

Опираясь на работы С. Кьеркегора, П. Тиллиха, М. Хайдеггера, Э. Фромм и Р. Мэй предлагали свою концепцию, видя истоки экзистенциальной тревоги в бытии человека в мире, страхе перед полным уничтожением, смерти, противоречии «свобода – ответственность». Так, Р. Мэй, опираясь на концепцию П. Тиллиха, полагал, что человек испытывает тревогу, когда понимает, что его существование или ценности подвергаются угрозе; тревога возникает всякий раз, как только появляется неопределенность, неуверенность [5]. Поддерживая и продолжая экзистенциальное понимание тревоги, Э. Ван Дорцен писал о том, что «экзистенциальная тревога – то базовое ощущение неловкости или боли, которое люди испытывают, осознавая себя. Это чувство, которое складывает воедино самосознание и осознание собственной уязвимости, когда сталкиваешься с возможностью собственной смерти. Это же чувство является и непременным условием бытия и поиска себя» [6, с. 45].

Однако в экзистенциальном подходе тревога – это не только мучительное напоминание о смертности, но и «проводник во внутреннем мире, следуя за которым человек имеет возможность обратить свой взгляд на отложенные жизненные задачи и фрустрированные социальные потребности» [7, с. 8]. Возможности тревоги для становления личности могут быть выражены словами А. Лэнгле: «Там, где есть страх, предстоят рост и улучшение. Страх создан для того, чтобы становиться больше, сильнее и спокойнее» [8, с. 385]. Именно поэтому тревога в экзистенциальном подходе – это дихотомия между ужасом при взгляде в небытие и свободой выбирать собственный способ «мужества быть».

С точки зрения экзистенциальной психологии бытие человека в мире преисполнено неизвестностью, что само по себе создает повод для страхов и тревог. Однако с наступлением пандемии COVID-19 поводов для тревог стало значительно больше. Распространение коронавирусной инфекции определяется специалистами как психотравмирующая ситуация, имеющая при этом многофакторный характер [9]. В некоторых работах пандемия обозначается как глобальный травмирующий стрессор или коллективное горе [10]. Как пишут А.Н. Алехин и Е.А. Дубинина, «после глобальной эпидемии коронавируса мир

не будет прежним, потребуются годы, а возможно, и десятилетия, для того чтобы оценить и осмыслить ее многообразные последствия, в том числе психологические» [11, с. 313].

С точки зрения ряда авторов, помимо центрального стрессогенного фактора – угрозы для жизни в результате заражения, пандемия характеризуется и другими уникальными обстоятельствами, создающими многомерность психосоциальных стрессовых воздействий: сюда можно отнести информационный, депривационный и социально-экономический стресс [9; 11–13]. При этом «психотравмирующее воздействие пандемии обуславливается сочетанным характером влияния данных стрессоров» [9, с. 291].

Многими исследователями эмпирически подтвержден тот факт, что «ключевой психологический феномен пандемии – тревога», возникающая в ответ на ситуацию неопределенности и сохраняющаяся даже после улучшения эпидемиологической ситуации [14, с. 72]. Так, тревога рассматривается как нормативный феномен в условиях пандемии, а потому задача исследователей может формулироваться в большей степени вокруг изучения разных вариантов тревоги, в том числе ее «трансформации из выраженной в субъективно неконтролируемую» [14, с. 74].

Вопрос о совладании с тревогой также остается открытым, так как у каждой тревоги есть свое содержание и смысл, поэтому невозможно говорить об эффективности совладания без обсуждения этого смысла для личности [13; 14]. К тому же феномен может иметь разный уровень выраженности: если умеренная реалистичная тревога может рассматриваться как функциональный механизм, позволяющий человеку менять свое поведение и искать новые способы адаптации, то хроническая нереалистичная тревога становится дисфункциональным механизмом, ведущим к нарушению адаптации.

При оценке уровня тревоги ряд авторов рекомендуют учитывать отношение человека к неопределенности и его поведение при столкновении с ней. При этом вводится термин «дистресс неопределенности» – субъективные негативные эмоции, испытываемые в ответ на еще неизвестные аспекты данной ситуации [15]. Отмечается, что причиной тревоги является не сама по себе неопределенная ситуация, но ее субъективная оценка человеком и ряд сопутствующих этому событию факторов [16]. В частности, одним из значимых для уровня выраженности тревоги факторов может быть высокий уровень жизнестойкости, который позволяет оценивать ситуацию COVID-19 как менее стрессогенную, то есть видеть в ней ситуацию вызова, позволяющую контролировать собственные страхи и задействовать имеющиеся ресурсы, а также выступать «в качестве сложных и зрелых механизмов саморегуляции личности, позволяющих сохранять психическое и соматическое здоровье, работоспособность, способность к развитию» [13; 17, с. 84]. Таким образом, влияние пандемии на личность описывается через дихотомно, что отражено также в эмпирических работах: с одной стороны, пандемия – это травмирующий фактор, усиливающий тревогу, а с другой – это новые возможности для человека и общества обрести свое «мужество быть».

Следует отметить, что с точки зрения экзистенциальной психологии неопределенность является одной из главных характеристик современного мира, который «понимается как изменяющийся, или транзитивный» [5, с. 199]. В связи с этим пандемию COVID-19 можно рассматривать как глобальный вариант неопределенности, с которым в одно и то же время столкнулась большая часть населения не только Российской Федерации, но и мира. Несмотря на то что на данный момент интерес к COVID-19 значительно снизился, психологическое содержание реакций на пандемию все еще продолжает интересовать исследователей именно в силу универсальности этого феномена как модели социального изменения, характеризующегося масштабностью и быстрым темпом изменений. Именно поэтому актуальность настоящего исследования представляется нам значимой не столько с позиций изучения пандемии, сколько с позиций изучения психологических механизмов формирования тревоги в ответ на экзистенциальные вызовы неопределенности (на примере пандемии).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для реализации цели исследования нами совместно с И.А. Акиндиновой была разработана авторская анкета, направленная на изучение особенностей переживания тревоги и способов совладания с ней у взрослых. Исследование проводилось на начальном этапе пандемии COVID-19 и режима самоизоляции, с 3 по 8 апреля 2020 г., с помощью программы опросов Google Формы.

Анкета содержала открытые и закрытые вопросы относительно представлений испытуемых об угрозе заражения, о себе, переживании тревоги и своих ресурсах в ситуации пандемии. Можно выделить четыре

основных блока. Первый блок включает вопросы, ответы на которые раскрывают оценку респондентами ситуации пандемии. Второй направлен на изучение психофизического состояния респондентов на начальных этапах пандемии. Он включает вопросы, ответы на которые раскрывают реакции в связи с текущей ситуацией; текущий и свойственный в обычной жизни уровень тревоги, наиболее пугающие мысли респондентов, негативные представления респондентов о себе в связи с ситуацией угрозы заражения. Третий блок ориентирован на исследование стратегий преодоления стресса и психологических ресурсов в условиях пандемии. Четвертый включает основные социально-демографические характеристики (возраст, образование, семейное и социальное положение, место и условия проживания и др.).

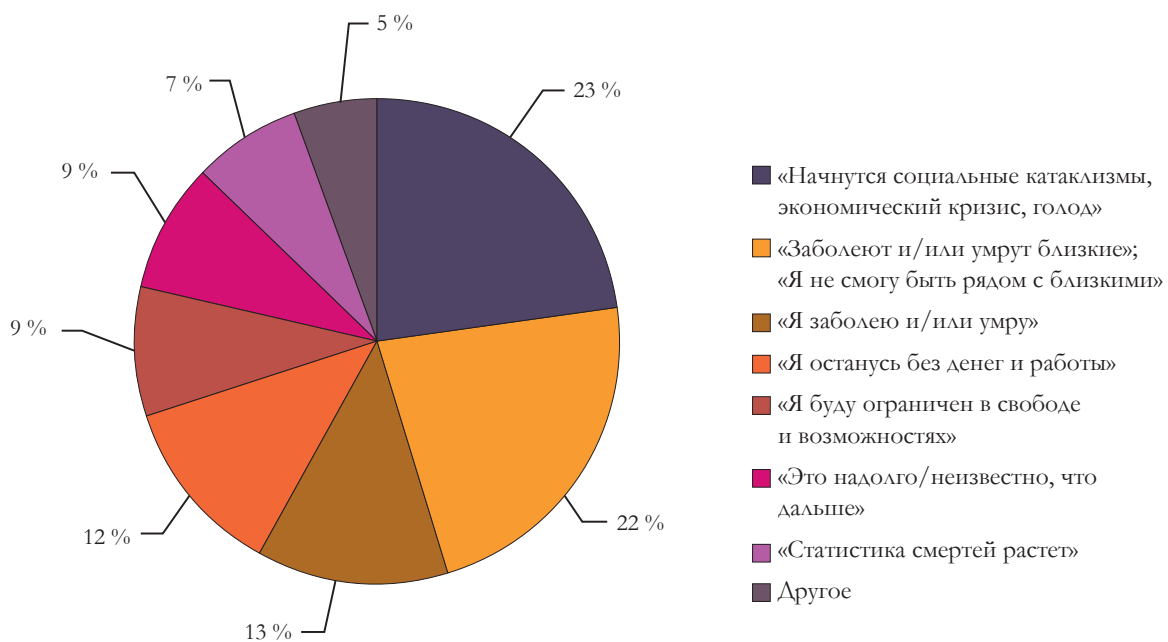
Для проведения статистической обработки данных числовых шкал анкеты применялись сравнительный анализ по U-критерию Манна-Уитни и корреляционный анализ, а для обработки открытых ответов на вопросы анкеты – кластерный анализ. Обработка результатов исследования проводилась при участии Г.И. Пономаревой.

В проведенном исследовании приняли участие 825 чел. из различных регионов Российской Федерации [18]. В статье мы опишем результаты, полученные в выборке из 181 чел. в возрасте от 18 до 74 лет, проживающих в Санкт-Петербурге, из которых 23 мужчины (от 20 до 66 лет) и 158 женщин (от 18 до 74 лет), средний возраст – 37,7 лет. Среди респондентов 134 чел. с высшим образованием, 26 – с незаконченным высшим, 21 – со средним. 117 человек состоят в супружеских или партнерских отношениях, 64 – не имеют партнера (разведены, вдовствуют или одиноки). Таким образом, выборка представлена в основном женщинами зрелого возраста с высшим образованием, состоящими в браке.

ОЦЕНКА СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ И ТРЕВОГА

В начале анкеты мы попросили участников оценить, к какому типу ситуаций они отнесли бы ситуацию пандемии: 86 респондентов оценили ее как кризисную, 66 – как чрезвычайную. Остальные ответы распределились между мнениями о ее чрезвычайном характере и другими вариантами ответов (ситуацию описывали как «патологичную», «тревожную» и «преувеличенную»).

При этом 163 человека (90 %) отметили у себя в качестве реакций на известие о пандемии острые стрессовые реакции, среди которых: страх (78 ответов), апатия (48 ответов), двигательное возбуждение и/или паника (25 ответов), нервная дрожь (12 ответов). При этом большинство (103 чел., или 57 %) отмечали у себя и психологические реакции на стресс: агрессию (30 ответов), растерянность, ступор (27 ответов), умеренную тревогу (24 ответов), мобилизацию (14 ответов), а также дискомфорт и грусть (8 ответов). Примечательно, что 12 % выборки (21 человек) отметили у себя отсутствие стресса, охарактеризовав свое состояние как спокойное и оптимистичное (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Мысли, связанные с ситуацией пандемии, и вызывающие наиболее сильную тревогу

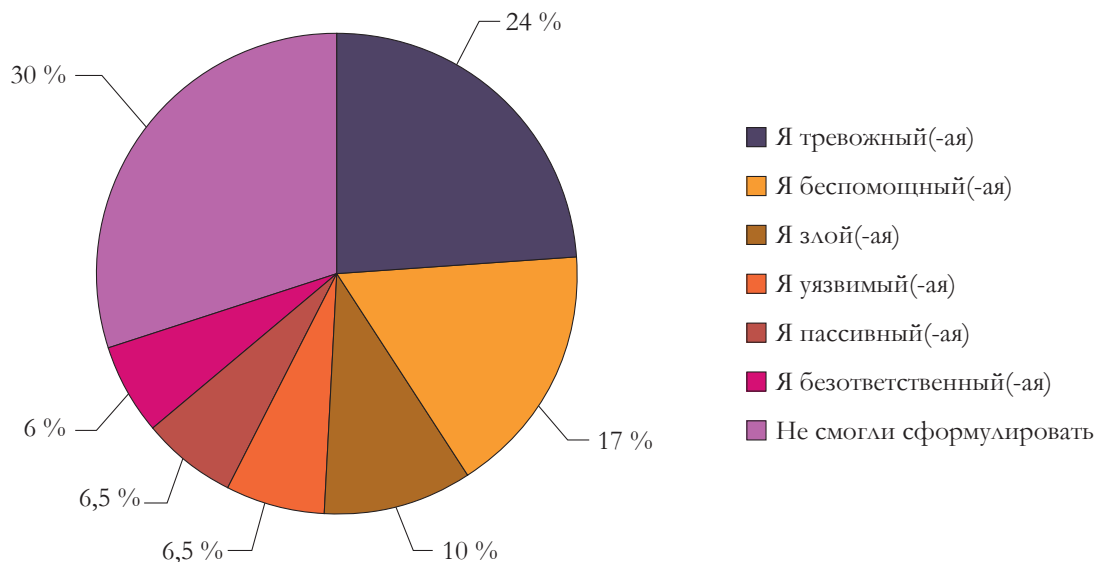
В анкете мы попросили также дать субъективную оценку своей тревоги по шкале от 1 до 10 баллов в трех измерениях. Были получены следующие среднегрупповые значения: «тревога на данную минуту» – 3,97 (\pm 2,2), «уровень максимальной тревоги, которая возникала у Вас на протяжении периода карантина» – 5,88 (\pm 2,46), «уровень тревоги, свойственный Вам в обычной жизни» – 3,71 (\pm 1,92).

Также мы попросили респондентов сформулировать наиболее тревожащую мысль, связанную с текущей ситуацией пандемии. После обработки были получены следующие обобщенные категории, представленные на рис. 1.

Как видно из представленных данных, тревога респондентов в условиях пандемии связана с мыслями о возможности социальных катаклизмов, экономического кризиса, голода (23 %), болезни и/или смерти близких и невозможности быть с ними рядом (22 %). Также взрослых людей тревожат вероятность собственной болезни и смерти (13 %), финансовые трудности (12 %), ограничения в свободе и возможностях (9 %), неопределенность (9 %) и рост статистики смертности (7 %). Таким образом, мысли, вызывающие тревогу, в своем большинстве связаны с экзистенциальными вызовами: неопределенностью будущего, угрозой смерти и потери близких, ограничением свободы и изоляцией.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ

В рамках исследования мы попросили участников сформулировать негативное представление о себе в связи с ситуацией пандемии, которое начиналось бы со слов «Я (какой/ая?)». После обработки и категоризации первичных данных было получено несколько основных негативных представлений о себе, а также их распределение в выборке (рис. 2). Например, в категорию «Я тревожный(-ая)» вошли такие определения, как нервный, беспокойный, встревоженный, напряженный, озабоченный, или такие описания, как «Я паникую», «Я паникер», «Я неприкаянный(-ая)». В категорию «Я беспомощный(-ая)» были включены такие ответы, как «Я бессилен(-на) перед массовым психозом», «Я не очень сильно влияю на свои дальнейшие перспективы», «Я мямля», «Я ничто для вируса», «Я беспомощный(-ая) и зависимый(-ая) от окружающих факторов», «Я не контролирую ситуацию», «Я взаперти» и т.д.

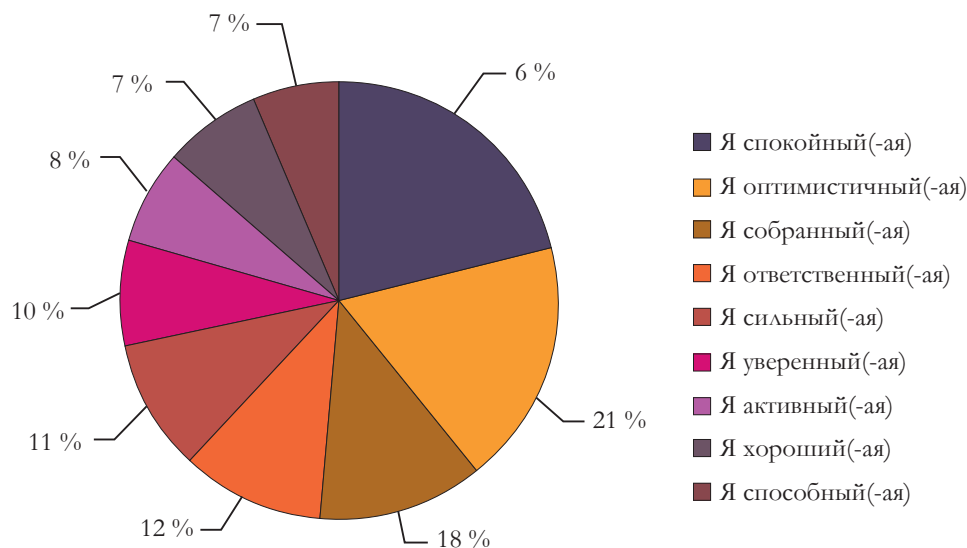
Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Негативное представление о себе в связи с ситуацией пандемии

Все негативные представления о себе можно разделить на две содержательные группы: «Я тревожный(-ая)» (беспомощный(-ая), пассивный(-ая), уязвимый(-ая) – 96 ответов, или 54 %) и «Я плохой(-ая)» (злой(-ая), безответственный(-ая) – 29 ответов, 16 %). В третью группу мы отнесли тех, кто не смог сформулировать негативное представление о себе (53 человека, или 30 %). Это связано как с низким уровнем рефлексии, так и с ограничениями онлайн-исследования, в ходе которого у респондентов не было возможности задавать уточняющие вопросы относительно инструкции.

В исследовании мы попросили участников не только сформулировать негативное представление о себе, но и оценить степень его выраженности на данный момент по шкале от 1 до 7 баллов. Это значение в группе равно 3,49 балла (среднее отклонение – 2,42). Корреляционный анализ показал, что оценка выраженности негативного представления о себе имеет прямую взаимосвязь со всеми тремя уровнями тревоги: «на данную минуту» ($r = 0,21; p < 0,05$), «максимальная тревога, которая возникала на протяжении периода карантина» ($r = 0,27, p < 0,01$) и «тревога, свойственная в обычной жизни» ($r = 0,17; p < 0,05$), которые при этом взаимосвязаны. Наличие этих взаимосвязей подтверждает наличие связи между тревогой и негативным представлением о себе, что, с одной стороны, частично приоткрывает психологический механизм формирования тревоги, а с другой – показывает возможные направления психологической помощи.

Вслед за формулированием негативных представлений о себе мы предложили респондентам сформулировать противоположные – позитивные. 141 человек из 181 смогли это сделать, и после обобщения мы получили следующие варианты (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

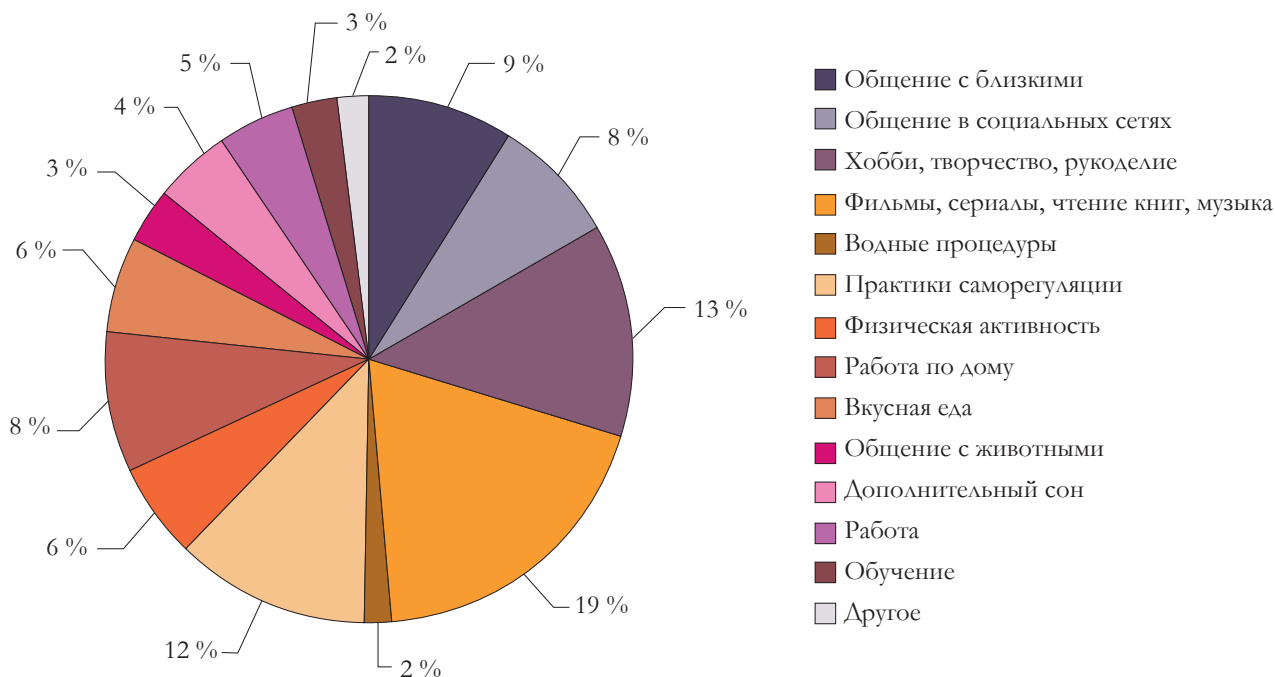
Рис. 3. Позитивное представление о себе (противоположное негативному представлению)

Полученные утверждения действительно представляют противоположные суждения (безответственный-ответственный, пассивный-активный, тревожный-спокойный, беспомощный-сильный), но в то же время вариантов позитивных утверждений мы смогли выделить больше, что связано с трудностью категоризации частных ответов и их большим разнообразием. Например, в категорию «Я собранный(-ая) и организованный(-ая)» вошли такие ответы, как «Я трудолюбивый(-ая)», «Я целеустремленный(-ая)», «Я финансово независим(-а)», «Я всеуспевающий(-ая)», «Я организованный(-ая)», «Я собранный(-ая)» и др.

Следует отметить также, что в индивидуальных ответах взрослых людей не всегда можно было встретить «лингвистическую логику» по типу «тревожный-спокойный». Например, были такие пары противоположных представлений о себе: «я боюсь смерти – я сильный(-ая)», «я склонен(-на) нагнетать – я выносливый(-ая)», «я беспокойный(-ая) – я веселый(-ая)», «я незащищенный(-ая) – я очень красивый(-ая)», «я грустный(-ая) – я хитрый(-ая)» и т.д. В целом, как можно видеть на рисунке, большинство взрослых людей хотели бы думать о себе как о спокойных, оптимистичных, собранных и ответственных.

СПОСОБЫ СОВЛАДАНИЯ С ТРЕВОГОЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Еще одним значимым для исследования был вопрос о том, какие способы используют взрослые люди для снижения тревоги в условиях пандемии. Участники могли выбрать из предложенных вариантов, а также дополнить перечень собственными способами. На рис. 4 данные стратегии представлены в обобщенном виде, хотя они сами по себе заслуживают более детального изучения.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Способы совладания с тревогой у взрослых людей в начальный период пандемии

Как следует из приведенных данных, наиболее «традиционными» способами, снижающими тревогу, выступают различные формы общения (как непосредственные, так и дистанционные) с близкими людьми, детьми и животными (20 %), а также «простые домашние радости» (сон, еда, работа по дому – 20 %), затем следуют просмотр фильмов, чтение книг (19 %) и различные варианты творческой деятельности (13 %). Достаточно большое место среди способов снятия напряжения занимают различные практики саморегуляции (12 %) и физическая активность (6 %). Примечательно, что часть респондентов используют в качестве способа снятия тревоги работу и возможность дополнительного обучения.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРЕВОГИ, СПОСОБОВ СОВЛАДАНИЯ С НЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕБЕ

Для изучения взаимосвязи тревоги и способов совладания с ней нами был сделан кластерный анализ полученных с помощью анкеты данных. В результате было образовано кластерное дерево, включающее два больших блока.

Первый кластер «Тревога уязвимости» объединяет в себе целый ряд тревожащих мыслей, главным рефреном которых является страх потери близких: «Заболеют и/или умрут близкие», «Я не смогу быть рядом с близкими», а также «Начнутся социальные катаклизмы, экономический кризис, голод». Этот кластер включил такую негативную мысль о себе в период пандемии, как «Я тревожный(-ая)» (и, соответственно, противоположные ей «Я оптимистичный» и «Я спокойный»). Примечательно, что кластер объединил, помимо ведущих тревог, способы совладания с ними, среди которых общение с близкими, в том числе в социальных сетях, просмотры фильмов и чтение книг, работа по дому, еда, сон, физическая активность, хобби, творчество. Помимо этого, в кластер включаются также способы снятия тревоги, как визуализации, аутотренинг, медитация, нервно-мышечная релаксация, дыхательные техники. Говоря о социально-демографическом статусе респондентов, стоит отметить, что кластер объединил в себе как студентов, так и специалистов с высшим образованием.

Как показывает анализ данного кластера, он объединяет ответы людей, чья тревога формируется главным образом вокруг страха потери близких и социальных катаклизмов, нарушая чувство безопасности и приводя к генерализации беспокойства в виде мысли «Я тревожный(-ая)», что может отражать переживание базовой уязвимости. Можно предположить, что мысль «Я тревожный(-ая)» – это своеобразный ответ на вопрос «Каким мне быть в неопределенности?». Для совладания с этой тревогой взрослые

люди используют как коммуникативные стратегии, так и стратегии, связанные с физической активностью, творческой деятельностью и саморегуляцией, направленные на самоуспокоение.

Интересным аспектом представляется тот факт, что в одном подкластере оказываются негативное представление о себе «Я тревожный(-ая)», позитивное «Я оптимистичный(-ая)» и общение с близкими как способы снятия тревоги. Эта взаимосвязь может отражать высокую значимость аффилиации как в формировании тревоги («Боюсь, что родные заболеют и умрут»), так и в способах ее снижения. Вкупе с выраженной тревогой смерти в данном кластере речь может идти о том, что совладание со страхом смерти как с универсальной и неизбежной экзистенциальной данностью может лежать лишь в плоскости отношений с другими людьми и удовлетворения от жизни.

Во втором кластере «Тревога некомпетентности» тревога связана в большей степени с ограничением свободы и возможностей, а также с неопределенностью собственного будущего. В этот кластер вошли такие мысли, как «Я останусь без денег и работы», «Это надолго; неизвестно, что дальше», «Статистика смертей растет», «Я заболею и/или умру». Кластер включает такие негативные представления о себе, как «Я злой(-ая)», «Я безответственный(-ая)», «Я пассивный(-ая)», «Я уязвимый(-ая)», «Я беспомощный(-ая)», которые можно объединить в категорию «Я плохой(-ая) и слабый(-ая)». Среди позитивных представлений о себе, соответственно, – «Я хороший(-ая)», «Я ответственный(-ая)», «Я активный(-ая)», «Я уверенный(-ая)», «Я сильный(-ая)», «Я способный(-ая)», «Я собранный(-ая)/организованный(-ая)».

Для уменьшения тревоги и беспокойства в условиях пандемии используются такие способы, как общение с питомцами, водные процедуры, практики саморегуляции и методы самопомощи, а также обучение и работа.

Анализ кластера показывает, что он объединен вокруг тревоги, связанной с переживанием собственной некомпетентности в ситуации неопределенности. В этом случае такая мысль о себе, как «Я плохой(-ая) и слабый(-ая)» выступает ответом на экзистенциальный вопрос «Что мне делать с неопределенностью?».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Большинство взрослых людей в возрасте от 18 до 74 лет (около 90 % участников исследования) воспринимали ситуацию пандемии в апреле 2020 г. как кризисную, демонстрируя различные реакции на стресс в диапазоне от острых стрессовых реакций до умеренной тревоги и дискомфорта. В целом такие результаты соотносятся с данными других исследований [19–21]. Так, например, в исследовании Е.В. Куфтык было выявлено, что 70 % респондентов испытывают выраженный стресс в ситуации пандемии, преобладание в эмоциональном состоянии респондентов страха и злости на ранних этапах самоизоляции указывается и другими исследователями [22].

По субъективным оценкам участников исследования, уровень максимальной тревоги в период начала пандемии (март–апрель 2020 г.) увеличился примерно в 1,5 раза по сравнению с уровнем, свойственным им в обычной жизни. При этом данные другого исследования, проведенного в марте–апреле 2020 г. с помощью «Шкалы госпитальной тревоги и депрессии» показывают, что «на момент исследования уровень субъективных переживаний у большинства респондентов не достигает клинически значимых показателей», а наличие у 11 % респондентов клинических симптомов тревоги и депрессии соответствует уровню их распространенности в обычных условиях [23, с. 121]. Сообщение об умеренном стрессе в самом начале пандемии можно встретить и в исследовании Т.А. Крюковой с соавторами [24]. Таким образом, несмотря на субъективное увеличение в 1,5 раза тревоги в начальный период пандемии, этот уровень можно рассматривать как умеренный.

Мысли, связанные с ситуацией пандемии и вызывающие наиболее сильную тревогу, представляют экзистенциальные вызовы:

- 1) угроза смерти – собственной, близких, а также окружающих людей;
- 2) усиление социальной напряженности (в том числе одиночества) и неопределенности;
- 3) ограничение и/или ухудшение собственных свобод и возможностей.

Таким образом, тревога в условиях пандемии имеет универсальные экзистенциальные основания – страх смерти, одиночество и ограничение свободы.

Негативные представления о себе в связи с пандемией формируются вокруг двух основных полюсов: представление о себе как тревожном человеке и представление о себе как о «плохом» – злом, безответственном, пассивном. Они могут выступать в качестве основных мишеней психологической помощи при столкновении с тревогой.

Позитивные представления взрослых людей о себе ориентированы на развитую эмоционально-волевою регуляцию (быть спокойным, оптимистичным, собранным), признание своей субъектности (быть уверенным, сильным, активным) и позитивной оценки себя (быть хорошим и ответственным). Они выступают в качестве ориентиров психологической коррекции негативных эмоциональных состояний и могут достигаться не только за счет развития навыков саморегуляции и повышения самооценки, но и за счет усиления способности опираться на себя, актуализировать собственные ресурсы и творчески трансформировать свои страхи в позитивные цели.

Среди способов снижения тревоги чаще называются общение, удовлетворение физических потребностей (еда, сон), просмотр фильмов и чтение книг, творческая деятельность, затем – практики саморегуляции, физическая активность, а также работа и дополнительное обучение. Стоит отметить, что, несмотря на имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе данные о росте домашнего насилия и суицидального поведения, а также злоупотреблении психоактивными веществами в ответ на повышение тревоги в связи с пандемией, в настоящем исследовании было лишь несколько ответов об увеличении потребления алкоголя в связи с тревогой, которые попали в категорию «Другое» [9]. Отсутствие таких неэффективных стратегий совладания с тревогой можно объяснить как начальным этапом пандемии, который характеризовался умеренным стрессом, так и формулировкой вопроса в анкете, где в качестве вариантов ответа были предложены преимущественно конструктивные стратегии [24].

Кластерный анализ результатов показал, что тревога в период пандемии выстраивается вокруг двух основных переживаний, связанных с неопределенностью, – собственной уязвимости и собственной некомпетентности. Так, высокая угроза смерти в пандемию и переживание изоляции от других людей нарушают базовое чувство безопасности личности, что обнажает первичную, экзистенциальную тревогу. Переживание этой базовой уязвимости может отражаться в мысли «Я тревожный(-ая)». Для снижения тревоги используются стратегии, которые в целом направлены на самоуспокоение (творчество, фильмы, книги и т.д.) и аффилиацию (общение с близкими).

Субъективное переживание утраты привычных возможностей и свобод во время пандемии заставляет пошатнуться субъектность личности, в результате чего человек переживает собственную некомпетентность и начинает представлять себя как слабого, пассивного и беспомощного, что выражается в такой негативной мысли о себе, как «Я плохой(-ая) и слабый(-ая)». Эта тревога «усмиряется» с помощью стратегий повышения самоэффективности (работа и обучение).

Примечательно, что в исследованиях других авторов можно увидеть некоторое отражение этих идей. Так, в исследовании А.Ш. Тхостова и Е.И. Рассказовой факторный анализ позволил выявить два основных компонента тревоги: страх заболеть коронавирусом и страх ухудшения экономического благосостояния и потери заработка [14]. Авторы с позиций когнитивного подхода интерпретируют их как «менее актуальный страх заражения и более выраженную и дисфункциональную тревогу по поводу экономических последствий пандемии», что в настоящем исследовании могло бы соответствовать тревоге уязвимости и тревоге некомпетентности [14, с. 86].

Попытка использовать стратегии самоуспокоения и аффилиации для снижения тревоги, сопряженной с базовой уязвимостью (смертью и одиночеством), может косвенно свидетельствовать о том, что способность принять идею смерти позволяет личности стабилизировать свое эмоциональное состояние. Как пишут по этому поводу Е.И. Рассказова с соавторами, «при выраженной тревоге по поводу заражения стратегия принятия может быть эффективной в отношении эмоционального состояния человека» [13, с. 103]. Со смертью как с универсальной и неизбежной категорией человеческой жизни невозможно «справиться», ее можно лишь принять в качестве «аксиологизатора» собственной жизни, поэтому среди стратегий совладания здесь могут выступать не только различные способы фасилитации тревоги, но и отношения с другими людьми, основанные на ценностях и имеющие возможности для открытого обмена мыслями, чувствами и информацией.

Иная картина с тревогой вокруг утраты различных свобод: сталкиваясь с собственной некомпетентностью перед лицом неопределенности, стратегия принятия уже не является эффективной. Личность должна принять вызов и найти способ утвердить чувство собственной компетентности и самоэффективности, самым «понятным» способом для которого являются развитие профессиональных навыков и овладение новыми знаниями. В этом смысле изменчивость жизни может выступать потенциальным фактором самоизменений и так называемой «личностной трансформации» [5, с. 243].

Полученные в исследовании результаты позволяют увидеть важный психологический механизм формирования тревоги на примере ситуации пандемии. Неопределенность, задаваемая объективными условиями существования мира, предъявляет к человеку ряд экзистенциальных вызовов, среди которых угроза смерти, неопределенность будущего, социальная изоляция и др. С точки зрения экзистенциальной психологии, в ситуации неопределенности человеку необходимо дать личностные ответы на эти вызовы, содержащиеся, по сути, в двух вопросах: «Каким мне быть в неопределенности?» и «Что мне делать с неопределенностью?». Можно предположить, что тревога, выступая нормативной реакцией на неопределенность, все же является своеобразным выбором человека, так как оказывается взаимосвязанной с его негативными представлениями о себе, такими как «Я тревожный(-ая), беспомощный(-ая), плохой(-ая)».

Эти результаты показывают направления психологической помощи в работе с клиентами, испытывающими тревогу. В рамках когнитивно-поведенческой терапии важно выявлять негативные суждения о себе, «провоцирующие» тревогу, и искать им альтернативу, направленную на повышение самооценки, а также развивать навыки саморегуляции и самоорганизации. С точки зрения экзистенциального подхода можно помогать клиентам в их конфронтации с ответственностью, смертью и одиночеством: если тревога – это в некоторой степени один из выборов проживания своей жизни в целом и неопределенности, то есть и другой – с опорой на собственную активность, силу и уверенность. В этом смысле изменения внешней ситуации сопровождаются экзистенциальным выбором человека, в том числе выбором своего «Я». С позиций гуманистической психотерапии важной оказывается актуализация таких ресурсов, как оптимизм, спокойствие, принятие себя и необходимости личностных изменений, а также обращение к возможным «Я» [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тревога в условиях пандемии имеет универсальные экзистенциальные основания: в качестве пускового механизма может выступать страх собственной смерти, страх одиночества и потери близких, а также переживание утраты свобод и возможностей.

Универсальные экзистенциальные вызовы находят свое отражение в специфических психологических утратах личности: высокий риск смерти и одиночество нарушают чувство безопасности и приводят к переживанию собственной уязвимости, а ограничение свободы может подрывать субъектность личности и влечет за собой чувство собственной некомпетентности. Переживание уязвимости может быть отражено в негативном представлении о себе по типу «Я тревожный(-ая)», а переживание собственной некомпетентности – в представлении «Я плохой(-ая)».

Для снижения тревоги в период пандемии взрослые люди используют как универсальные способы (методы саморегуляции и самопомощи), так и условно специфичные, связанные с источником тревоги и, соответственно, негативным представлением о себе. Так, для снижения тревоги уязвимости используются стратегии, направленные на самоуспокоение (творчество, фильмы, книги, сон, еда и т.д.) и аффилиацию (общение с близкими), а для тревоги некомпетентности – стратегии повышения самооффективности (работа, обучение).

Таким образом, экзистенциальные вызовы, лежащие в основе тревоги, приводят к специфическим психологическим утратам личности, формируя тревогу уязвимости и тревогу некомпетентности, для совладания с которыми используются как универсальные, так и специфичные способы.

Список литературы

1. Фрейд З. Торможение, симптом и тревога. М.: Фирма СТА; 2006. 322 с.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика; 1993. 109 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. 4^е изд., испр. М.: Академический проект; 2013. 447 с.
4. Тиллих П. Бытие, небытие и тревога. В кн.: Тревога и тревожность. М.: ПЕР СЭ; 2008. С. 29–36.
5. Гришина Н.В. (ред.) Психология личности: Пребывание в изменении. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; 2019. 576 с.
6. Дорцен Э. Ван. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. Пер. с англ. И. Глухова. Ростов-на-Дону: Ассоциация экзистенциального консультирования; 2007. 215 с.
7. Белоглазова О.Н. Феномен тревоги как модус человеческого существования. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет; 2011. 20 с.

8. *Лэнгле А.* Воплощенная экзистенция. Развитие, применение и концепты экзистенциального анализа. Материалы для психотерапии, консультирования и коучинга. Харьков: Гуманитарный Центр; 2019. 462 с.
9. *Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б.* Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация. Социальная и экономическая психология. 2020;2(18):291–308. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.010>
10. *Куваева И.О., Стрельникова А.М.* Концептуализация ситуации пандемии у переболевших новой коронавирусной инфекцией. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021;3(27):72–82. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-3-72-82>
11. *Алехин А.Н., Дубинина Е.А.* Пандемия: клинико-психологический аспект. Артериальная гипертензия. 2020;3(26):312–316. <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316>
12. *Одницова М.А., Радчикова Н.П., Степанова Л.В.* Оценка пандемии COVID-19 россиянами с разным уровнем жизнестойкости. Российский психологический журнал. 2020;3(17):76–88. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.3.6>
13. *Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание. Консультативная психология и психотерапия. 2020;2(28):90–108. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>
14. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? Консультативная психология и психотерапия. 2020;2(28):70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>
15. *Freeston M.H., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S.* Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19). The Cognitive Behaviour Therapist. 2020;1–32. <https://doi.org/10.1017/s1754470x2000029x>
16. *Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А.* Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. ИП РАН; 2020.
17. *Алехин А.Н., Леоненко Н.О., Кемстач В.В.* Клинико-психологические аспекты инсомнии, ассоциированной с пандемией COVID-19. Артериальная гипертензия. 2021;1(27):83–93. <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2021-27-1-83-93>
18. *Акиндинова И.А., Асламазова А.А.* Особенности переживания угрозы заражения COVID-19 в начальный период режима самоизоляции жителями республики Адыгея и Северо-Западного региона России. В кн.: Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 мая 2021 г. СПб.: Изд-во СПбУГПС МЧС России; 2021. С. 16–24.
19. *Алехин А. Н., Беляева С. И., Данилова Ю. Ю., Неберекутина Э. А.* Особенности восприятия человеком угрозы заражения в ситуации пандемии COVID-19. Reflexio. 2021;1(14):5–16. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2021-14-1-5-16>
20. *Алехин А.Н., Данилова Ю.Ю., Щелкова О.Ю.* Особенности психологических реакций в ситуации эпидемической угрозы, транслируемой СМИ. Психология человека в образовании. 2020;4(2):372–383. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-24-372-383>
21. *Куваева И.О., Стрельникова А.М.* Особенности совладания со специфической трудной ситуацией (пандемией COVID19). Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021;2(27):84–91.
22. *Куфтяк Е.В.* Совладание со стрессом в период пандемии COVID-19. В кн.: Холмогорова А.Б. (ред.) Зейгарниковские чтения: Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 ноября 2020 г. М.: Изд-во МГППУ; 2020. С. 93–95.
23. *Маликова Т.В., Новикова Т.О., Пирогов А.Г., Мурза-Дер Г.А.* Отчет по результатам опроса «Социокультурные представления о коронавирусной инфекции (COVID-19)». Психология человека в образовании. 2020;1(2):119–122. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-1-119-122>
24. *Крюкова Т.А., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Шипова Н.С.* Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19. Социальная психология и общество. 2020;4(11):120–134. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110409>

References

1. *Freud S.* Inhibition, symptom and anxiety. Moscow: Firma STD; 2006. 322 p. (In Russian).
2. *Kierkegaard S.* Fear and Trembling. Moscow: Respublika; 1993. 109 p. (In Russian).
3. *Heidegger M.* Being and time. 4th ed., revised. Moscow: Academicheskij proyekt; 2013. 447 p. (In Russian).
4. *Tillich P.* Being, non-being and anxiety. In: Anxiety. Moscow: PER SE; 2008. Pp. 29–36. (In Russian).
5. *Grisbina N.V.* Personality psychology: Staying in change. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ. House; 2019. 576 p. (In Russian).

6. *Deurzen Van E.* Practical existential counseling and psychotherapy. Trans. from Eng. I. Glukhov. Rostov-on-Don: Association of Existential Counseling; 2007. 215 p. (In Russian).
7. *Beloglazova O.N.* The phenomenon of anxiety as a mode of human existence. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Phil.): 09.00.11. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University; 2011. 20 p. (In Russian).
8. *Langle A.* Embodied existence. The development, application and concepts of existential analysis. Materials for psychotherapy, counseling and coaching. Kharkov: Humanitarian Center; 2019. 462 p. (In Russian).
9. *Bykbovets Yu.V., Cohen-Lerner L.B.* Pandemic COVID-19 as a multifactorialtraumatic situation. Social and Economic Psychology. 2020;2(18):291–308. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.010>
10. *Kuvaeva I.O., Strelnikova A.M.* Conceptualization of the pandemic situation in patients with a new coronavirus infection. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2021;3(27):72–82. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-3-72-82>
11. *Alekhin A.N., Dubinina E.A.* Pandemic: the view of a clinical psychologist. Arterial Hypertension. 2020;3(26):312–316. <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316>
12. *Odintsova M.A., Radchikova N.P., Stepanova L.V.* Assessment of the COVID-19 pandemic by Russians with different levels of resilience. Russian Psychological Journal. 2020;3(17):76–88. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.3.6>
13. *Rasskazova E.I., Leontiev D.A., Lebedeva A.A.* Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping. Counseling Psychology and Psychotherapy. 2020;2(28):90—108. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>
14. *Tkhostov A.Sb., Rasskazova E.I.* Psychological Contents of Anxiety and the Prevention in an Infodemic Situation: Protection against Coronavirus or the “Vicious Circle” of Anxiety? Counseling Psychology and Psychotherapy. 2020;2(28):70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>
15. *Freeston M. H., Tiplady A., Mann L., Bottesi G., Thwaites S.* Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19). The Cognitive Behaviour Therapist. 2020;1–32.
16. *Kharlamenkova N.E., Bykbovets Yu.V., Dan M.V., Nikitina D.A.* Experiencing uncertainty, anxiety, anxiety in the conditions of COVID-19. Russian Academy of Sciences; 2020.
17. *Alekhin A.N., Leonenko N.O., Kemstach V.V.* Clinical and psychological aspects of insomnia associated with COVID-19 pandemic. Arterial Hypertension. 2021;1(27):83–93. <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2021-27-1-83-93>
18. *Akindinova I.A., Aslamazova L.A.* Peculiarities of experiencing threats of COVID-19 infection in the initial period of self-isolation of residents of the republic of Adygeya and the northwestern region of Russia. In: Psychological and pedagogical aspects of personnel training for professional activity in extreme conditions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 14, 2021. St. Petersburg: Ministry of Emergency Situations of Russia Publ. House; 2021. Pp. 16–24.
19. *Alekhin A.N., Belyaeva S.I., Danilova Yu.Yu., Neberekutina E.A.* Features of Human Perception of Risk of Infection in a COVID-19 Pandemic Situation. Reflexio. 2021;1(14):5–16. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2021-14-1-5-16>
20. *Alekhin A.N., Danilova Yu.Yu., Shchelkova O.Yu.* Features of psychological reactions to epidemic threat communicated by the mass media. Psychology in Education. 2020;4(2):372–383. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-24-372-383>
21. *Kuvaeva I.O., Strelnikova A.M.* Features of coping with a specific difficult situation (COVID-19 pandemic). Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Issues of Education, Science and culture. 2021;2(27):84–91.
22. *Kuftyak E.V.* Coping with stress during the COVID-19 pandemic. In: Kholmogorova A.B. (ed.) Zeigarnikov readings: Diagnostics and psychological assistance in modern clinical psychology: Issue of scientific and ethical foundations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 18–19, 2020. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. House; 2020. Pp. 93–95.
23. *Malikova T.V., Novikova T.O., Pirogov D.G., Murza-Der G.A.* Report on the results of the survey “Sociocultural preconceptions about the coronavirus infection (COVID-19)”. Psychology in Education. 2020;1(2):119–122. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-1-119-122>
24. *Kryukova T.L., Ekimchik O.A., Opekina T.P., Shipova N.S.* Stress and Coping in a Self-Isolated Family during COVID-19 Pandemic. Social Psychology and Society. 2020;4(11):120–134. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110409>

Феномен прокрастинации

Кочеткова Татьяна Николаевна

Канд. психол. наук, доц. каф. социальных технологий
ORCID: 0000-0003-2782-4520, e-mail: tatnik2021@yandex.ru

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Прокрастинация – одна из наиболее исследуемых и полемизируемых тем, интересующих отечественных и зарубежных ученых ввиду ее широкой распространенности среди обучающихся и взрослого населения. Авторы сходятся в том, что систематическое нарушение сроков выполнения необходимых дел обуславливает субъективный дискомфорт, однако данное поведение регулярно проявляется в обычной жизни, приобретая «хронический» характер. Цель исследования – анализ феномена прокрастинации. Работа строилась на основе теоретического анализа литературы, обобщения, интерпретации результатов эмпирического исследования, проведенного на основе банка методик: опросника самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой, шкалы академической прокрастинации К. Лэя, Мельбурнского опросника принятия решений в адаптации Т.В. Корниловой и С.А. Корниловой. Прокрастинация сходна с проявлениями лени, низким уровнем мотивации и волевой саморегуляции, осознанием последствий собственного бездействия, стабильностью повторений поведенческих паттернов. Однако между ними есть кардинальные отличия: лень соотносится с нейтральным или позитивным эмоциональным фоном, гедонистической направленностью, ориентацией на настоящее время, безответственностью, экономией сил. Прокрастинация строится на тягостных переживаниях, мысленном погружении в события прошлого или будущего, она энергозатратна, опасна разрушением представлений о собственной личности и развитием хронических заболеваний. Негативный эмоциональный фон, слабый самоконтроль и низкая саморегуляция – все это предпосылки для развития прокрастинации и зависимости от цифровой реальности. Результаты исследования могут применяться в деятельности педагогов и практических психологов, позволяя распознавать и нивелировать проявления прокрастинации.

Ключевые слова

Прокрастинация, лень, виды прокрастинации, временная перспектива, мотивация, деятельность, стресс

Для цитирования: Кочеткова Т.Н. Феномен прокрастинации // Вестник университета. 2024. № 6. С. 212–219.

The phenomenon of procrastination

Tatiana N. Kochetkova

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Social Technologies Department
ORCID: 0000-0003-2782-4520, e-mail: tatnik2021@yandex.ru

Northwestern Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, St. Petersburg, Russia

Abstract

Procrastination is one of the most researched and polemized topics of interest to domestic and foreign scientists due to its widespread prevalence among students and adults. The authors agree that systematic violation of deadlines for necessary tasks completion causes subjective discomfort, but this behavior is regularly manifested in ordinary life, becoming “chronic” in nature. The purpose of the study is to analyze the phenomenon of procrastination. The work was based on the theoretical analysis of literature, generalization, empirical research results interpretation, conducted on the basis of a bank of techniques: E.Yu. Mandrikova’s questionnaire of self-organization of activity, K. Lay’s academic procrastination scale, Melbourne questionnaire of decision-making in the adaptation of T.V. Kornilova and S.A. Kornilova. Procrastination is similar to manifestations of laziness, low level of motivation and volitional self-regulation, awareness of the consequences of one’s own inaction, behavioral patterns repetition stability. However, there are cardinal differences among them: laziness correlates with neutral or positive emotional background, hedonistic orientation, orientation to the present time, irresponsibility, and strength saving. Procrastination is built on burdensome experiences, mental immersion in the events of the past or future. It is energy-consuming, can lead to ideas destruction about one’s own personality and chronic diseases. Negative emotional background, weak self-control and low self-regulation are all prerequisites for developing procrastination and dependence on digital reality. The study results can be applied in the activities of teachers and practical psychologists, allowing to recognize and level procrastination manifestations.

Keywords

Procrastination, laziness, procrastination types, time perspective, motivation, activity, stress

For citation: Kochetkova T.N. (2024) The phenomenon of procrastination. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 212–219.

ВВЕДЕНИЕ

Дословно «прокрастинация» расшифровывается как откладывание дел на потом. Его синонимами в отечественной литературе являются «промедление», «отсрочка», «затягивание», «Синдром Скарлетт» [1]. Разнятся сведения и о распространенности прокрастинации. Согласно данным F.M. Sirois, C.B. Stride, T.A. Puchyl, количество прокрастинаторов среди взрослого населения составляет 15–25 % [2]. 70 % студентов считают себя прокрастинаторами, отвлекаясь на чтение, просмотр телевизора, сон [3]. Тенденцию к прокрастинации отмечают у себя до 95 % взрослого населения Запада; ей больше подвержена учащаяся молодежь (80–95 %) в сравнении со взрослыми (15–25 %) [4; 5]. К.В. Klingsieck высказывает предположение об уменьшении проявлений прокрастинации с возрастом. Прокрастинаторами чаще бывают люди умственного труда [4].

Исследователи описывают разные виды прокрастинации, но чаще всего рассматривают ее как негативный феномен, ухудшающий качество жизни [2; 3; 5–10]. Однако есть работы, в которых прокрастинация понимается как практика активизма, проявление субъектности [11; 12].

ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОКРАСТИНАЦИИ

Ядерные составляющие прокрастинации – эмоциональный дискомфорт, вызванный невыполнением важных дел, что приводит в итоге к ухудшению качества жизни [1–8; 10; 12–15]. Тенденция к уходу от нужной деятельности закрепляется в поведении тех, кто ориентирован на вознаграждаемую, но кратковременную работу [8].

В структуре прокрастинации можно выделить ряд компонентов: поведенческий (стратегия закрепляется в результате приобретенного опыта), когнитивный (нарушенное чувство времени), эмоциональный (негативные переживания, связанные с заниженной самооценкой, застенчивостью, самокритикой), подсознательный (оппозиционное поведение, вызванное глубинными интрапсихическими конфликтами) [8].

Повышенная прокрастинация связана с нейротизмом, перфекционизмом, низкой самооценкой, необходимостью сохранить привычное представление о собственной личности [3]. Прокрастинаторы плохо переносят травмирующие и стрессовые события, склонны к импульсивности, экстернальности, тревожности, имеют низкие уровни саморегуляции и толерантности к фрустрации, живут прошлым или будущим [14]. Склонность к прокрастинации обусловлена интенсивными нагрузками, сопряжена с симптомами хронического утомления, истощения и высокой когнитивной напряженности; чрезмерная волевая регуляция приводит к развитию тревожных и депрессивных состояний [6].

А.В. Зобков в рамках субъектного подхода рассматривает прокрастинацию как одно из проявлений субъектности, когда рост рефлексивности направлен на сохранение привычного взгляда на свою личность, который мог бы деформироваться в ходе травмирующих событий. Человек не выполняет деятельность до тех пор, пока она не приобретет для него внешний или смыслообразующий мотив [12].

Негативное восприятие прошлого и настоящего обуславливает стратегию избегания, направляя искать решение проблемной ситуации в сети, трансформируя цифровой мир в привычную для себя реальность; справедливо и обратное: позитивная перспектива будущего – отрицательный предиктор интернет-зависимости [5; 9; 10].

F.M. Sirois, C.B. Stride, T.A. Puchyl, К.В. Klingsieck приходят к выводу о хронической прокрастинации, свойственной мужчинам, однако чаще авторы видят прокрастинацию с «женским лицом». Полагаем, что выводы о превалировании прокрастинации среди студенческой выборки и женщин обусловлены тем, что именно они чаще всего выступают объектами исследований. Большинство психодиагностических методик ориентированы на выявление академической прокрастинации, хотя это только одна из ее разновидностей.

Хроническая прокрастинация на фоне отсутствия двигательной активности, ухудшения качества сна усиливает стресс, обуславливая острые проблемы со здоровьем – головные и мышечные боли, проблемы с пищеварением, простудные заболевания и др. [2].

ВИДЫ ПРОКРАСТИНАЦИИ

К.В. Klingsieck отмечает, что прокрастинация не тождественна стратегической задержке, необходимой для сбора информации и правильного принятия решения. Первая классификация видов прокрастинации описывала пять ее проявлений, связанных с бытом, принятием решений, обучением, невротическими

и компульсивными характеристиками. В дальнейшем появились описания поведенческой, когнитивной, общей (избегающей) прокрастинации, «напряженных» и «расслабленных» прокрастинаторов, активной и пассивной прокрастинации [4; 7; 10; 15].

Поведенческая прокрастинация связана с возбуждением и избеганием, когнитивная – с принятием решений, общая – с постоянным откладыванием дел или их завершением. Избегающая прокрастинация связана с добросовестностью, когнитивная – с нейротизмом [10].

«Напряженные» прокрастинаторы недовольны своими достижениями, тревожны, беспокойны, не уверены в себе, испытывают чувство вины, «общую перегрузку», потерю чувства времени и жизненных целей, «расслабленные» стремятся к развлечению, выполняют только ту деятельность, которая приносит им удовольствие в настоящее время [15]. Пассивные прокрастинаторы стремятся избежать неприятностей, активные – получить острые ощущения в условиях дефицита времени, что приводит к переживанию мобилизации сил, повышению активности всех психических процессов [15].

Активный прокрастинатор (антипод пассивного) ориентирован на достижение оптимального результата деятельности, не избегает стрессовых ситуаций, эффективно контролирует собственное время, успешен в обучении, быстро адаптируется к новым ситуациям, мало подвержен стрессу и депрессии, удовлетворен собственной жизнью. Тем не менее и в его случае могут быть негативные последствия из-за промедлений в выполнении деятельности [7].

ПРОКРАСТИНАЦИЯ И ЛЕНЬ

Лень связана с отдыхом, расслабленностью, недостатком трудолюбия, незаинтересованностью в результатах игнорируемой деятельности, поэтому эмоциональный фон ровный или положительный, расход ресурсов – минимальный [13]. Прокрастинация является психологической защитой от неприглядной для выполнения деятельности, при этом она энергозатратна, хотя силы расходуются на незначимые дела, и сопровождается негативными эмоциями: самообвинением, тревогой, депрессией [12]. По мнению И.Н. Кормачевой и Н.М. Клепиковой, прокрастинация проявляется при деструктивном перфекционизме, однако несвойственна позитивному [8]. Сходство прокрастинации с ленью состоит в амотивации, низкой волевой регуляции, осознанности собственных действий, стабильности проявлений [1].

Д.Е. Расков сближает понятия лени и прокрастинации, называя их практиками активизма, отмечая, что «бездействие и созерцание делают человека по-настоящему счастливым» [11, с. 87]. Прокрастинация в подходе автора выступает сопротивлением бессмысленности приказов или неверной организации труда, когда оттягивание сроков выполнения заданий приводит к их преобразованию или нивелированию в связи с изменившимися условиями, обуславливая активность, отличающую человека от робота [11]. Сходная позиция есть в рассуждениях о лени Т.А. Сысоева, видящего ее ценность в противостоянии злу или в качестве критерия экзистенциального поиска [16].

На наш взгляд, авторы подменяют содержание понятий: спокойное «бездействие», связанное с поиском смысла, в том числе смысла жизни, не тождественно праздной лени, что предполагает глубокую работу с собственным внутренним миром, итоги которой могут серьезно трансформировать атрибуты внешней активности человека. Оттягивание выполнения ненужных, но навязанных обязательств нами все-таки принимается, поэтому субъективный дискомфорт, чувство вины, озабоченности и др. омрачают нашу активность и при хроническом прокрастинировании обеспечивают выгорание в профессии и искаженный взгляд на собственную личность. Если бы активная и «расслабленная» прокрастинация вели только к высоким результатам и исключительно положительным эмоциям, не было бы необходимости переживать из-за авральные темпы выполняемой работы, перспективы хронического стресса, поскольку расходуемые ресурсы необходимо восполнять.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки различий между академической прокрастинацией и ленью обратимся к результатам курсового проекта А.К. Морозовой, написанной под нашим руководством. В своей работе студентка использовала банк методик: опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой, шкалу академической прокрастинации К. Лэя, Мельбурнский опросник принятия решений в адаптации Т.В. Корниловой и С.А. Корниловой. Респондентами выступили студенты второго года обучения, получающие высшее образование по психологическому профилю. Общее количество респондентов – 25 чел., средний

возраст – 19 лет. Результаты шкалы академической прокрастинации показали большой разброс данных, о чем можно судить по значениям размаха и стандартного отклонения (табл. 1).

Таблица 1

Шкала академической прокрастинации

Академическая прокрастинация	
Среднее арифметическое (\bar{x})	55,48
Стандартное отклонение (δ)	15,93
Медиана	55
Мода	49
Размах	67

Составлено автором по материалам исследования

Можно предположить, что в группе много как прокрастинаторов, так и тех, кто привык сдавать задания вовремя.

Студентам свойственен средний уровень общего показателя самоорганизации, что с позиции Е.Ю. Мандриковой говорит об умении извлекать из собственной жизни ценный опыт, соединяя спонтанность и гибкость со структурированным подходом к организации своей деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Самоорганизация деятельности второкурсников

Шкалы исследования	$\bar{x} \pm \delta$
Планомерность	14,36 \pm 4,22
Целеустремленность	30,02 \pm 6,01
Настойчивость	15,44 \pm 3,02
Фиксация	16,64 \pm 4,93
Самоорганизация	10,2 \pm 4,07
Ориентация на настоящее	14,16 \pm 6,08
Общий показатель	101,88 \pm 20,59

Составлено автором по материалам исследования

В первую очередь это обусловлено ориентацией студентов на настоящее, которое имеет для них особую ценность. Они гибки в планировании своей деятельности и общения, оставаясь интерналами во взятых на себя обязательствах. При построении проектов личного и рабочего времени студенты редко прибегают к помощи планингов и ежедневников. Чаще всего их цели носят осознанный и продуктивный характер, однако нередко обучаемые отвлекаются на посторонние дела, проявляя непоследовательность при реализации собственных планов.

Оценим источники проблем студентов, анализируя привычные им стили поведения (табл. 3).

Таблица 3

Причины, влияющие на принятие решений

Шкалы исследования	$\bar{x} \pm \delta$
Бдительность	12,3 \pm 4,71
Избегание	11,1 \pm 3,52
Прокрастинация	12,5 \pm 2,64
Сверхбдительность	8,8 \pm 2,76

Составлено автором по материалам исследования

Базовым источником проблем студентов при принятии решений выступает их тенденция к откладыванию важных дел и обязанностей «на потом». Принимая значимое решение, студенты стараются проанализировать его с разных сторон, но в этом им мешает их непоследовательность; столкнувшись с трудностью из-за поспешно принятого решения, обучаемые склонны к выбору стратегии избегания.

Разделим выборку на подгруппы, исходя из уровней академической прокрастинации (табл. 4).

Таблица 4.

Уровни академической прокрастинации студентов-психологов

Уровни	Низкий	Средний	Высокий
%	12	60	28

Составлено автором по материалам исследования

Среди второкурсников преобладает средний уровень прокрастинации. Довольно регулярно они откладывают учебные задания на неопределенный срок, поэтому завершают их с отсутствием мотивации, сниженной удовлетворенностью от проделанной работы. 28 % респондентов являются хроническими прокрастинаторами, которые не планируют свое время, не прилагают усилий для завершения дел, быстро переключаясь с одного вида активности на другой. Низкий уровень прокрастинации характерен только для 12 % студенческой выборки – они отличаются активной жизненной позицией, высокой самоорганизацией, но с трудом переключаются с одной деятельности на другую. В группе достоверно чаще встречается средний уровень прокрастинации ($\varphi^* = 2,92$ при $p \leq 0,01$).

При проведении корреляционного анализа по результатам всей выборки были выявлены обратные связи между шкалами прокрастинации и настойчивости ($r_s = -0,54$ при $p \leq 0,01$), прокрастинации и целеустремленности ($r_s = -0,39$ при $p \leq 0,05$), прокрастинации и бдительности ($r_s = -0,35$ при $p \leq 0,05$). Это позволяет заключить, что с ростом прокрастинации падает уверенность в собственных силах, человек ставит перед собой легкодостижимые цели, принимает поспешные решения, что обуславливает дезорганизацию не только деятельности, но и самой личности исполнителя.

Положительная корреляция выявлена между шкалой прокрастинации и избегания ($r_s = 0,41$ при $p \leq 0,05$), что, с нашей точки зрения, выступает индикатором психологической защиты, необходимой для сохранения привычного представления о собственной личности.

Для выявления особенностей личности хронического прокрастинатора дополнительно был проведен корреляционный анализ в подгруппе с высоким уровнем прокрастинации. Данные эмпирического исследования позволили выявить следующие корреляционные связи: прокрастинация положительно коррелирует с избеганием ($r_s = 0,33$ при $p \leq 0,05$) и сверхбдительностью ($r_s = 0,39$ при $p \leq 0,05$); отрицательные корреляционные связи выявлены между прокрастинацией и планомерностью ($r_s = -0,37$ при $p \leq 0,05$), прокрастинацией и самоорганизацией ($r_s = -0,48$ при $p \leq 0,05$), прокрастинацией и ориентацией на настоящее ($r_s = -0,52$ при $p \leq 0,05$). Иными словами, человек привыкший к систематическому откладыванию дел «на потом», избегает ответственности за принятие решений, отличается высокой мнительностью, хаотичностью в принятии решений, привыкает «плыть по течению», расплачиваясь за это низкой уверенностью в собственной эффективности.

В сравнении со студентами, имеющими низкий и средний уровень прокрастинации, хронические прокрастинаторы достоверно чаще страдают от собственной личной неэффективности, обусловленной низким уровнем самоорганизации ($\varphi = 1,95$ при $p \leq 0,05$), целеустремленности ($\varphi = 2,18$ при $p \leq 0,05$), выраженным проявлением прокрастинации ($\varphi = 2,47$ при $p \leq 0,01$).

Описанное исследование было проведено в конце учебного года, когда студенты выходили на сессию. Данный фактор вызывает эмоциональный дискомфорт в самочувствии большинства обучающихся, игнорирующих необходимость систематически готовиться к занятиям в течение семестра.

Низкий уровень знаний и успеваемости, внешняя, нередко отрицательная мотивация к обучению позволяют предположить, что в настоящем исследовании речь идет о лениности испытуемых, свойственной респондентам, набравшим по шкале прокрастинации низкие и средние значения. В пользу данной гипотезы выступают и значения шкалы самоорганизации деятельности, показывающей ориентированность обучаемых на настоящее время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прокрастинация – негативное хроническое качество личности, мешающее вовремя выполнить необходимую, но субъективно неприятную работу. Она отличается от лени энергозатратностью, негативным эмоциональным фоном, деструктивной по направленности рефлексивностью, ориентацией на прошлое или будущее время.

Регулярное и неэкономичное расходование собственных ресурсов приводит к хроническим стрессам, чреватым развитием психосоматических заболеваний, выгоранием, потерей смысла жизни. Прокрастинация часто сопровождается развитием интернет-зависимости, что, с одной стороны, обусловлено личностными характеристиками, а с другой – склонностью проводить время в сети, нередко в ущерб собственным делам.

Список литературы

1. *Слученкова К.А.* Прокрастинация: особенности дефиниций и психологическое содержание. Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018;7(4А):18–26.
2. *Sirois F.M., Stride C.B., Pychyl T.A.* Procrastination and health: A longitudinal test of the roles of stress and health behaviours. *British Journal of Health Psychology*. 2023;28:860–875. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12658>
3. *Klingsieck K.B.* Procrastination. When good things don't come to those who wait. *European Psychologist*. 2013;1(8):24–34.
4. *Барабанщикова В.В., Марусанова Г.И.* Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности. *Национальный психологический журнал*. 2015;4(20):130–140.
5. *Корниенко Д.С., Руднова Н.А.* Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией. *Психологические исследования*. 2018;11(59):9. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.284>
6. *Барабанщикова В.В., Каминская Е.О.* Феномен прокрастинации в деятельности членов виртуальных проектных групп. *Национальный психологический журнал*. 2013;2(10):43–51.
7. *Бородин А.Ф.* Представления о прокрастинации в зарубежных исследованиях. *Человеческий капитал*. 2019;6-2(126):207–211.
8. *Кормачева И.Н., Клепикова Н.М.* Прокрастинация: феномен и научная проблема. *Системная психология и социология*. 2019;4(32):18–29. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.02>
9. *Шейнов В.П.* Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:120–127. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-120-127>
10. *Przebiorka A., Blachnio A., Cudo A.* Procrastination and problematic new media use: the mediating role of future anxiety. *Current Psychology*. 2023;42:5169–5177. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01773-w>
11. *Расков Д.Е.* Лени и прокрастинация как практики активизма. *Международный журнал исследований культуры*. 2020;1(38):79–89. <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2020-00005>
12. *Зобков А.В.* К вопросу о прокрастинации как психологической защите субъектности. *Перспективы науки и образования*. 2023;2(62):468–483. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.2.27>
13. *Курденко А.Н.* Прокрастинация и лень: психологическое содержание понятий. *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*. 2019;1:128–136.
14. *Сманов Д.А.* Когнитивные особенности и предикторы прокрастинации. *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2023;9(2):97–109. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-2-0-8>
15. *Чевренюди А.А.* Прокрастинация в структуре временных отношений личности. *Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология*. 2016;9(3):104–113.
16. *Сысов Т.А.* Этнос лени в русской культуре. *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*. 2019;3:92–108.

References

1. *Sluchenkova K.A.* Procrastination: features of definitions and their psychological meaning. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*. 2018;7(4A):18–26. (In Russian).
2. *Sirois F.M., Stride C.B., Pychyl T.A.* Procrastination and health: A longitudinal test of the roles of stress and health behaviours. *British Journal of Health Psychology*. 2023;28:860–875. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12658>
3. *Klingsieck K.B.* Procrastination. When good things don't come to those who wait. *European Psychologist*. 2013;1(18):24–34.
4. *Barabanshchikova V.V., Marusanova G.I.* Perspectives for research of the procrastination phenomenon in professional work. *National psychological journal*. 2015;4(20):130–140. (In Russian).

5. Kornienko D.S., Rudnova N.A. Online social network usage, procrastination and selfreguiation. Psychological Studies. 2018;11(59):9. (In Russian). <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.284>
6. Barabanshchikova V.V., Kaminskaya E.O. Procrastination phenomenon in virtual project team members. National psychological journal. 2013;2(10):43–51. (In Russian).
7. Borodina L.F. Ideas about procrastination in foreign studies. Human capital. 2019;6-2(126):207–211. (In Russian).
8. Kormachyova I.N., Klepikova N.M. Procrastination: phenomenon and scientific problem. Systems Psychology and Sociology. 2019;4(32):18–29. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.02>
9. Shejnov V.P. Relationship of smartphone dependence with personal states and properties. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020;4:120–127. (In Russian). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-120-127>
10. Przepiorcka A., Blachnio A., Cudo A. Procrastination and problematic new media use: the mediating role of future anxiety. Current Psychology. 2023;42:5169–5177. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01773-w>
11. Raskov D.E. Laziness and Procrastination as Practices of Activism. International Journal of Cultural Research. 2020;1(38):79–89. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2020-00005>
12. Zobkov A.V. On procrastination as a psychological defence of personality. Perspectives of Science and Education. 2023;2(62):468–483. (In Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2023.2.27>
13. Kurdenko A.N. Procrastination and lazy: the psychological content of concepts. PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2019;1:128–136. (In Russian).
14. Smanov D.A. Cognitive features and predictors of procrastination. Research Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2023;9(2):97–109. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-2-0-8>
15. Chevrenidi A.A. Procrastination in the Structure of Personality’s Temporal Relations. Bulletin of the South Ural State University. Psychology. 2016;9(3):104–113. (In Russian).
16. Sysoev T.A. Ethos of laziness in Russian culture. Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. 2019;3:92–108. (In Russian).

Социальная тревога у студентов социогуманитарных направлений профессиональной подготовки

Цветкова Надежда Александровна

Д-р психол. наук, гл. науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-0967-205X, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Россия

Аннотация

Предмет исследования – социальная тревога, цель – определение ее распространенности и выраженности у студентов социогуманитарных направлений подготовки. Использовались принципы социально-психологического подхода, методология и метод социально-психологической диагностики социальной тревоги и социофобии О.А. Сагалковой и Д.В. Труевцева. Определен обобщенный показатель социальной тревоги (48,1 балла), который соответствует повышенному уровню с тенденцией к высокому. Выявлен доминирующий тип социофобии – «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях», показатель которого (6,84 балла) тяготеет к высокому уровню. Установлено, что студенты с этим типом социальной тревоги составляют самую большую долю в выборке (48,13 %). Выявлены и охарактеризованы три группы студентов: студенты с показателями клинической социофобии и клинической социофобии в декомпенсации (около 20 % выборки); студенты с повышенным и высоким уровнями социальной тревоги (чуть больше 50 %); студенты с низким и умеренным уровнями социальной тревоги (немного меньше 30 %). Область применения полученных результатов: психология высшей школы; прикладная и практическая социальная психология; психологи системы социальной защиты населения, клинические психологи, медицинские психологи, психиатры. Перспективы исследования – мониторинг социальной тревоги у студентов российских вузов. Результаты исследования подтвердили потребность в мониторинге социальной тревоги у студентов социогуманитарных направлений профессиональной подготовки, около 50 % которых в той или иной степени нуждаются в социально-психологической помощи, а около 20 % – в помощи психиатра.

Ключевые слова

Студенты, социальная тревога, уровни социальной тревоги, социофобия, предикторы социофобии, типы социофобии, профилактика социальной тревоги

Для цитирования: Цветкова Н.А. Социальная тревога у студентов социогуманитарных направлений профессиональной подготовки // Вестник университета. 2024. № 6. С. 220–228.

Social anxiety among students of socio-humanitarian areas of professional training

Nadezhda A. Tsvetkova

Dr. Sci. (Psy.), Chief Researcher

ORCID: 0000-0003-0967-205X, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Abstract

The subject of the study is social anxiety, the purpose is to determine its prevalence and severity in students of socio-humanitarian training areas. The principles of socio-psychological approach, methodology and method of socio-psychological diagnostics of social anxiety and social phobia by O.A. Sagalkova and D.V. Truyavtsev were used. The generalized index of social anxiety (48.1 points), which corresponds to an elevated level with a tendency to high, has been determined. The dominant type of social phobia such as “Post-situational rumination and desire to overcome anxiety in expert situations” has been identified, the index of which (6.84 stens) tends to a high level. Students with this type of social anxiety make up the largest share in the sample (48.13 %). Three groups of students have been identified and characterized: students with indicators of clinical social phobia and clinical social phobia in decompensation (about 20 % of the sample); students with elevated and high levels of social anxiety (slightly more than 50 %); students with low and moderate levels of social anxiety (slightly less than 30 %). Obtained results application score: higher school psychology; applied and practical social psychology; social protection system psychologists, clinical psychologists, medical psychologists, and psychiatrists. Prospects of the study is social anxiety monitoring in students of Russian universities. The study results confirmed the need for social anxiety monitoring in students of socio-humanitarian areas of professional training, about 50 % of whom to a greater or lesser extent need socio-psychological help, and about 20 % of whom need psychiatric help.

Keywords

Students, social anxiety, social anxiety levels, social phobia, social phobia predictors, social phobia types, prevention of social anxiety

For citation: Tsvetkova N.A. (2024) Social anxiety among students of socio-humanitarian areas of professional training. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 220–228.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная тревога («страх чужого взгляда», социальный страх), возникающая в связи с необходимостью общаться и работать в группе, издавна присуща людям. В 1903 г. П. Жане для обозначения страхов подобного рода ввел специальный термин – социофобия. По частоте встречаемости они занимают далеко не последнее место в перечне уже изученных страхов, которых насчитывается около 500 видов [1; 2]. При этом диагноз «социофобия» ставится только в том случае, если человек сильно боится того, чего в действительности нет, или того, что не несет для него даже потенциальной опасности, если он мучается беспочвенным иррациональным чувством всеохватывающего и неотступного характера [3].

В последние три года отмечается рост числа социально тревожных людей (социофобов) в Российской Федерации и других странах мира. Их росту среди российских студентов способствует ряд факторов объективного характера: последствия периода самоизоляции, обусловленные пандемией COVID-19; изменившиеся условия получения высшего образования, в которых значительное место заняли технологии дистанционного обучения, заменив «живое» общение в студенческой группе; специальная операция на Украине, вызывающая беспокойство у родителей и их детей призывного возраста, и другие, создающие ситуацию неопределенности, усугубляющую страхи российского студенчества [4–6].

У студентов социальная тревога может быть ситуативно относительно легко выраженной. В их поведении могут наблюдаться особенности, которые лишь в совокупности свидетельствуют о социальных страхах, – это уклонение от контактов с людьми; настороженность в ситуации установления контакта с незнакомым человеком; неловкость и неуклюжесть в движениях при нахождении в группе; избегание контакта глаз и потупленный взгляд; беспричинные слезливости и раздражительность, перепады настроения, иногда – состояние, похожее на ступор, при нахождении среди людей [7; 8].

Современные клинические психологи относят социальную тревогу в стадии «социофобия» к числу тревожных расстройств, а психиатры считают ее «болезнью упущенных возможностей», поскольку индивид в силу боязни оценок со стороны других людей делает все, чтобы избежать ситуаций социального оценивания его действий и, следовательно, публичного проявления признаков своей тревоги. Подобная поведенческая картина может наблюдаться у человека месяцами, а при изучении биографии таких людей часто оказывается, что социофобия для них характерна с раннего возраста (статистика социофобии показывает, что у 50 % страдающих ею симптомы появились в возрасте до 11 лет, у 80 % – до 20 лет) [2].

Науке известно несколько предикторов, способствующих, на первый взгляд, беспричинному усилению социальной тревоги: генетический фактор; семейные предикторы (психотравмы, полученные в родительской семье в детстве); социальные (психотравмы, полученные в детском саду или в школе); наличие психической патологии (депрессия, невроз, паническое расстройство); медицинский предиктор (нарушение обмена нейромедиаторов головного мозга); психологические факторы и др. [2; 9; 10].

И.С. Мякотин, изучавший отношение родителей к детям подросткового возраста в качестве фактора формирования социофобии, писал: «...специфика отношения родителей к ребенку в детстве, в частности, транслирование родителями определенного представления о ребенке, обуславливающего формирование его идентичности, создание психологического пространства развития, предпочитаемых способов поведения в трудных ситуациях, распознавания эмоционального контекста и соответствующего эмоционального реагирования, может способствовать или препятствовать формированию социальной фобии» [10, с. 3].

О важности изучения социальной тревоги у студентов различных направлений и профилей подготовки свидетельствует публикация К.О. Богомазовой и К.С. Колочихина, которые выявили связь их жизненной неспособности с социальными страхами и психологической атмосферой в учебной группе [11]. Потребность в оценке данного феномена у студентов социогуманитарных направлений профессиональной подготовки показали результаты других исследований, которые свидетельствуют не только о распространенности социофобии и высоком уровне социальной тревоги у студенческой молодежи, но и о негативной динамике этого явления [1; 12; 13].

За рубежом разработка проблемы социальной тревоги и социофобии началась раньше, чем в Российской Федерации (с конца XIX в.). Социальные страхи вошли в Международную классификацию болезней в 1940-е гг., однако социофобия была выделена в отдельную категорию фобий лишь спустя 20 лет – в 1960-е гг. [10]. К настоящему времени проблема не потеряла своей актуальности и активно изучается и медиками, и психологами.

Об этом свидетельствуют обзорные работы о социальных тревожных расстройствах A.R. Teo, R. Lerrigo, M.A. Rogers, а также H.R. Cremers и K. Roelofs [14; 15]. Несколькими годами ранее было опубликовано исследование С. Acarturk, R. de Graaf, A. van Straten, M.T. Have и P. Cuijpers, в котором представлен анализ связи социальных страхов и социофобии с сопутствующей патологией, качеством жизни, состоянием здоровья и обращаемостью за помощью [16]. Позже появилась публикация I.H. Stanley, J.W. Boffa, M.L. Rogers, M.A. Hom, B.J. Albanese, C. Chu, D.W. Capron, N.B. Schmidt и T.E. Joiner, констатирующая влияние социальной тревоги на суицидальные мысли и риск самоубийств [17].

Вышла статья B.L. Glazier и L.E. Alden о феномене угасания позитивности восприятия положительных отзывов о себе, которые социофобы слышали в ответ на свои публичные действия. Авторы публикации поставили проблему поиска механизма этого феномена, который им не удалось найти [18]. Социальную тревогу у студентов колледжа изучали С. Purdon, M. Antony, S. Monteiro, R.P. Swinson [19]. G. Russell и P. Torpham показали влияние социальной тревожности на успешность обучения и субъективное благополучие студентов вузов [20]. Y.S. Luan, G. Zhan-ling, L. Mi, L. Ying, B. Lan, L. Tong рассмотрели проблему социофобии с учетом фактора пола [21]. О связи социального страха, депрессии и стиля привязанности, выявленной на выборке студентов колледжа, писали H.M. Simon, J. Di Placido, J. Conway [22]. Данные о связи социальной тревожности студентов с привязанностью родителей к ним опубликовали Y. Yu, S. Liu, M. Song, H. Fan, L. Zhang [23].

Таким образом, теоретический анализ исследований социальной тревоги у российских и зарубежных студентов показал важность дальнейшей научной разработки этой проблемы.

Цель эмпирического исследования заключалась в выявлении распространенности и степени выраженности социальной тревоги у студентов социогуманитарных направлений профессиональной подготовки. Исследовательские задачи состояли в следующем:

- 1) определение уровня социальной тревоги у студентов социогуманитарных направлений профессиональной подготовки;
- 2) определение уровней проявления частных типов социофобии и составление их рейтинга;
- 3) дифференциация студенческой выборки в зависимости от уровня проявления социальной тревоги.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в 2023 г. Выборку составили 160 студентов обоих полов 2 и 3 курсов московских вузов очной формы обучения, осваивающих психологию, педагогику, социологию и экономику. Данные собирались в студенческих аудиториях, а также с помощью Google Forms. Использовался опросник социальной тревоги и социофобии О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева (далее – СТиСФ) [24]. Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с применением пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23.

Исследование строилось с соблюдением принципов социально-психологического подхода. Особую ценность в плане методологии представили разработки О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева, изучавших социальные страхи и предложивших семиуровневую систему их оценивания – от социальной тревоги низкого уровня до уровня клинической социофобии в декомпенсации, а также предложивших модель когнитивно-бихевиоральной психотерапии для работы с клиентами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Показатели уровней и распространенности социальной тревоги у студентов социогуманитарных направлений профессиональной подготовки представлены ниже, в табл. 1.

Таблица 1

Распределение студенческой выборки по уровням социальной тревоги

Уровни проявления социальной тревоги	Число чел. в выборке	Интервалы значений, баллы	Доля в выборке, %
Общий уровень СТиСФ (максимально – 87 баллов или 10 стенов)	160	48,1	100,00
I. Клиническая социофобия в декомпенсации	10	70,0–87,0	6,25

Уровни проявления социальной тревоги	Число чел. в выборке	Интервалы значений, баллы	Доля в выборке, %
II. Клиническая социофобия	23	60,0–69,0	14,38
III. Высокий уровень социальной тревоги	38	50,0–59,0	23,75
IV. Повышенный уровень социальной тревоги	43	40,0–49,0	26,87
V. Умеренный уровень социальной тревоги	24	31,0–39,0	15,00
VI. Эпизодические проявления социальной тревоги	19	16,0–30,0	11,88
VII. Низкий уровень социальной тревоги	3	0,0–15,0	1,87

Составлено автором по материалам исследования

Приведенные в таблице данные показывают, что в студенческой выборке самая большая процентная доля приходится на студентов с повышенным общим уровнем социальной тревоги (IV степень – 26,87 %); доля студентов с низким уровнем СТиСФ составила 1,87 %, студентов с клинической социофобией, в том числе в декомпенсации, – 20,63 %. Обобщенный показатель СТиСФ по выборке в целом (48,1 балла) свидетельствует о том, что для обследованных студентов преимущественно характерен повышенный уровень социальной тревоги, показатель которой тяготеет к высокому.

На следующем этапе исследования анализировались показатели пяти частных типов социофобии. Для удобства и корректности анализа эмпирического материала баллы были переведены в стены.

Показатели, отражающие процентное распределение студенческой выборки по уровням частных типов социофобии и степени их выраженности, представлены ниже, в табл. 2.

Таблица 2

Процентное распределение совокупной студенческой выборки по уровням частных типов социофобии и степени их выраженности

Частные типы социофобии	Уровни частных типов социофобии						Степень выраженности частных типов СТиСФ
	Низкий (1–3 стена)		Средний (4–6 стенов)		Высокий (7–10 стенов)		
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	В стенах
Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях	16	10,00	67	41,87	77	48,13	6,84
Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях	50	31,25	61	38,13	49	30,62	4,79
Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля	47	29,38	64	40,00	49	30,62	4,91
Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях	30	18,75	69	43,13	61	38,12	5,83
Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»	16	10,00	118	73,75	26	16,25	5,52

Составлено автором по материалам исследования

Данные, представленные в таблице, позволяют отметить, что самую большую долю (48,13 %) выборки составляют студенты с высокими показателями социофобии типа «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях», а самую меньшую (16,25 %) – студенты с высокими показателями типа социофобии «Социальная тревога в ситуации “быть в центре внимания, под наблюдением”».

Показатели степени выраженности пяти типов социофобии свидетельствуют о том, что социальная тревога у студентов в меньшей степени проявляется в избегании непосредственного контакта при

взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях (4,79 стена – умеренная степень с тенденцией к низкой), а также при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля (4,91 стена).

Полученные данные позволили разделить студенческую выборку на три группы:

1. I группа – студенты с показателями клинической социофобии и клинической социофобии в декомпенсации (33 чел., или 20,63 %). Студентам, имеющим показатели социальной тревоги, соответствующие клинической социофобии, свойственны различные страхи, которые они испытывают, находясь в группе и сознавая, что от них требуется проявление активности, инициативы, находчивости. Их пугает понимание того, что за их действиями наблюдают другие люди и оценивают их, причем, как они предполагают, эти оценки будут далеко не лицеприятными. Хотя идея избежать таких ситуаций присутствует, потребность проявить себя и чего-то достичь также есть, то есть мотив достижения все же берет верх над социальной тревогой.

Для студентов, имеющих показатели социальной тревоги, соответствующие клинической социофобии в декомпенсации, в дополнение к вышеперечисленным признакам, характерны: депрессия, коморбидные расстройства, мысли о самоубийстве и признаки суицидального риска в поведении. Некоторые из них могут прибегать к употреблению психоактивных веществ, проявлять агрессию к окружающим, терять самообладание в межличностных стычках с однокурсниками. Этим студентам нужна помощь психиатра, поскольку исследования медиков свидетельствуют о наличии у них и других характерных особенностей, – когнитивных искажений реальности; иррациональных убеждений в том, что их сокурсники настроены к ним враждебно и несправедливы в своих поступках и словах, и др. Иными словами, у студентов этой группы в той или иной степени сформировался патологический круг социальной тревоги, обуславливающей хроническую дезадаптацию и затрудняющей их личностную самореализацию. Многие из них могут сами найти конструктивный способ изменить свое состояние к лучшему.

2. II группа – студенты с повышенным и высоким уровнями социальной тревоги (81 чел., или 50,62 %). У студентов этой группы есть риск нарушения процесса индивидуального социального развития и социальной адаптации, поскольку «страх чужого взгляда» у них присутствует и обостряется в значимых для них ситуациях группового общения и взаимодействия. Они опасаются критики, насмешек, зависти,мести, отвержения, «быть подставленными». Чем выше уровень социальной тревоги, тем сильнее у них выражена тенденция уклониться от участия в кажущихся им опасными социальных ситуациях. Подспудно они понимают, что им недостает социальной смелости, коммуникабельности, опыта успешного публичного самовыражения. В помощи психиатра они не нуждаются, но участие в социально-психологических тренингах им пошло бы на пользу, помогло бы снизить степень выраженности социальной тревоги;

3. III группа – студенты с низким и умеренным уровнями социальной тревоги (46 чел., или 28,75 %). Эта группа студентов отличается социальной смелостью, активностью, инициативностью, ассертивностью и в целом имеет высокий уровень социальной адаптированности. Это не означает, что в отдельных, особенно значимых для них социальных ситуациях оценивания они не ощущают социальной тревоги, – она может появляться. Однако эти студенты относительно легко и при этом конструктивно с нею справляются.

ВЫВОДЫ

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Обобщенный показатель социальной тревоги и социофобии по студенческой выборке (48,1 баллов) в целом свидетельствует о том, что он соответствует повышенному уровню и тяготеет к высокому. Это означает, что у многих студентов есть и могут возникать проблемы социализации и индивидуального социального развития, трудности в установлении межличностных контактов, отдельные социальные страхи в ситуациях общения и групповой работы, что они опасаются критики, однако все же чаще предпочитают проявлять социальную активность, чем придерживаться стратегии социальной самоизоляции.

2. В рейтинге показателей частных типов социофобии в студенческой выборке доминирует показатель типа «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях» (6,84 стена), тяготеющий к высокому уровню. Студенты с этим типом социальной фобии составляют самую большую долю в выборке (48,13 %). Это означает, что почти у каждого второго из них актуализирован внутриличностный мотивационно-эмоциональный конфликт, в основе которого лежит противоречивое сочетание мотива самореализации и достижения успеха в ситуациях оценивания и мотива

избегания таких ситуаций, обусловленного страхом получить негативную оценку, подвергнуться критике, а также стремление к мета-когнитивному контролю социальной тревоги.

3. В зависимости от уровня проявления социальной тревоги студенческая выборка может быть разделена на три группы:

1) студенты с показателями клинической социофобии и клинической социофобии в декомпенсации, нуждающиеся в психиатрической помощи (на их долю приходится около 20 % выборки);

2) студенты с повышенным и высоким уровнями социальной тревоги, которым полезны социально-психологические тренинги и показана психологическая помощь (они составляют чуть больше половины выборки);

3) студенты с низким и умеренным уровнями социальной тревоги, которым повезло с родителями, воспитателями и педагогами (их немного меньше 30 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования подтвердили актуальность проблемы социальной тревоги для студенческой молодежи, и, соответственно, для руководства, и для преподавателей вузов. Они могут быть полезны психотерапевтам, психиатрам, кураторам студенческих групп, семейным психологам-консультантам, а также родителям, искренне заинтересованным в благополучии их ставших взрослыми детей.

Возможна реализация нескольких стратегий, целесообразных в социально-психологической работе со студентами, нацеленной на коррекцию социальной тревоги и профилактику социофобий:

1) осознанное и целенаправленное использование методов активного социально-психологического обучения в образовательном процессе вуза;

2) организация микрогрупп психологической поддержки слишком тревожных однокурсников;

3) целенаправленное сплочение студенческих групп в рамках программ профессионального воспитания студентов;

4) групповое психологическое просвещение студенческой молодежи в онлайн- и офлайн-форматах, осуществляемое в условиях сотрудничества психологов системы социального обслуживания населения и специалистов системы здравоохранения.

Список литературы

1. *Афанасьев С.О., Махортова И.С., Ширьев О.Ю.* Анализ частоты встречаемости и факторов риска формирования социальной тревоги и расстройств пищевого поведения среди студентов медицинских вузов. Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2021;1(20):174–181. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.20.1.024>
2. *Гофман А.А., Колочихин К.С.* Фобии: их разновидности, причины возникновения и влияние на поведение человека. Ученые записки университета Лесгафта. 2022;12(214). <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.12.p644-650>
3. *Лукашевич У.С., Цуверкалов А.Е.* Фобии как психоэмоциональный статус. Краткий обзор студенческих фобий. Молодежный инновационный вестник. 2022;11:316–321.
4. *Прокофьев Д.* Студенты после пандемии: больше тревоги, меньше агрессии. Ректор ВУЗа. 2021;4:30–31.
5. *Безпалова А.Г., Легкопогих А.Н.* Социофобия студентов высшего учебного заведения как современный феномен онлайн-обучения. Alma mater: Вестник высшей школы. 2022;7:57–63. <https://doi.org/10.20339/AM.07-22.057>
6. *Певная М.В., Шуклина Е.А., Киенко Т.С., Тарасова А.Н., Андрианова Т.В., Худякова М.В., Шаповалова И.С.* Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года). Научный результат. Социология и управление. 2022;3(8):116–136. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
7. *Есманская Н.Е., Молчанова В.Р.* Особенности социофобий у студентов с разным уровнем депрессии. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2022;1:47–51.
8. *Ибрагимов Ш.У.* Социофобия как распространенная проблема современной молодежи. Наука, образование и культура. 2022;1(61):59–62.
9. *Корытко И.Д.* Психологические факторы социальной тревожности студентов. Научные труды Московского гуманитарного университета. 2021;1:13–18. <https://doi.org/10.17805/trudy.2021.1.2>
10. *Мякотин И.С.* Отношение родителей к ребенку как фактор формирования социальной фобии. Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Ярославль; 2018. 24 с.
11. *Богомазова К.О., Байгужина О.В.* Социальная тревога и психологическая атмосфера в группе как корреляты жизненной неспособности студентов различных профилей подготовки. Психология. Психофизиология. 2022;1(15):5–15. <https://doi.org/10.14529/jpps220101>

12. Кузнецова Е.Н., Швецова О.В. Психологические особенности проявления социальной тревожности и социофобии у студентов педагогического вуза как критерий безопасности образовательной среды. Прикладная психология и психоанализ. 2021;1(9):278–282.
13. Потупчик Т.В., Эверт А.С., Гришкевич Н.Ю. Характеристика социально-психологической адаптации и нервно-психического здоровья студентов разных форм обучения. Сибирское медицинское обозрение. 2019;4(118):54–61. <https://doi.org/10.20333/2500136-2019-4-54-61>
14. Teo A.R., Lerrigo R., Rogers M.A. The role of social isolation in social anxiety disorder: a systematic review and meta-analysis. Journal of anxiety disorders. 2013;4(27):353–364. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2013.03.010>
15. Cremers H.R., Roelofs K. Social anxiety disorder: a critical overview of neurocognitive research. Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. 2016;4(7):218–232.
16. Acarturk C., de Graaf R., van Straten A., Have M.T., Cuijpers P. Social phobia and number of social fears, and their association with comorbidity, health-related quality of life and help seeking: a population-based study. Social psychiatry and psychiatric epidemiology. 2008;4(43):273–279. <https://doi.org/10.1007/s00127-008-0309-1>
17. Stanley I.H., Boffa J.W., Rogers M.L., Hom M.A., Albanese B.J., Chu C., Capron D.W., Schmidt N.B., Joiner T.E. Anxiety sensitivity and suicidal ideation/suicide risk: A meta-analysis. Journal of consulting and clinical psychology. 2018;11(86):946–960. <https://doi.org/10.1037/ccp0000342>
18. Glazier B.L., Alden L.E. Social anxiety disorder and memory for positive feedback. Journal of abnormal psychology. 2019;3(128):228–233. <https://doi.org/10.1037/abn0000407>
19. Purdon C., Antony M., Monteiro S., Swinson R.P. Social anxiety in college students. Journal of Anxiety Disorders. 2001;3(15):203–215.
20. Russell G., Topham P. The impact of social anxiety on student learning and well-being in higher education. Journal of Mental Health. 2012;4(21):375–385. <https://doi.org/10.3109/09638237.2012.694505>
21. Luan Y.S., Zhan-ling G., Mi L., Ying L., Lan B., Tong L. The Experience Among College Students with Social Anxiety Disorder in Social Situations: A Qualitative Study. Neuropsychiatr Dis Treat. 2022;18:1729–1737.
22. Heather M.S., Joanne Di P., James C. Attachment Styles in College Students and Depression: The Mediating Role of Self Differentiation. Mental Health & Prevention. 2019;13:135–142. <http://dx.doi.org/10.1016/j.mhp.2019.01.011>
23. Yu Y., Liu S., Song M., Fan H., Zhang L. Effect of Parent-Child Attachment on College Students' Social Anxiety: A Moderated Mediation Model. Psychol. Rep. 2020;6(123):2196–2214. <https://doi.org/10.1177/0033294119862981>
24. Сагалакова О.А., Труяцков А.В. Опросник социальной тревоги и социофобии. Медицинская психология в России. 2012;4(15).

References

1. Afanasyev S.O., Makhortova I.S., Shiryayev O.Yu. Analysis of prevalence and risk factors of social anxiety and eating disorders in medical students. System analysis and management in biomedical systems. 2021;1(20):174–181. (In Russian). <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.20.1.024>
2. Hoffman A.A., Kolochikhin K.S. Phobias: their varieties, causes and influence on human behavior. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2022;12(214). (In Russian). <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.12.p644-650>
3. Lukashevich U.S., Tsvetkov A.E. Phobias as a psycho-emotional status. brief review of student phobias. Molodezhnyi innovatsionnyi vestnik. 2022;11:316–321. (In Russian).
4. Prokofiev D. Students after the pandemic: more anxiety, less aggression. Rector universiteta. 2021;4:30–31. (In Russian).
5. Bezpalova A.G., Legkonogikh A.N. Social phobia of university students as a modern phenomenon of online learning. Alma mater: Higher School Herald. 2022;7:57–63. (In Russian). <https://doi.org/10.20339/AM.07-22.057>
6. Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova T.V., Khudyakova M.V., Shapovalova I.S. Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022). Research Result. Sociology and Management. 2022;3(8):116–136. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
7. Esmanskaya N.E., Molchanova V.R. Features of social phobias in students with different levels of depression. Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education. 2022;1:47–51. (In Russian).
8. Ibragimov Sh.U. Social phobia as a common problem of modern youth. Science, Education and Culture. 2022;1(61):59–62. (In Russian).
9. Korytko I.D. Psychological factors of social anxiety in students. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2021;1:13–18. (In Russian). <https://doi.org/10.17805/trudy.2021.1.2>
10. Myakotin I.S. The attitude of parents to a child as a factor in social phobia formation. Abstr. dis. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.05. Yaroslavl; 2018. 24 p. (In Russian).

11. *Bogomazova K.O., Baiguzhina O.V.* Social anxiety and psychological climate as indicators of vitality in students of different education fields. *Psychology. Psychophysiology.* 2022;1(15):5–15. (In Russian). <https://doi.org/10.14529/jpps220101>
12. *Kuznetsova E.N., Shvetsova O.V.* Psychological features of social anxiety and social phobia manifestation among students of a pedagogical university as a criterion for educational environment safety. *Applied Psychology and Psychoanalysis.* 2021;1(9):278–282. (In Russian).
13. *Potupchik T.V., Evert L.S., Grishkevich N.Yu.* Features of socio-psychological adaptation and neuropsychic health of students of various forms of education. *Siberian Medical Review.* 2019;4(118):54–61. (In Russian). <https://doi.org/10.20333/2500136-2019-4-54-61>
14. *Teo A.R., Lerrigo R., Rogers M.A.* The role of social isolation in social anxiety disorder: a systematic review and meta-analysis. *Journal of anxiety disorders.* 2013;4(27):353–364. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2013.03.010>
15. *Cremers H.R., Roelofs K.* Social anxiety disorder: a critical overview of neurocognitive research. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science.* 2016;4(7):218–232.
16. *Acarturk C., de Graaf R., van Straten A., Have M.T., Cuijpers P.* Social phobia and number of social fears, and their association with comorbidity, health-related quality of life and help seeking: a population-based study. *Social psychiatry and psychiatric epidemiology.* 2008;4(43):273–279. <https://doi.org/10.1007/s00127-008-0309-1>
17. *Stanley I.H., Boffa J.W., Rogers M.L., Hom M.A., Albanese B.J., Chu C., Capron D.W., Schmidt N.B., Joiner T.E.* Anxiety sensitivity and suicidal ideation/suicide risk: A meta-analysis. *Journal of consulting and clinical psychology.* 2018;11(86):946–960. <https://doi.org/10.1037/ccp0000342>
18. *Glazier B.L., Alden L.E.* Social anxiety disorder and memory for positive feedback. *Journal of abnormal psychology.* 2019;3(128):228–233. <https://doi.org/10.1037/abn0000407>
19. *Purdon C., Antony M., Monteiro S., Swinson R.P.* Social anxiety in college students. *Journal of Anxiety Disorders.* 2001;3(15):203–215.
20. *Russell G., Topham P.* The impact of social anxiety on student learning and well-being in higher education. *Journal of Mental Health.* 2012;4(21):375–385. <https://doi.org/10.3109/09638237.2012.694505>
21. *Luan Y.S., Zhan-ling G., Mi L., Ying L., Lan B., Tong L.* The Experience Among College Students with Social Anxiety Disorder in Social Situations: A Qualitative Study. *Neuropsychiatr Dis Treat.* 2022;18:1729–1737.
22. *Heather M.S., Joanne Di P., James C.* Attachment Styles in College Students and Depression: The Mediating Role of Self Differentiation. *Mental Health & Prevention.* 2019;13:135–142. <http://dx.doi.org/10.1016/j.mhp.2019.01.011>
23. *Yu Y., Liu S., Song M., Fan H., Zhang L.* Effect of Parent-Child Attachment on College Students' Social Anxiety: A Moderated Mediation Model. *Psychol. Rep.* 2020;6(123):2196–2214. <https://doi.org/10.1177/0033294119862981>
24. *Sagalakova O.A., Truyantsev D.V.* Questionnaire of social anxiety and social phobia. *Clinical Psychology in Russia.* 2012;4(15). (In Russian).

Трансформация ревности в романтических отношениях и ее катализаторов в цифровую эпоху

Щукина Ольга Геннадьевна

Аспирант

ORCID: 0000-0002-4892-8428, e-mail: olgashchukina.psy@gmail.com

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

Аннотация

Изучается процесс трансформации ревности в романтических отношениях под влиянием цифровизации. Автором рассмотрены такие дефиниции, как «цифровая ревность», «цифровая измена», «виртуальный секс», сформулировано определение цифровой ревности, рассмотрены эмоциональные и поведенческие реакции при переживании ревности под влиянием событий и факторов цифровой среды. По результатам контент-анализа выявлены поведенческие маркеры, которые могут быть расценены партнером как свидетельство цифровой измены и/или вызвать цифровую ревность. В качестве специфических характеристик цифровой ревности выделены ее существование в условиях квазиреальности, диффузность, развернутость во времени и пространстве, отчужденность от факта физической измены, виртуальная репрезентация. Автором отмечается связь интенсивности переживания цифровой ревности и субъективной значимости виртуального пространства, представленности в нем. Амбивалентность переживания цифровой ревности выражается восприятием ее возникновения, с одной стороны, как предиктора физической измены, а с другой – как манифестации кризиса в романтических отношениях, эмоционального отдаления партнеров. Выявлено, что ревность в цифровом пространстве обусловлена во многом чувством собственности по отношению ко времени и вниманию партнера и связана с общей трансформацией романтических отношений в современном обществе.

Ключевые слова

Ревность, ревность в романтических отношениях, катализаторы романтической ревности, цифровизация, цифровая измена, цифровая ревность, виртуальный секс, секстинг

Для цитирования: Щукина О.Г. Трансформация ревности в романтических отношениях и ее катализаторов в цифровую эпоху // Вестник университета. 2024. № 6. С. 229–236.

Transformation of jealousy in romantic relationships and its catalysts in digital age

Olga G. Shchukina

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-4892-8428, e-mail: olgashchukina.psy@gmail.com

Federal State University of Education, Moscow, Russia

Abstract

The article studies the process of jealousy transformation in romantic relationships under the influence of digitalization. The author considers such definitions as “digital jealousy”, “digital infidelity”, and “virtual sex”, formulates a definition of digital jealousy, and considers emotional and behavioral reactions when experiencing jealousy under the influence of events and factors of the digital environment. Based on the content analysis results, behavioral markers that can be considered by a partner as evidence of digital infidelity and/or cause digital jealousy have been identified. The specific characteristics of digital jealousy include its existence in conditions of quasi-reality, diffusiveness, deployment in time and space, alienation from the fact of physical infidelity, and virtual representation. The author notes the connection between the intensity of the digital jealousy experience and the subjective significance of virtual space and representation in it. Ambivalence of the digital jealousy experience is expressed by the perception of its occurrence, on the one hand, as a predictor of physical infidelity, and, on the other hand, as a manifestation of crisis in romantic relationships and emotional estrangement of partners. It has been revealed that jealousy in digital space is largely due to a sense of ownership in relation to the time and attention of a partner and is associated with general transformation of romantic relationships in modern society.

Keywords

Jealousy, jealousy in romantic relationships, romantic jealousy catalysts, digitalization, digital betrayal, digital jealousy, virtual sex, sexting

For citation: Shchukina O.G. (2024) Transformation of jealousy in romantic relationships and its catalysts in digital age. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 229–236.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация современного общества привела к трансформации сферы межличностных отношений, преобразованию многих социальных практик, связанных с рабочими, родственными, дружескими и романтическими отношениями. На сегодняшний день цифровые технологии являются неотъемлемой составляющей романтических отношений, варьируется лишь степень их влияния. Так, по данным аналитического обзора 2023 г., 15 % россиян старше 18 лет пользуются онлайн-сервисами для романтических знакомств. 25 % пользователей подобных сервисов нашли благодаря ним постоянного романтического партнера, из них 20 % вступили в брак. 32 % респондентов считают, что онлайн-сервисы – это наиболее удобный и безопасный способ найти романтического партнера. Каждый пятый опрошенный считает, что с учетом текущего уровня занятости онлайн-сервисы являются практически единственным для многих людей способом выстраивать романтические отношения. Только 12 % респондентов отдадут предпочтение традиционным очным знакомствам, в то время как 88 % выбирают онлайн-сервисы¹.

Цифровые технологии используются не только для знакомства, но и для взаимодействия с партнером, в частности, социальные сети, мессенджеры, аудиосообщения и видеосвязь создают эффект постоянного присутствия, сопричастности. Цифровые сообщения представляют гибридную форму устной и письменной речи, передавая несколько приглушенно эмоциональное состояние человека в текущий момент. Все большее количество пар предпочитают использовать мессенджеры для выяснения конфликтных ситуаций, так как цифровое пространство воспринимается своеобразным буфером, не позволяющим конфликту разрастаться.

Вместе с тем сами цифровые технологии могут быть катализатором новых форм конфликта, например, отсутствие смайлов и привычных эмоджи при виртуальной переписке может быть расценено как охлаждение в отношениях, обида, нежелание общаться; цифровая зависимость, когда один партнер все время проводит со смартфоном, а другой предпочитает живое общение, может стать причиной расставания. Одним из примеров подобной трансформации являются изменения, происходящие с ревностью. Цифровизация ревности в романтических отношениях сопряжена с появлением и развитием целого комплекса социальных практик и явлений, таких как цифровая измена, виртуальный секс, секстинг и цифровая ревность [1–3].

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование является результатом систематического обзора русскоязычной и англоязычной научно-исследовательской литературы, посвященной феномену цифровой ревности и смежным категориям, а также результатом контент-анализа и описательного анализа электронных материалов (публикации на форумах и в социальных сетях, открытые обсуждения, научно-популярные статьи на онлайн-ресурсах), отражающих процесс трансформации ревности в цифровой среде^{2,3,4,5,6}. В общей сложности нами было проанализировано более 100 источников.

Систематизация и анализ полученных данных осуществлялись с опорой на метод проблемного анализа, позволяющий выделить противоречия, составляющие содержательную основу цифровой ревности, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа, выражающийся в последовательном сопоставлении ревности в романтических отношениях в целом и цифровой ревности в частности. Подобное сопоставление позволило выделить специфические характеристики цифровой ревности.

¹ Исследование показало, сколько пользователей сервисов знакомств нашли пару. Режим доступа: <https://ria.ru/20230625/znakomstva-1880310400.html> (дата обращения: 10.04.2024).

² Ревную мужа к социальным сетям. Режим доступа: <https://psyche.guru/forum/topic/71142-revnuyu-muzha-k-socialnym-setyam/> (дата обращения: 10.04.2024).

³ Почему люди ревнуют к лайкам своих партнеров? Режим доступа: https://yandex.ru/q/question/pochemu_liudi_revnuiut_k_laikam_svoikh_761cf0e8/ (дата обращения: 10.04.2024).

⁴ «Проверяю телефон парня и ревную его из-за лайков к чужим фоткам». Режим доступа: <https://www.psychologies.ru/story/proveryayu-telefon-parnya-i-revnuyu-ego-iz-za-laikov-k-chuzhim-fotkam/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Психотерапевт о разводах из-за лайков: что делать с ревностью и как назначить цену обиде. Режим доступа: <https://www.nn.ru/text/relations/2019/09/10/66229846/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁶ Ревность из-за просмотра порно. Режим доступа: https://pikabu.ru/story/revnost_iz_za_prosmotra_porno_8809956 (дата обращения: 10.04.2024).

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ «ЦИФРОВАЯ РЕВНОСТЬ» И «ЦИФРОВАЯ ИЗМЕНА»

Цифровая ревность определяется нами как психологическая реакция человека на воображаемую или реальную угрозу романтическим отношениям, находящуюся в цифровом пространстве. Цифровая ревность, как и обычная, может быть вызвана различными интрапсихическими и интерпсихическими факторами, то есть может быть следствием проявления индивидуально-психологических особенностей ревнующего или реакцией на реальную угрозу, провокацию со стороны партнера.

Цифровая ревность может считаться обоснованной реакцией на цифровую измену. Р. McQueen определяет цифровую измену как получение сексуального и несексуального удовольствия с помощью цифровых средств без прямого физического контакта в тайне от основного партнера [4]. При этом отмечается, что при цифровой измене происходят ослабление связи с основным партнером, потеря доверия в паре [4]. Соответственно, границы цифровой измены могут быть широкими и зависят от договоренностей и/или взаимных ожиданий в паре.

Наиболее распространенными формами цифровой измены являются эротическая и/или романтическая переписка в социальных сетях (мессенджерах), обмен эротическими фотографиями, виртуальный секс [5]. Для многих людей цифровой изменой или как минимум причиной цифровой ревности может являться просмотр партнером порнографии, эротики. Вместе с тем И.С. Кон считает, что виртуальный секс (киберсекс) не равноценен физической измене и не является нарушением партнерских обязательств, хотя его сокрытие и может стать причиной отчуждения партнеров, потери доверия⁷.

СПЕЦИФИКА ЦИФРОВОЙ РЕВНОСТИ

Ключевым фактором демаркации измены длительное время считался физический контакт, в результате чего цифровая ревность многими продолжает восприниматься как необоснованная [6]. Например, в качестве оправданий при цифровой измене могут быть приведены аргументы о том, что партнер никогда не виделся с любовником (любовницей), что они проживают в разных городах или даже странах, «это просто переписка», «мы просто обменялись фото» и др., то есть акцент делается на искусственном характере самой цифровой среды.

Цифровое пространство рассматривается как гиперреальность, как пространство, наполненное симулякрами, что, соответственно, снимает с человека ответственность за свои действия. В виртуальном мире люди могут позволить себе значительно больше проявлений своего бессознательного. Так, мортидо находит выражение через компьютерные игры со сценами жестокости и насилия, участие в холиварах и виртуальных конфликтах, кибербуллинг, включая троллинг, флейминг, а также участие в данных конфликтах в качестве наблюдателя, потребление соответствующего контента.

Либи́до в свою очередь может быть выражено напрямую через просмотр порнографии, эротические игры, виртуальный секс и секстинг, посещение сайтов с вебкам-моделями, обмен эротическими фотографиями, в частности феномен дикпиков, который соотносится с попыткой романтического знакомства, эксгибиционизмом, домогательством, а также интернет-троллингом.

В любом случае мы видим, что в цифровой среде благодаря эффекту анонимности человек чувствует себя более раскрепощенным и свободным, чем в реальной жизни, его в меньшей степени сдерживают социальные и культурные нормы. В результате создается эффект нереальности происходящего, когда взаимодействие в виртуальном пространстве рассматривается не как измена, а как игра, симуляция с целью развлечения, снятия напряжения, получения эмоций [2].

Вместе с тем переживания партнеров мало чем отличаются от переживаний, сопровождающих классическую измену в реальном мире. По данным эмпирических исследований, даже при отсутствии физического контакта с другим лицом партнеры чувствуют себя обманутыми, преданными, разрушаются доверие в отношениях, чувство близости [7; 8]. Ю.В. Хилл в своей статье отмечает, что цифровая измена воспринимается партнером как непосредственная угроза отношениям и является сама по себе травмирующим опытом [9]. Подобная ситуация выступает самостоятельным запросом в психологическом консультировании и предполагает, что у специалиста есть опыт работы не только с ненормативными кризисами отношений в целом, но и понимание специфики цифровой измены [2; 9; 10].

⁷ Новое о виртуальном сексе. Сексология. Режим доступа: <http://www.neuronet.ru/sexology/info060.html> (дата обращения: 10.04.2024).

При цифровой измене цифровая ревность вызвана прежде всего ощущением потери эмоциональной близости с партнером, особенно если в виртуальном пространстве партнер предстает более эмпатичным, нежным, заботливым, чем в реальной жизни. Человек переживает чувство ревности, когда видит вовлеченность своего партнера в общение на эмоциональном, интеллектуальном уровне, например, многочасовое обсуждение общих интересов, искреннее доверительное общение, сопереживание, ласковые обращения, обмен музыкой, фотографиями, добрые пожелания в течение дня и др. Перенос перечисленного на свои отношения в реальной жизни, основной партнер может испытывать отчаяние, боль и обиду, посчитав, что их отношения базируются исключительно на хозяйственно-бытовой и сексуальной сферах.

Катализатором ревности в цифровой среде является возможность восстановления хронологии измены или флирта. В частности, основной партнер может увидеть дату и время отправки сообщений, время и продолжительность звонков, дату и время просмотра определенного контента и соотнести их с повседневной жизнью пары, тем самым убедившись в предпочтениях своего спутника. Так, часто партнеры, столкнувшиеся с цифровой изменой, отмечают, что наиболее травмирующим для них было осознание, что их партнер рассылал одинаковые романтические сообщения, помимо них, еще нескольким людям, отказывался от интимной близости с ними и шел в другую комнату смотреть эротические видео, обменивался романтическими сообщениями с другим человеком, находясь на свидании с основным партнером, в гостях у общих друзей, на семейном празднике.

Детальной и образной иллюстрацией цифровой измены и ее последствий является сцена из сериала «Шерлок Холмс», когда один из главных героев Джон Ватсон не может переживать трагическую смерть своей жены, в том числе из-за сильного чувства вины: «Я изменил тебе, Мэри. В автобусе была женщина, а я забыл в волосах искусственный цветок, играл им с Розы. И она мне улыбнулась. Ничего больше. Просто улыбнулась. Мы постоянно переписывались. И, знаешь, когда? Когда ты выходила из комнаты. Когда кормила нашу дочь. Когда укачивала ее перед сном. Больше ничего не было. Только это. Но я хотел большего. И хочу до сих пор. И, знаешь, что? Я не тот, кем ты меня считала. Я не такой и никогда таким не был»⁸. В данной сцене мы видим, что измена в цифровом пространстве переживается так же остро, как и реальная, так как основополагающим является намерение, направленность на измену, желание другого партнера. Подобная направленность и расценивается как предательство.

Отягощающим обстоятельством при цифровой измене является ее развернутость во времени и пространстве. При реальной измене обычно происходит территориальное и календарное разделение (места, дни и планы делятся между несколькими партнерами, в результате с каждым создается подобие закрытой моногамной системы отношений).

Цифровая измена отличается своим диффузным характером, сопутствуя основным отношениям повсеместно. По сути, цифровые технологии создают ситуацию, когда человек может одновременно поддерживать коммуникацию с несколькими романтическими партнерами: с одним находиться рядом физически и с несколькими переписываться в мессенджерах или на сайтах знакомств. Подобный нелинейный, неопределенный характер цифровой измены усиливает ревность в романтических отношениях, так как она превращается в развернутую во времени реакцию на гипотетическую, потенциальную измену, форму гипертрофированной ревности. В результате для пострадавшей стороны травмирующим может стать каждое обращение партнера к смартфону и каждое приходящее ему уведомление.

Цифровая среда создает слишком большое количество стимулов и триггеров для ревнивого человека. Например, катализатором для переживания ревности может стать наличие в социальных сетях в друзьях бывших романтических партнеров даже при отсутствии общения. Также наши наблюдения показывают, что большое количество конфликтов в парах возникает из-за совершения таких универсальных действий в социальных сетях, как добавление в друзья, подписка на аккаунт, отметка «лайк»⁹. Молодые люди, вступая в романтические отношения, могут попросить удалить из профиля в социальных сетях всех друзей противоположного пола или потенциальных партнеров. При интенсивном переживании чувства ревности катализатором может послужить в целом пребывание партнера в виртуальном пространстве, постоянное нахождение с телефоном (не выпускает из рук), отключенный звук и уведомления на телефоне, удаленная история сообщений и звонков, привычка партнера класть телефон экраном вниз.

⁸ Sherlock. The Lying Detective [Видеозапись]; 01:20–01:22.

⁹ Почему люди ревнуют к лайкам своих партнеров? Режим доступа: https://yandex.ru/q/question/pochemu_liudi_revnuut_k_laikam_svoikh_761cf0c8/ (дата обращения: 10.04.2024).

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦИФРОВОЙ РЕВНОСТИ

Цифровая ревность предполагает, что в виртуальное пространство помещаются не только катализаторы ревности, но и поведенческие формы реагирования на нее, что подтверждает в своем исследовании И.А. Ефремова. Автор, проанализировав судебную практику по преступлениям, совершенным по мотиву ревности, отмечает, что цифровая трансформация общества привела к трансформации обстоятельств подобных преступлений [11]. Например, фигурант одного из анализируемых уголовных дел незаконно получил доступ к мобильному телефону бывшей супруги и обнаружил в одном из мессенджеров переписку с другим мужчиной. Испытывая чувство ревности, обвиняемый скопировал историю переписки и распространил по общим знакомым.

В другой ситуации женщина обнаружила в смартфоне сожителя фотографии их общей знакомой в обнаженном виде. Остро переживая чувство ревности, обвиняемая разместила данные фотографии в своей социальной сети, сопроводив информацией негативного содержания. Похожая ситуация произошла с еще одной женщиной, однако чужие обнаженные фотографии были размещены в социальных сетях на страницах супруга с указанием контактных данных и информацией оскорбительного содержания [11].

Один из обвиняемых, испытывая чувство ревности и желая отомстить бывшей супруге, зашел на ее страницу в социальной сети «ВКонтакте», скопировал оттуда информацию личного содержания, а также изменил пароль к странице, заблокировав тем самым потерпевшей возможность использовать свой аккаунт. Как отмечает И.А. Ефремова, во всех проанализированных случаях преступники находились под сильным влиянием эмоций, а главным мотивом выступала ревность [11].

Также распространенными способами переживания и проживания цифровой ревности являются:

- просьбы и требования в адрес партнера предоставить доступ к своим социальным сетям (логин, пароль, код доступа к телефону)¹⁰;
- тайная проверка телефона, социальных сетей и электронной почты партнера, в том числе с использованием специальных программных продуктов¹¹;
- стремление к репрезентации романтических отношений в виртуальном пространстве, например, изменение в социальных сетях у себя и у партнера графы «семейное положение», размещение совместных романтических фотографий, соответствующих статусов;
- просьбы и требования об ограничении круга общения в виртуальном пространстве, в частности удаление из друзей потенциальных партнеров, установка закрытого профиля или полное удаление профиля из социальных сетей;
- отслеживание истории просмотров в браузере на предмет общения с потенциальными романтическими партнерами или посещения сайтов с порнографией, сайтов знакомств и пр.;
- установка программного обеспечения для прослушивания звонков и отслеживания сообщений с другого устройства.

Однако окончательная реакция определяется индивидуально-психологическими особенностями человека, уровнем доверия в отношениях и восприятием цифрового пространства и социальных сетей.

ЦИФРОВАЯ РЕВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Нами также представляется важным отметить, что цифровая ревность связана с феноменом неограниченного сексуального поведения, отчуждением сексуальных отношений от эмоционально-чувственной составляющей межличностных отношений [10; 12; 13]. Ранее мы уже писали о прагматичном, утилитарном подходе к сексуальным отношениям у современной молодежи и восприятию романтических отношений в большей степени как способа самопознания, самоидентификации [14]. В результате данных процессов расширяется и само понятие неверности в отношениях до ментальной, эмоциональной неверности, когда партнер предпочитает разделять свои интимно-личностные переживания, а также свое время как самый главный ресурс в современном мире с другим человеком.

¹⁰ «Проверяю телефон парня и ревную его из-за лайков к чужим фоткам». Режим доступа: <https://www.psychologies.ru/story/proveryayu-telefon-parnya-i-revnuyu-ego-iz-za-laikov-k-chuzhim-fotkam/> (дата обращения: 10.04.2024).

¹¹ Психотерапевт о разводах из-за лайков: что делать с ревностью и как назначить цену обиде. Режим доступа: <https://www.nn.ru/text/relations/2019/09/10/66229846/> (дата обращения: 10.04.2024).

Цифровая среда является благоприятной для подобного формата измен, что провоцирует партнеров на ревность. Цифровая ревность также является выражением опасений, сопряженных с тем, что виртуальная иллюзия окажется интереснее и привлекательнее для партнера, чем реальные отношения с настоящим человеком. С развитием нейросетей, искусственного интеллекта и метавселенных расширяется и пространство для ревности как реакция на бегство партнера в виртуальный мир.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим, что переживание ревности в цифровую эпоху претерпевает значительные трансформации, что позволяет говорить о появлении такой ее формы, как цифровая ревность. Резюмируя вышеизложенное, можем сделать следующие выводы.

1. Цифровая ревность – частная форма ревности в романтических отношениях, представляющая психологическую реакцию человека на воображаемую или реальную угрозу романтическим отношениям, находящуюся в цифровом пространстве. В последнем случае мы можем говорить о цифровой измене.
2. Существование цифровой ревности в условиях квазиреальности и гиперреальности виртуального пространства обуславливает ее диффузность, развернутость во времени и пространстве и отчужденность от факта физической измены. В результате валидация партнером чувств и опыта человека, испытывающего подобную форму ревности, напрямую зависит от его восприятия виртуального пространства и возникающих в нем социальных связей, межличностных отношений.
3. Цифровизация ревности в романтических отношениях обуславливает трансформацию коммуникативных и поведенческих реакций партнера. Формы реагирования на переживание цифровой ревности или на фактическую цифровую измену партнера во многом также носят виртуальный характер и предполагают воздействие на виртуальную идентичность объекта ревности.
4. Помещение ревности в цифровое пространство напрямую связано с эволюцией романтических отношений в современном обществе в целом. С одной стороны, это следствие разрастающегося отчуждения сексуального влечения от романтической привязанности, что делает возможным получение сексуального удовлетворения даже без непосредственного реального контакта двух людей. С другой стороны, это возрастающее значение романтических отношений как способа самопознания, самораскрытия на интимно-личностном уровне. В таком случае предпочтение виртуального доверительного общения взаимодействию с постоянным партнером может иметь характер обесценивания, быть демонстрацией отсутствия доверия и взаимного интереса в паре и, как следствие, влиять на Я-концепцию партнера.

Список литературы

1. *Ахмадеева Е.В., Галлутдинова С.И.* Понимание виртуального секса пользователями рунета. В кн.: Актуальные вопросы университетской науки. Уфа: Башкирский государственный университет; 2016. С. 36–46.
2. *Макарова М.В.* Психотерапевтическое консультирование клиентов, подверженных зависимости от виртуального секса. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2020;6:18–24.
3. *Булычев А.А.* Секстинг как новая форма сексуальных практик: проблема определения понятия. В кн.: XIII Ковалевские чтения. Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г. СПб.; 2019. С. 510–511.
4. *McQueen P.* Sexual interactions and sexual infidelity. *The Journal of Ethics.* 2021;4(25):449–466.
5. *Adam A.* Perceptions of infidelity: A comparison of sexual, emotional, cyber, and parasocial behaviors. *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships.* 2019;2(13):237–252.
6. *Schneider J.P., Weiss R., Samenow C.* Is it really cheating? Understanding the emotional reactions and clinical treatment of spouses and partners affected by cybersex infidelity. *Sexual Addiction & Compulsivity.* 2012;1(19):123–139.
7. *Джонсон С.* Чувство любви. Новый научный подход к романтическим отношениям. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ); 2020. 416 с.
8. *Whitty M.T.* The realness of cybercheating: Men's and women's representations of unfaithful Internet relationships. *Social science computer review.* 2005;1(23):57–67.
9. *Хилл Ю.В.* Цифровая измена: новый вид верности или повод для ревности? Психология и психотерапия семьи. 2022;3:68–71.
10. *Girard A., Woolley S.R.* Using emotionally focused therapy to treat sexual desire discrepancy in couples. *Journal of sex & marital therapy.* 2017;8(43):720–735.

11. *Ефремова И.А.* Изменение криминологических характеристик преступлений, совершаемых по мотивам ревности, в условиях цифровой трансформации общества. В кн.: Колюка Н.Н. (ред.) Крымские юридические чтения. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и меры противодействия проявлениям экстремизма и фальсификации исторического прошлого: материалы студенческого круглого стола Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 2–10 июня 2022 г. Саратов: Амрит; 2022. С. 290–293.
12. *Конина М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г.* Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности? Консультативная психология и психотерапия. 2014;2(22):88–118.
13. *Balzarini R.N. et al.* Compersion: When jealousy-inducing situations don't (just) induce jealousy. Archives of Sexual Behavior. 2021;4(50):1311–1324.
14. *Шукшина О.Г.* Социально-психологические особенности романтических отношений современной молодежи. Человеческий капитал. 2023;5(173):241–253.

References

1. *Akhmadeeva E.V., Gabyautdinova S.I.* Understanding of virtual sex by RuNet users. In: Current issues of university science. Ufa: Bashkir State University; 2016. Pp. 36–46. (In Russian).
2. *Makarova M.V.* Psychotherapeutic counseling for clients susceptible to addiction to virtual sex. Modern science: current problems of theory and practice. 2020;6:18–24. (In Russian).
3. *Bulychev A.A.* Sexting as a new form of sexual practices: the problem of defining the concept. In: XIII Kovalev readings. Youth of the 21st century: image of the future: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation, St. Petersburg, November 14–16, 2019. St. Petersburg; 2019. Pp. 510–511. (In Russian).
4. *McQueen P.* Sexual interactions and sexual infidelity. The Journal of Ethics. 2021;4(25):449–466.
5. *Adam A.* Perceptions of infidelity: A comparison of sexual, emotional, cyber, and parasocial behaviors. Interpersona: An International Journal on Personal Relationships. 2019;2(13):237–252.
6. *Schneider J.P., Weiss R., Samenow C.* Is it really cheating? Understanding the emotional reactions and clinical treatment of spouses and partners affected by cybersex infidelity. Sexual Addiction & Compulsivity. 2012;1(19):123–139.
7. *Johnson S.* Feeling of love. A new scientific approach to romantic relationships. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (MIF); 2020. 416 p. (In Russian).
8. *Whitty M.T.* The reality of cybercheating: Men's and women's representations of unfaithful Internet relationships. Social science computer review. 2005;1(23):57–67.
9. *Hill Yu.V.* Digital infidelity: a new type of fidelity or a reason for jealousy? Psychology and family psychotherapy. 2022;3:68–71. (In Russian).
10. *Girard A., Woolley S.R.* Using emotionally focused therapy to treat sexual desire discrepancy in couples. Journal of sex & marital therapy. 2017;8(43):720–735.
11. *Efremova I.A.* Changing the criminological characteristics of crimes committed based on jealousy in the context of the digital transformation of society. In: Kolyuka N.N. (ed.) Crimean legal readings. Ensuring the national security of the Russian Federation and measures to counter manifestations of extremism and falsification of the historical past: Proceedings of the student round table of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Simferopol, June 2–10, 2022. Saratov: Amirit; 2022. Pp. 290–293. (In Russian).
12. *Konina M.A., Kholmogorova A.B., Sorokova M.G.* The phenomenon of unrestricted sexual behavior in modern society: pathological tendencies of culture or pathology of personality? Counseling psychology and psychotherapy. 2014;2(22):88–118. (In Russian).
13. *Balzarini R.N. et al.* Compersion: When jealousy-inducing situations don't (just) induce jealousy. Archives of Sexual Behavior. 2021;4(50):1311–1324.
14. *Shchukina O.G.* Social and psychological characteristics of romantic relationships among modern youth. Human capital. 2023;5(173):241–253. (In Russian).